

РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сборник материалов
Всероссийской научной
конференции, посвященной
столетию начала НЭПа

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Российские экономические реформы в региональном измерении

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции,
посвященной столетию начала НЭПа

Новосибирск
2021

УДК 94:338(470)«17/2021»
ББК 63.3(2)5-6; 65.03(2)5-6
Р 764

*Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Редколлегия

д-р ист. наук В.А. Ильиных (отв. ред.), д-р экон. наук В.И. Клисторин,
д-р ист. наук А.А. Николаев, канд. ист. наук В.М. Рынков (отв. ред.),
канд. ист. наук С.В. Шарапов (отв. секр.)

Рецензенты

д-р ист. наук В.В. Бабашкин
д-р ист. наук В.И. Исаев

Р 764 Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа / отв. ред. В.А. Ильиных, В.М. Рынков; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2021. – 452 с.

ISBN 978-5-98901-250-3

Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Российские экономические реформы в региональном измерении» (Новосибирск, 16–17 сентября 2021 г.) включает статьи, посвященные историческим, источниковедческим, историографическим и методологическим проблемам изучения экономических реформ в России второй половины XIX – начала XXI в. Большинство исследований выполнено на региональном материале Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока. В сборнике комплексно представлены современные подходы к изучению экономических и политических последствий реформ в России и новейшие результаты исследований по указанной проблематике. Книга адресована историкам, экономистам, социологам, политологам, служащим органам власти и управления, муниципальных организаций и всем, интересующимся экономической историей.

**УДК 94:338(470)«17/2021»
ББК 63.3(2)5-6; 65.03(2)5-6**

ISBN 978-5-98901-250-3

© Коллектив авторов, 2021
© Институт истории СО РАН, 2021

Institute of History
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

**The Regional Dimension
of the Russian Economic Reforms**

Proceedings of the All-Russian Conference,
Dedicated to the Centenary
of the Beginning of the NEP

Novosibirsk
2021

*The publication is approved by the Academic Council
of Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences*

Editorial Board

Doctor of Historical Sciences V.A. Il'inykh (Editor-in-Chief), Doctor of Economics V.I. Klistorin, Doctor of Historical Sciences A.A. Nikolaev, Candidate of Historical Sciences V.M. Rynkov (Editor-in-Chief), Candidate of Historical Sciences S.V. Sharapov (Executive Secretary).

Reviewers

Doctor of Historical Sciences V.V. Babashkin
Doctor of Historical Sciences V.I. Isaev

The Regional Dimension of the Russian Economic Reforms: Proceedings of the All-Russian Conference, Dedicated to the Centenary of the Beginning of the NEP / Editors-in-Chief V.A. Il'inykh, V.M. Rynkov; Institute of History, SB RAS. – Novosibirsk: Parallel, 2021. – 452 p.

ISBN 978-5-98901-250-3

The proceedings of the All-Russian Scientific Conference “The Regional Dimension of the Russian Economic Reforms” (Novosibirsk, September, 16–17, 2021) include papers on the problems of history, source study, historiography and methodology related to the study of the economic reforms in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The majority of studies have been conducted based on the regional materials of the Volga region, Urals, Siberia and the Russian Far East. The collected volume comprehensively presents modern approaches to the study of economic and political implications of reforms in Russia along with the cutting-edge research results on this range of problems. The book is intended for historians, economists, social and political scientists, public officials and municipal servants and to anyone interested in economic history.

ISBN 978-5-98901-250-3

© Collective of authors, 2021
© Institute of History, SB RAS, 2021

От редколлегии

Мы живем в эпоху столетних юбилеев. Отгремели юбилеи Первой русской революции, Первой мировой войны, Великой российской революции и Гражданской войны. В 1921 г. завершилась Гражданская война, и Советское правительство вынуждено было пойти на серьезные реформы, еще до конца не понимая, насколько глубокими и длительными они будут. В 2021 г. исполняется столетие провозглашения новой экономической политики. В пору серьезно задуматься о пройденном за сто лет пути. Тем более, что с тех пор мы пережили экономические реформы не единожды. И все более-менее серьезные преобразования в хозяйственной сфере в дальнейшем невольно сравнивали с НЭПом и их организаторы, и исследователи. Недаром в годы перестройки и в первой половине 1990-х гг. российская историография переживала настоящий ренессанс аналитики НЭПа. Снятие идеологических ограничений позволило исследователям на многое посмотреть по-новому, серьезно и вдумчиво переосмыслить уже имевшийся опыт научной рефлексии современников НЭПа, обращение к которому ранее требовало не только недюжинных усилий по их поиску в недрах спецхранов, но и большой осторожности.

Результатом перестроечного и постперестроечного историографического ренессанса стали многочисленные статьи и монографии, специализированные научные конференции. Сегодня достаточно хорошо изучены основные направления реформ, начатых столетие назад. Лучшие исследования тех лет не утратили своего значения и поныне. Историки неизменно сталкивались с феноменом асинхронности в реализации реформ в разных частях страны и существования значительных пространственных вариаций их проведения. В конце XX столетия общественные науки имели другие приоритеты, оставив нэповскую проблематику без должного анализа.

Угасший постепенно во второй половине 1990-х гг. интерес к НЭПу и переключение внимания ученых, общественности и власти на другие исторические события делают сегодня зако-

номерным новое обращение к опыту прошлого. Прежде всего, в силу того, что современные, существенно более объемные знания о предшествовавших и последующих реформах, открывают возможность углубленного контекстного видения экономических реформ 1920-х гг. Возрождение исторического краеведения привело к накоплению огромного фактического материала в исследованиях, специально не посвященных 1920-м гг., но содержащих ретроспективный взгляд на историю отдельных регионов, городов и локальных территорий. Наконец, сегодня исследователи вооружены более тонко настроенным инструментарием разных гуманитарных наук.

В сборнике опубликованы материалы Всероссийской научной конференции «Российские экономические реформы в региональном измерении» (Новосибирск, 16–17 сентября 2021 г.), приуроченной к столетию начала НЭПа в Советской России. Издание включает 51 статью, поделено на разделы, в целом совпадающие с секциями конференции.

Целью конференции являлось комплексное научное осмысление общих закономерностей и особенностей реализации новой экономической политики в восточных регионах страны в контексте изучения исторического опыта российских экономических реформ в конце XIX – XX в., а одной из основных задач – формирование на основе объективного исторического знания и адекватного общественного восприятия экономической и политической истории России на переломных этапах. Большинство исследований выполнено на материалах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Именно региональные аспекты экономических реформ организаторы рассматривают как фундаментальную проблему не только применительно к 1920-м гг., а в более широком контексте истории российских экономических реформ на протяжении второй половины XIX – начала XXI в. Одновременно ставилась задача исследовать досоветский, советский и постсоветский опыт экономического реформирования и проследить общее и специфическое влияния пространственного фактора на замыслы, реализацию и результа-

ты реформ. В сборнике комплексно представлены современные подходы к изучению экономических и политических последствий реформ в России и новейшие результаты исследований по указанной проблематике.

Особенностью большинства представленных в сборнике публикаций является их междисциплинарный характер, реализуемый в основном на стыке исторической и экономической науки, что позволяет в совокупности придать историческим знаниям современное звучание, а экономическим выкладкам прочные ретроспективные основания, проследить долговременные и среднесрочные тенденции развития российской экономики.

Инициатором конференции стал Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук. Идея нашла поддержку среди коллег – историков, экономистов, архивистов. Соорганизаторами конференции выступили несколько академических и вузовских учреждений. Научный совет по экономической истории Российской академии наук объединяет и координирует исследования в упомянутой отрасли гуманитарного знания на общероссийском уровне. Алтайский государственный университет имеет колоссальный исследовательский и организационный опыт историко-экономических исследований. На его базе проведено пять научных конференций «Экономическая история Сибири в XX в.». Томский государственный университет является одним из крупнейших центров гуманитарных исследований в Сибири. Активное подключение к организации конференции Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук и экономического факультета Новосибирского государственного университета позволило на многие исторические проблемы взглянуть глазами экономистов, а исторические сравнения получили опору на фундаментальное знание современных экономических реалий, не только отечественных, но и мировых.

Проведение конференции и издание сборника стало возможным благодаря финансовой поддержке фонда «История Отечества», большой предварительной и продуктивной работы членов Организационного и Программного комитетов, инициативной рабочей группы, а также многочисленных заинтересованных участников, откликнувшихся на приглашение и своевременно приславших статьи. Надеемся, что сборник станет не только подведением промежуточных итогов научных исследований, но и будет востребован для выработки стратегических решений в сфере управления российской экономикой и придания ей динамики, отвечающей современным вызовам эпохи.

Аграрная колонизация и хозяйственное освоение регионов

УДК 94:338(571.1/.5)«17/20»

*В.П. Зиновьев*¹

Преемственность хозяйственного освоения Сибири XVIII – начало XXI века

V.P. Zinovyev

Continuity of Economic Development of Siberia in the 18th – Beginning of the 21st Century

Аннотация. В работе рассматривается преемственность в процессе хозяйственного освоения Сибири Российским государством, несмотря на смену эпох и поколений. Автор считает, что начатое при Петре I промышленное строительство на Урале открыло индустриальное освоение Северной Азии, которое до начала XX в. осуществлялось как взаимодействие государства и частного предпринимательства, в советское время – в виде государственных проектов, в современной России – вновь как сочетание государственных (преимущественно) и корпоративных инвестиций и инициатив. Царские, советские и современные проекты освоения Северной Азии подчинены единой логике освоения топливно-сырьевых ресурсов окраины.

Ключевые слова: экономическое освоение Сибири, аграрная колонизация, индустриализация, преемственность экономических процессов, макрорегионы.

В качестве эпиграфа к статье приведем цитату из введения к «Истории России с древнейших времен» одного из самых почитаемых русских историков С.М. Соловьева, в которой он определяет основную мысль своего труда: «Не делить, не дробить русскую

¹ **Зиновьев Василий Павлович**, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск, e-mail: vpz@tsu.ru

Zinovyev Vasily Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk, e-mail: vpz@tsu.ru

историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает его автор предлагаемого труда» [1, с. 51]. Этот призыв старейшины русских историков звучит очень злободневно, т.к. начиная с В.О. Ключевского и его учеников, в российской, а затем и в советской историографии преобладала тенденция разделения истории на периоды, этапы, эпохи, которые рубили историю России на большие и малые части по критериям в основном политического характера.

Сейчас наступило другое время – время концентрации сил и средств страны, географический рост ее прекратился, главной задачей стало сохранение территории как основы для роста качества жизни и безопасности. Именно пространство было и есть главным хранителем России. Пространство вместе с тем требует централизации и мобильности управления страной. Для консолидации общества также необходимо представление об истории страны как о едином процессе. Такое представление дает прежде всего история экономики, хозяйственной деятельности людей. Если же обратиться к экономической истории России, то сплошь и рядом процессы в экономике страны пересекали политические рубежи без особых изменений как знаменитые трамваи Владимира Маяковского в поэме «Хорошо» в ночь на 26 октября 1917 г.:

«Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы
уже –
при социализме» [2, с. 372].

Если проследить основные экономические процессы, то можно заметить их исключительную устойчивость перед политическими воздействиями. Например, первоначальное накопление капитала, выражавшееся в разорении мелких товаропроизводителей и в концентрации капитала, не прекратилось после 1917 г., а ускорилось. Пролетарское государство при этом иезуитски использовало крестьянский вариант модернизации – кооперацию как метод фактического лишения крестьян собственности. Уставные сельхозартели при всей видимой демократичности и добровольности лишали крестьянские хозяйства самостоятельности и превращали их фактически, а затем и формально в наемных рабочих с наделом. Коллективизация 1930-х гг. при И.В. Сталине и ликвидация промартелей в 1950-е гг. при Н.С. Хрущеве завершили процесс разорения мелких товаропроизводителей, начатый масштабно Петром I, продолженный Александром II, С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным при Николае II. Но в учебниках истории этот процесс оставили в XVI–XVIII вв., в дискуссиях о генезисе капитализма. Вместе с тем ленинский анализ экономики России начала XX в. утверждает многоукладность как одну из главных ее характеристик [3, с. 207].

По той же методике поступили в учебниках истории России с промышленным переворотом. Начинается он и в советских и современных учебниках в первой половине XIX в. и к концу того же века завершается, хотя реально он произошел еще только в обрабатывающих отраслях и транзитном транспорте. Однако необходимость создать предпосылки для социалистической революции и гегемонии пролетариата в общественном движении потребовала срочно завершить этот процесс в начале XX в. В постсоветских же учебниках это просто принимается за аксиому. Промышленный переворот (первая модернизация) между тем продолжался в 1930–1960-е гг. в добывающей промышленности, в сельском хозяйстве, в строительном деле, в коммунальном и домашнем хозяйстве. Однако это уже отечественных историков не интересовало. Попытка Б.Л. Ципина обратить на это внимание осталась невостребованной [4].

С процессом индустриализации была проделана обратная операция, его начали в советских учебниках с 1930-х гг., хотя он шел с 1890-х гг. примерно до 1960-х гг. Первоначальное накопление капитала и промышленный переворот остались в дореволюционной истории, а индустриализацию презентовали товарищам Сталину и Хрущеву. Надо отдать должное И.В. Сталину, который возражал против изобретения особых экономических законов для социализма. Он, делая замечания к учебнику политической экономии в 1952 г., писал, что не правы те ученые, которые «ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и “формировать” новые» [5, с. 157].

Революцию массового потребления в СССР историки просто не замечают, несмотря на усилия экономистов ее легализовать. Марксисты считают это вывихом буржуазной политэкономии, а либеральные обществоведы полагают, что Россия не может претендовать на статус страны со зрелым индустриальным обществом. Антикоммунисты уже как 30 лет празднуют возвращение капитализма, хотя этот грустный праздник больше походит на затянувшиеся похороны государственной экономики, которая не спешит умирать. Таким образом длительные экономические процессы поделили в учебниках по политическим периодам истории и вот уже сто лет никому это не мешает изучать историю, «которая ни слова, ни полслова не соврет».

1960-е гг. явились переломным этапом в формировании советской экономики: завершились в основном механизация сельского хозяйства, промышленности, транспорта, строительного дела, индустриализация страны в целом. Экстенсивные процессы в экономике начали заменяться интенсивными, стали возвращаться рыночные механизмы в производство и управление экономикой. Административные, мобилизационные методы развития исчерпали себя, и со всей ясностью на горизонте появились контуры государственного капитализма. Вот это и напугало брежневское окружение, олицетворенное в

М.А. Суслове и других партийных догматиках, веривших в то, что мобилизационный вариант развития и есть социализм. Советское руководство засуетилось в 1980 гг., когда наступила стагнация, однако вместо нового социализма в результате запоздалых рыночных реформ, начатых М.С. Горбачевым, страна свалилась в неуправляемый штопор вследствие невежества и корыстолюбия партийно-хозяйственной элиты союзных республик, игнорирования собственного опыта и слепого копирования опыта Запада, вследствие дискредитации идей социализма и прямой государственной измены ряда партийных руководителей.

Преимственность демонстрируют экономические процессы в ходе хозяйственного освоения Сибири.

Аграрная колонизация играла главную роль в экономическом освоении края вплоть до 1960-х гг. [6]. Начавшись в XVII в., она в вольнонародной и государственно-регулируемых формах (ссылка, каторга, организованная колонизация) через три века, в советское время продолжилась опять же в виде вольного переселения и спецпереселения, оргнаборов и ссылки. Последними актами аграрной колонизации стали ссылка спецпереселенцев в начале 1930-х гг. в северные районы Сибири и освоение целинных и залежных земель Казахстана и Сибири в 1950-х гг.

Тот же набор инструментария применялся и при организации индустриальной колонизации – вольный наем сочетался и в досоветское, и в советское с контрактацией (вербовкой), каторгой, ссылкой на работы (ссылнорабочие, военнорабочие, спецпереселенцы, заключенные), при этом доля принудительного труда была значительной вплоть до 1950-х гг.

Преимственность мер по организации экономики показывает политика «военного коммунизма». Мобилизационные мероприятия были начаты царской администрацией в 1916 г. регулированием продовольственного рынка, продовольственной разверсткой, продолжены конфискационными мероприятиями воюющих сторон в период Гражданской войны и регулированием цен Советской властью вплоть до 1991 г. В настоящее

время государственные органы также прибегают к регулированию цен на продовольствие и топливо-энергетические товары.

Убедительный пример преемственности в освоении Сибири демонстрирует пример Кузнецкого угольного бассейна, открытого 300 лет назад рудознатцем М. Волковым близ д. Кемерово, однако надобность в нем появилась только в XIX в. для действия металлургического Гурьевского завода Кабинета Е.И.В. В 1851 г. начали добычу угля на Бачатской копи, в – 1884 г. на Кольчугинской для получения кокса.

Концессию на добычу каменного угля на землях Алтайского округа Кабинета 12 января 1912 г. получил тайный советник В.Ф. Трепов, которому удалось заинтересовать в выгодном горно-металлургическом проекте французских (Сосьете женераль и др.) и русских финансистов (Петербургский Международный и Русско-Азиатский банки). 10 ноября 1912 г. был высочайше утвержден устав Акционерного общества Кузнецких каменно-угольных копей («Копикуз»). «Копикуз» выкупил у Кабинета оборудование Кольчугинских и Кемеровских копей, Гурьевского завода и Тельбесского рудника, переоснастил шахты, организовал две геологические экспедиции, во время войны построил Кольчугинскую железную дорогу, коксохимический завод, в 1917 г. начал строительство металлургического завода.

Важность предприятий «Копикуза» осознавалась всеми властями, строительство финансировалось в 1918 г. советским ВСНХ, Временным Сибирским правительством, поддерживалось А.В. Колчаком, но в условиях Гражданской войны успешное строительство стало невозможным. В январе 1920 г. предприятия «Копикуза» были национализированы, строительство было продолжено при советской власти [7]. В 1929–1937 гг. построен Кузнецкий металлургический комбинат как часть грандиозного Урало-Кузнецкого проекта. Так в первой трети XX в. оформился новый горно-металлургический район Кузбасса, начатый как частное дело и продолженный как государственный советский проект, ставший основой современного Южно-Сибирского макрорегиона.

Старый Уральский промышленный район XVIII в., дополненный во второй половине XX в. нефтегазовым комплексом Западной Сибири, стал основой Урало-Сибирского макрорегиона. Советские проекты 1950–1980-х гг. создали современный Ангаро-Енисейский макрорегион. Формирование Дальневосточного макрорегиона в 1980–2000-е гг. имеет основой транспортные железнодорожные магистрали царского и советского времени – Транссиб и БАМ.

Освоение Арктики, которому уделяется сейчас столь большое внимание, является результатом усилий русских ушкуйников, поморов, промышленников, предпринимателей, в течение почти тысячи лет искавших богатства этого сурового края, результатом труда русских и советских ученых, изучавших его, итогом работы сотен тысяч вольных и невольных тружеников.

Царские, советские и современные проекты в Северной Азии подчинены единой логике освоения топливно-сырьевых ресурсов окраины. Для них характерна общая цель при общих методах – дефиците средств, кадров в регионе, стремлении сэкономить на человеческом капитале. Отсюда отставание социальной сферы от производственной, свидетели такой практики – временные поселки в царское время, вахтовый метод и самострой в советское время, выкачивание финансов из Сибири и Дальнего Востока на общероссийские (общесоюзные) задачи. Ученые Сибири много сделали для изучения истории ее хозяйственного освоения (см.: [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]; и др.), но еще больше предстоит сделать. Хорошим помощником в этом будет взгляд на историю края как на единый процесс его освоения.

Список литературы

1. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 811 с.
2. *Маяковский В.В.* Хорошо. Октябрьская поэма // Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1988. Т. 2.
3. *Ленин В.И.* О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 43. С. 205–217.

4. Ципин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск: Сред.-Урал. кн. Изд-во, 1968. 188 с.
5. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сочинения. Т. 16. М.: Писатель”, 1997. С. 154–223.
6. Зиновьев В.П. Этапы хозяйственного освоения Северной Азии. Демографический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 111–114.
7. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Издательство Томского университета, 2019. 338 с.
8. Зиновьев В.П. Кузнецкий угольный бассейн // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 1914. Т. 2. С. 166–168.
9. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: Параллель, 2007. 287 с.
10. Траектории проектов в высоких широтах. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.
11. Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.) / отв. ред. А.И. Тимошенко. Новосибирск, 2013. 382 с.
12. Проекты освоения и развития Сибири в XX веке: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2013. 235 с.
13. Разработка и реализация проектов экономической и социальной модернизации Сибири в XX веке / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Автограф, 2015. 237 с.
14. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

**Практика реализации акционерного законодательства
в промышленном предпринимательстве России
в конце XIX – начале XX века
(на примере Среднего Поволжья)**

V.M. Arsentiev, A.E. Makushev

**Practice of Implementing Shareholder Legislation
in Industrial Entrepreneurship in Russia at the end
of the 19th – Beginning of 20th Century (on the Example
of the Middle Volga Region)**

Аннотация. Ускорение процессов раннеиндустриальной модернизации в России, наблюдаемое в конце XIX – начале XX в., сопровождалось усложнением организационно-институциональных форм промышленного предпринимательства. В этой связи особую роль приобретали процессы акционирования, позволявшие вывести бизнес на качественно новый уровень развития. При этом правительственные круги в условиях наметившегося экономического подъема осознавали необходимость совершенствования законодательного обеспечения деятельности акционерных предприятий. В данной статье будет предпринята попытка изучения влияния государственных инициатив в области акционерного законодательства на практику акционерного дела в промышленной сфере на территории Среднего Поволжья.

¹ **Арсентьев Виктор Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Россия, Саранск, e-mail: vicars@bk.ru

Макушев Андрей Евгеньевич, кандидат экономических наук, ректор, Чувашский государственный аграрный университет, Россия, Чебоксары, e-mail: main@academy21.ru

Arsentiev Viktor Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ogarév Mordovia State University, Russia, Saransk, e-mail: vicars@bk.ru

Makushev Andrei Evgenievich, Candidate of Economic Sciences, Rector, Chuvash State Agrarian University, Russia, Cheboksary, e-mail: main@academy21.ru

Ключевые слова: промышленное предпринимательство, акционерная компания, паевое товарищество, правительственная политика, Среднее Поволжье.

Экономические реалии России в конце XIX – начале XX в. предполагали не только стремительный рост количественных показателей промышленного производства, но и изменения качественного характера, выражавшиеся в том числе в переформатировании организационно-производственных форм промышленного предпринимательства. В этой связи особую роль приобретали процессы акционирования, позволявшие вывести бизнес на качественно новый уровень развития.

Впервые акционерные компании в России громко заявили о себе во второй трети XIX в. При этом наиболее активно они возникали в сфере транспорта, что прежде всего было обусловлено стремительным развитием речного парового судоходства, а также в промышленности, вступившей в новую фазу своего развития в связи с начавшимся промышленным переворотом (см.: [1]).

Именно в этот период принимается закон, ставший ключевым в формировании общей нормативно-правовой базы деятельности акционерных компаний в XIX – начале XX в. Царским указом от 6 декабря 1836 г. было утверждено «Положение о компаниях на акциях»¹. Им фактически утверждалась разрешительная (концессионная) система учреждения компаний акционерного типа. Это давало властным кругам возможность контролировать процесс учреждения и деятельности акционерных предприятий на локальном уровне посредством уставов, «высочайше» утверждавшихся. Кроме того, указ позволил установить формальные критерии для идентификации акционерных предприятий, к которым были отнесены паевые товарищества и акционерные общества.

В последней четверти XIX в. внимание государственных кругов к акционерным компаниям еще больше усилилось. В частности, с 1880-х гг. практика акционерного законодательства в

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. (ПСЗ РИ-И). Т. XI. № 9763.

России начинает корректироваться с точки зрения реализации фискальной политики. В соответствии с принятыми 15 января 1885 г. правилами «Об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным)» в отдельную группу были выделены акционерные предприятия, для которых устанавливался свой порядок налогообложения. Они должны были платить дополнительный процентный сбор, рассчитывавшийся исходя из чистой прибыли. До этого времени на акционерные общества налагалась единая пошлина в сумме 565,5 руб. в год. Налогообложение всех остальных торгово-промышленных предприятий осуществлялось по раскладочному принципу исходя из предполагаемой прибыли¹.

Правительственный контроль над деятельностью акционерных обществ осуществлялся не только путем усиления административного надзора, но и более демократичным методом – путем распространения на них обязанности осуществлять публичную отчетность. Публиковались не только уставы, но и текущая документация – отчеты и балансы.

На протяжении всего изучаемого периода в России продолжала действовать разрешительная система учреждения акционерных предприятий. На практике эта система выглядела таким образом, что любое акционерное общество могло начать свою работу лишь после подписания «высочайшего указа». При этом ключевым элементом сепаратного законодательства в условиях действовавшей в России разрешительной системы был устав².

Процесс разработки и реализации акционерного законодательства имел свою специфику применительно к различным отраслям и сферам промышленного производства. В частности, в конце XIX – начале XX в. существовал запрет на создание акционерных обществ в винокуренной промышленности. В то же время в пивоварении и табачном производстве, также подвергавшихся акцизному обложению, такого рода огра-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. (ПСЗ РИ-III)Т. V. № 2664.

² Там же. Т. VI. № 3487; Т. XXXI. № 34706.

ничений не было. В частности, в 1882 г. учреждено самое крупное пивоваренное предприятие акционерного типа во всем Поволжье – Товарищество Жигулевского пивоваренного завода в Самаре, инициатором создания которого был А.Ф. фон Вакано. В Саратовской губернии в конце 1890-х гг. в предприятие акционерного типа преобразуется Клейменовский пивоваренный завод, в структуру которого вошел завод В.В. Вормса в Вольске, а в 1903 г. табачная фабрика З.Я. Левковича, ранее бывшая торговым домом, получила статус товарищества на паях¹.

Рассматривая отраслевую направленность акционерного предпринимательства в границах Среднего Поволжья (Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская губернии), следует отметить, что оно старалось максимально использовать конкурентные преимущества региона. Одной из отраслей, определявших отраслевую структуру региона, являлось сукноделие, традиционно развитое в Симбирской губернии. Уже в 1893 г. начинает свое действие товарищество Старо-Тимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных, а в 1894–1895 гг. силами этой предпринимательской семьи создается торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина. В начале второго десятилетия XX в. создаются товарищество на паях Тепловской суконной мануфактуры Алима Агишева (1912 г.) и Товарищество Ишеевской мануфактуры В.А. Арацкова (1913 г.)².

Наиболее активно процесс акционирования на территории Среднего Поволжья затронул мукомольную промышленность. Являясь одной из наиболее динамично развивавшейся отраслей, мукомольное дело становилось чрезвычайно выгодной сферой инвестирования капиталов. В Самарской губернии в конце XIX – начале XX в. создаются товарищество паровой крупчатой мельницы в Самаре (1882 г.), Товарищество Я.Г. и И.Я. Соколовых

¹ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 345. Оп. 2. Д. 5. Л. 29; Список фабрик и заводов Российской империи на 1910 г. М.; СПб; Варшава, 1912. С. 764.

² Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914. С. 46–49.

(1909 г.), товарищество мукомольных мельниц Алексея Таратина в пос. Мелекесс (1910), торгово-промышленное товарищество «Н.Е. Башкирова наследники в Самаре» (1912 г.)¹.

Не менее активно акционирование мукомольного производства происходит в Саратовской губернии. В начале XX в. учреждаются товарищество паровой мельницы в Царицыне (1902 г.), торгово-промышленное товарищество «Иван Васильевич Меркульев и сыновья» в Вольске (1907 г.), торгово-промышленное товарищество «Братья Шмидт в Саратове» (1910 г.), торгово-промышленное товарищество на паях «Семен Иванович Степашкин в Саратове» (1911 г.), акционерное общество «Бр. Георгардт» в Царицыне (1913 г.)².

В других губерниях Среднего Поволжья мукомольное дело, хотя и не в таких масштабах, как в Самарской и Саратовской губерниях, также было охвачено акционированием. В частности, в Симбирской губернии уже в 1877 г. было создано паевое Товарищество Алатырских паровых и водяных мельниц³. В 1903 г. утверждается устав паевого товарищества Репьевских мельниц и фабрик в Сызрани⁴.

Следует отметить, что акционирование предприятий было тесно переплетено с другим важным трендом экономического развития изучаемого периода – монополизацией. Часто все это сопровождалось слиянием нескольких фирм и укрупнением производства, позволявшим занять более весомое положение на рынке. В частности, экспансионистскую стратегию избрали владельцы трех крупных паровых мельниц Саратова, объединившись в 1910 г. в «Саратовское мукомольное общество». В дальнейшем саратовские мукомолы выходят на общероссийский уровень монополистической интеграции, став в 1912 г. членами Всероссийского мукомольного банка [2, с. 90].

¹ Сборник сведений о действующих в России... С. 46–49.

² Там же; Саратовские губернские ведомости (неофициальная часть). 1902. 10 ноября.

³ ПСЗ РИ-II. Т. 25. № 57798; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 25. Д. 563. Л. 1–2.

⁴ Сборник сведений о действующих в России... С. 50–51.

В отличие от суконного производства и мукомольного дела в других отраслях промышленного производства Среднего Поволжья акционирование не было столь заметным процессом. Тем не менее в конце XIX – начале XX в. в регионе действовало несколько довольно крупных акционерных предприятий.

В частности, в Саратовской губернии в 1899 г. учреждается акционерное общество «Саратовская мануфактура – Бумагопрядильная фабрика» с основным капиталом 2 млн руб.¹ В Самарской губернии в 1894 г. начало свое действие паевые товарищества Богатовского сахарного завода (основной капитал 1 200 тыс. руб.), а в 1901 г. – Мелекесской льнопрядильной ткацкой мануфактуры (основной капитал 750 тыс. руб.)².

На территории Казанской губернии действовало два крупных акционерных предприятия. В 1870 г. было учреждено (в 1907 г. реорганизовано) фабрично-торговое товарищество братьев Крестовниковых (основной капитал 3 млн руб.). Фирма объединяла в себе стеариново-мыльный, химический и глицериновый заводы в Казани, а также бумагопрядильную фабрику в с. Поляны Московского уезда. Общество вело активную торговую деятельность в городах Европейской России, а также в Сибири, Туркестане и Персии³. С 1894 г. развернуло свою деятельность крупное акционерное торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов с основным капиталом в 4 млн руб. В ее рамках действовали льнопрядильная ткацкая фабрика, кожевенные заводы и мастерская для изготовления предметов обмундирования, снаряжения и продовольствия войск, располагавшиеся в Казани, а также кожевенные заводы в Перми и Камышловле Пермской губернии. Компания осуществляла торговлю в Санкт-Петербурге, Москве, Ростове на Дону, Нижнем Новгороде, Саратове⁴.

С 1875 г. ведет свою историю торгово-промышленное товарищество на паях П.В. Сергеева в Пензе. В 1913–1914 гг. основной

¹ Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. СПб., 1905. Т. 1. С. 922–923.

² Сборник сведений о действующих в России... С. 11–20, 54–55.

³ Статистика акционерного дела в России. СПб., 1913. С. 156.

⁴ Сборник сведений о действующих в России... С. 98–99.

капитал товарищества составлял 800 тыс. руб. Ему принадлежали писчебумажная фабрика, лесопильный завод, мельница в Пензе, склады в Саратове, Казани, Тифлисе, Ростове на Дону, Нижегородской ярмарке¹.

Объектом внимания акционерного предпринимательства в Симбирской губернии было производство асфальта. В 1881–1883 гг. создаются Товарищество Сызранского асфальтового завода и Общество Сызрано-Печерской асфальтовой и горной промышленности².

С акционерным производством связаны успехи металлургической промышленности изучаемого региона. В 1896 г. учреждается Общество Волжского стального завода (основной капитал 1 500 тыс. руб.) для эксплуатации расположенного близ Саратова сталелитейного, чугуноплавильного и чугунолитейного заводов. С 1900 г. начинает свое действие акционерное общество Паратовского сталепрокатного и машиностроительного завода (основной капитал 7 500 тыс. руб.). Целью данного общества стала эксплуатация сталепрокатного, машиностроительного и судостроительного завода в с. Паратове Казанской губернии, принадлежавшего Волжско-Вишерскому горному и металлургическому акционерному обществу³.

С металлургией было связано проникновение иностранного капитала в экономику региона. Германское акционерное общество «Русской железной промышленности» в 1892 г. приобрело металлургические и металлообрабатывающие заводы в Саратове и Екатеринославле, построенные усилиями варшавского общества металлических заводов Б. Гантке⁴.

Всего же по данным разных источников на территории Среднего Поволжья в границах Казанской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губернии нами зафиксирована

¹ Сборник сведений о действующих в России... С. 120–121.

² Указатель действующих в империи... Т. 1. С. 402–404, 415–416.

³ Там же. С. 507–508, 754–755.

⁴ Там же. Т. 2. Дополнительные сведения об иностранных акционерных компаниях. С. 255–256.

деятельность более 30 акционерных обществ и паевых товариществ.

Механизмы акционирования в промышленности были самыми различными. В одних случаях крупные промышленные предприятия по инициативе владельцев приобретали акционерную форму. Довольно часто в акционерные компании преобразовывались торговые дома.

В региональной практике акционирования в масштабах средневожского региона даже в начале XX в. сохранялось преобладание закрытых форм организации компании, когда инвестирование средств осуществлялось посредством оборота именных паев. Например, по данным 1913–1914 гг. исключительно такая модель использовалась в четырех паевых товариществах, учрежденных владельцами суконных предприятий Симбирской губернии¹.

Тем не менее все больше промышленных компаний региона использовали смешанную модель формирования основного капитала, когда наряду с закрытыми формами использовались открытые, предполагавшие выпуск так называемых обезличенных акций – «на предъявителя».

Агентами распространения акционерных форм промышленного предпринимательства могли быть и представители иностранного бизнеса. Причем у них в этом были даже определенные преимущества по сравнению с российскими учредителями. Дело в том, что для иностранных акционерных компаний действовала иная, значительно более упрощенная схема проникновения на российский рынок. При учреждении отечественных компаний действовала так называемая разрешительная система, не отличавшаяся оперативностью, требовавшая активных контактов с государственными структурами и довольно сложная с точки зрения выполняемых процедур. Иностранные акционерные компании, хотя и подчинялись российским законам и постановлениям, были освобождены от необходимости получе-

¹ Сборник сведений о действующих в России... С. 24–25

ния «Высочайшего» разрешения, они проникали в Россию на основе принципов концессионного права» [3, с. 127].

Иное отношение к иностранным подданным существовало в том случае, если они участвовали в деятельности российских акционерных компаний. В конце XIX – начале XX в. правительство проводит политику ограничения присутствия в них иностранцев. Установление ограничений на право владения паями и акциями, а также при выборе состава правления, а также директоров и кандидатов в директора, было одним из каналов вмешательства государства в деятельность акционерных обществ. Однако данные ограничения не имели жесткой директивной формы, обязательной к исполнению. Решение о введении данного регламента принималось в каждом конкретном случае отдельно. Оно прописывалось в уставе предприятия при его утверждении, или же вносилось позднее в качестве дополнения.

Наибольшей дискриминации подвергались лица иудейского вероисповедания. Например, В 1904 г. по инициативе Министерства Финансов в Устав «Торгово-промышленного товарищества К.Н. Попов и К^о в г. Алатыре» внесен пункт о запрете евреям приобретать акции и становиться пайщиками компании¹. В устав торгового-промышленного товарищества на паях «Н.Е. Башкирова наследники в Самаре» также была включена формулировка, что «пайщиками должны быть лица не иудейского вероисповедания»², т.е. устанавливался полный запрет на участие евреев в делах предприятия.

В других случаях для лиц иудейской веры ограничивалась возможность входить в состав правления, а также избираться на должности директоров и кандидатов в директора. Причем если одни компании вводили полный запрет, то другие устанавливали квоты на участие носителей иудейской веры в решении финансово-управленческих вопросов. В частности, паевое товарищество Репьевских мельниц и фабрик допускало к управле-

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 563. Л. 52–52об.

² Сборник сведений о действующих в России... С. 46.

нию лиц иудейского вероисповедания в количестве одного из трех директоров и одного из двух кандидатов¹.

Иногда возможность участия иудеев в деятельности акционерных обществ дифференцировалась в зависимости от места жительства. Например, в уставе товарищества Ишеевской мануфактуры В.А. Арацкова, правление которого находилось в Москве, было прописано, что «директорами и кандидатами в директора не могли быть лица иудейского исповедания, не пользующиеся правом жительства в Москве»².

Как видно на примере Среднего Поволжья, акционерное предпринимательство в России в конце XIX – начале XX в. осуществлялось под влиянием государственной политики. Во многом именно благодаря ей в последнее десятилетие XIX – начале XX в. заметно увеличились масштабы промышленной предпринимательской деятельности не только в индустриальных центрах страны, но и в провинции. Обращение промышленников к этой прогрессивной форме ведения бизнеса во многом было обусловлено новыми реалиями, связанными с выходом российской экономики на новый виток своего развития.

Список литературы

1. *Арсентьев В.М.* Акционерные формы промышленного предпринимательства России XIX века в дореформенный период (на примере Среднего Поволжья) // *Экономическая история.* 2013. № 2. С. 24–37.

2. *Сергеев А.П.* Монополистический капитал в промышленности Нижнего Поволжья в начале XX века // *Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье.* Волгоград, 1972. С. 87–102.

3. *Шенелев Л.Е.* Акционерные компании в России: XIX – начало XX века СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. 603 с.

¹ Сборник сведений о действующих в России... С. 51.

² Там же. С. 25.

Основные направления деятельности акционерных земельных банков в Пензенской губернии во второй половине XIX века

N.A. Kisteneva

**Main Activities of Joint Stock Land Banks
in Penza Province in the Second Half of 19th Century**

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности акционерных земельных банков на территории Пензенской губернии в условиях пореформенного периода второй половины XIX в. На основании материалов дореволюционной статистики рассматривается деятельность Московского и Нижегородско-Самарского земельных банков, выдававших ссуды под залог земельной собственности частным землевладельцам губернии. Изучены объемы деятельности указанных банков, количество и размер заложенных имений, суммы выданных ссуд, а также показана доля губернии в общероссийском масштабе их деятельности.

Ключевые слова: землевладение, земельный банк, земельный кредит, сумма займа, задолженность, ссуда, Пензенская губерния.

Ликвидация крепостного права привела к тому что во второй половине XIX в. сельскохозяйственная деятельность практически полностью зависела от личных способностей землевладельцев, от их умения успешно вести хозяйственную деятельность, используя рыночные механизмы. В пореформенных условиях прибыльность хозяйств зависела от их экономического состояния, поэтому, чем быстрее владелец земли переходил к

¹ **Кистенева Наталья Александровна**, преподаватель, Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, Саранск, e-mail: kistenev-kirill@mail.ru

Kisteneva Natalia Alexandrovna, Lecturer, Saransk Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, Russia, Saransk, e-mail: kistenev-kirill@mail.ru

современным методам хозяйствования, использованию вольнонаемного труда, современного инвентаря и оборудования, увеличению конкурентоспособности своего имения, тем больше у него было шансов приспособиться к капиталистическим изменениям, происходившим в аграрной сфере. Большое значение в этом процессе имела деятельность земельных банков, выдававших кредиты под залог земельной собственности. Быстрое распространение капиталистических отношений в аграрную сферу стало возможным в том числе благодаря созданию и функционированию системы земельного кредитования, первоначально представленную акционерными банками, которая заменила действовавшие в дореформенный период государственные кредитные учреждения в лице Государственного Заемного банка, Сохранной казны и приказов общественного призрения.

Уже в 1864 г. в Одессе был открыт первый устроенный на бессловных началах земельный банк – Земский банк Херсонской губернии. В 1865 г. (устав утвержден 1 июня 1866 г.) в Санкт-Петербурге открывается Общество взаимного поземельного кредита (ОВПК), действовавшее на началах взаимного ручательства. В период с 1865 по 1873 г. ОВПК выдало кредитов на сумму более 100 млн руб. [1, с. 15]. На волне такого успеха в середине 1870-х гг. начинают открываться и другие земельные кредитные учреждения – Херсонский земельный банк, Полтавский земельный банк, Тульский поземельный банк (с 1873 г. Санкт-Петербургско-Тульский поземельный банк), Киевский земельный банк, Нижегородско-Самарский земельный банк, Московский земельный банк, Ярославско-Костромской земельный банк, Виленский земельный банк, Бессарабско-Таврический земельный банк, Донской земельный банк, Саратовско-Симбирский земельный банк, Кавказский поземельный банк, наконец, Центральный банк русского поземельного кредита [2, с. 501–504].

Бурное развитие вышеперечисленных кредитных институтов, помимо успешного примера ОВПК, было обусловлено резкой нехваткой финансовых ресурсов у землевладельцев (как обоснованно утверждает Н.А. Проскуракова, «дворяне были главными

заемщиками акционерных земельных банков» [3, с. 49]). Займы им были необходимы для капиталистической перестройки своих хозяйств, изначально в большинстве своем ориентированных на использование крепостного труда, соответственно, придерживавшихся проверенных способов хозяйственной деятельности, устаревшей машинной техники и орудий обработки. Полученные кредиты могли пойти на модернизацию поместий, увеличивая капитальную стоимость и без того дорожавших имений, кроме того, залог земельных участков отчасти сдерживал процесс сокращения земельной собственности, принадлежавшей помещикам, которые в данный период распродавали ее в огромных количествах, что сильно беспокоило царское правительство, видевшее в поместном дворянстве свою опору на местном уровне [4, с. 10].

На территории Пензенской губернии акционерные земельные банки начали функционировать, как и в большей части Российской империи, в 1870-е гг. Например, Московский земельный банк изначально распространял свои операции на 16 губерний, в том числе и на Пензенскую. А с 1875 г. в рассматриваемой губернии начал свою деятельность также Нижегородско-Самарский земельный банк [5, с. 48].

Закон запрещал деятельность более чем двух банков на территории одной губернии (на ОВПК данное правило не распространялось), поэтому анализ деятельности акционерных земельных банков на территории интересующей нас губернии будет ограничен рассмотрением показателей только Московского и Нижегородско-Самарского банков.

Большой спрос на кредит под залог земельной собственности предопределил успешность деятельности акционерных земельных банков как на территории России в целом, так и на территории Пензенской губернии в частности. Данное утверждение можно проиллюстрировать, проанализировав материалы статистики земельного кредита в России, согласно которым к началу 1885 г. на территории Пензенской губернии было заложено 361 имение с 290 101 дес. земли, оцениваемой в 18 944 433 руб.,

первоначальная сумма займа равнялась 10 093 500 руб., остаток долга составлял 9 062 148 руб. Чаще всего Пензенские землевладельцы пользовались услугами Московского земельного банка, где было заложено 224 имения (62,0 % от их общего количества), в нем было заложено 200 221 дес. земли, что равнялось 69,0 % от общей площади земель, принятых в залог обоими банками, оценена она была на сумму 12 707 683 руб., что также равнялось 2/3 (67,1 %) от общей суммы оценки, первоначальный размер ссуд составлял 6 668 800 руб. или 66,1 %, при этом остаток долга был равен 5 719 307 руб., что составляло 63,1 % (табл. 1).

Таблица 1

Задолженность по ссудам под залог земельной собственности акционерным земельным банкам в Пензенской губернии на 1 января 1885 г.

Наименование банка	Кол-во заложенных имений	Площадь земли, принятой в залог, дес.	Оценка заложенной земли, руб.	Сумма выданных ссуд, руб.	Остаток долга, руб.
Московский	224	200 221	12 707 683	6 668 800	5 719 307
Нижегородско-Самарский	137	89 880	6 236 755	3 424 700	3 342 841
<i>Всего</i>	361	290 101	18 944 433	10 093 500	9 062 148

Источник: Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Вып. I. СПб., 1887. С. 237.

Еще больший отрыв в показателях Московского земельного банка от Нижегородско-Самарского наблюдался в общероссийском масштабе. Так, на 1 января 1885 г. в Московском земельном банке было заложено 3 159 имений с 200 221 дес. земли, под залог которой было выдано ссуд на общую сумму 6 668 800 руб., оценка которой в итоге равнялась 12 707 683 руб., в свою очередь клиенты Нижегородско-Самарского заложили в банке всего 970 имений (23,5 % от их общего количества

заложенных в обоих банках), количество земли, принятой в залог, составляло 1 543 368 дес. (35,4 %), оценена эта земля была на сумму 43 730 585 руб. (23,1 %), первоначальная сумма займа равнялась 23 095 900 руб. (22,9 %), остаток долга составлял 22 208 324 руб. (24,1 %) (табл. 2). Таким образом, если в общероссийском масштабе Московский земельный банк сосредоточил у себя 3/4 всей задолженности, то на территории Пензенской губернии, если брать деятельность только этих двух банков, – лишь 2/3, что говорит о достойной конкуренции со стороны Нижегородско-Самарского земельного банка.

Таблица 2

Задолженность по ссудам под залог земельной собственности Московскому и Нижегородско-Самарскому акционерным земельным банкам в России на 1 января 1885 г.

Наименование банка	Кол-во заложенных имений	Площадь земли, принятой в залог, дес.	Оценка заложенной земли, руб.	Сумма выданных ссуд, руб.	Остаток долга, руб.
Московский	3 159	2 816 968	145 691 228	77 468 360	69 834 711
Нижегородско-Самарский	970	1 543 368	43 730 585	23 095 900	22 208 324
<i>Всего</i>	4 129	4 360 336	189 421 813	100 564 260	92 043 035

Источник: Статистический сборник сведений по земельному кредиту... С. 250.

Необходимо отметить, что в общих показателях деятельности рассматриваемых банков Пензенская губерния занимала значительное место. Так, к 1 января 1885 г. доля заложенных имений составляла 8,7 % от числа имений в целом по России, площадь заложенной земли – 6,6, ее оценка – 10,0, сумма выданных ссуд – 10,03, остаток долга – 9,8 % (см. табл. 1, 2). Отметим, что в рассматриваемый период деятельность Московского земельного банка распространялась на 16 губерний, а Нижегородско-Самарского – на 12 [5, с. 373].

Если погубернские объемы деятельности акционерных земельных банков редко становились объектом изучения отечественных исследователей, то поуездные показатели чаще всего обходятся стороной. Между тем, их рассмотрение представляется довольно интересным и информативным, поскольку уезды одной и той же губернии зачастую сильно отличались друг от друга, как по концентрации частного землевладения, так и по климатическим параметрам, развитости транспортной инфраструктуры, близости к районам сбыта продукции и т.п. характеристикам, что напрямую влияло на характер хозяйственной деятельности и отчасти обуславливало спрос на земельный кредит. Если проанализировать данные табл. 3 можно отметить, что в Московском земельном банке наибольшее количество земли было заложено землевладельцами Саранского уезда – 42 074 дес., что составляло 21,0 % по губернии в целом, далее следовали Пензенский (37 513 дес. или 18,7 %), Керенский (33 392 дес. или 16,6 %) уезды. При этом по показателю оценки земли лидировал как раз Керенский уезд, где заложенная земля была оценена на сумму 2 618 450 руб., он же лидировал и по общей сумме выданных кредитов (1 364 700 руб.) и по остатку долга (1 319 504 руб.). Данный факт свидетельствует о том, что ценность земли здесь была заметно выше. Менее всего услугами банка пользовались в Краснослободском уезде, где было заложено всего 3 имения (1,3 % от в целом по губернии) с 2 037 дес. земли (1,0 %), под которые была выдана ссуда на сумму 74 000 руб. (1,1 %), далее следовал Наровчатский уезд (9 ссуд, 3 168 дес. заложенной земли на сумму 89 400 руб.). Как видно, клиентская база Московского земельного банка в различных уездах Пензенской губернии существенно отличалась как по количеству заложенных имений и земли, так и по размерам ссуд. Например, по количеству заложенной земли Саранский уезд опережал Краснослободский более чем в 20 раз (табл. 3).

Таблица 3

**Задолженность по ссудам под залог земельной собственности
Московскому земельному банку в Пензенской губернии
на 1 января 1885 г.**

Уезд	Кол-во заложен- ных имений	Площадь земли, принятой в залог, дес.	Оценка заложен- ной земли, руб.	Сумма выданных ссуд, руб.	Остаток долга, руб.
Пензенский	47	37 513	2 370 492	1 151 800	1 055 320
Мокшанский	45	31 380	2 166 915	1 150 400	915 044
Саранский	37	42 074	2 225 026	1 236 600	805 994
Инсарский	21	18 539	1 118 210	601 500	539 499
Чембарский	21	14 878	1 085 372	592 600	559 027
Нижне- ломовский	18	7 031	488 982	265 200	244 556
Керенский	15	33 392	2 618 450	1 364 700	1 319 504
Наровчат- ский	9	3 168	178 106	89 400	85 651
Городи- щенский	8	10 200	314 230	142 600	124 074
Крас- нослобод- ский	3	2 037	141 900	74 000	70 638
<i>Итого</i> Пензенская губерния	224	200 221	12 707 683	6 668 800	5 719 307
<i>Итого</i> Россия	3 159	2 816 968	145 691 228	77 468 360	69 834 711

Источник: Статистический сборник сведений по земельному кредиту... С. 237, 250.

В то же время, если рассмотреть поуездные показатели деятельности Нижегородско-Самарского земельного банка, то окажется, что чаще всего его клиентами становились землевладельцы Мокшанского, где было заложено 28 (20,4 % от в целом по губернии) имений с 17 088 дес. земли (19,0 %) с общей суммой выданных ссуд равной 677 800 руб. (19,8 %), далее следовали Чембарский и Городищенский уезды, где было заложено 15 909 (17,7 %) и 15 369 дес. (17,1 %) соответственно, при этом по общей сумме выданных ссуд Чембарский уезд был лидером среди всех уездов губернии (698 600 руб. или 20,4 %). В отличие от «лидеров» по объему кредитования, «аутсайдеры» были теми же, наименьшее количество ссуд было выдано в Краснослободском (1) и Наровчатском (3) уездах, количество заложенной земли, ее оценка и общая сумма займов также составляли мизерную долю от общегубернских показателей (табл. 4).

Таблица 4

**Задолженность по ссудам под залог земельной собственности
Нижегородско-Самарскому земельному банку
в Пензенской губернии на 1 января 1885 г.**

Уезд	Кол-во заложённых имений	Площадь земли, принятой в залог, дес.	Оценка заложённой земли, руб.	Сумма выданных ссуд, руб.	Остаток долга, руб.
1	2	3	4	5	6
Пензенский	13	12 286	1 080 835	614 700	603 819
Мокшанский	28	17 088	1 363 981	677 800	656 183
Саранский	18	8 576	542 611	309 900	301 047
Инсарский	23	7 031	362 588	194 800	186 597
Чембарский	17	15 909	1 250 605	698 600	683 426

1	2	3	4	5	6
Нижне-ломовский	14	7 299	618 355	351 700	346 350
Керенский	7	4 214	437 646	251 900	246 274
Наровчатский	3	2 022	92 149	48 900	47 185
Городищенский	13	15 369	481 540	273 000	268 731
Краснослободский	1	86	6 445	3 400	3 229
<i>Итого</i> Пензенская губерния	137	89 880	6 236 755	3 424 700	3 342 841
<i>Итого</i> Россия	970	1 543 368	43 730 585	23 095 900	22 208 324

Источник: Статистический сборник сведений по земельному кредиту... С. 237, 250.

Анализ деятельности акционерных земельных банков на территории Пензенской губернии мы завершаем 1885 г., что связано с началом функционирования Государственного Дворянского земельного банка, который имел государственную поддержку и возможности выдавать ссуды под более низкие проценты и, несмотря на свой сословный характер, стал доминировать на рынке земельного кредитования. Указанное обстоятельство обусловило некоторый спад объемов кредитования со стороны акционерных банков, ознаменовав переход к новому периоду в их деятельности, в течение которого они вынуждены были выдерживать жесткую конкуренцию в лице Дворянского банка.

В целом сформированная во второй половине XIX в. система акционерного земельного кредитования, ориентированная на выдачу ссуд под залог земельной собственности частных земле-

владельцев, сыграла важную роль в процессах мобилизации земельной собственности и развития капитализма в аграрном секторе. И хотя на территории Пензенской губернии действовало всего два таких банка, они смогли вовлечь в систему кредитных отношений значительное число землевладельцев, заложивших в них почти 300 тыс. дес. земли на более чем 9 млн руб., что составляло почти 10 % от общего объема их деятельности.

Список литературы

1. *Хрулев С.С.* Наш ипотечный кредит. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1898. 161 с.
2. Статистический временник Российской Империи. Сер. 2. Вып. 11. Статистика русских банков. Ч. 2. Под. ред. И.И. Кауфмана. СПб., 1875. 355 с.
3. *Проскурякова Н.А.* Земельный кредит и буржуазно-аграрная эволюция России в конце XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 434 с.
4. *Кистенева Н.А.* Деятельность земельных кредитных учреждений на территории Пензенской губернии во второй половине XIX века // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 4. С. 8–16.
5. *Райский Ю.Л.* Акционерные земельные банки в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 1982. 565 с.

**Деятельность крестьянского поземельного банка
на территории Среднего Поволжья
в условиях аграрной модернизации
второй половины XIX – начала XX века**

R.V. Fedoseev

**Activities of the Peasant Land Bank
in the Territory of the Middle Volga Region
in Conditions of Agrarian Modernization
of the Second Half of 19th – Early 20th Centuries**

Аннотация. Аграрное реформирование середины XIX в. привело к острой нехватке земли у крестьянства. Одним из механизмов решения указанной проблемы явилось создание специализированного кредитного института, выдававшего ссуды на льготных условиях под залог приобретаемых крестьянами земельных участков. На основании материалов четырех средневожских губерний анализируются основные показатели деятельности Крестьянского поземельного банка, рассмотрена динамика кредитных операций, влияние его деятельности на рост земельных цен, указываются региональные особенности исследуемых процессов.

Ключевые слова: Крестьянский земельный банк, ссуда, земельный кредит, земельный участок, залог, Среднее Поволжье.

¹ **Федосеев Роман Васильевич**, доктор исторических наук, начальник отдела научных исследований, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции в г. Саранске, Россия, Саранск, e-mail: fedoseevrv@gmail.ru

Fedoseev Roman Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Research Department, Mid-Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Saransk), Russia, Saransk, e-mail: fedoseevrv@gmail.ru

Крестьянское малоземелье, являвшееся характерной чертой аграрной сферы пореформенной России, негативно сказывалось не только на экономических процессах, но на социально-политической обстановке, вызывая массовое недовольство. Решить данную проблему чисто эволюционным путем не получилось, потребовалось вмешательство правительства, которое не отказавшись от рыночных механизмов, все же прибегло к созданию построенного на льготных началах государственного кредитного института – Крестьянского поземельного банка, ставшего стержневым элементом землеустроительной политики в период аграрной модернизации второй половины XIX – начала XX в.

Рассмотрением разнообразных сторон функционирования Крестьянского банка занимались [1; 2; 3; 4] и продолжает заниматься [5; 6] большое число исследователей. Однако практически все они сосредотачивали свое внимание на общероссийских показателях. Региональная специфика освещается очень редко, что придает изучению указанных вопросов дополнительную актуальность.

Созданный с целью выдачи крестьянам кредита под покупку земли банк, действуя на основании Положения 1882 г.¹, не сразу перешел к активному кредитованию, вплоть до 1896 г. он мог выдавать ссуды под залог земли, приобретаемой крестьянами у частных землевладельцев, т.е. выполняя роль посредника, что значительно ограничивало его возможности. Более энергично банк начал действовать на основании Устава 1895 г.², который предоставил ему право выкупать земельные участки за собственный счет и в последующим продавать их крестьянам, предоставляя для этого ссуду, но и здесь банк был ограничен размером своего собственного капитала, за пределы которого он выходить не мог. И только в 1905 г. Крестьянскому банку была предоставлена возможность приобретать землю по сути в неограниченных количествах за счет выпускаемых с этой целью свидетельств [3, с. 2]. Таким образом, в

¹ Высочайше утвержденное Положение о крестьянском поземельном банке от 18.05.1882 г. // ПСЗ-III. Т. II. № 894.

² Высочайше утвержденный Устав крестьянского поземельного банка от 27.11.1895 г. // ПСЗ-III. Т. XV. № 12195.

деятельности Крестьянского поземельного банка можно наблюдать три ярко выраженных периода: 1883–1895 гг., 1896–1905 гг. и 1906–1915 гг. При этом каждый новый период превосходил предшествующий как по количеству выданных кредитов, так и по размерам заложенной земли и сумме выданных ссуд.

Рассмотрение Крестьянского банка мы осуществим на примере Среднего Поволжья (Казанская, Пензенская, Симбирская и Самарская губернии) – региона с ярко выраженной аграрной специализацией, где большинство жителей занималось исключительно сельским хозяйством и для которого функционирование земельных банков являлось чуть ли не определяющим при переходе от полуфеодальных форм хозяйствования к капиталистическим.

Как видно из табл. 1, несмотря на то, что первый период деятельности банка включил в себя 13-летний временной промежуток (два последующих были 10-летними), он по всем рассматриваемым показателям значительно уступал оставшимся. Так, с 1883 по 1895 г. на территории Среднего Поволжья рассматриваемый кредитный институт выдал всего 262 ссуды, что составило всего 0,6 %, от общего количества предоставленных банком ссуд за весь период его деятельности. При этом, было передано 82 030 дес. земли (4,5 % от всего количества), сумма кредитов составила 3 673 829 руб. (2,4 % от общего их количества).

Второй период деятельности отмечен значительным ростом рассматриваемых значений, с 1896 по 1905 г. на территории региона было выдано уже 1 548 ссуд (3,5 % от их общего числа), заложено 502 275 дес. земли (27,6 % от общего количества), выдано кредитов в размере 30 321 937 руб. (20,0 % от общей суммы). Все же наибольшие объемы кредитования наблюдаются на протяжении последнего периода деятельности Крестьянского банка. С 1906 по 1915 г. на территории Среднего Поволжья им было выдано 42 191 кредитов (95,9 %), при помощи которых в собственность крестьян перешло 1 231 558 дес. земли (67,8 %), на покупку которой было предоставлено 117 504 527 руб. (77,5 %) (см.: табл. 1).

Доля анализируемого региона в общероссийских показателях постоянно увеличивалась. Если по итогам первого периода

показатели средневожские губернии по количеству выданных ссуд равнялись 1,7 %, по количеству купленной при посредничестве банка земли – 3,4, по сумме ссуд – 4,4 %, то по итогам второго эти показатели были равны 3,4 %, 8,5 и 7,4 % соответственно. Своих наибольших размеров доля Среднего Поволжья достигла в период 1906–1915 гг., когда общее количество выданных ссуд составило 12,5 %, размеры заложенной земли – 13,0, размер кредитов – 11,4 %. За весь период функционирования банка на территории региона им было выдано в 44 001 ссуд, что составляло 11,0 % от в целом по России, при его активной роли было перераспределено 1 815 863 дес. земли (10,2 % от всего ее количества), размер кредитов был равен 151 500 293 руб. или 9,9 % от их общей суммы (см.: табл. 1).

Таблица 1

**Основные показатели деятельности Крестьянского
поземельного банка на территории Среднего Поволжья
в периоды 1883–1895, 1896–1905, 1906–1915 гг.**

Периоды	Среднее Поволжье			Всего по России		
	Число ссуд	Площадь земли, дес.	Сумма ссуд, руб.	Число ссуд	Площадь земли, дес.	Сумма ссуд, руб.
1883–1895	262	82 030	3 673 829	14 925	2 411 865	82 359 684
1896–1905	1 548	502 275	30 321 937	45 257	5 864 329	409 942 136
1906–1915	42 191	1 231 558	117 504 527	337 848	9 461 003	1 026 033 849
<i>Итого</i> 1883–1915	44 001	1 815 863	151 500 293	398 030	17 737 197	1 518 335 669

Источник: Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883–1915 гг. СПб – Петроград, 1884–1916. Подсчитано автором.

Значительное возрастание активности банка в период 1906–1915 гг. было вызвано, прежде всего, изменившимися взглядами на крестьянский кредит, если на протяжении двух первых этапов деятельности банк был ориентирован на выдачу кредитов крестьянским обществам и товариществам, т.к. решить аграрный вопрос планировалось без разрушения общины, то последний этап характеризуем активным насаждением единоличных

хозяйств, притом в условиях социальных волнений. Во многом поэтому правительство и сняло все ограничения по объемам выдаваемых ссуд, что в свою очередь привело к росту числа сделок, размеров заложенной земли и сумм, выдаваемых в кредит.

Если рассмотреть показатели по отдельным губерниям Среднего Поволжья, окажется, что за время функционирования банка наибольшее количество его клиентов было сосредоточено в Самарской губернии, в которой было выдано 15 287 ссуд (34,7 % от в целом по региону), заложено 794 583 дес. (43,7 % от общего ее количества), выдано кредитов на сумму 56 195 855 руб. (37,1 % от всего объема выданных ссуд), далее следовала Пензенская губерния, где банк выдал 13 721 (31,2 %) ссуд под залог 418 352 дес. (23,0 %) земли на сумму 42 233 362 руб. (27,8 %). Немногим меньше объемы деятельности банка были на территории Симбирской губернии – 12 170 ссуд (27,6 %), 393 966 дес. (21,7 %), 36 571 957 руб. (24,1 %), наконец менее всего банк предоставил кредитов крестьянам Казанской губернии – 2 823 (6,4 %), им было продано 208 962 дес. (11,5 %) земли, под залог которых выдано кредитов 16 499 119 руб. (37,1 %) (табл. 2).

Таблица 2

**Основные показатели деятельности
Крестьянского поземельного банка на территории
губерний Среднего Поволжья в 1883–1915 гг.**

Губерния	Кол-во ссуд	Площадь заложенной земли, дес.	Размер ссуды, руб.
Казанская	2 823	208 962	16 499 119
Пензенская	13 721	418 352	42 233 362
Симбирская	12 170	393 966	36 571 957
Самарская	15 287	794 583	56 195 855
<i>Итого</i> Среднее Поволжье	44 001	1 815 863	151 500 293
Российская империя	398 030	17 737 197	1 518 335 669

Источники: Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883–1915 гг. СПб – Петроград, 1884–1916. Подсчитано автором.

Таким образом, деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Среднего Поволжья осуществлялась в общем русле проводимой государством кредитной политики, направленной на решение проблемы крестьянского малоземелья и модернизации аграрной сферы в целом. В то же время функционирование банка в первые два периода его деятельности было довольно пассивным, что было связано с ограничениями, установленными правилами выдачи ссуд В 1905–1915 гг. активность банка резко возросла, он стал одним из важнейших инструментов Столыпинских реформ, что отразилось на объемах выданных ссуд. При этом практически каждый десятый кредит, выданный банком, приходился на средневоложские губернии.

Список литературы

1. *Герценштейн М.Я.* Национализация земли. Крестьянский банк и выкупная операция. СПб.: Издание т-ва «Общественная польза», 1905. 190 с.
2. *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1997. 356 с.
3. *Зак А.Н.* Крестьянский поземельный банк. 1883–1910 гг. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1911. 619 с.
4. *Напиорковский А.* Аграрная реформа и крестьянский банк. Варшава: Польская типография, 1911. 62 с.
5. *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1988. 262 с.
6. *Проскуракова Н.А.* Земельный кредит и буржуазно-аграрная эволюция России в конце XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 434 с.

**Реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина:
за кем успех? (по материалам Южного Урала)**

M.I. Rodnov

**Reforms of S. Yu. Witte and P.A. Stolypin:
for Whom is the Success? (Based on Materials
from the South Urals)**

Аннотация. Финансовая документация Волжско-Камского коммерческого банка, сведения аграрной статистики показывают высокие темпы экономического развития Уфимской губернии с начала 1890-х гг. и до первой русской революции. Имеющиеся банковские материалы однозначно свидетельствуют о расцвете местной экономики в годы «золотого Виттевского десятилетия». Русско-японская война стимулировала резкий подъем хозяйственной активности. Затем последовал спад из-за революции с компенсационным восстановлением. А в годы Столыпинской реформы, примерно с 1909 г. в Уфимской губернии наступил самый длительный, за период наблюдений с начала 1870-х гг., затяжной спад (кризис). Данные по аграрному сектору экономики показывают сильные регрессивные процессы.

Ключевые слова: Российская империя, экономика, финансы, банки, Столыпин, Витте, аграрный строй, крестьянство, социальная структура, Южный Урал, Уфа.

В советской историографии С.Ю. Витте безоговорочно проиграл П.А. Столыпину по мнению историков. Опубликовано бесчисленное количество диссертаций, обязательные разделы про «крах» Столыпинской реформы присутствовали во всех

¹ **Роднов Михаил Игоревич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, Уфа, e-mail: mrodnov@ufanet.ru

Rodnov Mikhail Igorevich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Researcher Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa, e-mail: mrod-nov@ufanet.ru

монографиях и статьях, более того, фигура Столыпина и его преобразования стали одним из краеугольных камней в тщательно выстраиваемой аргументации о мифических предпосылках Великого Октября, мол, империализм (к примеру, в банковской сфере и аграрном секторе) создал условия для построения социализма.

И ныне отечественная «стольпиниана» постоянно и неуклонно пополняется: от монографий и сборников документов [1; 2; 3] до статей и диссертаций. По подсчетам Н.В. Токарева только в 2001–2013 гг. в стране было представлено к защите 20 диссертаций по реализации правительственной аграрной программы после 1906 г. [4, с. 224]

Образ же Сергея Юльевича Витте по-преимуществу остался внутри чисто научного дискурса. После издания мемуаров С.Ю. Витте [5] выходят исследования, посвященные этому государственному деятелю, публикуется его документальное наследие [6; 7; 8]. В этих работах проанализирована реформаторская деятельность С.Ю. Витте, например, по урегулированию аграрного рынка (Т.М. Китанина) [9, гл. 2], его взгляды в дискуссиях той эпохи о путях развития страны [10], упоминается министр финансов в трудах по истории банков России. Подробный анализ биржевой реформы Витте дан в монографии П.В. Лизунова [11, с. 317–342].

Процессы в столичной историографии проецировались на провинцию. В первой обобщающей монографии по истории Башкирии С.Ю. Витте вообще не упоминается [12]. Эта «традиция» сохранилась до наших дней. Просмотр местной историографии показывает практически полное отсутствие упоминаний Сергея Юльевича, встречаются единичные ссылки, как, к примеру, в работах по мусульманской проблематике (на его имя подавались прошения) [13, с. 111]. А по Столыпинской реформе – обязательные разделы, монографии, статьи, Петр Аркадьевич упорно не сходит со страниц научных трудов Башкортостана.

Попробуем провести сравнение эпох двух фактических лидеров Российской империи. Правда, сначала надо определиться с хронологическими рамками. С.Ю. Витте занимал ключевую для

экономики должность министра финансов с 1892 по 1903 гг. П.А. Столыпин был министром внутренних дел с 1906 по 1911 гг., а пост министра финансов занимал Владимир Николаевич Коковцов (1906–1914 гг.), сподвижник и фактический продолжатель начатых реформ после убийства П.А. Столыпина.

Исключаем годы войн (1904–1905 гг. и с 1914 г.), кардинально менявших ситуацию в экономике. В тыловой Уфимской губернии каждая война вызывала подъем хозяйственной жизни, связанный с военными заказами. Поэтому «эпоху Витте» определим с 1892 по 1903 г., «эпоху Столыпина» – с 1906 по 1913 г., 12 и 8 лет, соответственно.

Материалы по Уфимской губернии позволяют привлечь, во-первых, данные банковской отчетности. В Уфе вплоть до 1905 г. имелся свой монополист, контролировавший около 60 % финансового рынка губернии – Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка (ВККБ), открытое в 1873 г.

Это был один из крупнейших банков Империи, имевший широкую сеть отделений. По оценке С.А. Саломатиной, «его статистику с некоторой долей условности можно считать всероссийской» [14, с. 90]. Банковская отчетность в целом отражала общее состояние экономики Уфимской губернии.

Рассмотрим главный итоговый показатель деятельности Уфимского филиала ВККБ – оборот капиталов по сохранившимся годовым отчетам [15, с. 195]. По эпохе С.Ю. Витте имеются данные за все годы, суммируем их и определим среднюю величину. В итоге, за 12 лет министра Витте суммарный оборот капиталов в Уфимском отделении ВККБ составил 1 476 029, 7 тыс. руб., или в среднем по 123 002,5 тыс. руб. ежегодно.

По эпохе П.А. Столыпина (1906–1913 гг.) нет сведений за 1907 г., а общий оборот капиталов составил 897 532,6 тыс. руб., или в среднем за год по 128 218,9 тыс. руб. Петр Аркадьевич, действительно, немного, но обогнал Сергея Юльевича.

Хотя в 1900–1903 гг. оборот капиталов в Уфе не опускался ниже 150 млн руб. в год, а при Столыпине такие показатели были только в 1906 и 1908 гг., на начало эпохи Витте пришлось пять лет с

оборотами ниже 100 млн руб., чего в эпоху Столыпина не случилось ни разу, обороты всегда превышали отметку в 100 млн руб.

Интересны данные по динамике, подъемы и спады естественны для любой экономики. В эпоху Витте отрицательные показатели, падение годового оборота по сравнению с предыдущим годом, случились 4 раза за 12 лет: в 1894 г. (–7 %), в 1897 г. (–13 %), в 1901 г. (–2 %) и в 1902 г. (–6 %). Сильное сокращение деловой активности произошло лишь однажды – в неурожайном 1897 г. Кризис начала нового столетия (1900–1903 гг.), обычно выделяемый в литературе, носил для Уфимской губернии незначительный масштаб.

В эпоху Столыпина (без 1907 г.) спады в оборотах Уфимского отделения ВККБ произошли в 1906 г. (–22 %), в 1909 г. (–29 %), в 1911 г. (–11 %) и в 1912 г. (–14 %). То есть, каждый второй год эпохи Столыпина наблюдались кризисные явления, причем величина падения всегда превышала 10 %-ную отметку, дважды принимая явно кризисные размеры. С другой стороны, годы быстрого роста оборотов капитала (свыше 10 %) в эпоху Витте случались 5 раз из 12, а при Столыпине и Коковцове лишь однажды (в 1910 г.).

Таким образом, по материалам Уфимской губернии можно утверждать, что в эпоху Столыпина обороты местного филиала ВККБ были немного выше, чем во времена Витте, но Столыпинский период отличался крайней нестабильностью. Четыре года из семи происходили резкие спады деловой активности при единичном случае высоких темпов роста. Столыпин обгонял Витте исключительно из-за сравнительно невысоких оборотов 1890-х гг. Если же сократить эпоху Витте до «столыпинского» семилетия, взяв период с 1897 по 1903 г., то оборот капиталов в Уфимском отделении ВККБ будет составлять 989 808 тыс. руб. или в среднем за год по 141 401,1 тыс. руб. В этом случае Петр Аркадьевич (128,2 млн руб. в год) безоговорочно проигрывает «позднему» Сергею Юльевичу.

Более того, собранный материал позволяет оценить эпоху Столыпина как кризис, начавшийся около 1908–1909 гг. и

продолжавшийся (с подъемами) вплоть до 1914 г. Все три основных показателя финансовой отчетности Уфимского отделения ВККБ показывают кризисные, ранее никогда не наблюдавшиеся процессы – по трансфертам случился крах переводов в Москву (с 50 % до 15 %), начался беспрецедентный, небывалый для Уфы рост протестов векселей, а также сокращение операций с безналичным расчетом по текущим счетам (чеки), особенно для крупного бизнеса, который «откатился» примерно на 20 лет назад [15, с. 192–197].

Но кризисные явления в эпоху Столыпина «отталкивались» от высокого уровня достигнутого в годы «золотого Виттевского десятилетия», поэтому средние показатели оставались достаточно высокими. В любом случае, эпоха Столыпина по банковским материалам характеризовалась высокой нестабильностью и резкими перепадами деловой активности.

Противоречивость процессов в экономике Уфимской губернии подтверждают данные по аграрному сектору, который особенно отчетливо показывал многоукладный характер российского общества [16]. В начале XX в. в российской деревне действовали противоположные, антагонистические процессы, наряду с развитием предпринимательского, рыночного сектора, фактом являлся мощный вал регресса, деградации сельских социумов.

В зоне доминирования традиционной общины нарастал демоэкологический кризис, быстро увеличивавшееся население «съедало» излишки земли. В Уфимской губернии за полвека численность населения более чем удвоилась, с 1,4 млн чел. в 1871 г. до 3,3 млн чел. в 1916 г., выросла плотность населения, в результате резко упала средняя обеспеченность землей: с 7,2 дес. в 1870 г. до 3,5 дес. в 1912 г. Надвигался экологический кризис, повсеместно шло уничтожение природы, вырубка лесов, распашка лугов и выгонов.

В Уфимской губернии эти процессы с наибольшей силой проявились в северо-западной части края. Так, в Мензелинском уезде за 1900–1911 гг. в 19 волостях из 30 происходило сокращение удельного веса многопосевного крестьянства (дворов с посе-

вом свыше 10 дес.) и доли их посевов. В соседнем Бирском уезде аналогичный «регрессивный метаморфоз» (формулировка земских статистиков) наблюдался в 23 волостях из 37 [17, с. 75, 79, 209, 212].

Традиционная община, новые (молодые) поколения крестьянства уничтожали, выдавливали зажиточные, предпринимательские слои из деревни, захватывали их земли во время «справедливых» переделов. Носители передовой, рыночной экономики погибали под натиском общинного регресса. Подобные процессы зафиксированы исследователями по всей России.

При этом в эпоху Витте показатели (удельный вес зажиточных дворов) были выше, чем при Столыпине. Материалы по Уфимской губернии свидетельствуют, что «девятый вал» регресса пришелся как раз на эпоху Столыпина. Убежден, что хорошо знавший сельский мир, бывший Саратовский губернатор и торопился со своей реформой, стремясь остановить нарастающую деградацию аграрного сектора.

Постреволюционная архаизация, деградация всей жизни брала начало в дореволюционный период, когда демоэкологический кризис задыхавшейся от перенаселения общинной деревни, как раковая опухоль, разрастался по всей стране, достигая уральских губерний. С нашей точки зрения, именно временный союз большевиков с архаичными, патриархальными слоями крестьянства (вспомним ленинское «не смей командовать середняком») и обеспечил им победу в Гражданской войне.

Если в советской историографии эпоха «стольпинской реакции» однозначно подавалась как кризисный период, включая экономику, то в последние десятилетия, во многом под воздействием медийных стереотипов, «успешно» поменялись полюса. Предвоенная, стольпинская эпоха теперь период расцвета.

Материал по Уфимской губернии не позволяет согласиться с утверждениями, что в канун мировой войны Россия находилась на траектории здорового экономического роста, а в 1909 г. «после длительного застоя в России начался новый промышленный подъем» [18, с. 19].

В эпоху Столыпина, накануне Первой мировой войны, с нашей точки зрения, происходили противоположные, противоборствующие, антагонистические процессы в хозяйственной, а следом и общественно-политической жизни страны, что естественно для многоукладного российского социума. Наряду с ростом буржуазной экономики, происходило нарастание деградационных процессов в общинной деревне, составлявшей, кстати, большинство населения Империи. Кризисные явления, нестабильность Столыпинской эпохи ярко отразила финансовая отчетность Волжско-Камского банка. Зато эпоху Витте можно рассматривать как «золотое десятилетие» стабильного прогресса, регресс лишь набирал обороты.

Список литературы

1. *Могилевский К.И.* Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М.: РОССПЭН, 2008. 328 с.
2. П.А. Столыпин и его реформы: региональные аспекты (к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина). Киров: Коннектика, 2012. 297 с.
3. Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии: сб. док-тов и мат-лов. Самара: Самар. гос. ун-т, 2012. 314 с.
4. *Токарев Н.В.* Столыпинские аграрные преобразования в отечественных диссертационных исследованиях первого десятилетия XXI века // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. Вторые чтения, посвященные 90-летию со дня рождения профессора Хамзы Фатыховича Усманова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 224–230.
5. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1960. Т. III. (17 октября 1905–1911) Царствование Николая II. 724 с.
6. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 430 с.
7. *Бодрунов С.Д., Кулегин А.М., Куликов С.В.* Государственная и финансово-экономическая деятельность С.Ю. Витте. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. 239 с.

8. *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА, 1998. 463 с.
9. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 608 с.
10. *Беспалов С.В.* Политика экономической модернизации России в дискуссиях конца XIX – начала XX века. Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2004. 240 с.
11. *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2004. 576 с.
12. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1959. Т. 1. Ч. 2. 540 с.
13. *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002. 300 с.
14. *Саломатина С.А.* Труды Ефима Эпштейна и развитие концепций в изучении истории банков Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. № 2. С. 79–94.
15. *Роднов М.И.* Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX века). Уфа: КнигаПринт, 2020. 238 с.
16. *Иванова Н.А.* Многоукладность и социальная структура России в конце XIX – начале XX в. // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2002. С. 127–138.
17. *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. 314 с.
18. *Петров Ю.А.* Государство и экономический рост в поздней имперской России // Уральский исторический вестник (Екатеринбург). 2020. № 1. С. 18–26.

**Основные направления и перспективы изучения
Столыпинской аграрной реформы
в современной отечественной историографии**

D.N. Belyanin

**Main Directions and Prospects of Studying
Stolypin Agrarian Reform
in Modern Russian Historiography**

Аннотация. Рассмотрены основные направления изучения Столыпинской аграрной реформы в современной российской историографии. На основе анализа новейшей исторической литературы автором выделены ключевые тренды исследования реформы, проведен анализ оценок результатов реформы, взглядов историков на альтернативы Столыпинской аграрной реформы. Выявлены основные акценты современной историографии, связанные с изучением землеустройства и агрономической помощи крестьянству в годы Столыпинских реформ. Перспективы исследования Столыпинской реформы определяются, во-первых, полемикой относительно оценок итогов реформы, во-вторых, недостаточной изученностью реализации реформы в отдельных губерниях и регионах страны, в-третьих, необходимостью детального анализа возможных альтернатив реформы, в-четвертых, необходимостью углубленного исследования социальных процессов внутри общины.

Ключевые слова: аграрная история, историография, Столыпинская аграрная реформа, русская передельная община, российское крестьянство.

Исследование истории Столыпинской аграрной реформы насчитывает уже около 100 лет. За этот период отечественными историками накоплен огромный фактический материал, введен в научный оборот массивный пласт исторических источников. Вместе с тем интерес исследователей к этой реформе не ослабе-

¹ **Белянин Дмитрий Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, Кузбасский государственный технический университет, Россия, Кемерово, e-mail: bdn73@list.ru

Belyanin Dmitriy Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo, e-mail: bdn73@list.ru

вает, что прослеживается по публикационной активности. К настоящему моменту в российской историографии можно выделить несколько главных тематических направлений изучения Столыпинской аграрной реформы.

Первое направление: концептуальное осмысление значимости реформы в российской истории в контексте современных научных теорий. Для современной исторической науки характерно изучение Столыпинской аграрной реформы в контексте теории модернизации (см., напр.: [1, с. 12–14]). Так, один из ведущих историков-аграрников П.С. Кабытов считает, что программа П.А. Столыпина была концепцией выхода из системного кризиса, и ее суть состояла в ускорении модернизационных процессов в России [2, с. 9].

Заслуживает отдельного упоминания подход О.А. Суховой к изучению аграрной реформы через призму психологического восприятия крестьянства. Использование социологических и психологических методов научного исследования позволило Суховой выявить устойчивость общинно-передельных традиций в крестьянской среде, связав это с архаизацией общественного сознания. Базовыми конструктами мирской жизни выступали: приоритет общественных интересов над личными и интерпретация понятия «справедливость» посредством дефиниции равенства. Такие мыслительные и поведенческие стереотипы крестьян обуславливались необходимостью гарантий для стабильного получения продуктового минимума для выживания крестьянской семьи [3, с. 614]. Такой взгляд позволяет объяснить, почему значительная часть крестьян предпочитала сохранять передельную общину.

На современном этапе сохраняется поляризация оценок итогов реформы. Один из сторонников «оптимистичной» оценки Б.Н. Миронов считает Столыпинскую аграрную реформу блестящим образцом реформирования. Основной аргумент – количество землеустроенных дворов: к февралю 1917 г. землеустроительные работы были фактически проведены на 37–38 млн десятин, охватив около 31 % наделных земель, а воспользоваться земле-

устройством решили 6 млн 174 тыс. крестьянских хозяйств [4, с. 576–579].

Исследователь М.А. Давыдов отмечает, что аграрная реформа открыла шлюз энергии отечественного крестьянства, способствовала подъему сельского хозяйства и личного благосостояния крестьян. Одним из аргументов являются данные о росте личных вкладов крестьян [5, с. 121]. На большом фактическом материале Давыдов доказывает, что в годы Столыпинской аграрной реформы в губерниях Европейской России значительно выросло потребление сельскохозяйственной техники [6, с. 540–584], что демонстрирует агротехнический прогресс и повышение интенсификации сельского хозяйства России.

Сторонники «пессимистичной» оценки апеллируют к тому, что реформа проводилась насильственными методами и встретила сопротивление крестьян. Так, В.П. Данилов отмечал, что крестьянская община в начале XX в. была жизнеспособным и прочным институтом. Как итог: накануне 1917 г. в Европейской России общинными остались примерно $\frac{2}{3}$ земель, а созданные хутора и отруба в значительной части оказались нежизнеспособными [7, с. 41, 107, 638].

Не все историки считают, что российское крестьянство было готово к введению института личной собственности. Так, А.С. Забоенкова считает, что идеалом крестьян была трудовая собственность, что русские крестьяне имели общинный менталитет, и эти черты крестьянского сознания не могли измениться за короткое время Столыпинской аграрной реформы [8, с. 135].

Острая полемика среди историков идет по вопросу о количестве единоличных хозяйств, возникших в результате аграрной реформы. Причина расхождений кроется в разных методиках подсчета статистических данных. Так, А.П. Корелин оценивал количество вышедших из общины дворов к 1915 г. немногим более $\frac{1}{3}$ от числа всех крестьянских хозяйств. При этом к выделившимся из общины крестьянам он не относил всех членов беспередельных общин, и всех, кто подал заявления о выделе и землеустройстве [9, с. 102]. Тогда как В.Г. Тюкавкин считал, что

нельзя не учитывать домохозяев, заменивших общинную форму землепользования на частную при землеустройстве. А заявлений о землеустройстве подали от 6,2 млн крестьян, т.е. более 2/3 пожелали получить землю в собственность [10, с. 196–197].

Некоторые современные исследователи, избегая полярных суждений, отмечают и положительные, и отрицательные итоги реформы. Сбалансированную оценку реформы дает один из выдающихся историков-аграрников современности П.С. Кабытов, который выделил не только минусы, но и ее очевидные плюсы. При этом Кабытов отметил серьезную ошибку многих историков, которые исходят из положения, что любая реформа должна в кратчайшие сроки дать положительные результаты [11, с. 90]. С этим мнением трудно не согласиться: масштабность задач и географический размах Столыпинской аграрной реформы в губерниях Европейской России просто не позволяли закончить преобразования в сжатые сроки.

Сибирские историки В.А. Ильиных и В.М. Рынков также отмечают, что своих базовых целей Столыпинская аграрная реформа не достигла, к тому же она трагически запаздывала во времени, но перемены в результате реформ были масштабными [12, с. 17].

Второе направление связано с исследованием Столыпинской аграрной реформы в отдельных регионах Европейской России. Хотя исследования, основанные на материалах отдельно взятых губерний или нескольких губерний, не дают оснований для масштабных выводов, но научную значимость таких работ не следует недооценивать: за счет введения в научный оборот документов из региональных архивов историческая наука получает более полное представление о реализации основных направлений аграрной реформы на местах.

Третье направление: изучение альтернатив Столыпинской аграрной политики. Альтернативой единоличным крестьянским хозяйствам некоторые историки считают кооперативы или артели [13, с. 49], которые являлись хозяйственными ячейками, объединявшими в себе потенциал нескольких дворов или нескольких десятков крестьянских дворов. В годы аграрной реформы коопе-

ративы возникали по инициативе «снизу», это движение носило массовый характер, кооперативы соответствовали таким чертам российского крестьянина, как коллективизм и общинность.

Другой альтернативой единоличным хозяйствам некоторые исследователи считают поземельную общину, которая, по их мнению, отличалась адаптивностью к буржуазным отношениям и была способна к прогрессу. Так, А.В. Ефременко отметил, что на рубеже XIX–XX вв. в ряде нечерноземных губерний общины переходили от безнадежно устаревшего трехполья к многопольно-травяным севооборотам и травосеянию [14, с. 114–116]. В.Б. Безгин отмечает, что поземельная крестьянская община не исключала возможности модернизации, т.к. инстинкт самосохранения побуждал сельскую общину к необходимости оперативно реагировать на экономические условия и учитывать производственные интересы самих крестьян [15, с. 121].

Интересный аргумент в доказательство способности общины к прогрессу привел А.В. Островский: в пореформенный период и до начала XX в. в ряде регионов страны передельная община только формировалась, и именно она способствовала прогрессивному переходу от переложно-залежной системы земледелия к трехполью [16, с. 134–135].

Еще одной альтернативой Столыпинскому курсу некоторые исследователи считают деятельность земств, которые могли способствовать прогрессу крестьянской агротехники. Так, А.В. Ефременко считает, что земства находились в оппозиции к проводимой П.А. Столыпиным реформе: они учитывали крестьянский менталитет, и земская агрономическая помощь, нацеленная на коллективный выход из кризиса, имела огромный потенциал: она наиболее адекватно отражала как экономическое положение деревни, так и представления самого населения о возможных формах и способах преобразования земледелия [14, с. 26, 166, 473].

Четвертое направление связано с изучением ключевых мероприятий, составляющих сущность Столыпинской аграрной реформы. В числе таких мероприятий следует выделить земле-

устройство и агрономическую помощь крестьянству. В новейший период оба этих вопроса наиболее системно исследовал М.А. Давыдов. Он детализировал динамику землеустроительных работ по губерниям Европейской России, выявил характер и направления землеустройства. Землеустройство было нацелено на ликвидацию дальнотельных, чересполосицы, многополосицы и т.п., что позволяло оптимизировать земельные наделы крестьян. На основе анализа статистики Давыдов отмечает рост количества крестьянских ходатайств о землеустройстве в подавляющем большинстве губерний. Это позволило прийти к заключению, что реформа была адекватна и социально-экономической ситуации в стране, и психологии миллионов крестьян [17]. На основе анализа правительственных и земских мероприятий по агрономической помощи крестьянству, М.А. Давыдов аргументированно показывает не только конкретные агротехнические улучшения в крестьянских хозяйствах, но и делает вывод об изменении отношения крестьян к сельскохозяйственным знаниям [18, с. 530–579].

Итак, в современной отечественной историографии можно выделить несколько магистральных направлений исследования Столыпинской аграрной реформы. Неослабевающий интерес историков к этой теме означает, что история реформы далека от полного изучения. Перспективы ее исследования видятся в следующем:

во-первых, необходимо продолжить изучение Столыпинской аграрной реформы в отдельных губерниях и областях. Это позволит расширить знания о характере и реализации реформы за счет вовлечения в научный оборот материалов местных архивов;

во-вторых, перспективным представляется изучение возможных альтернатив Столыпинской аграрной программы. В рамках этого вектора исследования возможна полемика. Наиболее важным аспектом представляется рассмотрение социально-экономических процессов внутри передельной общины как в период Столыпинских реформ, так и в пореформенный период.

Исследование общины в период Столыпинских реформ позволит решить вопрос о том, была ли передельная община альтернативой аграрному курсу П.А. Столыпина.

Список литературы

1. Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 2. С. 3–18.

2. Кабытов П.С. П.А. Столыпин и программа реформирования России // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина: мат-лы и докл. межрегион. науч.-практ. конф. (Самара, 21 апреля 2011 г.). Самара: Самарский университет, 2011. С. 8–16.

3. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

4. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.

5. Давыдов М.А. Модернизация Витте – Столыпина и ее специфика // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1. С. 109–131.

6. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя, 2010. 832 с.

7. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.

8. Забоенкова А.С. Крестьянская личная собственность на землю в годы Столыпинской реформы: мифы и реальность // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 130–136.

9. Корелин А.П. Реформы П.А. Столыпина: исторический опыт и уроки // Труды Института российской истории РАН. 2013. № 11. С. 88–115.

10. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

11. Аграрная история XX века: историография и источники: монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара: Самарский университет, 2014. 486 с.

12. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

13. *Суценок В.А.* Столыпинская аграрная реформа в русле прошлых и современных дискуссий о судьбе русского крестьянства // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2011. № 1-1. С. 46–51.

14. *Ефременко А.В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль: Ремдер, 2002. 532 с.

15. *Безгин В.Б.* Общинное земледелие и аграрная модернизация // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2016. № 1. С. 120–122.

16. *Островский А.В.* Существовал ли системный кризис в России начала XX века? (критика концепции Б. Миронова) // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 124–138.

17. *Давыдов М.А.* Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 56–73.

18. *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.

Экологические последствия аграрной колонизации степей Алтайского округа в конце XIX – начале XX века

K.A. Pozharskaya

**Ecological Consequences of Agrarian Colonization
in Steppes of Altai Ddistrict
in the Late 19th – Early 20th Centuries**

Аннотация. В статье исследуются экологические последствия аграрной колонизации степей Алтайского округа по сведениям исследователей рубежа XIX–XX вв. Масштабные и разнонаправленные миграционные волны на Алтай к началу XX столетия затронули и слабо освоенные в сельскохозяйственном отношении степи региона. В ходе хозяйственного освоения степной части округа произошло заметное изменение соотношения природного и антропогенного ландшафтов. Экстенсивное хозяйствование изменило отношение безлесных площадей к лесистым, что создало условия для нагревания и проветривания почвы, привело к просушиванию поверхностных слоев и повышению концентрации в них соляных растворов и другим последствиям.

Ключевые слова: переселения, аграрная колонизация, степи Алтая, экология, вырубка лесов, истощение почв, антропогенный ландшафт.

Со второй половины XIX в. Алтайский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества (далее – Алтай) являлся центром притяжения для многотысячной массы крестьян [1, с. 2]. Несмотря на официальный запрет переселений в округ в 1892 г. и обставленное строгими формальностями разрешение на переселения 1896 г., как таковое миграционное движение

¹ **Пожарская Ксения Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул, e-mail: kse-pozhar@mail.ru

Pozharskaya Ksenia Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State University, Russia, Barnaul, e-mail: kse-pozhar@mail.ru

крестьян не прекращалось, и Главное управление Алтайского округа дважды было вынуждено устраивать де-факто вновь прибывших (Закон 27 апреля 1896 г. и Мемория Совета министров 18 апреля 1906 г.)¹.

Новый виток в истории миграционного движения в алтайский регион явило собой массовое движение крестьян времен реализации Столыпинской аграрной реформы. Ускоренное демографическое развитие округа, выразившееся в численном росте прежде всего земледельческого населения, актуализировало проблему поиска территориальных лакун, пригодных для организации зерновых хозяйств новоприбывающих и по каким-либо причинам лежащих втуне или мало эксплуатируемых. Данными обстоятельствами можно объяснить ярко проявившийся к 1890-м гг. исследовательский интерес к степям Алтайского округа среди специалистов различного профиля (геологи, ботаники, почвоведы и т.д.). Так, в равнинно-степной район направился целый ряд экспедиций (С.И. Залесского в 1893 г., Г.О. Оссовского в 1894 г., И.П. Выдрина и З.И. Ростовского в 1899 г., И. Биля в 1900 г., Г.И. Танфильева в 1899 г. и 1901 г.), призванных собрать полевые сведения о водном потенциале степей, производительных свойствах почв и прочие сведения.

Отметим, что до этого времени существовало суждение о непригодности для заселения южной части Барабинской степи и всей Кулундинской по причине засоленности почв первой и безводности второй². Оно подкреплялось фактом практически полного отсутствия к 1870-м гг. постоянных и сколь-либо значительных населенных пунктов в степной части Алтайского округа [2, с. 18]³.

Неутешительными оказались и прогнозы исследователей рубежа XIX–XX вв.: эксперты оценили степную зону Алтайского округа (прежде всего Кулундинскую, за исключением ее юго-

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2777. Л. 2–4 об.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 5. Д. 37. Л. 1.

³ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1987. Л. 131 об.

восточных районов, и Бельгагачскую степи) как рискованную для развития широкомасштабного зернового хозяйства в силу «сложности» ее природно-климатических параметров: отмечались материковый характер происхождения рек, преобладание разной степени засоленности озер, незначительность древесной растительности и сенокосных угодий, бедность осадков и быстрая утрата почвой производительных свойств и др.

Тем не менее, вопреки мнению специалистов, в начале XX в. степи Алтайского округа явились объектом колонизационной активности крестьян-земледельцев и начали вводиться в сельскохозяйственный оборот уже в 1907 г. Так, первые переселенческие участки из-за небывалого наплыва мигрантов начали образовывать «с лихорадочной поспешностью» [3, с. 151] в северо-восточном углу Кулунды, свободном от кочевий, летом указанного года до завершения статистико-хозяйственного обследования территории [4, с. 167]. В 1907–1909 гг. переселенческая организация получила для заселения крестьянами свободные земли Бельгагачской, Ремовской, Узкой, части Коростелевской и Кулундинской степей. Относительно цельные и свободные от сельского населения земельные лакуны делали данные территории чрезвычайно привлекательными для решения задач переселения, что позволяло оценить их как «легкий» земельный фонд, особенно сравнительно с лесными и таежными пространствами Томской губернии¹.

Указанные обстоятельства способствовали вхождению степей Алтая в период усиленной земледельческой эксплуатации. Также сказывалась и отмеченная современниками «жадность» переселенцев к земле [5, с. 535]. Так, по данным подворного обследования 1911 г., в северной части Кулундинской степи местные крестьяне практиковали выделение под пахотные земли максимально возможные площади в ущерб пространствам для выкашивания травы, предпочитая кормить скот хлебным зерном

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 78. Л. 2, 13об.

[3, с. 158]. А в Коростелевской степи крестьяне распахали под пар дно пересохшего озера¹.

Вновь устраивавшимися земледельцами не могло быть учтено такое свойство целинных земель округа как «тароватость», т.е. низкая мощность, способность поддерживать высокие показатели урожайности непродолжительное время. Уже в 1910-е гг. в алтайских газетах сообщалось об «усталости» земель Кулунды и ссорах между крестьянами за ее девственную почву². Фиксировалось даже падение урожайности: вместо 70–100 пуд. с десятины собирали 50–40 пуд., а нередко и 15 пуд.³

Агроном полтавской земской организации И.М. Морозов также отметил, что целинный чернозем алтайской равнины в результате обработки быстро терял свое зернистое строение, что превращало его в пылеобразную массу [6, с. 8]. Кроме прочего, он упомянул тот факт, что в степном районе Алтая посев осуществляется руками и нередко укатывается катком для того, чтобы предотвратить выдувание частиц почвы [6, с. 29].

В целом экстенсивное хозяйствование и значительная нагрузка на пашни привели в Кулундинской степи к повышению уровня засоренности полей (овсюг, гречушка, осот и другие сорные травы) и появлению различного рода вредителей⁴. Интересно, что в Бельгагачской степи местные земледельцы не применяли никаких средств борьбы с таким вредителем, как кобылка, кроме «сноровки засеять хлеб возможно большими площадями» [7, с. 16], поскольку насекомое легко уничтожало маленькие участки и не справлялось с большими площадями.

«Сложные» для хозяйствования ресурсы степей повлияли также на эксплуатацию сенокосных угодий. В частности, по данным ученого и преподавателя В.В. Никольского, в средней части равнинного района Алтайского округа, к югу от системы реки Бурлы, в наиболее высокой части Кулундинской степи уже в первой четверти XX в. ощущался недостаток сенокосов. Здесь в

¹ Жизнь Алтая. 1915. 17 мая.

² Там же. 25 июля.

³ Там же.

⁴ Алтайский крестьянин. 1913. 14 сент.; 1914. 1 февр.

погоне за травой крестьяне шли на риск и выкашивали пустоши, предназначенные под пашню. Обкошенные пустоши слабо задерживали снег, потому земля не могла запастись продуктивной влагой весеннего таяния, необходимой для вегетации злаковых в степной зоне [8, с. 13]. Нехватка сенокосов была зафиксирована и в степной части Змеиногорского уезда в 1915 г. Здесь в результате «работы» вредителей началась бескормица и падеж скота, потому лесничие разрешили выпас скота по не облесенным прогалинам и полянам лесов Кабинета его Императорского Величества¹.

Многочисленные примеры вмешательства человека в природные процессы нашли отражение в практике лесопользования алтайских крестьян. Исследователи прямо писали о хищническом истреблении лесов Алтая, прогрессирующим по мере увеличения плотности населения [9, с. 32; 10, с. 49; 11, с. 73–74]. Острая потребность только обживающихся в регионе крестьян в строевом и «бытовом» лесе вкупе с ограниченными лесными богатствами алтайских степей приводили к настоящим бедствиям. Так, в 1915 г. в с. Вознесенском (Кулундинская степь), страшный ветер разорил мельницы, снес крыши домов, поломал заборы и изгороди и др., поскольку ему «легко было разгуляться в голой степи», «созданной» порубками².

Согласно данным В.Я. Нагнибеды, результатом хозяйственной деятельности крестьян в Кулунде явилось изменение отношения колков и кустарников к общей площади наделной земли. Если в 1907–1908 гг. она исчислялась в 3,04 %, то согласно обследованию переселенческих поселков 1913 г. равнялась уже 0,2 % [4, с. V–VI]. Даже на территории к северу и северо-востоку от озера Чаны, отнесенной специалистом к лесостепному району, площадь с лесными насаждениями к моменту отвода переселенческих участков в 1894–1907 гг. Составляла 12,25 %, а в 1913 г. – 1,6 % [4, с. 15].

Некоторые специалисты прогнозировали, что порубки подобного масштаба могут привести к занесению хлебобордных

¹ Алтайский крестьянин. 1913. 4 июля.

² Там же. 17 июля.

районов песками [6, с. 4], лишат посевы естественных преград от выдувок снежного покрова, выступающего в качестве защитного слоя [10, с. 49]. Основатель фитосоциологии профессор Томского университета П.К. Крылов отмечал, что сокращение лесной растительности (северные районы Кулундинской степи) в результате порубок и прореживания, а также прогонов скота, создало условия для нагревания и просушивания поверхностных слоев почвы. Следствием этого явилась не только более легкая выветриваемость почвы, но и рост концентрации соляных растворов в грунте [12, с. 49, 61].

Таким образом, процесс хозяйственного освоения земледельцами степей Алтайского округа являл собой пример значительного вмешательства в природную среду, выразившегося в усиленной эксплуатации земельных и лесных ресурсов и имевшего в исторической ретроспективе значительные последствия. Так, для Кулундинской равнины в XX в. фиксировались такие глобальные экологические проблемы, как деградация земель, развитие процессов водной и ветровой эрозии, засоление и осолонцевание, опустынивание, уменьшение биоразнообразия вблизи населенных пунктов и пастбищ [13, с. 253–258]. В целом крестьян рубежа XIX–XX вв. отличал низкий уровень экологической культуры, потому так называемая «этика выживания» вкуче с традициями землепользования и технологиями обработки земли, а также конъюнктурой миграционного процесса, требовавшей скорейшего устройства «пришлых», обусловили нанесение весомого удара по экосистеме степи переселенцами данного периода.

Список литературы

1. Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912. 31 с.
2. Миддендорф А.Ф. Бараба. СПб., 1871. 123 с.
3. Нагнибеда В.Я. Кулундинская степь Барнаульского уезда и культурно-экономический ее центр – село Славгородское // Труды Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за 1913, 1914 и 1915 гг. Томск, 1917. Кн. IV.

4. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский: материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1913. Вып. 1. 365 с.

5. *Марусин С. (Швецов)*. В степях и предгорьях Алтая. Рассказ из жизни переселенцев // Вестник Европы. 1903. Кн. 8.

6. *Морозов И.М.* Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем. Харьков, 1908. 75 с.

7. *Катанаев Г.Е.* Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1893. Кн. XV. Вып. II.

8. *Никольский В.В.* Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отдел II. Сельское хозяйство в Алтайском округе. СПб., 1916.

9. *Арефьев В.С.* Описание Сибири. Очерки для народного чтения. Томск, 1900. Вып. I. Географическое положение и природа Сибири. 105 с.

10. *Степной И.* Сибирь. М., 1912. 104 с.

11. *Крылов П.Н.* Томская губерния. Растительность в Барабинской степи и смежных с ней местах. М., 1914. 44 с.

12. *Крылов П.Н.* Степи западной части Томской губернии. Пг., 1916. Ч. II. Ботанические исследования 1913 года. Вып. 1. 139 с.

13. *Силантьева М.М.* Экологические последствия освоения Кулундинской степи (Алтайский край) в XX век // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в.: мат-лы III всерос. науч. конф. Барнаул, 29 июня – 1 июля 2012 г. Барнаул, 2012. Т. 2. С. 247–260.

**Вчерашняя окраина как «место модерна»:
сельскохозяйственное предпринимательство
Западной Сибири в конце XIX – начале XX века**

I.I. Krott

**Yesterday's Outskirts as a "Place of Modernity":
Agricultural Entrepreneurship
in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries**

Аннотация. В фокусе исследования вопросы формирования и развития сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., которое стало одним из маркеров изменений социально-пространственных структур империи после строительства Сибирской железной дороги. Автором делается вывод о том, что Сибирь, как «вчерашняя» окраина, стала «местом модерна», «пространством будущего». Поворот к экономической активности, вызванный сооружением железнодорожной магистрали и «демографической инженерией», изменил повседневную жизнь, стратегии поведения представителей сельского сообщества региона. Новое сообщество «сельских» предпринимателей выступало в регионе в качестве «рыночного фермента», меняющего сибирское общество, оно было «агентом» социально-экономической, культурной модернизации сибирского пространства. В то же время сельскохозяйственное предпринимательство само испытывало мощнейшее внешнее воздействие со стороны принимающего социума.

Ключевые слова: Сибирская железная дорога, модернизация, аграрная колонизация, сельскохозяйственное предпринимательство, социокультурные изменения, Западная Сибирь.

¹ **Кротт Иван Иванович**, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, Россия, Омск, e-mail: ivkrott@mail.ru

Krott Ivan Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Omsk State Pedagogical University, Russia, Omsk, e-mail: ivkrott@mail.ru

Рубеж XIX–XX вв. – период важнейших трансформаций в социально-пространственных и экономических структурах «окраины» Российской империи – Западной Сибири. Общим знаменателем этих изменений был процесс развития капиталистических отношений, «включение» местного хозяйства в систему всероссийских и международных рыночных связей и социальных структур.

Строительство Сибирской железной дороги и, как следствие ее использования, массовая аграрная колонизация «открыли» регион для капитализма, создав Сибири репутацию «новой Америки». Железная дорога символизировала наступление «нового» времени, когда экономика, социальные структуры, культурные практики «старой» Сибири оказались в состоянии радикальной трансформации.

Рост дорожной сети империи, особенно к концу XIX в., привел к существенному подъему географической мобильности, когда население империи пришло в «движение». Усовершенствование инфраструктуры, благоприятная рыночная конъюнктура – все это в немалой степени способствовало развитию деловой активности населения как имперского «центра», так и локального сибирского сообщества. Экономическая жизнь Сибири, как отмечали современники, «зародилась» только с проведения железной дороги. Более того, они обращали внимание и на тот факт, что «под гнетом экономических условий более энергичные элементы разных категорий ринулись сразу в неведомый край», где «за что ни возьмись – работать можно с выгодой»¹.

Для множества людей благодаря железной дороге Сибирь впервые стала лично постигаемой во всей ее величине, экономическом и социокультурном разнообразии. Не детализируя дискурс о роли и значении Сибирской железной дороги в правительственных, деловых, экспертных и общественных кругах имперского общества, отметим, что возможная/реальная модер-

¹ Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 г. в г. Омске. Омск, 1912. С. 81–82.

низация путей сообщения в Сибири сталкивалась с далеко не единодушным одобрением современников. В то время как одни видели в железной дороге средство для ускорения интеграции империи в единое политическое и экономическое пространство, другие говорили о возможных негативных социальных и политических последствиях этого действия. При этом сторонники/противники инфраструктурной модернизации Сибири были едины в том, что использование этого нового средства сообщения в длительной перспективе приведет к глубокой трансформации существующих, как в «центре», так и в регионе не только экономических, а прежде всего, социально-пространственных структур [1].

В связи с этим «местом действия», точкой, где сфокусируется анализ, будет вопрос формирования и развития сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., которое стало одним из маркеров изменений и/или возникновения новых форм социально-пространственных структур, как результат строительства и использования Сибирской железной дороги. В итоге создание инфраструктурной сети поощряло современные формы становления общества в национальном и имперском контексте.

Транссибирская магистраль сделала Сибирь «интересной», о ней стали писать как иностранцы, так и русская журнальная пресса [2; 3; 4; 5; 6]. Первые транслировали устоявшийся образ Сибири, для которого были характерны «необъятные пространства», «суровая природа», «плохие дороги», «похожие на большие деревни сибирские города», «архаика» в организации своего дела и торговли. Интерес иностранных деловых кругов к Сибири в этот период, безусловно, актуализировался сообщениями о возможном строительстве железнодорожной магистрали, полемике вокруг этого вопроса в высших правительственных и экспертных кругах империи.

До строительства железной дороги русской журнальной прессой, имперской деловой элитой создавался образ Сибири как территории «малоизвестной», как края «чиновничьего

произвола», как места «каторги и изгнания». Но со временем, в общественном мнении все чаще стали указывать на то, что Сибирь – это «богатейший регион», территория, открывающая возможность повысить свой социальный статус, улучшить материальное благосостояние, это «наше русское Эльдorado, где смелого искателя ждет и счастье, и богатство»¹. По мнению Н.Н. Родигиной, в 1850 – начале 1880-х гг. «спящая Сибирь» номинировалась общественным, прежде всего консервативным публицистическим дискурсом, как ресурсная кладовая, имперский резерв не только в экономическом смысле, но и в социально-политическом [6, с. 124].

Ситуация изменилась в конце 1880-х – начале 1890-х гг., когда Сибирь стала одним из приоритетных объектов публицистического дискурса, активно использующего, по утверждению Н.Н. Родигиной, метафору «пробуждение ото сна» [6, с. 124]. Изменение «места Сибири» в имперских управленческих стратегиях окончательно произошло 6 ноября 1892 г., после одобрения императором рельсового пути от Челябинска до Владивостока. С.Ю. Витте представил Александру III свое видение трансконтинентального железнодорожного сообщения как средства территориальной интеграции и социально-экономического преобразования восточной части империи. Он был убежден, что запланированная железная дорога даст Сибири «могущественный толчок», приписывал ей функцию «артерии», которая пробудит к жизни «спящие части» национального тела [7, с. 159–183].

Строительство и использование железной дороги «открыли» Сибирь для сельского населения империи. В общероссийском миграционном потоке, а по оценкам Стивена Дж. Маркса «демографической инженерии широкого масштаба» [8, р. 154], направлялись в Сибирь и сельские предприниматели, и простые крестьяне. Последние стремились найти здесь массу плодородной земли и условия свободного хозяйствования на ней; сельские предприниматели – возможность организовать дело

¹ *Золотилов К.* Сибирская тайга // *Русский вестник.* 1863. № 1. С. 313.

так, чтобы получать большую, нежели ранее, прибыль¹. Омская газета «Степной край» в 1905 г. по этому поводу писала: «Практический ум этих предпринимателей сразу смекнул, что огромные площади нетронутой сибирской земли, не имеющей здесь настоящей ее ценности, вполне и без всякого риска послужат самым наивернейшим залогом развития сельскохозяйственного дела, поставленного рационально и на капиталистических началах»².

Формированию нового сообщества сельских предпринимателей в регионе и развитию их хозяйств способствовали наличие значительного земельного фонда (арендного и частновладельческого), относительно развитая инфраструктура экономического пространства (состояние транспортной системы, торговли, коммерческого кредита, рынка наемной рабочей силы), содействие со стороны местных органов власти и управления [9].

Большинство предпринимателей были мигрантами из юго-восточных областей и губерний европейской части империи – Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Харьковской, Кубанской губерний и области Войска Донского [10, с. 2]. Дискурс на страницах сибирской прессы рассматриваемого периода указывал на широкое распространение в области аграрного производства «капиталов», «знаний и предприимчивости»³.

Поворот к экономической активности, вызванный сооружением железнодорожной магистрали, изменил повседневную жизнь, стратегии поведения представителей сельского локального сообщества. «Хозяйство натуральное уступило место хозяйству денежному, – свидетельствовал один из корреспондентов омской газеты «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» (1913 г.), – Жизнь стала напряженнее, живее и интенсивнее. Потребности увеличились»⁴. Покупки, продажи различ-

¹ Исторический архив Омской области. Ф. Р-209. Оп. Д. 742. Л. 8–9об.; Ф. 67. Оп. 2. Д. 2408. Л. 8об.; Д. 2855. Л. 68.

² Степной край (Омск). 1905. № 133. С. 3.

³ Там же. № 133. С. 3; № 136. С. 2–3; Сибирское слово (Томск). 1911. № 151. С. 2.

⁴ Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства (Омск). 1913. № 1. С. 5.

ных товаров стали обычным явлением в жизни сибирских сельских жителей, которые в новых условиях втягивались в экономическую деятельность. Определенным образом поменялся характер труда земледельца и животновода. Теперь он был сопряжен с покупкой сортовых семян, усовершенствованных сельскохозяйственных машин и сепараторов. Произошло усиление отраслевой специализации хозяйств, что особенно было заметно у сельского населения, занимающегося маслоделием [11, с. 122; 12, с. 179].

Предпринимательские хозяйства региона по своей структуре делились на две группы. Первая – меньшая по количеству хозяйств, но большая по площади используемых земель – носила чисто капиталистический, предпринимательский характер. Вторая группа была представлена фермерскими хозяйствами, где наряду с наемными рабочими в производственном процессе принимали активное участие и все члены семьи владельца¹.

В итоге сельские предприниматели в начале второго десятилетия XX в. стали играть в Сибири заметную роль в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции полеводства, животноводства, овцеводства и коневодства. При этом особое значение имели так называемые «культурные хозяйства», сосредоточившие в себе последние достижения в области агрокультуры – лучшие сорта зерновых и технических культур, улучшенные породы животных, новейшую сельскохозяйственную технику. Кроме того, многие предприниматели самостоятельно производили научные опыты, направленные на интенсификацию производства².

Таким образом, процесс формирования сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири во многом был связан с новыми социально-пространственными отношениями в восточной части империи. Сибирский регион после постройки железной дороги и «демографической инженерии» изменил

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 48, 49.

² Земля для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913. С. 70–153, 209–225.

материальную форму пространства, систему регулирования социально-экономических практик, в целом структуры пространственного восприятия. «Вчерашняя» окраина стала «местом модерна», «пространством будущего». Необходимо признать, что новое сообщество «сельских предпринимателей» выступало в регионе в качестве «рыночного фермента», меняющего сибирское общество, оно было «агентом» социально-экономической, культурной модернизации этого сибирского пространства. Но это сообщество и само испытывало мощнейшее внешнее воздействие со стороны принимающего социума. В данном случае это означало, что и структуры социальных пространств, сформировавшихся в Сибири благодаря строительству и использованию железной дороги, сами непрерывно подвергались изменению вследствие мобильности и деятельности акторов, и социально-экономическая практика акторов отражалась на структурах социального пространства.

Список литературы

1. Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: НЛЮ, 2016. 584 с.
2. De Windt H. Siberia as it is. London, 1892. 504 p.
3. Frazer J.F. The real Siberia together with an account of Dash though Manchuria. London, 1904. 380 p.
4. Оланыон Кл. Сибирь и ее будущность. СПб.: Просвещение, 1903. 253 с.
5. Глейнер А. Сибирь – Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев: Тип. Петра Барского, 1906. 60 с.
6. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
7. Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела. 6 ноября 1892 г. // Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1., кн. 2, ч. 1. М., 2004. С. 159–183.

8. *Marks S.G.* Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London: Tauris, 1991. 240 p.

9. *Кротт И.И.* Вчерашняя окраина как место прорыва: сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Исторический курьер. 2018. № 2. Статья 2. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-02.pdf>

10. *Зефилов Н.* Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914.

11. *Головачев П.М.* Экономическая география Сибири. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1914. 183 с.

12. *Боголепов М.Н.* Торговля Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 169–200.

Феномен отходничества в Сибири в 1920-е годы

N.A. Potapova

The Phenomenon of Otkhodniki in Siberia in the 1920s

Аннотация. В статье, на материалах Сибирского края, рассматривается феномен отходничества, существовавший в дореволюционной России и возродившийся при большевистской власти в начале 1920-х гг. Данный процесс порождался желанием крестьян подзаработать вне мест постоянного жительства, носил временный, чаще всего сезонный характер, по завершению которого население возвращалось домой на сельскохозяйственные работы. В период империи такой процесс чаще всего имел неорганизованный характер, хотя правительство пыталось контролировать отхожие промыслы, но в полной мере ему этого сделать не удавалось. Советское руководство начиная со второй половины 1921 г. постепенно пыталось решить эту проблему путем установления государственного контроля над нерегулируемыми отходами. В исследовании выясняются методы контроля над отходниками, его итоги, а также масштабы отходничества в целом по стране и в Сибири.

Ключевые слова: отходничество, крестьянство, государственное регулирование промысловой миграции, Сибирь.

Феномен отхожего промысла (или отходничества) появился в нашей стране еще до революционных событий. В Российской империи под отходничеством понималась временная, чаще всего сезонная работа крестьян вне мест постоянного жительства. По оценкам исследователей такой способ заработка составлял значительную часть дохода сельского населения и имел широкое распространение. Во втором десятилетии XX в. численность

¹ **Потапова Наталья Анатольевна**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: skna17talya@mail.ru

Potapova Natalya Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: skna17talya@mail.ru

отходников снизилась. Среди причин, объясняющих такой спад, можно назвать повышенную смертность трудоспособного мужского населения в ходе Первой мировой войны и последовавших революционных событий, а также голод 1921 г. Кроме того, в первые годы советской власти царившая в городах безработица, отсутствие спроса на сезонную рабочую силу и введенные правила регистрации всех работников биржами труда сдерживали отходничество. Однако уже во второй половине 1921 г. большевики столкнулись с этим феноменом: в Москву стали прибывать крестьяне на заработки. В дальнейшем их численность возрастала. К возобновлению традиционного процесса сельское население подталкивала нехватка денежных средств для выплаты налогов и восстановления разрушенных хозяйств.

Увеличение масштабов отходничества, с одной стороны, а с другой – рост безработицы побудили новое правительство, учитывая опыт дореволюционной России, поручить контроль над этим процессом отделу статистики труда Народного Комиссариата Труда (НКТ). В конце июня 1924 г. Народный Комиссариат Труда издал циркуляр о производстве обследований по выявлению размеров отхожих промыслов и о порядке участия местных органов НКТ в проведении этого обследования¹.

Цель данного распоряжения заключалась в установлении ежегодных масштабов отходничества как в целом по стране, так и в регионах, организованности движения, определении специализации крестьян, ищущих работу в городе. С этого циркуляра процесс стихийного неорганизованного отхода постепенно начинает вставать под контроль нового государства. Отход крестьян на заработки являлся одной из причин безработицы, т.к. наплыв рабочей силы из деревни значительно превышал потребности в ней еще не восстановившейся экономики. Кроме того, отходни-

¹ Циркуляр НКТ РСФСР от 28 июня 1924 г. о производстве обследований по выявлению размеров отхожих промыслов и о порядке участия местных органов НКТ в проведении этого обследования (с приложением опросного листа) // Известия НКТ СССР. 1924. № 27. С. 14–15.

ков обвиняли в массовых общественных беспорядках в городах. В планы большевиков входило установление полного административного регулирования над сезонными передвижениями крестьян.

В 1920-е гг. можно выделить три периода в регулировании отходничества, при этом на каждом из них все сильнее «закручивались гайки» и ограничивались промысловые миграции. Первый, или подготовительный этап охватывает 1921–1924 гг. НКТ начал исследование вопроса, регионы обязывались собирать и предоставлять подробные сведения о поле и возрасте крестьян, их численности и специализации, месяце ухода и возвращения, месте работы. Такие обследования НКТ проводил до 1929 г. ежегодно. В первый период биржи труда постепенно начали выполнять роль посредника между рабочими и промышленностью. В некоторых крупных городах, в первую очередь в Москве и Ленинграде, биржи труда ограничивали или отказывали в регистрации приезжим, в результате чего отходники не могли попасть на работу. Однако предпринятые ограничительные меры советского руководства не привели к спаду процесса, крестьяне устремлялись на общественные работы в регионы, где планировалось масштабное строительство [1, с. 56].

В рамках второго периода (1925–1926 гг.) советское государство активно стало вводить вербовочную систему. Вербовочные бюро обязывались нанимать крестьянскую рабочую силу для основных сезонных отраслей экономики. Однако сельское население неохотно шло на такое предложение от государства, т.к. зачастую возникали противоречия и недоговоренности в оплате труда и проезда, предоставлении жилья и других вопросов. В связи с этим в 1926 г. биржам труда передали полномочия проводить вербовочные кампании, смысл которых заключался в том, что биржи труда набирали; на основании присланной предприятием заявки, группу наемных рабочих и направляли в место назначения. Регулируемая вербовочная система постепенно вытесняла неконтролируемые крестьянские отходы.

Кроме того, для регулирования сезонной миграции НКТ была развернута в местах отхода специальная сеть корреспондентско-информационных пунктов, которые занимались учетом отходников и участием в вербовках рабочих, проводимых биржами труда и хозяйственными организациями. Всего в 1927 г. было создано 929 таких пунктов. Как правило, последние открывались в губерниях, где существовал наиболее массовый отход населения на промыслы. Часть подразделений находилась в сельской местности, районах прихода сезонных рабочих (главным образом сельскохозяйственных рабочих). Эти пункты производили, помимо вышеперечисленного, непосредственную отправку рабочих на государственные сельскохозяйственные предприятия (сахарные заводы и свекловичные поля).

Следующий этап регулирования отходничества (1927–1930 гг.) происходил в условиях свертывания нэпа и реализации первого пятилетнего плана. В этот период государство усилило ограничительные меры для крестьянского населения, желающего подзаработать. Отходников не брали на учет биржи труда, исключали из профсоюзов, высылали из городов. Кроме того, теперь с неземледельческих доходов крестьяне обязывались платить сельскохозяйственный налог.

Несмотря на государственные ограничительные меры масштабы промысловой миграции росли на всем протяжении 1920-х гг. Меньше, чем за десять лет численность крестьян-отходников увеличилась в 2,5 раза, если в 1923 г. их количество исчислялось порядка 1,7 млн чел., то к 1929 г. эта цифра возросла до 4,3 млн чел.¹ Из отчета Наркомтруда СССР о регулировании рынка труда и борьбе с безработицей за 1926–1927 гг., подготовленного зимой 1928 г., следует, что только 18 % сельского населения, занимающегося отхожими промыслами, не попало в общую статистику². Если принять это замечание во внимание, то

¹ Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг. М., 1930. С. 34–35.

² Из отчета Наркомтруда СССР о регулировании рынка труда и борьбе с безработицей за 1926/27 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/6182> (дата обращения: 12.06.2021).

порядка 1 млн человек не было учтено. Несмотря на то, что НКТ с 1923 г. ежегодно проводил обследование отходничества, организация учета оставляла желать лучшего. Так, в докладе о состоянии труда и мерах борьбы с безработицей в городах Сибирского края отмечалось, что осветить в полном объеме отход крестьян по всем населенным пунктам региона не представляется возможным, т.к. вместо 255 районно-исполнительных комитетов имеются сводные данные по этому вопросу только от 148¹.

В целом Сибирский край занимал одно из последних мест по масштабам промысловой миграции, хотя ее показатели неизменно росли. За обследуемый период 1925–1926 гг. в регионе учету подверглось около 41 тыс. крестьян, а уже в 1928–1929 гг. около 144 тыс. чел.², т.е. почти за пять лет численность отходников в крае увеличилась в 3,6 раза, что даже больше, чем по стране в целом.

Доля крестьян-отходников от общего числа имевшихся в Сибири дворов к концу 1920-х гг. составила около 10 %, а в начале десятилетия этот показатель не превышал 2,8 %. Отход наблюдался в весенние месяцы и происходил он, главным образом, внутри Сибирского края. В числе сельских жителей, отправлявшихся на заработки, доминировали мужчины – около 77,5 %, количество женщин не превышало отметки 17 %, а на подростков обоего пола приходилось не более 5,5 %. По профессиональному составу в числе отходников были чернорабочие (61,6 %), дроворубы (9,6 %), домработницы (5,6 %), плотники (3,2 %), лесовозчики (1,5 %), каменщики (1,6 %), печники и штукатуры (0,4 %) и другие³.

Таким образом, советское руководство в 1920-е гг. пыталось отходничество сделать сферой государственного регулирования. Главная причина, побуждавшая большевиков к этому, заключалась в том, что само по себе существование неорганизованной промысловой миграции вступало в противоречие с системой

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 4.

² Вопросы труда в цифрах... С. 34–35.

³ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 4.

плановости строительства народного хозяйства. В конце 1920-х гг. отходничество было заменено организованными наборами. Но нельзя утверждать, что это явление было полностью ликвидировано. С 1929 г. рост численности промысловых мигрантов продолжался, что, вероятнее всего, говорило о проблемах, существовавших в советской деревне, где начало коллективизации спровоцировало новый гигантский поток отходников. Эти события происходили на фоне индустриализации, которая обнажила нехватку рабочей силы, восполняемую в том числе путем привлечения крестьян-отходников. С одной стороны, государство пыталось устранить барьеры для отходничества, с другой – превратить его контролируемый процесс перераспределения трудовых ресурсов между городом и деревней.

Список литературы

1. Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3. С. 51–62.

Сибирское маслоделие – не состоявшийся тренд российской модернизации

A.A. Nikolaev

Siberian Butter Making is Afailed Trend of Russian Modernization

Аннотация. В статье выявляются основные факторы, предопределившие низкие темпы восстановления сибирского маслоделия в годы нэпа. Причины заключаются не в кратковременных последствиях Гражданской войны, а в объективном сдвиге структуры сельского хозяйства Сибири в пользу растениеводства и падении товарности молочного животноводства и маслоделия вследствие изменения внутренних цен в аграрном секторе в пользу зерновых культур и временной изоляции от зарубежных рынков сбыта. Целый комплекс факторов не позволил воссоздать цепочку прочных экономических связей маслодельной кооперации с крестьянскими хозяйствами. Следствием утраты экономических мотиваций и администрирования в кооперативном строительстве стали факты фальсификации молока при сдаче на маслозаводы, опора на заемные, а не собственные средства, принятие инвестиционных решений без учета мнения пайщиков. Отказ от мягкого варианта индустриализации, на который ориентировалась часть местной политической элиты, и курс на коллективизацию подорвал основы рыночного варианта трансформации маслоделия.

Ключевые слова: нэп, маслоделие, кооперация, молочное животноводство, Сибмаслосоюз, Сибирь.

¹ **Николаев Александр Алексеевич**, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: agronicol@gmail.com

Nikolaev Aleksandr Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: agronicol@gmail.com

Аграрный сектор на протяжении столетий являлся основой экономического развития России, на которой создавался фундамент отечественной промышленности и формировался историко-культурный код национальной идентичности россиян, включавший общинно-артельные традиции, оказавшие непосредственное влияние на формирование кооперативного движения и маслодельной кооперации. С конца XIX – начала XX в. важнейшим источником поступления средств в государственный бюджет и продовольственного обеспечения страны становится аграрный сектор Сибири. Визитной карточкой региона становится производство животного масла, и он превращается в крупнейшего мирового экспортера данного продукта. На бочонке масла размещается товарный знак с изображением белого лебедя, символизирующего экологическую чистоту и высокие потребительские свойства продукта. В структуре экспортных поставок Российской империи коровье масло заняло пятое место после хлеба, лесоматериалов, яиц и льна. Базовым макроэкономическим фактором прорыва стало сооружение Транссибирской магистрали, оказавшей революционизирующее воздействие на всю сибирскую экономику за счет снижения транспортных издержек и открытия европейских рынков. Строительство железной дороги внесло существенные коррективы в правительственную экономическую политику, придав ей отчетливо протекционистский характер по отношению к отечественным маслоделам, поскольку наполнение дороги товарной продукцией позволяло получать средства для обслуживания и погашения западных кредитов. Помимо челябинского тарифного перелома, установившего ограничения для вывоза хлеба, за счет казны строились вагоны-холодильники для перевозки масла, которые являлись дополнительным механизмом получения прибыли, оплачивались услуги инструкторов маслоделия, осуществлявших организационное и технологическое сопровождение отрасли. Сложившийся комплекс благоприятных факторов вывел маслоделие и молочное животноводство на

приоритетные позиции не только в экспорте, но и в объеме товарного сельскохозяйственного производства.

По расчетам В.А. Ильиных, в 1913 г. доля земледелия в валовой продукции сельского хозяйства составляла 71 %, а животноводства – 29 %. В товарной же части картина складывалась зеркально противоположная: 28 % приходилось на полеводство и 72 % – на животноводство. Причем в последнем доминировало молочное направление. Удельный вес маслоделия составлял чуть более половины (мясо и сало – не более 22 %) [1, с. 49].

Молочное животноводство, в отличие от мясного, выступив в качестве основного тренда развития аграрной Сибири в начале XX в., в меньшей степени подверглось разрушительному воздействию Гражданской войны, но сохранить свой значимый вес в экономике региона в условиях нэпа не смогло. Оценивая то, что случилось с высокодоходной отраслью в 1920-е гг., мы должны учитывать те тенденции, ростки которых были заложены уже в годы Первой мировой войны и были связаны с изменением отраслевой структуры сельского хозяйства Сибири в пользу полеводства. Возрастающие потребности страны в хлебе, увеличение численности крестьянского населения Сибири за счет естественного прироста и столыпинского переселения заставили правительство отменить дискриминационный железнодорожный тариф при транспортировке хлеба в Европейскую Россию. Первая мировая война привела к дальнейшему росту производства и товарности зернового хозяйства, в связи с увеличением заказов армии и повышением внутреннего спроса. Еще в августе 1914 г. был закрыт доступ масла на европейские рынки. В 1915 г. из-за ухудшения продовольственной ситуации и попыток частных заготовителей взвинтить цены были введены предельные (твердые) закупочные цены на масло, а монопольное право на его заготовку передано Союзу сибирских маслодельных артелей. Белые власти в Сибири пошли на отмену этой монополии в 1919 г., но это уже ничего не изменило, а пришедшие к власти большевики ввели продовольственную разверстку. Гражданская война и привнесен-

ные большевизмом в экономическую политику идеологические и классовые мотивации только усугубили кризис.

К военно-политическим потрясениям добавились крайне неблагоприятные биоклиматические условия стартовой площадки нэпа. Неурожай, как следствие засухи лета 1921 г., вызвал массовый забой скота в 1922 г. В совокупности это предопределило долговременную тенденцию устойчивого сокращения производства и сбыта масла в течение 1914–1922 гг. Объем заготовок масла с 1 781 тыс. пудов в 1918 г. сократился до 422 тыс. пудов в 1920 г., или в 4,2 раза. Уровень заготовок 1921 г. незначительно превысил 1920 г. и составил 445 тыс. пудов. В 1922 г. вывоз масла из Сибири достиг минимального значения – 406 тыс. пудов и снизился в сравнении с 1915 г. в 8,3 раза¹.

Только с 1923 г. наметилось восстановление сельского хозяйства, в том числе молочного животноводства. Однако достичь дореволюционного уровня развития маслоделия так и не удалось. Изменение структуры сельскохозяйственного производства, произошедшее под воздействием макроэкономических факторов, кардинально повлияло на ценообразование. Изоляция маслоделия от экспорта, способность растениеводства восстанавливаться быстрее, чем животноводства, в силу биологических особенностей, неотвратимо произвели революцию внутренних цен. Масло как внутренний рыночный продукт окончательно уступило свое место хлебу. По данным Конъюнктурного института 1928 г., цены на пшеницу в Сибири в сравнении с 1913 г. увеличились в 1,6 раза, на мясо – в 2,1, в то время как на молоко – менее чем в 1,4 раза².

С государством выгоднее стало рассчитывать не молоком, а мясом. Ценообразование самым непосредственным образом повлияло на экономическое поведение крестьянства, которое в большей степени, чем ранее, обратило молочно-масляное хозяйство на личное потребление. Не выгодной стала и поддержка

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4085. Оп. 9а. Д. 1235. Л. 23.

² Там же. Ф. А-406. Оп. 9. Д. 850. Л. 8.

молочного животноводства со стороны заготовительных организаций. Отходы мукомольной и маслобойной промышленности стали целевым образом распределяться хозяйствам, выполняющим план хлебозаготовок, а не молочной кооперации, а также поставляться на экспорт.

В результате сформировалась неотвратимая тенденция снижения уровня товарности маслоделия, что подтверждалось статистикой железнодорожных перевозок. Масло с первой позиции вывоза продуктов сельского хозяйства из региона переместилось на четвертое место после хлеба, мяса и крупного рогатого скота. В 1927/28 г. по сравнению с 1913 г. вывоз масла из Сибири сократился в два раза, а вывоз хлеба возрос в 1,4, мяса – в 1,6, крупного рогатого скота – в 1,2 раза¹.

Таким образом, ценовой приоритет в пользу зернового хозяйства оказался ведущим фактором в регулировании практически всех сторон сельскохозяйственного производства, включая распределение сильных кормов – важнейшей составляющей в рационе питания животных. Расплачиваясь с крестьянами за поставки хлеба отрубями, торгово-снабженческие организации решали свои плановые задачи, установленные высшими государственными органами. Крестьяне же тратили полученные кормовые ресурсы на выращивание крупного рогатого скота мясного направления. Цены определяли в данном конкретном случае экономическое поведение торгово-распределительных организаций и непосредственных производителей мясомолочной продукции.

Местное партийное руководство в недостаточной степени ориентировалось в сложившихся тенденциях развития агарного сектора, находясь, видимо, под впечатлением прорывной масляно-экспортной экспансии совсем недалекого прошлого. Не имея реального представления о структурных сдвигах, управленческая элита продолжала рассчитывать на повышение доходов от молочного животноводства и маслоделия. С.И. Сырцов, являясь секретарем Сибкрайкома ВКП(б) в 1926–

¹ ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 9. Д. 850. Л. 7.

1929 г., в условиях разгоревшихся дискуссий о темпах и вариантах индустриальной модернизации в образной форме предложил «въехать в Тельбесс на корове» (так в 1920-е гг. назывался Кузбасс)¹. Однако, становилось очевидным, что задуманная индустриализация в кратчайшие сроки возможна только на основе внутренних источников и в основном за счет зернового экспорта. Аграрно-индустриальный путь развития Сибири, предполагавший получение доходов за счет интенсификации сельского хозяйства, предлагавшийся внутривнутрипартийной оппозицией, оказался не востребованной и крайне опасной дорогой из-за нависавшей угрозы нового глобального военного столкновения. Рассчитывать на дореволюционную протекционистскую политику в отношении маслоделия не приходилось.

К концу 1920-х гг. возобладали негативные тенденции в развитии маслодельной кооперации. Крестьяне – пайщики в силу низких закупочных цен на молоко, больших издержек на содержание аппарата управления, бесхозяйственной эксплуатации маслозаводов утратили материальную заинтересованность в работе маслодельных артелей. Значительные капитальные вложения в строительство новых маслозаводов не давали адекватной отдачи. Политическим руководством это было расценено как недееспособность сбытоснабженческой сельскохозяйственной кооперации, доказательство необходимости перехода к производственным кооперативам. В начале 1930 г. низовое звено маслодельной кооперации – маслодельная артель ликвидируется, а маслодельные заводы передаются вновь организованным районным молочно-животноводческим союзам. Летом 1930 г. маслозаводы, находящиеся вне животноводческих районов, передаются потребительской кооперации. Этим по существу заканчивается деятельность маслодельной кооперации как самостоятельной специализированной кооперативной системы, а организация маслоделия возлагается на специализированные молочно-товарные фермы в колхозах и молочные колхозы.

¹ Северная Азия. 1927. № 1. С. 127.

Кратковременный итог реорганизации кооперативного управления и развернувшейся коллективизации сельского хозяйства оказался печальным. В 1930 г. вследствие массового забоя молочного скота заготовка масла по стране сократилась по сравнению с предыдущим годом почти в два раза: с 4,7 млн до 2,5 млн пуд [2, с. 6].

Таким образом, маслоделие и кооперация оказались заложниками постепенного замещения рыночной модели государственного экономического регулирования на планово-административную, подчиненную целям индустриальной модернизации. Вместо экспортноориентированной отрасли молочное животноводство и маслоделие стали едва обеспечивать внутренние потребности населения деревни и быстрорастущих городов. Практически пресеклась линия по интенсификации молочного животноводства и маслоделия на основе частных крестьянских, фермерских хозяйств и кооперации.

Казалось, что в новейшей российской истории открывались все возможности для развития личных подсобных и фермерских хозяйств, воссоздания маслодельной кооперации. Но в реальности на смену колхозам и совхозам пришли крупные монополистические объединения, вновь отбросившие мелкие формы хозяйствования на аграрную периферию и лишившие их фактически государственной поддержки.

Тяжелый след в истории оставили 1900-е гг. Бездумное реформирование аграрной сферы пагубно отразилось на потребительском рынке. На прилавках магазинов возник острый дефицит ценных пищевых продуктов молока, масла, творога, сыра, т.к. перерабатывающие отрасли лишились отечественного сырья. Производство цельномолочной продукции сократилось в Сибирском федеральном округе с 2 737 тыс. т в 1990 г. до 681,8 тыс. т в 2000 г. или в 3,4 раза, в Дальневосточном федеральном округе – соответственно с 1 004 до 168 тыс. т или в 6 раз. Выработка продукции стала осуществляться за счет сухого цельного и обезжиренного молока преимущественно импортного производства [3].

В 2010 гг. производство и переработка молока продолжали оставаться в неудовлетворительном состоянии, что не отвечало биоклиматическому потенциалу страны. В результате в 2014 г. на душу населения в России производилось молока в 3,5 раза меньше, чем в Республике Беларусь (211 и 708 кг соответственно). За 1990–2014 гг. потребление молока в среднедушевом потреблении сократилось на 37 %, а количество коров ежегодно уменьшалось на 1 % при незначительном росте продуктивности молочного стада. Более трети молока и молочных продуктов приходилось на импорт, а по сырам – почти половина [4, с. 6, 11].

Введение продовольственного эмбарго, устанавливающего защитный режим в ответ на западные санкции, не вызвало кардинальных перемен в производстве и переработке молока, и рост собственного производства оказался скромным, а потребление несколько улучшилось в значительной мере за счет импорта из Беларуси. Продовольственное эмбарго обернулось радикальным ростом фальсификата на рынке молочных продуктов и нечестной конкуренцией против добропорядочных производителей. Особенно часто стали подделывать масло и сыры [5, с. 25]. Молочные агрохолдинги начали массово снижать себестоимость, замещая молочные жиры растительными, в частности пальмовым маслом и производить фальсификат, не оповещая об этом потребителей.

Процесс реформирования аграрного сектора привел к замене всеислия советских колхозов и совхозов «сверхвсеислием агрохолдингов», два из которых стали контролировать почти 50 % рынка молока и молочной продукции России. Во всем аграрном секторе не оказалось достаточного пространства новым фермерским хозяйствам и кооперативам с их участием [6, с. 26, 27].

Аграрная политика практически проигнорировала декларированный на начальном этапе реформирования курс на многоукладность и стала ориентироваться на поддержку крупных монополий, чей лоббирующий потенциал оказался доминирующим в законодательной и финансово-распорядительной

области. Налагаемые законодателями требования по экологической безопасности, информационной и бухгалтерской отчетности оказались абсолютно не подъемными для мелких семейных предприятий, в которых зачастую руководитель вынужден выполнять большой набор сбытоснабженческих функций и не имеет возможности содержать дополнительный штат работников в непроизводственной сфере. С.Ю. Барсукова не без оснований предположила, что если бы на создание и модернизацию семейных молочных ферм были потрачены средства, сопоставимые с теми, что получили агрохолдинги, то сравнение с высокой вероятностью было бы не в пользу крупных производств [4, с. 11].

Изменение ситуации с производством молока и молочных продуктов невозможно без развития и поощрения многоукладности в аграрном секторе. Для этого необходим широкий комплекс поощрительных мер со стороны государства по отношению к хозяйствам различных форм собственности в аграрном секторе. При этом нужна не только непосредственная поддержка сельхозпроизводителей, но и содействие продвижению их товаров на местные рынки, минуя торговые сети и перекупщиков.

Список литературы

1. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири. 2009. Т. 3. 783 с.
2. *Меринов А.Ф.* За качество экспортного масла. М.; Л.: Внешторгиздат, 1932. 48 с.
3. *Сергеев В.Н.* Молочная промышленность России в цифрах // Молочная промышленность. 2002. № 3-4. С. 97–99.
4. *Барсукова С.Ю.* Молочные реки России // ЭКО. 2016. № 3. С. 5–17.
5. *Веселова Э.Ш.* Молоко в достатке, и мы не в порядке // ЭКО. 2016. № 3. С. 18–28.
6. *Калугина З.И.* Рыночная трансформация аграрного сектора России. Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.

Экономическая политика и стратегии экономических реформ

УДК 93/94.316.422

И.В. Побережников¹

Модернизация в истории Российской империи и СССР: общее и особенное

I.V. Poberezhnikov

Modernization in the History of the Russian Empire and the USSR: General and Special

Аннотация. Вопрос о модернизации в истории России относится к числу дискуссионных. В современной литературе можно выделить полярные точки зрения: 1) модернизация как единый процесс пронизывает историю России имперского и советского периода; 2) Россия развивалась особым образом, попытки модернизации носили имитационный и контрпродуктивный характер в целом; 3) процессы модернизации были характерны только для отдельных периодов российской истории: например, для имперского периода, для рубежа XIX–XX вв., для «сталинской индустриализации» и т.д. В статье предпринимается попытка оценки и интерпретации модернизационных тенденций в отечественной истории, базовых механизмов модернизации применительно к различным периодам истории (структурно-функциональная дифференциация; индустриализация; культурные трансферы), выявления общих и особенных черт в протекании процессов модернизации.

Ключевые слова: модернизация, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, диффузия, Российская империя, СССР.

¹ **Побережников Игорь Васильевич**, доктор исторических наук, директор, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Екатеринбург, e-mail: pober1871@mail.ru

Poberezhnikov Igor Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ekaterinburg, e-mail: pober@r66.ru

Постановка проблемы. История России в целом в современной литературе рассматривается в контексте различных теоретических подходов: цивилизационных, формационных, модернизационных, структурно-демографических, (нео)институциональных, тьермондистских и т.д. При этом модернизационный подход является одним из наиболее востребованных и популярных. Его функциональность объясняется сфокусированностью на изучении реальных, вполне фиксируемых, макропроцессов, включаемых в модернизационный контекст (индустриализации, урбанизации, профессионализации и т.д.).

Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, субпроцессов, моделей модернизации; результаты этих исследований уже становились предметом историографического анализа [1; 2; 3; 4].

В данной статье предпринимается попытка сравнить интерпретации модернизации/модернизаций в Российской империи и СССР, предложенные в новейшей литературе, выделить общие и особенные черты их протекания. Для периода конца 1990-х – 2010-х гг. была характерна творческая и самостоятельная разработка исследователями оригинальных подходов, концепций российских модернизаций, обнаружившая множество спорных вопросов, концептуально-методологических расхождений в трактовке российских модернизаций (см.: [5; 6], и др.).

Имперская модернизация. Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой имперская модернизация начинается в эпоху петровских преобразований [7; 8; 9; 10] и охватывает весь имперский период, т.е. может быть локализована в хронологическом интервале XVIII – начала XX в. (до 1917 г.). Действительно, в петровский период предпринимаются целенаправленные попытки догнать (скопировать образцы) стра-

ны Западной Европы, ушедшие вперед, сразу в нескольких областях: военной, организационно-управленческой, экономической, культурно-образовательной. При этом преобразования даже приобретают относительно планомерный характер, пускай, скорее, в их поздней части. Далее, преобразования явно сопровождалась вестернизацией: копированием именно западноевропейских образцов, – т.е. протекали в типичном для стран догоняющей модернизации варианте. Исследователи в рамках данного продолжительного периода выделяют этапы (при использовании различных критериев схемы периодизации могут варьировать). В качестве очевидных вех называются Великие реформы и конец XIX – начало XX в. (утверждение модели современного экономического роста). Действительно, именно в пореформенный период проявляются со всей определенностью такие модернизационные субпроцессы как индустриализация; переход от широкого использования принудительного труда и института крепостного права к рыночной экономике и применению вольно-наемного труда; трансформация традиционного династического государства в национальное государство (что связывается с утверждением теории официальной народности, отменой крепостного права, переходом к унификационной имперской политике во второй половине XIX в. и осуществлением ряда мер по ассимиляции нерусских народностей); интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в.

Советская модернизация. Старт советскому этапу модернизации был дан Русской революцией 1917 г. Авторы коллективной монографии «Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века» [11] предложили следующую схему советской модернизации. Революция 1917 г. в контексте модернизационного процесса, по их мнению, сыграла противоречивую роль: с одной стороны, она нарушила естественный ход модернизационного перехода, а с другой – уничтожила феодальные пережитки, которые его тормозили. Признавалась неравномерность темпов модернизации в советский период. Что касается самой динамики

модернизации, то были выделены следующие этапы: полный отказ от политики модернизации в первые годы советской власти, заметные успехи на ее пути во второй половине 1920-х – первой половине 1950-х гг. (при этом индустриальный рывок 1930-х гг. характеризовался как период форсированной, догоняющей модернизации, которая осуществлялась «ценой огромного напряжения и жертв» и имела «неоправданно затратный характер»), снижение темпов модернизации в середине 1950-х – конце 1980-х гг. Советский этап модернизации связывался главным образом с индустриализацией страны, а также ростом доли рабочих в социальной структуре, ростом городского населения, заменой сословного принципа принципом классовых отношений, секуляризацией образования, распространением грамотности, ростом участия женщин в общественной жизни и производстве.

В современной литературе разработана концепция множественности модернов, предполагающая возможность различных вариантов («дорог» / «ворот») включения в модерность [12]. В этой связи советский вариант развития можно рассматривать как один из путей вхождения в модерн. Сопоставляя капиталистический и социалистический (индустриальный социализм) варианты модернизации, П. Бергер пришел к заключению, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. При этом в качестве решающего фактора конвергенции П. Бергер рассматривает научно-технический прогресс. Проявлениями модернизации в СССР Бергер считает следующие трансформации: становление Советского Союза как индустриальной державы, устойчивый экономический рост страны; медленное, но неуклонное повышение материального уровня жизни населения страны; сходная динамика (в соответствии с тезисом С. Кузнецца) распределения доходов на Западе и в СССР на сравнимых стадиях экономического развития; сходство темпов социальной мобильности на Западе и Востоке [13].

Общие закономерности и особенности имперской и советской модернизаций. Однозначные ответы по вопросу преемственности в истории российских модернизаций имперского и советского периодов с точки зрения воздействия на них революции 1917 г. давать сложно. Тем не менее представляется, что целый ряд модернизационных тенденций и субпроцессов продлился после 1917 г. (причем некоторые из них интенсифицировались или приобрели трансформированный характер): индустриализация, урбанизация, демографический переход, профессионализация, бюрократизация, секуляризация, распространение грамотности, массовой культуры, развитие науки, сохранение значимой регулирующей роли государства во многих областях, в том числе в экономической.

При сравнении модернизаций имперского и советского периодов можно обнаружить ряд общих закономерностей, сходных механизмов. Во-первых, как имперская, так и советская модернизации испытывали воздействие механизма структурно-функциональной дифференциации (в свое время обоснованного Н. Смелзером в качестве одного из ключевых механизмов модернизации), т.е. по сути прогресса как следствия нарастания специализации и разделения труда в социетальном масштабе (дифференциации функций и структур). В конечном итоге структурно-функциональная дифференциация находит выражение в модернизационных процессах индустриализации (автономизации производственной функции), урбанизации (отделение населения от места производства продуктов питания), бюрократизации (оформление управленческой функции), профессионализации (автономизация профессий, которая сопровождается аккумуляцией профессиональных знаний в рамках профессии, формированием особой профессиональной субкультуры, особых механизмов профессионального контроля), образовательной «революции» (образование специализированных формальных институтов передачи знаний и компетенций), демократизации (институционализация механизма воздействия общества на формирование органов власти и принятие стратегических решений) и

т.д., которые, однако, могут развиваться относительно автономно, вступая друг с другом в разные конфигурации (в различных обществах и в разные временные интервалы).

Что касается имперского периода, то практически не возникает сомнений относительно воздействия механизма структурно-функциональной дифференциации на ход и характер модернизации. Для советской модернизации проблему создает отсутствие четкого разграничения между властью, идеологией, собственностью, государством / партийным аппаратом, сферами производства и повседневности. Тем не менее, как считает социолог и историк Й. Арнасон, невозможно игнорировать модернизационную динамику «коммунистической системы», продолжавшей или начинавшей модернизационные процессы, в том числе ускоренной индустриализации. Он доказывает, что механизм структурно-функциональной дифференциации, хотя и в очень преобразованном виде, действовал и в СССР. При этом механизмы социальной интеграции явно превалировали над механизмами дифференциации; экономическая, политическая и идеологическая власти концентрировались в руках аппарата управления, стремившегося контролировать все проявления общественной жизни; однако существовали и определенные формы социальной дифференциации, поскольку в советской системе в каждой из основных социальных сфер действовала особая логика [14, с. 21–24]. Таким образом, имеются серьезные аргументы для рассмотрения истории XX в. в России/СССР также в русле модернизационной парадигмы.

Во-вторых, очевидно, что индустриализация как механизм модернизации выступала ключевым, смыслообразующим фактором осуществления модернизационной стратегии – как цель, определяющая силовой потенциал страны в мировом соревновании и в имперский, и в советский периоды. При этом индустриализация в известном смысле задавала логику имперской модернизации: протоиндустриальная (мануфактурная) модернизация с петровских реформ, которая затем сменяется раннеиндустриальной (некоторые исследователи относят ее начало к эпохе

промышленного переворота, старт которого традиционно датируют 1830-ми гг. [15, с. 16–17]; другие связывают с утверждением в экономике России модели современного экономического роста примерно с середины 1880-х гг. [16]). Успех советской модернизации также в значительной степени зависел от прогресса в индустриально-технологической области (здесь следует отметить амбициозный проект ГОЭЛРО, план электрификации страны – строительство гидроэлектростанций, а с середины XX в. – атомных электростанций; ускоренное развитие тяжелой промышленности).

В-третьих, и имперская, и советская модернизации испытывали воздействие внешнего контекста и зависели от диффузии западных технологий, социальных институтов, культурных ценностей, их усвоения и адаптация влияния данных процессов на общий ход модернизации и ее результативность [17; 18; 19; 20; 21]. Германский историк Ш. Мерль довольно убедительно демонстрирует включенность России и в имперский, и в советский периоды в «трансатлантический» проект модернизации, в основе которого лежали идеи и ценности Просвещения: вера в прогресс, представление о том, что на основе разумной организации общества можно создать более совершенный мир; актуальность веры в прогресс для политического устройства государства, нацеленность политических концептов на преобразование социально-экономических структур; представление о том, что прогресс достижим и научно планируем и существует безграничная возможность изменять мир, опираясь на субъективную волю человека [22].

Конечно, невозможно обойти проблему отличий, особенностей имперской и советской модернизаций. С одной стороны, очевидно принципиальное своеобразие социалистического развития, его серьезное отличие от западных моделей модернизации: авторитарное государство (некоторые исследователи по-прежнему применяют для его характеристики тоталитарную модель); нерыночная плановая экономика; широкое использование мобилизационных методов; отсутствие демократии западного типа.

С другой стороны, хорошо известно, насколько радикально изменилась страна после революции 1917 г. Революция прервала или кардинально видоизменила ряд тенденций: подверглась трансформации социальная структура, были уничтожены «привилегированные» классы; демократическая тенденция приобрела специфические советские формы; значение рынка как регулятора экономической деятельности существенно снизилось, место рыночной занимала плановая экономика; произошло огосударствление общества, сформировались несравненно более жесткие механизмы государственного контроля и мобилизации.

Наиболее жестко противопоставляет имперскую и советскую модернизации известный исследователь модернизационных преобразований А.С. Сеньявский: 1) имперская (либерально-консервативная) характеризуется им как вестернизаторская, элитарная (оторванная от социокультурной почвы), реактивная (реагировала с большим опозданием, под давлением внешних угроз на перезревшие проблемы); 2) советская (идеологическая, партократическая, этатистская, патерналистская, мобилизационная), по мнению историка, опиралась на большинство населения, использовала долговременную стратегию, вплоть до 1970-х гг. была опережающей, владела исторической инициативой [23].

По мнению автора фундаментальных исследований по истории российских модернизаций Б.Н. Миронова, имперскую и советскую модернизации не следует противопоставлять кардинально, поскольку, с одной стороны, имперская модернизация также была идеологической, патерналистской, этатистской, даже по-своему партократичной (поскольку партократия означает «политический строй, при котором верховная политическая государственная власть (законодательная, исполнительная и судебная) фактически сосредоточена в руках единственной партии, встроенной в государственную систему, а вернее – в руках партийной бюрократии»), а с другой – советская модель модернизации, по сути, была вестернизаторской (актуальный лозунг «Догнать и перегнать Запад»), элитарной (имеется в виду оторванность власти от социокультурной почвы) [15, с. 20–21].

Наш анализ подтверждает определенную сущностную общность модернизаций имперского и советского периодов. Тем не менее, вряд ли есть основания отрицать наличие принципиальных отличий между ними: различные социальные основы (революция и последующие преобразования просто переформатировали социальный ландшафт); разное соотношение между рыночными и мобилизационными механизмами (доминирование вторых в советской модели модернизации); разная степень контроля общества со стороны государства (в советской модели этот контроль становится всемерным, насколько только могли позволить имевшиеся ресурсы и инструменты); разные конфигурации акторов модернизации (значимая роль частного капитала и его представителей в имперский период, и, по сути, отсутствие такового в советский – за исключением коротких периодов времени).

Список литературы

1. *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
2. *Трофимов А.В.* Модернизационная парадигма российской истории XX в. (по страницам «Уральского исторического вестника») // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 43–47.
3. *Побережников И.В.* Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 36–45.
4. *Побережников И.В.* Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. 2020. № 1. С. 140–148.
5. Проблемы модернизации России в XIX–XX вв.: теоретико-методологические подходы, исследовательский опыт // Бюллетень Научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. Саранск: ИнСтИтут, 2007. № 5. С. 3–23.
6. Цивилизации. М., 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян.

7. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия / [Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др.] М.: Агентство «Инфомарт», 1994. 115 с.
8. *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. М.: Текст, 1994. 317 с.
9. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. 575 с.
10. *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999. 326 с.
11. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / под ред. В.В. Алексеева. М.: Наука, 2000. 244 с.
12. *Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В.* Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2. С. 212–226.
13. *Бергер П.* Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994. 314 с.
14. *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
15. *Миронов Б.Н.* Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизаций // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 16–24.
16. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
17. *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. 366 с.
18. *Нефедов С.А.* Великая реформа как проявление вестернизационных процессов в России // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 199–204.
19. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. 255 с.
20. «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном

пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009. 335 с.

21. *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): [сб.]* М.: НЛЮ, 2010. 389 с.

22. *Мерль Ш.* Существует ли «трансатлантическая модернизация»? Размышления о роли России в концепте «модернизация» // *Диалог со временем.* 2016. № 57. С. 5–23.

23. *Сенявский А.С.* Модернизационные концепции и их потенциал в изучении российской истории // *История России: теоретические проблемы.* М., 2013. Вып. 2. С. 7–63.

**Проблема децентрализации управления:
от НЭПа до наших дней**

V.I. Klistorin

**Decentralizing of Governance:
from the Time of NEP to the Present Day**

Аннотация. Все масштабные институциональные преобразования в нашей стране в XX веке связаны с дезорганизацией и низкой эффективностью производственного аппарата и/или социальной напряженностью. Все реформы предполагали (хотя и в разной степени) децентрализацию управления в промышленности и сельском хозяйстве, расширение прав предприятий и их самостоятельности в использовании ресурсов. Проведен сравнительный анализ достижений и негативных эффектов проводимых реформ. Показано, что свертывание реформ объясняется боязнью потери управляемости со стороны центральных экономических и политических органов. Значительную роль сыграли неформальные институты и уровень компетентности бюрократического аппарата, его неспособность адаптироваться к работе в новых условиях.

Ключевые слова: экономические реформы, централизация, децентрализация, частная собственность, бюрократия, институты, эффективность управления, экстенсивный тип развития, мобилизация, демилитаризация.

Постановка проблемы. Под экономическими реформами понимаются радикальные институциональные преобразования в стране, направленные на повышение эффективности экономики

¹ **Клисторин Владимир Ильич**, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

Klistorin Vladimir Il'ich, Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

и ее переход к устойчивому экономическому росту. Очевидно, что принятие решений о реформировании экономики является следствием осознания неудовлетворительных итогов предыдущей политики и институциональных ограничений, определяющих подобную политику. Следует различать экономические реформы и корректировки экономической политики в рамках прежней системы экономических отношений, поскольку реформы потенциально направлены на изменение структуры экономики и повышение ее эффективности за счет ликвидации неэффективных производств и интенсификации внутреннего оборота в экономике, более полного использования ресурсов. Особенно важной целью реформ является раскрепощение внутренней энергии людей и сокращение числа тех, кто трудится с нулевой или отрицательной отдачей.

Основным стимулом к проведению реформ является осознание правящим классом, элитой неэффективности управления экономикой, стагнации и нарастающего отставания от других стран, в том числе в области технологического развития, зависимости страны от ситуации на внешних рынках и других угроз, включая социальные конфликты. Все это побуждает власти к проведению реформ.

Отсюда следует, что, во-первых, реформы всегда проводятся «сверху» и, во-вторых, реформы предполагают определенную степень децентрализации властных полномочий и делегирование полномочий и ответственности как в системе государственного управления, так и от государства негосударственным структурам.

Помимо официальной отечественной историографии, в которой приводятся статистические данные и оценки экономического развития страны в советский период, имеется множество работ с критикой этих исследований. Также есть работы отечественных и зарубежных авторов, использующих альтернативные оценки и приходящих к другим выводам относительно успешности экономических экспериментов советской власти. Среди них следует выделить наиболее авторитетные работы П. Грегори, Р. Аллена, А. Гершенкорна, А. Бергсона, А. Ноува и многих

других. Более того, пестрая смесь официальных исследований советских историков и их оппонентов со статистическими данными из разных, зачастую противоречивых источников входит и в новейшие учебники [1]. Обзор исследований по этой теме представлен, например, в работах А. Маркевича и М. Харрисона [2] и Г.И. Ханина [3; 4]. Общий вывод состоит в том, что ценой невероятных усилий и жертв советская экономика совершила большой рывок. Особенно быстро она росла в 1931–1937 и 1954–1967 гг., но есть доказательства того, что экономическое чудо 1930-х и 1950-х гг. преувеличивается. Если бы не потери во время гражданской и II мировой войн, коллективизации, голода и т.д., общие макроэкономические показатели за тот же период были бы примерно теми же: просто траектория экономического роста была бы более плавной [2, с. 40].

Сам факт многочисленных и достаточно радикальных изменений экономической политики и, главное, итоги социалистического эксперимента демонстрируют глубокие противоречия и в целом неэффективность экономики СССР. Это подтверждается и тем обстоятельством, что ни одна из социалистических стран, будь то в Европе или Азии, не смогла пережить сколько-нибудь длительный период строительства централизованной плановой экономики и либо прекратила эти попытки, либо провела серьезные рыночные реформы. Исключением является только КНДР, впрочем, и в ней происходили определенные эксперименты.

Согласно Д. Аджемоглу и Дж. Робинсону, в диктаторских, а потому и бедных странах, преобладают экстрактивные институты [5; 6]. Это приводит к снижению экономической и политической конкуренции. Правильнее сказать, конкуренция переводится в иную плоскость. Это, в свою очередь, приводит к нерациональному распределению ресурсов и снижает эффективность их использования. Кроме того, низкий уровень потребления в таких странах приводит к деградации человеческого капитала, снижению инновационной активности. Такая экономика может достаточно быстро развиваться только экстенсивным путем или имея внешних доноров.

Реформы в СССР. Экономическая история России в XX в. представляет собой циклический процесс: периоды чрезвычайно быстрого экономического роста сменялись глубочайшими кризисами, периоды форсированного развития приводили к сокращению потребления домашних хозяйств и массовому голоду даже в мирное время, периоды быстрых институциональных преобразований – периодами застоя.

Возникает вопрос о причинах подобной динамики. Ответ видится в том, что большую часть обсуждаемого периода страна развивалась экстенсивно. Подобное развитие неизбежно упирается в нехватку ресурсов, резко замедляется или останавливается.

Другая причина видится в высокой степени милитаризации советской экономики. Расходы на создание и обеспечение работой оборонно-промышленного комплекса и вооруженных сил приводили к ускорению государственного потребления и объемов выпуска продукции и, соответственно, снижению потребления домашних хозяйств. Но подобная политика не может продолжаться бесконечно и делает неизбежными паузы или откат. Г.И. Ханин даже увидел некие намеки на начало экономических и политических реформ еще при жизни И.В. Сталина [7, с. 121–152]. Но все-таки фактические реформы проводились, как правило, при смене первых лиц государства или при существенном перераспределении властных полномочий в партийно-государственных верхах.

Первой масштабной экономической реформой в советский период считается новая экономическая политика (НЭП), в ходе которой уже с 1925 г. начинается процесс свертывания основных преобразований и к концу десятилетия завершается переход к институциональной структуре и политике, близкой к политике военного коммунизма.

Имеется огромный объем научной, публицистической и художественной литературы с описанием событий этого периода. Поэтому отметим только важнейшие из них. Это бюджетная реформа и сокращение государственных расходов, введение налоговой системы вместо изъятий, денежная реформа, обеспе-

чившая снятие «денежного навеса» и позволившая приблизиться к нормальному денежному обращению, перевод национализированных предприятий на хозяйственный расчет и допущение частных предприятий. Наконец, сокращение армии и государственного аппарата. Но, поскольку конечные цели руководства страны и партии не изменились, параллельно шли процессы консолидации сначала в ВКП(б), потом в органах власти («чистки»), снижение автономности вплоть до прямого подчинения всех общественных организаций, реформа судебной и правоохранительной системы. Все это создало инфраструктуру и кадры для последующего перехода к коллективизации и индустриализации в следующем десятилетии [8].

Следующую реформу связывают с именем Н.С. Хрущева («оттепель»), которая не была завершена и сменилась иной реформой, приписываемой А.Н. Косыгину и окончательно свернутой в 1968 г. В промежутках между этими, действительно масштабными преобразованиями, было множество частичных попыток изменения системы управления, перераспределения полномочий и ответственности между отдельными уровнями власти, в кадровой политике, системе стимулов и т.д. Но все эти попытки велись в очень усеченном варианте и имел характер «широкомасштабных» экспериментов, а не подлинных реформ.

Остановимся на наиболее важных преобразованиях 1950-х гг. В 1954–1958 гг. была проведена реформа в сельском хозяйстве, в результате которой было несколько облегчено положение колхозного крестьянства и улучшено продовольственное снабжение страны. Параллельно осуществлялось освоение целинных земель – типично экстенсивная политика решения продовольственной проблемы. Переход от отраслевого к территориальному принципу в управлении промышленностью и строительством, создание Совнархозов означало некоторую децентрализацию в системе управления. Тому же должно было содействовать и разделение обкомов КПСС на городские и сельские. Началась реализация масштабной программы жилищного строительства, зримые итоги которой можно наблюдать и сейчас в большинстве городов страны.

Наконец, было проведено масштабное сокращение численности вооруженных сил. Впрочем, похоже это не сказалось на общем уровне расходов на оборону, но позволило направить дополнительные трудовые ресурсы в промышленность и другие отрасли.

Большая часть этих реформ вызвала неприятие со стороны партийно-государственного аппарата и, поскольку темпы роста экономики снижались, со сменой руководства страны начались иные реформы. В 1965–1968 гг. управление экономикой вернулось к отраслевому принципу управления. Но при этом были существенно расширены права предприятий, сокращено количество плановых показателей и упрощена отчетность. Произошло изменение системы планирования: разделение планов и предплановых документов на текущие и перспективные планы. Но, главное, существенно расширилась роль экономических стимулов как для предприятий, цехов и бригад, так и на индивидуальном уровне. Резко расширилось применение так называемых хозяйственных экспериментов.

В определенном смысле эти две реформы представляли единый процесс, поскольку основные идеи реформы 1965 г. разрабатывались задолго до начала их реализации.

Реформы 1980-х гг. проводились хаотически. Сначала была принята технократическая программа ускорения, предполагавшая массивные инвестиции в машиностроение, которое, в свою очередь, должно было перевооружить производственный аппарат всей экономики, что позволило бы интенсифицировать рост производства и повысить производительность труда. Но потом основной упор был сделан на стимулировании более эффективного использования ресурсов на действующих мощностях, для чего было разрешено создавать совместные и кооперативные предприятия, реализовывать часть продукции по договорным ценам и т.д. Начавшись как политика централизации принятия решений, эти реформы привели к резкой децентрализации в экономике страны.

Отдельно следует высказаться о причинах свертывания реформ. Представляется, что основным фактором является страх

потери управляемости в экономике и социальной жизни. Сформировавшаяся партийно-советская бюрократия осознавала, что только сохранение права распоряжаться общенародной собственностью гарантирует ей право на существование и соответствующий уровень статусного потребления, не допускала иных форм конкуренции.

Особенностью экономического развития СССР является то обстоятельство, что на протяжении длительных периодов быстрый экономический рост не сопровождался синхронным ростом потребления домашних хозяйств. Более того, наблюдались и прямо противоположные тенденции. Поэтому говорить об экономическом чуде 1930–1950-х гг. в общепринятом смысле не приходится. В отличие от экономики многих других стран, включая и дореволюционную Россию, советский экономический эксперимент базировался на следующих составляющих, обеспечивших успех. Во-первых, экстенсивный путь развития, во-вторых, расширение государственного потребления, в-третьих, манипуляции с ценами и, соответственно, статистикой. Цены были столь далеки от равновесных, что перестали служить ориентиром в хозяйственной деятельности. До сих пор многие отечественные и зарубежные экономисты в своих оценках вынуждены использовать, пусть и откорректированные, но все равно изначально недостоверные данные, содержащие приписки, повторный счет и многое другое. Поэтому, например, падение производства и потребления в период Великой Отечественной войны выглядит менее глубоким в сравнении с трансформационным кризисом 1988–1998 гг. [2, с. 37], что требует объяснения. Выводы о величине потребления и накопления делаются на основании данных о производстве продукции, которые даже с поправкой на индексы выпуска продукции в натуральном выражении часто завышались. Одновременно, в расчетах слабо учитывается теневой сектор экономики, который то резко увеличивался, то сокращался на разных этапах экономической истории.

Уровень благосостояния населения лишь в 1937 г. достиг уровня 1913 г., а предвоенный уровень – только в середине 1950-х гг.

При этом главное достижение социализма – снижение неравенства в уровнях доходов и потреблении сильно преувеличивается отечественными и зарубежными исследователями [9].

Другие реформы. Отечественный опыт реформирования следует соотнести с опытом других стран, например, реформами Л. Эрхарда. Но важнее опыт социалистических стран. Экономические реформы в странах Восточной Европы в 1950–1960-е гг. позволили поднять уровень потребления и повысить эффективность экономики. Но они не привели к сокращению их отставания от стран Западной Европы. Китайская экономическая модель, автором которой считается Дэн Сяопин, использовала опыт Японии и Южной Кореи. В ее основе лежали допущение частной собственности, децентрализация управления, экспортная экспансия национального бизнеса, привлечение иностранного капитала и технологий в рамках создания совместных предприятий и особых экономических зон, демилитаризация экономики. Этот опыт использовали многие страны Юго-Восточной Азии. Все эти страны стремились соединить относительно дешевую рабочую силу и предпринимательскую инициативу с зарубежными производственными и управленческими технологиями. Мы не можем сказать, в какой степени такая стратегия будет работать после исчерпания потенциала догоняющего развития и изменения демографической ситуации.

Выводы. Анализ экономических реформ в нашей стране и сопоставление их с наиболее успешными реформами в других странах позволяет наметить некоторые выводы. Эти выводы имеют комплексный характер и ни один из них не может считаться наиболее существенным.

Прежде всего, на темпы экономического развития и роста благосостояния населения влияет степень открытости экономики, ее включенность в мировую, позволяющая производить конкурентоспособную продукцию, реализовывать эффекты специализации и осуществлять технологический обмен.

Чрезвычайно важна атмосфера доверия и уверенность экономических субъектов в стабильности правил игры. Многие

потенциально полезные меры и реформы проваливались только потому, что акторы не верили, что это всерьез и надолго.

Необходимо синхронизировать темпы экономического роста, оплаты труда и роста благосостояния граждан, в ином случае в экономике возникают дисбалансы и нарастает неопределенность по поводу политики правительства относительно выбранного курса.

Относительно низкая стоимость труда и его перераспределение в более производительные и эффективные отрасли, равно как и благоприятная демографическая ситуация являются временным фактором экономического роста, и, чем успешнее происходят экономические преобразования и быстрый экономический рост, тем скорее эти факторы исчерпывают себя.

Все экономические реформы, будь то в СССР или странах Восточной Европы и Азии, сопровождались существенным расширением прав предприятий, децентрализацией управления и допущением элементов частной собственности. Соответственно сокращались полномочия центра и объем ресурсов, находящихся в распоряжении центральных органов власти. Именно принятие или непринятие этого определяло успех или неудачу реформ и их продолжительность.

Демилитаризация экономики, сокращение затрат на военно-промышленный комплекс и вооруженные силы совершенно необходимы по крайней мере на первых этапах экономических преобразований для реализации проекта реформ. Это обеспечивает большую сбалансированность бюджета и способствует снижению инфляции.

Необходима денежная реформа, позволяющая убрать «денежный навес» и нормализовать денежное обращение. При этом стремление к быстрому переходу к конвертируемости национальной валюты является излишним.

Наконец, необходимо развитие национальной финансовой системы и финансовых рынков под эффективным контролем государства.

Список литературы

1. Буфетова Л.Н. История экономики России XVIII–XX вв.: учеб. пос. Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 264 с
2. Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.
3. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 516 с.
4. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. 408 с.
5. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты: М.: АСТ, 2019. 693 с.
6. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издат. дом Выс. шк. экономики, 2015. 512 с.
7. Ханин Г.И. Сочинения. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. Т. 1. 430 с.
8. Клисторин В.И. Институциональные преобразования в период новой экономической политики // ЭКО. 2021. № 4. С. 29–44.
9. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research: Gabriel Working Paper 23712. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712>

Экономические реформы как индикатор российской пассионарности²

A.V. Alekseev

Economic Reforms as an Indicator of Russian Passionarity

Аннотация. В статье рассматривается выбор вектора российских экономических реформ как отражение стремления российского социума к экспансии, вначале территориальной, позднее – геополитической. Отмечается, что, в противоположность советскому проекту, экономические реформы новой России оказались направлены на пассивное встраивание российской экономики в глобальную, трансформацию национальной экономики в экономику ресурсного типа. Делается вывод, что не критическое отношение к происходящим в мировой экономике процессам деформирует национальное самосознание, смещает фокус внимания с усилий на создание условий для относительного независимого от остального мира роста экономики на осуществление все более жесткого государственного контроля над сжимающимся под давлением глобальной экономики национального рынка товаров и услуг. Доказывается недопустимость проводимой промышленной политики, предлагаются решения, позволяющие изменить вектор российского экономического развития.

Ключевые слова: пассионарность, экономические реформы, глобальная экономика, интеграция, институты, промышленная политика, обрабатывающий сектор, государственно-частное партнерство.

¹ **Алексеев Алексей Вениаминович**, доктор экономических наук, заведующий отделом, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: avale@mail.ru

Alekseev Aleksey Veniaminovich, Doctor of Economics, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: avale@mail.ru

² Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4. (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

Отличительные особенности становления российской цивилизации, в отличие от многих европейских и азиатских, нежесткие пространственные ограничения и сравнительно суровый климат. По-видимому, эти факторы если и не являются достаточными условиями, то явно необходимы для формирования пассионарного вектора в самосознании оказавшегося в этих условиях социума. Сочетание силы факторов пространства и климата, очевидно, оказалось близким к оптимальному на стадии формирования российского государства. Большая территории – хорошая защита от агрессивных соседей. Возможность отступить вглубь страны позволяет сохранить человеческий потенциал, перегруппировать имеющиеся ресурсы и впоследствии дать отпор захватчику. Агрессору же, напротив, требуются слишком большие ресурсы, чтобы захватить и, тем более, удержать большую территорию. Умеренно же неблагоприятный климат, скорее, мотивирует жителей к развитию их адаптивных способностей, но еще не формирует менталитет, ориентированный на простое выживание в заведомо неблагоприятных условиях, характерный для северных народов.

Возможность и необходимость экспансии в Сибирь и на Дальний Восток, ставшая значимым фактором усиления российского государства, не могла не сформировать особый тип национального характера. Если колониальная политика европейских государств была направлена на захват заморских территорий преимущественно с целью получения контроля над их ресурсами, точнее их присвоения, то мотивация российских первопроходцев была в существенной степени иной. Восточные земли осваивались не с целью их грабежа, а в интересах усиления российского государства.

Задача такого масштаба и сложности не может не порождать обосновывающую ее идеологию. Движение на восток обосновывалось не только стремлением пополнить российскую казну, но и убежденностью в том, что распространение российской культуры, хозяйственных практик будет способствовать развитию живущих здесь народов. Интеграция же местного населения

в хозяйственную жизнь России, в свою очередь, усилила российское государство.

Таким образом, сама история создания российского государства сформировала в известной степени мессианский тип мышления своих граждан: россияне готовы бороться и даже жертвовать собой во имя распространения правильной с их точки зрения системы ценностей.

С наибольшей силой и последовательностью данное свойство национального характера проявилось при попытке реализации коммунистического проекта. На апогее революционной волны коммунистическое руководство готово было жертвовать интересами России во имя мировой революции. Во время Великой Отечественной войны граждане СССР шли на смерть не только ради освобождения своей страны от фашистских захватчиков, но и для того, чтобы уничтожить фашизм как экзистенциальную угрозу для всего мира.

В пассионарности – готовности больших групп людей идти к своей цели, не ожидая каких-либо материальных выгод, более того, готовности отказаться от них, т.к. достижение цели и составляет смысл существования, – скрыта серьезная ловушка. А если цель ложная? На первый взгляд подобная постановка вопроса представляется некорректной: народ – творец истории – не может ошибаться! Однако еще в XIX в. французский мыслитель Г. Лебон писал: «Из всех факторов развития цивилизации иллюзии составляют едва ли не самый могущественный. Иллюзия вызывала на свет пирамиды и покрывала Египет в течение пяти тысяч лет каменными колоссами. Иллюзия выстроила в средние века наши гигантские соборы и заставила Запад броситься на Восток для завоевания фикции. В преследовании иллюзий основывались религии, которые умели подчинить своим законам половину человечества, ими же созидались и уничтожались самые громадные империи. Не в погоне за истиной, но, скорее, в погоне за ложью человечество истратило большую часть своих усилий. Преследуемых им химерических идей оно

не в состоянии было достигнуть, но в их преследовании оно совершило весь прогресс, которого вовсе не искало» [1].

Не вдаваясь в дискуссию о роли иллюзий в истории, все же отметим, что если даже иллюзии и могут вести к прогрессу, то все же они не вечны. «Можно обманывать часть народа все время и весь народ некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время» – говорил признанный эксперт по управлению большими массами людей президент США Авраам Линкольн.

По-видимому, на рубеже тысячелетий в ловушку одной из таких иллюзий попало и российское общество. С распадом Советского Союза в 1991 г. на уже давно очевидном провале коммунистического проекта была поставлена формальная точка. Но потребность в создании счастливого будущего не исчезла. Вопрос был лишь в выборе теоретического подхода, на основе которого следовало браться за решение этой задачи. И такой подход был. Насколько он оказался адекватен долгосрочным интересам развития России – вопрос особый, но, что важно, в условиях теоретического вакуума, возникшего с банкротством в общественном сознании коммунистической идеологии, ему не оказалось реальной альтернативы.

Западная экономическая мысль в XX в. не стояла на месте и активно осмысливала процессы, происходящие в экономиках развитых стран. Так, после Второй мировой войны в Западной Европе, а затем и в мире в целом начали складываться условия для интеграции экономик отдельных стран. Теоретические подходы к обоснованию интеграционного процесса были разработаны учеными стран, оказавшихся наиболее готовыми и заинтересованными в экономической интеграции, – Франции и Германии (М. Аллэ, М. Бийо, Ж. Вейер, Х. Кремер, А. Предоль, В. Рёпке, Х. Юргенсен, Р. Эрбэ) [2]. Однако наибольшую известность получили работы исследователей малых стран Западной Европы – Нидерландов и Швеции – Я. Тинбергена [3] и Г. Мюрдаля [4].

В фокусе изучения трансформации мировой экономики оказались процессы эффективной реаллокации отдельных произ-

водств, снижающие затраты в мировых цепочках создания стоимости, соответственно, повышающие эффективность функционирования мировой производственной системы в целом [5, с. 10]. Необходимо отметить, что реаллокация определялась явным желанием развитых стран переложить бремя содержания промышленности (особенно «грязных» производств) на менее развитые страны [6].

Развитые же страны предполагали сосредоточиться на определении стратегии, формате, дизайне развития и охране прав на интеллектуальную собственность вынесенного за их контур индустриального производства [7]. Принципиально важно в этой системе отношений – права на интеллектуальную собственность остаются в развитых экономиках, что позволяет перераспределять создаваемый в рамках глобальной экономики продукт в пользу его правообладателей [8, р. 26]. Основа воспроизводства данной системы – концентрация ресурсов развития в развитых странах. Чем меньше ресурсов удастся оставить в развивающихся экономиках, тем устойчивее предложенная система мировых отношений. Так, известный экономист, представитель Всемирного банка Д. Доллар, сравнивая процесс набирающей силу глобализации со скоростным поездом, прямо говорит, что отдельные страны могут попасть в него, только «построив платформу», что не под силу бедным странам. Иными словами, основные «блага глобализации» получают лишь развитые государства [9].

Российское общество, отказавшись от оборонительной стратегии защитников осажденной крепости, ушло в другую крайность – открытость миру, поверило в непогрешимость объективных рыночных законов и было готово едва ли не делегировать глобальной экономике защиту своих национальных интересов.

Захваченная перспективой, как обещала теория, повышения своей эффективности, российская экономика с готовностью сбросила груз неэффективных производств, оставшихся в наследство от СССР. Балласт, правда, оказался неожиданно боль-

шим, но к жертвам во имя торжества идеи российским гражданам не привыкать.

На первый взгляд, выбранная Россией стратегия работала вполне успешно. До мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. ВВП страны быстро рос. Правда, не менее быстро менялась и его структура: опережающий рост услуг сопровождался снижением доли материального производства. Такая трансформация экономики не рассматривалась как проблема, даже наоборот: экономика ведь становилась все более *постиндустриальной*, что считалось прогрессивной тенденцией. Точка зрения академического и части бизнес-сообщества, что корректнее говорить не о постиндустриальности, а о недоиндустриальности, игнорировалась.

По-видимому, лишь резкое обострение политики санкций со стороны западных стран в 2014 г., сопровождаемое быстрым падением цен на основной продукт российского экспорта – энергоносители, не дало России пройти точку невозврата на пути полной потери экономического а впоследствии и политического суверенитета, хотя до преодоления этой черты оставалось уже совсем немного.

Что требуется для изменения ситуации? Многочисленные исследования говорят о том, что опора исключительно на рыночный механизм развития российского обрабатывающего сектора не только не эффективна, но и опасна. Плохо справляясь с развитием российского обрабатывающего сектора в целом, он маскирует консервацию, в тенденции – деградацию секторов, формирующих основу развития экономики на перспективу.

Рыночный механизм хорош на кратко-, в лучшем случае на среднесрочном горизонте принятия инвестиционных решений, причем сам этот горизонт критически зависит от качества институциональной системы, сложившейся в конкретном обществе. Российская институциональная система далека от идеала, что сильно сдвигает горизонт инвестиционных решений рыночных агентов влево по временной шкале. В результате решения,

способные ответить на стоящие перед Россией вызовы, в рамках рыночного механизма не принимаются.

В условиях невысокой эффективности рыночной модели развития отечественного обрабатывающего сектора государство должно либо взять на себя большую долю ответственности за его развитие или (лучше и) улучшить институциональную среду. Тогда горизонт инвестиционных решений сдвинется вправо.

Говоря о необходимости повышения роли государства в регулировании экономической деятельности, важно правильно понимать эту роль. Речь не идет о необходимости национализировать частный бизнес в какой-либо форме или ужесточать контроль над ним. Не является магистральным путем и создание новых предприятий за счет бюджетных средств. Для ускорения развития отечественного обрабатывающего сектора достаточно дать гарантии инвестору, что его продукция, производимая в рамках крупных инвестиционных проектов, будет защищена от недобросовестной конкуренции со сторон иностранного производителя и востребована на российском рынке. Прецеденты успешного сотрудничества государства и бизнеса в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП) есть [10].

Институт ГЧП – действенный механизм решения стратегических задач национального развития, мобилизующий институты рынка, которые, в свою очередь, контролируют эффективность решения этих задач. ГЧП даже не требует мобилизации скольких-нибудь крупных государственных (бюджетных) средств для достижения значимых для экономики целей. Однако для его активации необходима конструктивная альтернатива подходу, культивируемому российской либеральной мыслью: почему российский потребитель должен страдать от неэффективного российского производителя, когда есть эффективный зарубежный? В действительности российский потребитель *страдает* не столько от неэффективности отечественного производителя, сколько от его отсутствия. Будет производитель – будет основа для решения проблемы его эффективности. Добиться же эффек-

тивности от слабого производителя сложно, а от несуществующего и вовсе невозможно.

Развивать российскую промышленность или нет – давно уже не экономическое, а политическое решение. Пора признать, что время прислушиваться к сигналам глобальной экономики прошло и наступило время ускорять темпы развития собственного технологического базиса, придавать новый импульс расширению российского геополитического влияния, что, очевидно, имманентно культурному коду российской государственности.

Список литературы

1. *Лебон Г.* Психология народов и масс. AST Publishers, 2016. 340 с.
2. *Вьеау М.* Unions douanieres et donnees nationales // *Economie appliquee*. 1950. Vol. 3. P. 121–157.
3. *Tinbergen J.* International Economic Integration. Amsterdam, 1954.
4. *Myrdal G.* Economic Theory and Underdeveloped Regions. Harper & Row, 1971. 168 p.
5. *Некипелов А.* Влияние глобализации на реаллокацию ресурсов в переходных экономиках // *Проблемы теории и практики управления*. 2003. № 2. С. 10–16.
6. *Nugent N.* The EU and the 10+2 Enlargement Round: Opportunities and Challenges // *European Union Enlargement* / ed. by Nugent Neill. PalgraveMacmillan, 2004.
7. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
8. *Wessner C.W., Wolff A.Wm.* Rising to the Challenge: U.S. Innovation Policy for Global Economy. Washington, DC: The National Academies Press, 2012.
9. Глобализация // *Материалы Всемирного банка для учащихся* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (дата обращения: 21.10.2020).
10. *Алексеев А.В., Нефёдкин В.И.* Поможет ли государственно-частное партнерство выйти из стагнационной ловушки? // *ЭКО*. 2018. № 12. С. 91–109.

**Из истории контрабандной торговли в СССР.
1921–1925 годы**

V.S. Pushkarev

**From the History of Contraband Trade in the USSR.
1921–1925**

Аннотация. Статья подготовлена на основании изучения документов, хранящихся в РГАЭ. Контрабандная торговля оказывала противоречивое воздействие на экономическую жизнь страны. Отрицательная роль контрабанды была связана с потерей налоговых выплат, которые поступали в доход государства от легальной внешней торговли. Контрабанда также была связана со значительным вывозом из страны валюты, драгоценных металлов и камней, золотой и серебряной монеты старой чеканки, что наносило ущерб экономическим интересам страны. В то же время поток контрабандно ввозимых товаров, необходимых населению, снижал давление платежеспособного спроса населения на внутренний рынок страны и стимулировал государственные и кооперативные предприятия также к производству товаров, необходимых населению.

Ключевые слова: НЭП, контрабанда, Наркомат внешней торговли СССР, Главное таможенное управление, таможенный округ.

В любом развитии в экономическом плане обществе наряду с легальными формами экономической деятельности обязательно имеются и такие формы, занятие которыми не приветствуется законодателями. Теневая экономическая деятельность часто имеет не меньшее значение для развития экономики, чем разрешенная законом. Нелегальные формы экономической деятельности сопровождают в своем развитии ту или иную

¹ **Пушкарев Виталий Семенович**, начальник отдела, Российский государственный архив экономики, Россия, Москва, e-mail: oio@rgae.ru

Pushkarev Vitaly Semenovich, Head of Department, Russian State Archive of Economy, Russia, Moscow, e-mail: oio@rgae.ru

форму легальной экономической деятельности, составляя с ней неразрывную пару и находя в ней источник для саморазвития.

Подобную классическую пару в развитии экономики большинства обществ составляют внешняя торговля и контрабанда. Существует достаточно много определений понятия контрабанды. Чаще всего под контрабандой понимают незаконное перемещение через государственную границу товаров и иных предметов, связанное с нарушением таможенного законодательства данного государства. Контрабанда в своей основе представляет ту же внешнюю торговлю государства, только осуществляемую нелегальным образом отдельными лицами или группой лиц (в особых случаях и государством). Изучение истории развития контрабанды как составной части внешнеторговой деятельности, в частности, позволяет получить ценную информацию о взаимодействии и взаимовлиянии внешнего и внутреннего, легального и «черного» рынков страны, наличии у части экономически активного населения дополнительных источников дохода, не учитываемых государственной фискальной системой.

В качестве источниковой базы для данной статьи послужили документы, отложившиеся в результате деятельности Главного таможенного управления (ГТУ) Наркомата внешней торговли СССР (РСФСР) за 1921–1925 гг. Данный комплекс документов находится на хранении в архивном фонде Министерства внешней торговли СССР (Ф. 413) Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

В период Гражданской войны границы между противоборствующими сторонами носили подвижный временный характер. С прекращением активных военных действий в 1921–1922 гг. на территории РСФСР и установлением постоянных границ советской республики возникла острая необходимость в контроле на границе за движением товаров. Протяженные и слабо защищенные границы России начала 1920-х гг. привлекли внимание соседей нашей страны, готовых заработать на контрабандной торговле («экономической контрабанде»). Так, на Новой земле, о. Вайгач, в Чесменской губе иностранцы ежегод-

но занимались скупкой пушнины. В районе финской границы между Ладогой и Петроградом с самого начала НЭПа активно развивается контрабандный промысел. На этом участке границы России нелегально вывозились из России музейные ценности, золотые изделия, валюта, книги, а ввозились кофе, спиртные напитки, спички, табак, сахарин. Такая же активная контрабандная торговля велась на границе с Россией прибалтийских республик и Польши. Особенно большие партии контрабанды переправлялись через польско-российскую границу. По данным таможенной службы России, контрабандные товары перевозили обозы в 35 телег¹. Даже представители польского дипкорпуса не брезговали зарабатывать на контрабанде. В докладной записке Западного таможенного округа в Таможенное управление Наркомата внешней торговли РСФСР от 14 августа 1922 г сообщалось о неоднократных случаях провоза контрабанды представителями польского дипкорпуса на территорию России. Тайники с контрабандой были обнаружены даже в стенках вагонов. Товары, перевозимые сотрудниками польского дипкорпуса, явно предназначались гражданам Российской республики с повышенным платежеспособным спросом (обувь, женские чулки, какао, стрелки и пружины для часов и т.д.)².

По мере восстановления экономической жизни страны росли и доходы у части населения, связанной с оживлением товарооборота. Государственная промышленность, только начавшая восстанавливать свои производственные мощности, не могла полностью удовлетворить возросший спрос населения с высокими доходами на качественные товары. Неудовлетворенный спрос стимулировал развитие контрабандной торговли. Так, если по всем границам без Дальневосточного округа в октябре 1922 г. было проведено 1 777 задержаний контрабанды на сумму в 189 705 золотых рублей, то в марте 1923 г. было проведено 4 267

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 14. Д. 119. Л. 2–6.

² Там же. Д. 126. Л. 112–114.

задержаний на сумму в 276 754 золотых рублей¹. Чтобы оценить размер контрабанды, напомним: по общепринятой в то время практике считалось, что задержанная контрабанда составляет примерно 10 % от всей провозимой контрабанды. С учетом данного допущения по оценке Наркомата внешней торговли СССР в 1922/23 г. контрабандных товаров было перевезено на сумму свыше 48 млн руб., а за первый квартал 1923/24 г. на 26 млн руб. золотом².

За первые два года НЭПа в целом сложился «контрабандный пояс», опоясавший СССР почти на всем протяжении его границы. Особенно выделялись Западная, Закавказская и Дальневосточная граница. На Западной границе из Польши, Эстонии, Латвии к нам везли в качестве контрабанды такие товары, как мануфактуру, мелкую галантерею, спиртные напитки, сахарин, а вывозили за границу контрабандным путем – золото, платину, лен, пушнину. В Закавказье через слабо охраняемую границу вывозили керосин и нефтепродукты, а ввозили английскую мануфактуру, парфюмерию, чай. На всем протяжении границы Дальнего Востока в СССР ввозились спирт, чай, мануфактура, а вывозилось контрабандным путем – золото, сибирская пушнина³. При этом надо отметить, что баланс контрабандного экспорта и импорта явно складывался в пользу интересов потребителей контрабандных товаров нашей страны. Например, в 1922/23 г. по всем границам СССР было задержано контрабанды на вывоз на сумму в 303 тыс. золотых рублей, а на привоз на сумму 2 739 тыс. золотых рублей⁴.

В последующие годы продолжился рост контрабанды. Если в среднем за месяц 1923 г. сумма задержаний контрабандных товаров составляла в СССР 362 336 руб., то в первом полугодии 1924 г. составила уже 422 391 руб. за месяц⁵. По признанию специалистов Наркомата внешней торговли СССР рост контра-

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 234. Л. 178.

² Там же. Л. 137.

³ Там же. Л. 135–136.

⁴ Там же. Л. 136.

⁵ Там же. Л. 28.

бандной торговли на границах СССР был связан с проводимой Советским государством экономической политикой в области внешней торговли¹. Высокие таможенные тарифы на товары, связанные с удовлетворением потребительского спроса населения, сжатие импорта, централизация экспорта, недостаточное снабжение населения предметами первой необходимости – все эти факторы увеличивали неудовлетворенный платежеспособный спрос населения. Как видно из данных Главного таможенного управления Наркомата внешней торговли СССР, неудовлетворенный спрос населения за счет легальной торговли реализовывался за счет притока контрабандных товаров. Например, «ударная номенклатура контрабанды» за 6 месяцев 1924 г. (апрель – сентябрь) состояла из следующих товаров: кожи выделанные, бумажные вязаные изделия, шерстяные вязаные изделия, пуговицы, застёжки и т.п.²

Развитию контрабандной торговли способствовала и большая выгода, получаемая контрабандистом в случае удачного провоза нелегального товара через границу. Например, по данным Мурманской таможни за сентябрь 1924 г., контрабандисты (в основном это были моряки торговых судов) в г. Мурманске обычно сбывали свой товар в 2–3 раза дороже стоимости. Так, шелковые чулки, за которые они платили за границей сумму эквивалентную 1 руб. 50 коп., сбывались в Мурманске за 5 руб. и дороже, бутылка коньяка, покупаемая за границей за сумму эквивалентную 1 руб. 30 коп., продавалась в Архангельске за 4–6 руб.³

В крупных городах и прежде всего в Москве к середине 1920-х гг. сложилась разветвленная сеть по доставке и продаже контрабандного товара. Так, в отчете Московской таможни о борьбе с контрабандой за январь 1925 г. сообщается, что наблюдаются все виды контрабанды: коммерческо-промысловая, потребительская и смешанная. Основные пути доставки: желез-

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 234. Л. 28.

² Там же. Л. 39.

³ Там же. Д. 260. Л. 16–16об.

ные дороги и речные пути. Среди занятых в контрабандном промысле наблюдалась специализация: одна часть контрабандистов, преимущественно мелкие торговцы и лица, провозящие «за свой риск», доставляла товар в Москву, другие люди, так называемые пассивные контрабандисты, укрывали и хранили контрабандный товар, третьи лица – постоянные московские торговцы скупали привезенный товар для реализации потребителю¹. Часть контрабандных товаров, поступавших в Москву, представляла собой по понятиям того времени предметы роскоши. Например, зарубежная галантерея и различного рода ценности².

Но не только готовые изделия поступали по каналам контрабандной торговли в СССР. В письме Управления Ленинградского таможенного округа в Главное таможенное управление Наркомата внешней торговли СССР от 14 мая 1925 г. сообщалось, что кустарное трикотажное производство находилось в тяжелых условиях. Это вынуждало часть кустарей Ленинграда и области работать на импортных машинах с контрабандной пряжей, которыми снабжали их спекулянты (скупщики)³.

Особое беспокойство у советского правительства вызывало положение с контрабандой на Западной границе. Государства-лимитрофы (Польша, Эстония, Латвия), по-существу, возвели в ранг государственной политики поддержку контрабандной торговли на границе с СССР. Действия этих стран носило характер экономической диверсии. Так, по сообщению представительства Украины в Польше от 24 января 1924 г., скупка золота в ломе на границе Польши и СССР приняла усиленный характер. При этом золото скупалось пудами агентами польского правительства. Большая часть скупленного золота попадала в распоряжение польского государства⁴. Подобными спекулятивными сделками не брезговали и представители прибалтийских стран. В письме Главного концессионного комитета при СНК СССР от

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 292. Л. 5–5об.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Д. 323. Л. 72–72об.

⁴ Там же. Д. 250. Л. 10.

18 января 1924 г. в ОГПУ сообщалось, что вывоз из СССР через Ригу и Ревель (Таллин) контрабандным путем платины достиг таких размеров, что создавал препятствия налаживанию легальных торговых связей с зарубежными фирмами по экспорту русской платины. По подсчетам английской фирмы «ГРИФФИДС» контрабанда платины достигала 19 пудов в год¹. В письме Торгпредства СССР в Латвии за июнь 1924 г. в Наркомат внешней торговли СССР Латвия, как и все лимитрофные страны, характеризовалась как страна контрабандистов и спекулянтов. Также в письме отмечалось, что Латвийское правительство почти открыто содействует контрабандной торговле через специальные «обменные пункты», которые продолжали действовать даже после их официального закрытия по настоянию советского правительства².

Подобным образом на Дальнем Востоке себя вели американцы и китайцы. В письме от 2 апреля 1924 г. в Наркомат внешней торговли СССР сообщалось, что советские заготовители пушнины в районе Забайкалья в истекшем заготовительном сезоне особенно сильно чувствовали утечку пушнины за границу контрабандным путем. Развитие контрабандной торговли в этом районе было связано с двойной выгодой для местного заготовителя вести пушнину контрабандным путем за границу, а не сдавать в советские заготовительные органы. Во-первых, зарубежные заготовители за пушнину платили на 20–25 % больше, чем российские. Во-вторых, контрабандисты беспощинно по дешевке могли приобрести товар, пользующийся в СССР спросом (мануфактура, чай). Например, за белку на территории СССР давали 1 руб. 30 коп., а на территории Монголии – кирпич чая, стоимость которого на территории СССР составляла примерно 4 руб.³

Одним из косвенных последствий развития контрабандной торговли в СССР стало вынужденное усиление внимания

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 292. Л. 18.

² Там же. Л. 30.

³ Там же. Д. 335. Л. 2–2об.

государственной власти к нуждам населения страны. Для снижения притока контрабандных товаров в страну рядом ведомств, включая Наркомат внешней торговли СССР, были разработаны меры по экономической борьбе с контрабандой. Они включали в себя действия по увеличению производства потребительских товаров, а также организацию снабжения населения предметами первой необходимости через государственную и кооперативную торговлю, в первую очередь в приграничной полосе. Также намечалось включение в импортный план на 1924/25 г. тех товаров, контрабандный ввоз которых достиг значительных размеров (галантерея, вязаные изделия, ткани, парфюмерия)¹.

Главное таможенное управление Наркомата внешней торговли СССР совместно с иностранным отделом ВСНХ СССР разработали ряд мероприятий по улучшению и расширению внутреннего производства ряда товаров, завозившихся до этого в СССР в большом количестве контрабандным путем. В основном это одежды и аксессуары (перламутровые пуговицы, трикотаж, шерстяные изделия, кнопки, застежки и т.п.). Вся эта работа производилась во исполнение постановления СТО СССР «Об экономических мероприятиях по борьбе с контрабандой» от 11 марта 1925 г. Из-за нехватки материальных ресурсов деятельность союзных ведомств по организации дополнительного производства «контрабандных товаров» оказалась не столь эффективной, как предполагалось. Например, не удалось сразу расширить производство кокосовых и перламутровых пуговиц на фабрике треста Москвошвей из-за отсутствия сырья². Для расширения производства дефицитной в то время подвязочной и подтяжечной резины и резиновой тесьмы на предприятиях Мострикотажа требовалось импортировать 6000 пуд. резиновой жилки, необходимой для производства данного вида продукции, а было намечено к ввозу в СССР в 1924/25 г. всего 2125 пуд.³

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 313. Л. 28–30.

² Там же. Д. 249. Л. 167в.

³ Там же. Л. 167г.

Несмотря на все принимаемые руководством СССР меры, в стране продолжала сохраняться благоприятная конъюнктура для развития контрабандной торговли, прежде всего контрабандного ввоза. Такое положение определялось наличием двух факторов: товарным голодом и ростом платежеспособного спроса населения на товары массового потребления по мере восстановления экономики страны.

В условиях НЭПа складываются благоприятные возможности для развития контрабандной торговли в СССР. По нашему мнению, контрабандная торговля оказывала противоречивое воздействие на экономическую жизнь страны. Отрицательная роль контрабанды была связана с потерей налоговых выплат, которые поступали в доход государства от легальной внешней торговли. Контрабанда также была связана со значительным вывозом из страны валюты, драгоценных металлов и камней, золотой и серебряной монеты старой чеканки, что наносило ущерб экономическим интересам страны. В то же время поток контрабандно ввозимых товаров, необходимых населению, снижал давление платежеспособного спроса населения на внутренний рынок страны и стимулировал государственные и кооперативные предприятия к производству товаров, необходимых населению.

НЭП как нарратив

Yu.P. Voronov

NEP as Narrative

Аннотация. В статье рассматривается функционирование новой экономической политики 1920-х гг. как нарратива в течение последующего века после не. Описаны различия между нарративами и научными исследованиями истории. Выделяются два периода активизации интереса к НЭПу: 1960-е и 1990-е гг. Каждый из двух периодов обращения к опыту НЭПа имели свои особенности. Обсуждаются гипотезы относительно причин того, что картина НЭПа оставалась в целом неизменной, несмотря на вновь публикуемые документы и результаты углубленных исследований. Рассмотрены связи между нарративами и идеологией.

Ключевые слова: нарратив, НЭП, реформы, статистика, идеология, распад СССР, мир-системная экономика, полупериферия, исторический опыт.

Постановка проблемы. Термин «нарратив» в последнее время активно осваивают не только историки, но и экономисты. Переводится «нарратив» как «повествование, образ» или «миф». Применительно к любому экономическому явлению или периоду экономического развития исследователи постепенно начинают отличать собственно явление (или период) и существование его в последующие годы как нарратива.

В 2019 г. лауреат нобелевской по экономике Р. Шиллер опубликовал книгу о так называемой «нарративной экономической

¹ **Воронов Юрий Петрович**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: corpus-cons@ngs.ru

Voronov Yuri Petrovich, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: corpus-cons@ngs.ru

науке» [1]. Ее предваряли основанные на его многочисленных исследованиях выступления и препринт Национального бюро экономических исследований (NBER), вышедший ранее [2].

На русский язык «нарратив» можно перевести как повествование, рассказ, сообщение или даже слухи и сплетни. Все это – нарративы, которые производят впечатление на людей и воздействуют на их поведение. По мысли Р. Шиллера, не ограничение рациональности, а именно нарративы стали одной из главных движущих сил в рыночной экономике. Нарративы передаются через разговоры, их держат в голове ради этих разговоров. Чтобы информация стала нарративом, она должна из абстрактного сообщения превратиться в тему общения, рассказов и разговоров.

Отечественные интерпретаторы нарративной экономической теории объясняют термин «нарратив» для российского читателя таким образом: «под нарративом понимается повествовательный текст, информирующий адресата о событиях и обладающий сюжетом. Нарратив в отличие от простого описания содержит «сюжет» [3].

По результатам многих исследований установлено, что статистические данные, расчеты, таблицы производят впечатление только на людей, профессионально связанных с научными исследованиями. На большинство людей более значимое воздействие оказывают истории с сюжетом, нарративы [4]. Исследователи усматривают в этом последствия укоренившихся в массовом сознании многих тысячелетий бесписьменной культуры, когда основным источником информации был рассказ очевидца, передаваемый от одного человека к другому [5]. Восприятие нарратива не является рациональным и аналитическим, он воздействует на эмоции и подсознание [6].

С помощью исследования нарративов можно получить представление о том, чего нельзя извлечь из статистических данных или фактов самих по себе [7]. Но нельзя отождествлять их с реальными экономическими процессами этого же периода.

Новые открытия не меняют нарратива, в котором НЭП продолжает противопоставляться военному коммунизму и

централизованной экономике вообще. За 1921–1926 гг., по данным государственной статистики, сельскохозяйственное производство выросло в два раза и на 18 % превысило уровень 1913 г. Статистики работали на достижение этих цифр с рвением и творческим подходом. Амбарный сбор зерна был заменен статистикой «зерна на корню», когда специальная катапульта выбрасывала квадратную рамку со стороной 1 метр, и нужно было собирать зернышки с колосьев, отбирать четверть самых крупных и взвешивать. Полученное значение далее распространялось на все поле. Еще более гарантированно считался живой вес. По специальной методике обмеряли объем коровы или быка, потом умножали этот объем на плотность мяса, которая спускалась сверху и изменялась от года к году [8]. Все это было приписано результатам перехода к НЭПу.

Два подъема интереса к НЭПу. В истории отмечены два всплеска интереса к НЭПу как к нарративу: через 40 и через 70 лет (хозяйственные реформы 1960-х гг. и переход к рыночной экономике в 1990-е гг.). Две кампании по использованию нарратива НЭП в текущих преобразованиях экономики отличаются друг от друга тем, что в первом случае НЭП вписывался в социалистический путь развития. Во втором – он использовался как пример (образец) перехода к рыночной экономике уже безотносительно сохранения социалистического строя. Уже «вдогонку» реформам 1960-х гг. появилась коллективная монография, вышедшая в 1976 г.[9]. В ней уже чувствуется разочарование в прямых аналогиях между реформами и переходом к НЭПу. Основная причина – свертывание «косыгинских» реформ уже в 1970-е гг.

Будущие рыночные реформы в конце 1980-х гг. трактовались как аналогичные НЭПу. Перед распадом СССР преобразования при реализации НЭПа рассматривались уже почти как руководство к действию [10].

Учебник истории для 10-го класса 1989 г. трактует НЭП как предшественника перестройки. Соответствующая глава называлась «НЭП: развитие советской экономики и демократии (1921–1927 гг.)». Спустя всего три года в учебнике истории параграфы

такой же главы назывались уже в сослагательном наклонении: «НЭП – путь к демократическому социализму?», «НЭП – новая тактика или стратегия?»¹. Так что переход от деклараций к сомнениям прошел на удивление очень быстро.

Но и период сомнений закончился так же быстро. Отечественная историческая наука далее стала работать по жанру нанайской песни: «Вижу оленя – пою оленя, вижу тюленя – пою тюленя». Каждый документ, относящийся ко времени НЭПа, воспринимался буквально, без анализа целей, которые привели к появлению этого документа, но в самом документе не упомянуты. Даже когда историк позволяет себе критику прямого доверия к официальным документам, эта критика касается частных, но не направленности этого документа на другие цели, чем те, что в нем заявлены.

И потому особо ценны замечания такого рода: «Идеализация НЭПа в 1980-е гг. была <...> лукавством. Невозможно было с помощью возрождения мелких кооперативов решить проблемы крупной индустриальной экономики. <...> ни одна из программ перехода к рынку во время перестройки так и не заработала»². Иллюзия возможности подражания НЭПу в ходе перестройки и после развала Советского Союза была напрямую связана с восприятием нарратива «НЭП» как реально происходивших событий, как реформ, которые были успешными, дали положительные результаты. Реально сохранение и дальнейшее развитие отечественной экономики было связано с государственными корпорациями и другими формами государственного вмешательства в экономику.

Чему не быть нарративом. Существует еще одна возможная ниша жизни НЭПа как нарратива. Она связана с концепцией «мир-системной экономики» профессора Университета штата Нью-Йорк И. Валлерстайна (1930–2019 гг.), состоящей в том, что мировая капиталистическая система состоит из ядра, полупериферии и периферии. К полупериферии отнесены им все

¹ Совет директоров Сибири. 2021. № 2.

² Аргументы и Факты. 2021. 10 марта.

социалистические страны, которые выполняли определенные функции в глобальной системе капитализма. Сторонников у этой концепции немного, она не увлекала сколь-нибудь значительные коллективы историков или экономистов.

Тем не менее для подтверждения концепции И. Валлерстайна накоплено довольно много фактов. В частности, совершенно ясно, что НЭП сопровождался масштабными иностранными концессиями. Советская Россия вернулась в мировую рыночную экономику, прежде всего, как огромный рынок продовольствия в условиях огромного падения производства продовольствия в стране. Россия как один из главных игроков на мировом рынке зерна была ликвидирована, что для многих в мире было основным результатом двух российских революций 1917 г.

«Советский Союз до 1991 г. и Россия сегодня могут быть помещены в категорию полупериферийных государств в капиталистической мировой экономике, причем их политическое влияние в очень большой степени основывалось на мощи их военного аппарата. Это, между прочим, было справедливо и для царской России. Россия/СССР пытались использовать эту политико-военную мощь для осовременивания тех видов деятельности, которые осуществлялись в зоне ее/его контроля, увеличивая таким образом уровень накопления капитала» [11, с. 14].

Согласно концепции И. Валлерстайна, СССР периода НЭПа, как и в последующие годы, был частью мировой (мир-системной) капиталистической системы [12]. Иными словами, центральным вопросом для оценки исторического места НЭПа становится включенность в этот период советской экономики в мировую. Именно этот вопрос и уходит из сферы интересов отечественных историков и экономистов.

Мир-системный подход игнорировался в период первого всплеска интереса к НЭПу как к нарративу в период «косыгинских» реформ 1960-х гг. Он отвлекал бы и специалистов, и обычных людей от того, что нужно было решать внутри страны.

Во время перехода к рыночной экономике в 1990-е гг. его уже нельзя было игнорировать, потому он был подвергнут настолько

активной и резкой критике, что ей посвящены были не только доклады и статьи, но и книги [13]. Спустя годы эта критика стала менее категоричной и более спокойной [14].

Тем не менее, несмотря на критику (а возможно, и благодаря ей), за последние годы на русском языке изданы шесть основных книг И. Валлерстайна. Так что интерес к его наследию существует. Однако этот интерес не выходит за рамки научных обсуждений и не привлекает внимания даже радикальных политиков.

Нарративы и идеология на примере НЭПа. Идеология чаще всего дружит с нарративами, иначе она бы не вышла за рамки научных дискуссий. В свою очередь, в каждом нарративе можно усмотреть элементы идеологии. Взаимосвязь идеологии и нарративов обеспечивает система образования. Она создает основу, на которой множатся нарративы с элементами идеологии.

Нарративы образуют определенную систему знаний относительно экономики, которая получила название «народная экономическая теория» [15]. Из этой «народной теории» очень часто некоторые положения переходят и в научные труды. Об этом явлении говорят даже как о «нарративном повороте в социальных науках» [16]. Нарративы работают в две стороны. Объясняя происходящие события или управленческие решения, они подключают население к выполнению будущих решений как единственно возможных. С другой стороны, они вписывают принимаемые решения в некоторую последовательную экономическую политику, которая фактически может отсутствовать, а существовать как один из нарративов.

НЭП как нарратив выполняла обе эти функции настолько хорошо, что спустя век ее продолжают обсуждать как период истории, достойный анализа с целью заимствования положительного опыта прошлого.

Именно такие же функции выполняет и идеология. Чтобы пояснить смысл равноценности нарративов и идеологии, их взаимодополняемости, приведу пример, который уже много лет использую в преподавании. В одно и то же время в Японии и в коммунистическом Китае были целенаправленно сформирова-

ны сверху следующие нарративы. В Японии это была так называемая «третья революция в потреблении» или «революция трех С»: согласно официальной пропаганде, каждая японская семья должна иметь автомобиль, кондиционер и цветной телевизор (по начальным буквам английских слов: car, condition, color TV). В КНР формировался другой нарратив: каждый китаец должен иметь радиоприемник, чтобы слушать голос великого Мао Цзэдуна, часы, чтобы сверять свое время с тем, по какому живет великий Мао, и велосипед, чтобы быстро прибыть в то время и в то место, куда его призовет великий вождь. При всех кардинальных различиях двух нарративов, вписанных в разные национальные идеологии, они были нацелены на одно: деньги населения должны идти на развитие электроники, точной механики и транспортных средств.

С пропагандой времен НЭПа дело обстоит сложнее. Многие отмечают, что в основополагающей статье В.И. Ленина, с которой и разумно считать начало формирования НЭПа как нарратива, вообще отсутствует какая-либо попытка вписать предлагаемые реформы в коммунистическую идеологию [17].

В условиях резкого снижения доли идеологической составляющей в научных исследованиях появляется реальная возможность отделения функционального назначения нарративов и идеологии от их буквального содержания. Осмысление НЭПа как нарратива – лишь один шаг к этому.

Список литературы

1. *Shiller R.J.* Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. 2019. Princeton University Press.
2. *Shiller R.J.* Narrative Economics. 2017. NBER Working Paper. No. 23075.
3. *Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А.* Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 95–107.
4. *Zebregs S., van den Putte B., Neijens, P., de Graaf A.* The Differential Impact of Statistical and Narrative Evidence on Beliefs, Attitude, and Intention: A Meta-Analysis. Health Communication. 2015. Vol. 30. No. 3. P. 282–289.

5. *Sugiyama M.S.* On the origins of narrative: Storyteller bias as a fitness-enhancing strategy // *Human Nature*. 1996. Vol. 7. No. 4. P. 403–425.

6. *Шиллер Р.Дж.* Нарративная экономика и нейроэкономика // *Финансы: Теория и практика*. 2018. Т. 22. № 1. С. 64–91.

7. *Вольчик В.В.* Нарративная и институциональная экономика // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2017. Т. 9. № 4. С. 132–143.

8. Теория математической статистики / Л.Я. Боярский, В.С. Ястремский, В.И. Хотимский, В.И. Старовский. М., 1930. 427 с.

9. История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1976. Т. 2: Переход к НЭПУ. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921–1925 гг. 479 с.

10. *Горинов М.М.* НЭП: поиски путей развития. М.: Знание, 1990. 62 с.

11. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Унив. кн., 2021. 414 с.

12. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика // *Свободная мысль*. 1996. № 5. С. 30–42.

13. Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна: Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1992. 37 с.

14. *Завалько Г.Л.* Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 140–151.

15. *Rubin P.H.* Folk Economics // *Southern Economic Journal*. 2003. No. 70. С. 157–171.

16. *Лехциер В.Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // *Международный журнал исследований культуры*. 2013. № 1. С. 5–8.

17. *Ленин В.И.* О продовольственном налоге // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 43. С. 210–227.

Становление государственного планирования в период НЭПа

S.V. Sedipkova

Formation of State Planning During the NEP Period

Аннотация. Новая экономическая политика, проводившаяся в 1920-е гг. в СССР, позволила быстро восстановить экономику страны после войны. Взгляды В.И. Ленина, являвшегося главным идеологом реформ, менялись: в начале реформ он заявлял, что НЭП является «временным тактическим отступлением». Тем не менее НЭП был продолжен как необходимая мера для налаживания баланса экономики с использованием плановых и рыночных механизмов. В этот период велись оживленные дискуссии в партийных и советских органах и среди ведущих советских экономистов о целях, инструментах и пределах государственного планирования. Эти дискуссии оказали значительное влияние на подготовку и проведение реформ в советское время и отчасти актуальны в настоящее время.

Ключевые слова: новая экономическая политика, модернизация, экономика, государственное планирование, дискуссии 1920-х гг.

Завоевание ВКП(б) политической власти после Октябрьской революции 1917 г. и национализация крупных и средних предприятий и банковской системы создали в СССР практическую возможность масштабного планирования и управления экономикой страны. В.И. Ленин отмечал, что «только то строительство может заслужить название социалистического, которое будет производиться по крупному общему плану, стремясь

¹ **Седипкова Снежана Владимировна**, инженер, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: snezhana.nsk@gmail.com

Sedipkova Snezhana Vladimirovna, engineer, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: snezhana.nsk@gmail.com

равномерно использовать экономические и хозяйственные ценности» [1, с. 20–21]. На уровне предприятий планирование было во всех развитых странах и в России, но в РСФСР планирование сначала понималось как управление единой фабрикой при безденежном обмене. Осознание пагубности первоначального представления о всеобщем планировании производства и потребления (военного коммунизма) привело к проведению НЭПа. 14 марта 1921 г. в РСФСР было объявлено о начале новой экономической политики, главными новшествами которой были замена продразверстки продналогом, разрешение рыночных отношений и различных форм собственности. В начале реформ В.И. Ленин заявлял, что НЭП является «временным тактическим отступлением», но все же эта политика была продолжена фактически до 1928 г. как необходимая мера для налаживания баланса экономики с использованием плановых и рыночных механизмов.

Этот период примечателен не только тем, что удалось достичь высоких темпов роста многих отраслей экономики, но и тем, что, в отличие от «сталинского» режима, в СССР действовала гласность, сохранялся плюрализм мнений, на партийных собраниях и на страницах газет велись оживленные дискуссии на различные темы. Центральными вопросами этих дискуссий были вопросы о целях, инструментах и пределах государственного планирования.

В научных кругах того времени сформировалось два подхода к планированию, получивших названия «генетического» и «телеологического» подходов. Генетический подход был основан на экстраполяции существующих статистических данных об основных тенденциях экономического развития, а телеологический – на конструировании способов достижения целевых показателей, отраженных в плановых директивах [2]. Сторонниками генетического направления были сформулированы важнейшие принципы построения реалистичных планов: принцип научно обоснованного экономического прогнозирования («научного предвидения»), предполагающий анализ исходной информации и прогнозирование с применением математических методов, и

принцип сбалансированности планов, предусматривающий сохранение рыночного равновесия спроса и предложения при устойчивости денежного обращения [3]. Основоположниками генетического подхода выступили Н.Д. Кондратьев, В.Г. Громан, А.В. Чаянов.

Телеологическое направление исходит из главенства целей, ради выполнения которых формируются плановые задания, а затем разрабатывается комплекс мер поступательного достижения заданных плановых показателей. Научное значение телеологического подхода нашло отражение в дальнейшей разработке и совершенствовании балансового, индексного и нормативного методов. В то же время практическая реализация телеологического подхода в этот исторический период в некотором роде «впадала в крайности»: полное отсутствие учета существующих тенденций развития, а также реального рыночного спроса и предложения; постулат о полном контроле над всеми явлениями, процессами, факторами среды; принятие абсолютно всех экономических решений органами государственного управления. Телеологического направления в планировании придерживались С.Г. Струмилин, Н.А. Ковалевский, Л.Н. Крицман, Г.М. Кржижановский, В.Е. Мотылев, В.П. Милютин и др.

В дискуссиях о планировании наиболее острую полемику вызывали вопросы о соотношении в планах этих двух подходов, но, изучая материалы тех лет, можно обнаружить и весьма интересные идеи, которые могут быть применены в современном государственном планировании.

Г.М. Кржижановский, советский экономист, академик АН СССР, председатель Госплана, занимался изучением планомерной организации общественного производства. Первым в советской литературе Кржижановский высказал идею трехзвенной системы непрерывного планирования, состоящей из генерального, перспективного (пятилетнего) и годового планов. Эта идея нашла отражение в современном государственном планировании: сейчас разрабатываются стратегии, содержащие план на длительный период (10–20 лет), и государственные

программы, разрабатываемые на меньший срок. Основным звеном всей системы планирования Г.М. Кржижановский считал пятилетний план, потому что этот срок является достаточно охватывающим для крупных хозяйственных объектов, цикличность сельского хозяйства позволяет для периода 5 лет заложить среднюю урожайность и имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы [4].

Кржижановский также предлагал составлять план с двумя видами проектировки хозяйственных рядов – минимальным и максимальным. Минимальный ряд оценивает некоторый минимум возможностей, обеспечивающих бесперебойное развитие хозяйства. Максимальный ряд должен быть смело рассчитан на ряд благоприятствующих факторов. Эта идея тоже нашла отражение в современном планировании – стратегии социально-экономического развития регионов РФ содержат несколько сценариев развития: консервативный, основанный на экстраполяции данных, и оптимистичный, предполагающий высокие темпы роста показателей.

С.Г. Струмилин, советский экономист, академик АН СССР, доказывал объективную необходимость планового ведения хозяйства, считал, что только единый план отвечает потребностям прогресса производства, развивающегося в условиях углубляющегося общественного разделения труда. Струмилин был одним из пионеров балансового метода. Считал, что в основе построения плана должно лежать обеспечение пропорциональности развития важнейших отраслей народного хозяйства, сбалансированности, согласованности ресурсов с потребностями. Будучи ярким сторонником телеологического подхода, он писал: «Плановое искусство <...> активно создает свой новый мир» [4]. Его критика взглядов сторонника генетического подхода, Н.Д. Кондратьева, вполне могла бы быть адресована составителям некоторых современных региональных стратегий: «У него (Н.Д. Кондратьева. – *Авт.*) задача построения хозяйственного плана сводится почти целиком к одному лишь научному предвидению грядущих хозяйственных процессов <...> Всякая

конкретизация плана в определенную программу действий в соответствии с намеченной системой вполне конкретных цифровых лимитов и заданий представляется этому ученому совершенно незаконным выходом за пределы доступного познанию» [4].

Взгляды советского экономиста Н.Д. Кондратьева подвергались острой критике, поскольку не совпадали со взглядами руководства партии, но самым печальным является то, что он и другие ученые были расстреляны за свои убеждения. Кондратьев с одобрением встретил новую экономическую политику. Директивное планирование, административное установление цен, по его мнению, искажают тонкий рыночный механизм регулирования, вступают в противоречие с объективными законами товарно-денежных отношений, провоцируют возникновение диспропорций в развитии отдельных отраслей и затрудняют их же выявление, ослабляют возможность установления правильного соотношения между товарной и денежной массой.

Он считал, что научно обосновать большое количество детализированных показателей на долгосрочный период невозможно, поэтому долгосрочный план должен содержать только те показатели, которые можно обосновать, и, соответственно, он должен быть кратким: «Практика прежде и больше всего нуждается <...> в том, чтобы иметь серьезную и действительно обоснованную экономическую ориентацию в общих и основных линиях развития народного хозяйства» [4]. Составление перспективных планов должно быть делом лиц высокой квалификации и специальной научно-практической подготовки. Нецелесообразно заставлять «местных агрономов, местных инженеров и других работников <...> писать трактаты о влиянии мирового и национального рынков и т.д. на развитие их края» [4], составление перспективных планов должно быть сосредоточено в центре.

Компромиссную позицию в те годы выражал советский экономист В.А. Базаров, старавшийся примирить генетический и телеологический подходы, используя преимущества обоих. Базаров предсказал затухание темпов промышленного производства при директивном плановом хозяйстве. Оптимальным вариантом

пятилетнего плана был предписан постепенный рост промышленного производства – от 21,4 % прироста в первом году пятилетки до 25,2 % в пятом. Но при реализации годовых планов началось подхлестывание, план был превышен до 31,3 % во втором году пятилетки, а фактический прирост составил 22 %. Далее начался спад вплоть до 5,5 % в 1933 г. Фактор, противостоящий затуханию, источник расширения фонда накопления В.А. Базаров видел в НЭПе, с ним он связывал преодоление технической и культурной отсталости страны и достижение ею состояния законченного социализма.

Дискуссии 1920-х гг. были не только о целях и содержании государственных планов, но фактически о продолжении или прекращении НЭПа, потому что основным вопросом дискуссий был вопрос о соотношении директивных планов и рыночного механизма регулирования. Несмотря на разумные доводы в пользу генетического подхода Н.Д. Кондратьева, В.А. Базарова и других, за основу построения системы централизованного планирования была принята телеологическая концепция. Затем последовали шаги для ее реализации: вытеснение частного капитала, коллективизация, создавалась жесткая централизованная система управления экономикой. Так завершилась эпоха НЭПа.

Список литературы

1. *Ленин В.И.* Речь на съезде председателей губернских советов 30 июля 1918 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 20–23.
2. *Морозова Ю.С.* Система государственного планирования в России: становление и развитие // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2013. № 25. С. 66–77.
3. *Иванова Т.Ю., Орлов И.Ю., Шиндина Ю.А.* Современная система планирования в практике российских предприятий: история становления и развития // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 3. С. 206–223.
4. *Корицкий Э.Б.* Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. Л.: Лениздат, 1989. 224 с.

Интеграционные процессы хозяйствующих субъектов в условиях НЭПа и в современных российских реалиях²

М.М. Musatova

Integration Processes of Economic Entities in the Conditions of the NEP and in Modern Russian Realities

Аннотация. Эффективность использования хозяйствующими субъектами своих внешних и внутренних возможностей генерирует в конечном счете широкие преимущества для достижения совершенно нового уровня их позиционирования на рынке товаров и услуг. В исследовании рассмотрена трансформация интеграционных процессов хозяйствующих субъектов как инструментов их конкурентных стратегий со времен НЭПа на примере промышленности. Приводятся результаты анализа мультиагентских отношений на российском рынке слияний и поглощений (M&A). Обсуждаются факторы, под влиянием которых стали формироваться новые формы интеграции российских компаний в промышленности, уточняются институциональные условия в развитии отечественного рынка M&A в современных условиях.

Ключевые слова: НЭП, тресты, промышленность, синдикаты, интеграционные процессы, слияния и поглощения, национальные цепочки добавленной стоимости, кооперация.

¹ **Мусатова Мария Михайловна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: lugamus@yandex.ru

Musatova Maria Mikhailovna, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: lugamus@yandex.ru

² Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, по Проекту 5.6.1.5. (0260-2021-0002) «Интеграция и взаимодействие отраслевых систем и рынков в России и ее восточных регионах: ограничения и новые возможности».

За время существования НЭПа в России произошла частичная ревитализация рыночных отношений в экономике. В промышленности и торговле возник частный сектор на основе частичной денационализации государственных предприятий, предоставления аренды частным лицам и законодательного разрешения им создавать собственные промышленные предприятия (с численностью работников не более 20 чел.). Отличительными чертами интеграционных процессов в промышленности времен НЭПа стали: внутриотраслевая кооперация, создание смешанных акционерных обществ с привлечением государственного и частного капитала, предоставление концессии зарубежным предпринимателям. В период НЭПа доля частного сектора в выпуске промышленной продукции составляла около 20 % и менее 10 % в оптовой торговле [1].

Многие предприятия получили полную финансовую и хозяйственную самостоятельность, стали осуществлять стратегии неорганического роста. В промышленности налицо были радикальные интеграционные процессы: появились тресты, представляющие собой объединения однородных и/или взаимосвязанных между собой производств. Независимо от Центра тресты решали основные экономические вопросы: что производить и как реализовывать выпуск товаров. Одновременно началось образование синдикатов – добровольных интеграционных объединений трестов на началах кооперации, занимавшихся снабженческо-сбытовыми, внешнеторговыми операциями, кредитованием (см. таблицу).

Внедрение принципов хозяйственного расчета на национализированных предприятиях промышленности, интенсивное привлечение частного и иностранного капитала позволили нарастить объемы выпуска продукции. Так, в 1921–1926 гг. в промышленном секторе произошел почти трехкратный рост производства. В последующие два года прирост в нем равнялся 13 и 19 % соответственно [3].

**Характеристики интеграционных процессов:
в промышленности СССР, 1922–1928 гг.**

Вид объединения	Степень консолидации	Число объединений
Тресты	90 % промышленных предприятий объединены в тресты	421
Синдикаты	Синдицировано 80 % трестированной промышленности	23

Источник: [1; 2].

Сбои и «провалы» НЭПа на протяжении десятилетия требовали активного вмешательства государства и систематического принятия различных административных мер, ограничивающих независимость предприятий. Вместе с тем нарастал дефицит инвестиционных ресурсов для масштабного обновления производственного аппарата страны. В конце 1920-х гг. СССР стал придерживаться стратегии форсированной индустриализации и свертывания курса на развитие частного предпринимательства.

Рыночные реформы в СССР в начале 1990-х гг. привели к возрождению частнопредпринимательской инициативы. По итогам приватизации в России соотношение частной и государственной собственности составляло 80 : 20. На этом институциональном фоне происходили масштабные интеграционные процессы: создание финансово-промышленных групп по инициативам крупных предприятий «снизу» (ФПГ), интегрированных бизнес-структур (ИБГ) по инициативам со стороны частного капитала и др. Начиная с 2006 г., началось усиление позиций государства на рынке слияний и поглощений компаний (M&A) для преодоления экономического и военного отставания РФ от ведущих стран мира. Россия приступила к формированию государственных корпораций (ОАК, ОСК, «Ростех» и др.), новых государственных компаний («Роснефть» и др.) и к увеличению доли своего участия в существующих государственных структурах. К 2008 г. доля государства на рынке M&A составляла около 44 %.

Введение санкционного режима привело к структурным деформациям на российском рынке (M&A): смещению регионального фокуса российских инвесторов на внутрироссийские транзакции и/или на другие регионы (азиатско-тихоокеанский, африканский), вызванному оттоком российского капитала с зарубежных рынков Европы и США; активизации госструктур и фондов, способных найти привлекательные для вложений сектора и поддержать финансовым участием российские компании, которые выпускают аналоги импортной продукции (сельское хозяйство, пищевая и фармацевтическая промышленность, машиностроение) [4]. Не рассчитывая на рост иностранных инвестиций, все больше крупных российских (локальных) игроков, включая государство, размещают свои капиталы через каналы прямых инвестиций (РФПИ и Внешэкономбанка).

Начиная с 2014 г. для интеграционных процессов в промышленности РФ, также как и во времена НЭПа, стали характерными: внутриотраслевая кооперация и создание национальных производственных цепочек; предоставление концессии зарубежным предпринимателям (Дальний Восток, территории опережающего развития и особые экономические зоны), создание консорциумов в высокотехнологичных производствах с привлечением государственного и частного капитала.

Сформировавшийся тренд на усиление внутрироссийских сделок на рынке M&A привел:

- к появлению российских национальных производственных цепочек в обрабатывающей промышленности;
- формированию новых «национальных чемпионов».

Российские национальные производственные цепочки в обрабатывающей промышленности появились в моторостроении, нефтехимии, в переработке природного газа. На фоне стагнирующих внешнеэкономических связей с ЕС российские производственные цепочки стали расширяться за счет кооперации с привлечением компаний из стран Евразийского экономического союза. Для России важным фактором устойчивости и предсказуемости экономического развития являются создание «пояса

добрососедства» и «пояса стабильности и роста», которые снижают интенсивность внешних шоков по экономическим или политическим мотивам. Результаты исследований группы Всемирного банка и Международного валютного фонда свидетельствуют о существовании положительных эффектов для темпов роста страны в долгосрочный период, если у нее динамично и позитивно развиваются торговые партнеры в ближайшем территориальном окружении¹.

Безусловно, российские компании обрабатывающих производств должны встраиваться и в глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС), но при этом приоритет должен быть отдан региональным и национальным цепочкам ДС, в которых будут создаваться промежуточные и конечные продукты экспорта. В последние годы российские компании стали выступать системными интеграторами, выстраивая региональные цепочки, формируя центры создания инновационной продукции, притягивая партнеров в цепочки из-за рубежа и регионов России. Государство может мотивировать формирование национальных цепочек конкурентоспособной продукции, имеющих экспортный потенциал и потенциал их встраивания в ГЦДС, активизируя процесс локализации международных компаний с перспективами выхода высокотехнологичной продукции на внешний рынок.

Примером создания центра инновационной продукции в автопроме, притягивающим зарубежных партнеров в цепочки, является моторостроение. Россия становится региональным центром моторостроения Евразии, при этом азиатские компании конкурируют за возможность размещения своих активов на ее территории. Конкурентоспособные автодвигатели выпускают: Volkswagen, (Калуга; 600 тыс. бензиновых двигателей серии EA211 в год), АвтоВАЗ, (Тольятти; до 300 тыс. моторов Renault в год), «Мазда Соллерс» (Владивосток; двигатели Mazda SkyActiv-G

¹ Хан Е. Зачем России Евразийский Союз? Интервью Я. Лисоволика, главного экономиста Евразийского Банка Развития (ЕАБР) 10 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@jeckhan/686211> (дата обращения: 51.06.2021).

50 тыс. двигателей в год). Продукция вышеперечисленных производителей реализуется не только на внутреннем рынке, но и успешно экспортируется. До недавнего времени эти сборочные предприятия строили двигатели из уже готовых узлов, поступающих из-за рубежа, однако уже к 2021 г. уровень локализации производства данных компонентов достиг 80 %. Автозавод Volkswagen Калуга прекратил импорт иностранных комплектующих из ЕС, приступил к экспортным поставкам российских автокомпонент¹.

Построение национальных цепочек, основанных на интеграции и кооперации в сфере создания отечественных современных технологий и оборудования, применяемых в процессе добычи полезных ископаемых открытым и подземным способом, осуществляется предприятиями тяжелого машиностроения России (крупнейшими российскими предприятиями – производителями горно-шахтного, горно-транспортного оборудования и техники: Управляющая компания УЗТМ-КАРТЭКС, Копейский машиностроительный завод, Шадринский автоагрегатный завод, АРМЗ Горные машины) при поддержке Минпромторга РФ.

Нефтедобывающая компания «Татнефть» осуществляет планы по развитию нефтехимического направления бизнеса. С этой целью ею куплены активы группы «Экопэт» (лидер российского рынка ПЭТ-тары) за 6,5 млрд руб. Компания «Татнефть» предполагает встроить активы крупнейшего в РФ производителя пластика для выпуска тары в имеющуюся производственную цепочку и тем самым обеспечить ее собственным, а не импортным сырьем. При этом «Татнефть» дополнительно построит собственное производство терефталевой кислоты для полного цикла цепочки².

¹ Россия стала ключевым центром моторостроения Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://topcor.ru/16157-rossija-stala-kljuchevym-centrom-motorostroenija.html> (дата обращения: 51.06.2021).

² «Татнефть» затарилась пластиком. Компания купила крупного производителя сырья для бутылок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/08/06/2021/60bf9e149a79470ba4e1ba6d> (дата обращения: 51.06.2021).

В Амурской области создается крупнейший в стране газоперерабатывающий и газохимический кластер. Он позволит нарастить объемы продукции несырьевого экспорта России к 2040 г. по минимальным оценкам на 4,6 трлн руб. В основе Амурского ГХК, кроме серьезнейшей межотраслевой кооперации «Газпрома», «Сибура» и других компаний, лежит также межстрановая кооперация. Китайские инвесторы Sinopec готовы к вхождению в акционерный капитал ГХК на 40 %.

В число новых «национальных чемпионов» вошли Segezha Group и обновленная компания «Сибур». Segezha Group в результате проведенной консолидации активов стала ведущим производителем лесопромышленной продукции. Ее цикл производства охватывает процессы от лесозаготовки до выпуска готовых продуктов. Segezha Group – лидер в России и мире по выпуску мешочной бумаги, промышленных бумажных мешков, производству пиломатериалов и фанеры. На настоящий момент компания занимает 2-е место в мире по производству мешочной бумаги и бумажных мешков, 5-е место в мире по производству большеформатной березовой фанеры и 1-е место в России по производству пиломатериалов и домокомплектов из клееного бруса¹. В 2021 г. в РФ в результате слияния нефтехимических активов компаний «Сибура» и ТАИФ появилась одна из крупнейших в РФ компания в нефтехимии, которая будет входить в пятерку крупнейших нефтехимических компаний мира².

В краткосрочной перспективе оживление российского рынка M&A будут поддерживать факторы со стороны спроса банковского и нефтяного секторов, где накоплены значительные денежные потоки, а также факторы со стороны предложения со снятием моратория на распродажу активов проблемных субъектов

¹ IPO Segezha Group: появится ли еще один «чемпион» от АФК «Система» [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/607467829a79472c04c8184c> (дата обращения: 51.06.2021).

² Гендиректор «Сибура»: сделка с «Таифом» позволит войти в число лидеров мировой нефтехимии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sibur.ru/press-center/publications/GendirektorSiburaselkasTaifompozvolityuityvchisloliderovmirovoyneftekhimii/> (дата обращения: 51.06.2021).

рынка. Согласно оценке КПМГ, ключевыми факторами активности участников рынка M&A наравне с низкими затратами на привлечение долгового финансирования, наличием программ государственной поддержки, выступают трансформации бизнес-деятельности компаний, их ускоренная цифровизация¹.

Список литературы

1. *Бахтин В.В., Усов К.Б.* Развитие советской промышленности в годы НЭПа [Электронный ресурс]. URL: <http://vrnbiz.ru/razvitie-sovetskoj-promyshlennosti-v-gody-nepa> (дата обращения: 51.06.2021).

2. *Тюкавкин И.Н.* «Новая экономическая политика» в промышленности России (1921–1925 гг.) // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 6. С. 270–276.

3. *Орлов И.Б.* Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/tvgfuiig4i/direct/160247434> (дата обращения: 51.06.2021).

4. *Мусатова М.М.* Слияния и поглощения как инструменты конкурентных стратегий российских компаний // Развитие и функционирование несовершенных рынков: теория и практика / отв. редактор Н.И. Суслов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2021. С. 152–174.

¹ Рынок слияний и поглощений в России в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/02/ru-ru-ma-survey-2020-fin.pdf> (дата обращения: 51.06.2021).

**Пространственное стратегирование
в начале 1920-х годов и стратегия
пространственного развития России на 2019–2025 годы.:
подходы, институты, инструменты**

A.V. Kotov

**Spatial Strategizing
in the Early 1920s and the Strategy
of Spatial Development of Russian Federation
for 2019–2025: Approaches, Institutions, Tools**

Аннотация. Между началом 1920-х и 2020-х гг. идет явная переключка по дискуссиям к обоснованию перспектив пространственного развития России. Дискуссии, разделенные столетием, крайне современны: соотношение стратегического планирования и методов рыночного саморегулирования; дискуссии о необходимости территориального разреза плана (в 1920-х) / важности прогнозирования развития экономики в пространственном разрезе в настоящее время; выбор между генетическим и телеологическим подходом или в современной интерпретации – между естественными структурными сдвигами и выбором отраслевых приоритетов. Вызовы начала 1920-х гг. для российского пространства актуальны и сейчас: несомненна необходимость экономически оправданного освоения территории страны на новой технологической основе с учетом природных и климатических особенностей.

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегия пространственного развития, пятилетние планы, отраслевая специализация, макрорегионы, региональная экономика, Россия.

¹ **Котов Александр Владимирович**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт Европы Российской академии наук, Россия, Москва, e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Kotov Alexander Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Значение разработки пространственной стратегии. Формирование пространственной стратегии заключается в разработке системы положений о наиболее эффективных направлениях развития региональных систем, решении крупных территориальных проблем. Это имеет огромную значимость для России в силу потенциальных возможностей для экономических альтернатив и маневров ресурсами, взаимодополнения и взаимодействия всех региональных систем в интересах страны, выбора пространственных полимасштабных полигонов для инновационного экспериментирования в различных отраслях. Использование фактора пространства позволяет использовать различные пространственные сочетания ресурсов и применять преференциальные условия ведения хозяйственной деятельности [1].

Современная стратегия пространственного развития России была принята в 2019 г.¹ В качестве основных ее «сюжетов» следует назвать определение отраслевых специализаций, стимулирование развития агломераций и образование экономических макрорегионов. Стратегия встретила неоднозначное отношение в экспертной среде [2; 3]. Параллельно изменился исходный замысел ее создания. В базовом постановлении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. документ задумывался с целью определения приоритетов, целей и задач комплексного регионального развития РФ, поддержания устойчивости системы расселения на территории, снятия инфраструктурных ограничений во взаимосвязке с разработкой предложений о совершенствовании системы расселения и приоритетных направлениях размещения производительных сил².

¹ Распоряжение Правительства РФ № 207-Р от 13.02.2019 «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 05.06.2021).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2015 № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201508270007> (дата обращения 05.06.2021).

Дискуссии вокруг стратегии продемонстрировали существование двух альтернативных подходов к пространственной организации. Согласно первому подходу (представлен в основном в публикациях Всемирного банка), ставящему на первое место разблокировку рыночных эффектов, Россия теряет до 2–3 % ВВП от «неправильной» пространственной организации. В подходе, продвигаемом Европейским Союзом и Организацией экономического сотрудничества и развития, важно признание, что не существует «правильной» организации пространства. Нужно применение исторического подхода и работа с особенностями страны, активное проведение государственного регулирования территориального развития, мер инновационной, структурно-инвестиционной политики [4].

Параллели с 1920-ми годами. С нынешним выбором подходов к разработке стратегии пространственного развития можно провести четкие параллели из экономических дискуссий по пространственному развитию в 1920-х гг. В отношении пространственного развития речь идет о заочной «переключке» вопросов о соотношении стратегического планирования и методов рыночного саморегулирования, генетического и телеологического подходов (по современному выражению, естественные структурные сдвиги или выбор отраслевых приоритетов) [5; 6].

Разработка больших районов Госплана в 1920-х гг. определила будущий путь и пространственные перспективы советской экономики. Это представляет ясный знак, чтобы уже сегодня ускоренно определиться с перспективами выделенных экономических макрорегионов, будут ли они лишь аналитическими сетками или станут реально влиять на улучшение инновационного потенциала, совершенствование промышленной базы и дальнейшую модернизацию «экономически законченных, но не замкнутых» производственных макрорегиональных цепочек. А выбор в качестве одного из немногих замыслов собственно пространственного развития – комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь» зеркально отражает выбор в 1920-х гг. проблемы Ангаростроя как элемента формируемой в те годы долгосрочной пространствен-

ной стратегии [7]. Сегодня ослабить давление со стороны современных сложностей может, по словам одного из авторов экономического районирования в 1920-х гг. И.Г. Александрова, «тесное сотрудничество различных районов между собой», поскольку осуществление «государственных экономических задач связано со взаимодействием часто очень отдаленных частей государства» [8].

Конструирование макрорегионов в СПР напоминает «районирование по центрам» 1920-х гг. В Докладе Госплана III сессии ВЦИК отмечалось, что это возможно «лишь в стране полуземледельческого типа с однородными природными условиями, с малоразвитой сетью путей сообщения и небольшим количеством удаленных друг от друга на довольно значительных расстояниях культурных центров» [9, с. 4].

В современном пространственном развитии от внедрения института макрорегионов может быть получена добавленная стоимость, если они выступают инструментом развития новых отраслей на крупных территориях, способствуют цифровой, энергетической, экологической, социальной модернизации (опыт Франции) или выделяются для разработки межрегиональных межотраслевых балансов в целях лучшей пространственной организации территории и ускорения роста (опыт Индонезии). В современном Казахстане в рамках генеральной схемы пространственной организации экономики (наследницы советских Генеральных схем размещения производительных сил) разрабатываются инвестиционные программы развития макрорегионов и перспективные специализации.

Еще одной идеей начала 1920-х гг. являлась идея отраслевой специализации. Методологической основой применения этой концепции в советской практике планирования экономики стало учение о территориальном разделении труда. Оно предполагало специализацию экономических районов, с одной стороны, а с другой – хорошо налаженный обмен между районами, т.к. иначе изучение специализации теряло смысл.

Перспективная экономическая специализация в эпоху советской индустриализации была прежде всего проекцией энергопроизводственных циклов Н.Н. Колосовского для больших экономических районов и составляющих их однородных массовых производственных ресурсов. Специализацию определяли технологические процессы, «цементирующие» территориально-промышленные комплексы. Ее развитие определялось общностью природно-ресурсной, энергетической базы. Концепция «умной специализации» (smart specialisation) в современной России отчасти может продолжить такой подход [10]. Примером являются инновационные производственно-технологические цепочки, разрабатываемые в рамках инвестиционной стратегии комплексного проекта «Енисейская Сибирь». Но магистральной тенденцией умной специализации является ее формирование в ходе взаимодействия качественно разнородных экономических активов в кластерах, развития сетевых форм организации производства, истощения наиболее крупных запасов массовых природных ресурсов и повышения наукоемкости добычи остальных.

Выводы для современной пространственно-экономической политики. Юбилей памятных решений в экономической политике начала 1920-х гг. НЭПа и Госплана подводит к мысли творчески переосмыслить наследие этого периода в целях хозяйственно оправданного освоения всей территории страны, чтобы «в России не было неперспективных регионов, оказавшихся в стороне от экономического развития».

Ценность обладания пространством остается и в современную эпоху. Неизвестно, в какой момент его свойства могут радикально измениться. Следует вспомнить пространственные проекты национального и международного развития, в технико-экономическом обосновании которых в период своей долгой научной карьеры участвовал академик А.Г. Гранберг: Байкало-Амурская магистраль, полимагистраль Обская – Бованенково (Урал Промышленный – Урал Полярный), Северный морской путь, коридор Евразия – Америка с тоннелем через Берингов пролив, который позволяет объединить транспортные сети Европы, Африки, Азии и Америки

в единую глобальную суперсеть, организовать масштабные межконтинентальные транзитные перемещения грузов, пассажиров, переброску энергии, экономически освоить огромные северные территории России, США и Канады [11]. Из недавних проектов следует привести разработку проекта железнодорожного «Арктического коридора» по территории Норвегии и Финляндии из Баренцева моря в Ботнический залив. Помимо функции создания новой трассы, которая резко может изменить географию перевозок, важно отметить, что комбинация крупных морских нефтегазовых и сухопутных рудных месторождений открывает возможности беспрецедентно активных промышленных и технологических разработок. В сочетании металлургических, природных и морских ноу-хау ресурсо-ориентированные экономики Финляндии, Швеции и Норвегии могут выйти на новую технологическую границу¹.

Немецкий экономист Фридрих Лист, чьей работе «Национальная система политической экономии» исполняется в 2021 г. 150 лет, отмечал постоянный вызов, перед которым исторически стоит Россия: «если бы не было войн и внешних осложнений, то Россия считала долго еще для себя более выгодным свободный обмен со странами, ее опередившими, так как <...> это сделало бы больше успеха, нежели протекционистская система. Но войны, блокада континента и ограничительные меры других стран принуждают Россию попытаться счастья на другом пути, а не в отпуске сырья и привозе иностранных фабричных изделий» [12, с. 133–134]. Эти слова сохраняют свою актуальность и сегодня. В аспекте пространственной политики это означает, что востребован «умный» пространственный протекционизм, заключающийся в следующем:

- контролирование ключевых технологий по пространственно-распределенным цепочкам внутри страны;
- создание пространственных зон временной защиты новых отраслей промышленности / новых продуктов для мирового рынка;

¹ Growth through arctic resources [Электронный ресурс]. URL: <https://arcticcorridor.fi> (дата обращения: 05.06.2021).

- пространственная интеграция и увеличение внутреннего рынка качественных промышленных товаров;
- стимулирование межрегиональных связей с критерием максимума переданных знаний.

Пространственное стратегирование в нашей стране традиционно развивалось под сильным воздействием государства, жестко ориентировалось на конкретные хозяйственные задачи, обобщение эмпирики. Представляется, что его совершенствование необходимо и дальше проводить с учетом особенностей и государственных интересов страны и накопленного исторического опыта.

Список литературы

1. Шнипер Р.И., Воевода И.Н., Гузнер С.С. Региональная программа и принципы ее разработки: вопросы межотраслевого взаимодействия. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 294 с.
2. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: Экономика и Социология. 2018. № 2. С. 264–287.
3. Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. 2019. № 5. С. 158–178.
4. Курушина Е.В., Петров М.Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 176–189.
5. Колосовский Н.Н. Проблема порайонной организации хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1929. № 6. С. 20–31.
6. Бессонов В.А. Проблема пространства в пятилетнем плане. Ч. 1 // Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 63–89.
7. Котов А.В. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 18–34.

8. *Александров И.Г.* Экономическое районирование России. М.: Госплан, 1921. 15 с.
9. Экономическое районирование России. Доклад Госплана III Сессии ВЦИК. М.: ВЦИК, 1922. 83 с.
10. *Котов А.В.* Методический подход к определению умной специализации регионов России // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 2. С. 22–45.
11. *Пилясов А.Н.* Мыслящий человек есть мера всему – памяти академика РАН А.Г. Гранберга // Современные проблемы пространственного развития: Мат-лы Междунар. науч. конф. посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А.Г. Гранберга. М.: СОПС, 2011. 623 с.
12. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М.; Челябинск: Социум, 2017. 451 с.

**Военно-промышленный комплекс СССР:
проблемы создания и реформирования**

I.V. Bystrova

**Military-Industrial Complex of the USSR:
Problems of Creation and Reforming**

Аннотация. В статье показаны этапы становления и развития военно-промышленного комплекса с 1917 г. до конца 1980-х гг.: 1) большевики и национализация промышленности, передача предприятий в ведение ВСНХ; 2) Гражданская война и создание массовой армии, чрезвычайных органов, специализированной военной промышленности с 1919 г.; 3) переход к нэпу и сокращение военного производства; введение товарно-денежных отношений, выделение эффективных предприятий в составе ВСНХ; 4) «Военная угроза» 1927 г., присвоение номеров «кадровым» военным заводам, создание оборонных отраслей в 1930-е гг.; 5) чрезвычайные методы перестройки экономики в годы Великой Отечественной войны; 6) Реорганизация системы управления и создание устойчивого военно-промышленного комплекса в условиях холодной войны, оформление структуры военно-промышленных и смежных министерств к 1965 г., превращение ВПК в суперструктуру советской экономики.

Ключевые слова: оборонная промышленность, Высший совет народного хозяйства, снабжение, военный заказ, Военно-промышленная комиссия.

Семь десятилетий XX в. оборонная промышленность России и СССР переживала вместе со всей экономикой периоды становления, подъема, разоружения и наращивания производства военной продукции и наконец – создания постоянно действующего военно-промышленного комплекса по всей стране.

¹ **Быстрова Ирина Владимировна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, Россия, Москва, e-mail: irin-bystrova1@yandex.ru

Bystrova Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: irin-bystrova1@yandex.ru

В годы Первой мировой войны в России были созданы органы государственного управления экономикой – Особые совещания и органы мобилизации промышленности – Военно-промышленные комитеты. В результате революций 1917 г. и прихода к власти партии большевиков с ноября 1917 г. началась национализация промышленности, в том числе оборонной, и передача предприятий в ведение государственного органа – Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). После заключения Брестского мира начался процесс демобилизации промышленности, предусмотренный статьями мирного договора. Военные заводы консервировались или переводились на выпуск гражданской продукции [1, с. 11].

Однако к лету 1918 г. Советская Россия оказалась в кольце фронтов, и в сентябре 1918 г. Л.Д. Троцкий заявил, что факт длительной и большой войны налицо, поэтому вопрос о снабжении армии необходимо рассматривать в полном объеме, поставлен вопрос о необходимости введения в строй всех военных заводов [1, с. 15]. Советская республика создавала чрезвычайные органы управления: Революционный военный совет, Совет рабочей и крестьянской обороны (с весны 1920 г. – Совет труда и обороны, СТО). В июле 1919 г. при Совете обороны создан институт Чрезвычайного уполномоченного по снабжению Красной армии (Чусоснабарм, ЧУСО) и его аппаратов в центре и на местах. Чрезвычайным уполномоченным стал председатель ВСНХ А.И. Рыков. В сентябре 1919 г. при ЧУСО организован Совет военной промышленности (СВП), под руководством П.А. Богданова, для создания единого оборонно-производственного фронта Советской республики, управления оборонными заводами из одного центра и по единому плану. Ранее Красная армия питалась старыми запасами вооружения, но к весне 1919 г. они были исчерпаны и «только благодаря диктатуре Чусоснабарма наша армия продолжала снабжаться и развиваться, на местах строились здоровые и крепкие аппараты и твердой рукой проводилась экономическая политика советской власти, дающая максимум возможного для Красной армии» [1, с. 19–20].

Военные заводы были поставлены в привилегированное положение: вводились премии для рабочих из расчета до 200 % на тариф, а на семи ударных заводах – до 300 %.

Записка о развитии военной промышленности, составленная СВП в августе 1920 г., показывала истощение военных заводов, падение производительности, утрату квалифицированных кадров, изношенность оборудования, отсутствие топлива, необходимых станков и оборудования [1, с. 28].

Перестройка военной промышленности с переходом к НЭПу производилась следующим курсом:

1) реформа 1921–1923 гг. в промышленности означала курс на введение товарно-денежных отношений;

2) в государственном секторе выделялась группа наиболее крупных и эффективных предприятий, более или менее обеспеченных топливом, сырьем, которые подчинялись непосредственно ВСНХ;

3) остальные подлежали сдаче в аренду или в концессии. Предприятия, подчиненные ВСНХ, объединялись в тресты, деятельность которых должна была строиться на принципах хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости. Убыточные и нерентабельные предприятия подлежали закрытию или консервации;

4) для регулирования отношений между трестами, снабжения предприятий сырьем, материалами, для сбыта их продукции на рынке учреждались объединения-синдикаты, работавшие на договорной основе [1, с. 29].

Итоги становления и развития оборонной промышленности в первые годы Советской власти были подведены в докладе «Об организации военной промышленности» П.А. Богданова и В.С. Михайлова, представленном в Реввоенсовет, Совнарком и СТО 2 марта 1924 г.: «Военная промышленность, как обособленная отрасль народного хозяйства, начала формироваться с 1919 г. В этом году был учрежден Совет Военной Промышленности, который стал <...> собирать под свое руководство все специаль-

ные заводы, обслуживающие артиллерию, флот, авиацию, саперные войска и интендантство.

До этого времени эти заводы были разбросаны по различным ведомствам в виде отдельных единиц или групп, объединенных специальными правлениями. В процессе собирания все эти объединения были изъяты из ведомств и включены в состав ВСНХ.

Состав предприятий военной промышленности в дальнейшем, в соответствии с обстоятельствами, менялся, равно как и структура самого управления военной промышленности. В настоящее время она включает в себя 57 заводов» [2, с. 59].

В 1927 г. «кадровым» военным заводам были присвоены номера – с 1-го по 56-й. Заводом № 1 стал Московский авиационный завод имени Авиахима, заводом № 2 – Ковровский пулеметный завод, заводом № 3 – Ульяновский трубочно-взрывательный завод им. Володарского, заводом № 7 – Ленинградский артиллерийский завод и т.д. Зачастую присвоенный номер оставался за предприятием на многие годы [2, с. 36].

В период сталинской индустриализации 1930-х гг. можно выделить следующие этапы создания оборонной промышленности:

1) 1931–1936 гг. – принятие и реализация программ перевооружения РККА, развитие программ танкостроения, авиапромышленности, артиллерийских средств, военно-морских сил, военно-химических средств. В рамках этого периода военная промышленность подверглась ряду реорганизаций. После ликвидации ВСНХ с января 1932 г. она перешла в систему Наркомата тяжелой промышленности (НКТП);

2) 1937 – III квартал 1939 г. – создание специализированной оборонной промышленности в рамках Наркомата оборонной промышленности (НКОП), рост расходов на развитие военного производства; период репрессий и смены кадров руководителей оборонной промышленности и военного ведомства;

3) IV квартал 1939 г. – 22 июня 1941 г. – форсированная подготовка к войне, рост Вооруженных сил и наращивание производства вооружений в условиях начала Второй мировой

войны; принятие плана мобилизации – МП-1 на «особый» IV квартал 1939 г., проведенная в том же году реорганизация управления – разделение НКОП на специализированные наркоматы: авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов, судостроительной промышленности) [3, с. 64–65].

В конце 1930-х гг. были созданы чрезвычайные органы, нацеленные на подготовку к войне: Комитет обороны при СНК и созданная при нем в 1938 г. Военно-промышленная комиссия. Комиссия имела задачей «мобилизацию и подготовку промышленности как оборонной, так и необоронной, для полного обеспечения выполнения планов и заданий Комитета Обороны по производству и поставке РККА и Военно-морскому флоту средств вооружения» [3, с. 148–149]).

С 1940 г., в связи с нарастанием войны в Европе, присоединением к СССР ряда западных районов и необходимостью оборудования новой западной границы СССР, проводились мероприятия по увеличению численности армии и флота, созданию механизированных корпусов, изменению дислокации советских войск. Постановлениями партии и правительства был предусмотрен переход ряда заводов в систему оборонной промышленности. Всего в 1940 г. оборонным ведомствам было передано более 40 предприятий.

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. система управления страной носила чрезвычайный характер. 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО). Члены ГКО курировали отрасли народного хозяйства, давали предприятиям задания по выпуску вооружения и боеприпасов и контролировали их выполнение.

В процессе перестройки промышленности на решение военных задач можно выделить следующие основные направления:

- 1) эвакуация как сдвиг промышленности на Восток (с 1942 г. – частичная реэвакуация) и перераспределение производственных мощностей в пользу восточных районов; уничтожение производственных мощностей, которые не успевали вывезти, для предотвращения их попадания в руки противника;

2) мобилизация – перестройка всей промышленности на производство военной продукции (изменение производственного профиля предприятий и номенклатуры выпускаемой продукции);

3) создание массового специализированного производства вооружений, благодаря чему в 1943 г. был достигнут резкий рост военной продукции; ускоренное внедрение в промышленность образцов вооружения, созданных еще до войны, при их последующей модернизации [3, с. 193].

Кроме имевшихся наркоматов вооружения, боеприпасов, авиационной промышленности, судостроительной промышленности возникли новые специализированные наркоматы: в сентябре 1941 г. Наркомат танковой промышленности, а в ноябре того же года – Наркомат минометного вооружения. Это свидетельствовало и о первоочередном значении организации производства на начальном этапе войны именно этих видов вооружения.

Итоги развития народного хозяйства за первые шесть месяцев войны подводились в записке Госплана на имя М.З. Сабурова. В документе выделялась главная линия перестройки промышленности, заключающаяся во всемерном росте производства оборонной продукции в ущерб всем другим производствам «необоронного значения». Несмотря на все трудности, процесс эвакуации был в целом завершен в течение 1942 г. [3, с. 200].

К числу методов управления относились:

1) крайняя централизация управления, личный контроль И.В. Сталина и других членов ГКО (Л.П. Берия, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.И. Микояна), уполномоченных ГКО на местах за военными программами; усиление роли органов безопасности, НКВД;

2) усиление персональной ответственности партийных и хозяйственных руководителей за выполнение военных заказов. В соответствии с этим решением ГКО, приказ № 334сс Наркома танковой промышленности В.А. Малышева от 12 апреля 1942 г. «О плане производства танков и о материально-техническом обеспечении танковой промышленности на II кв. 1942 г.» преду-

сматривал следующие меры: «Предупредить директоров, главных инженеров и главных металлургов заводов, что за невыполнение плана <...> они будут привлекаться к судебной ответственности по законам военного времени в соответствии с решением ГКО от 3.1.1942 г.»;

3) сокращение сроков отчетности по военным заказам: отчеты наркоматов по выполнению планов производства оборонной продукции давались за следующие сроки: месяц, 20 дней, 15 дней, декада, пятидневка, день;

4) сосредоточение ресурсов на заводах-гигантах: в системе Наркомтанкопрома создавались предприятия с числом рабочих 5–10 тыс., ориентированные на самообеспечение, на базе ряда машиностроительных отраслей (транспортное, сельскохозяйственное машиностроение, судостроение, тяжелое машиностроение) [3, с. 207].

Результатом войны было гигантское расширение военно-промышленной инфраструктуры по всей стране, что заложило основу для создания отраслей по производству новейших вооружений (атомного оружия, реактивной техники, средств радиолокации) в большинстве регионов СССР.

Холодная война, продолжавшаяся до конца 1980-х гг., породила невиданную ранее в мировой истории гонку вооружений, главными субъектами которых стали СССР и США. Процесс послевоенного восстановления народного хозяйства СССР шел под знаком удовлетворения нужд атомной промышленности (организованные при И.В. Сталине Спецкомитет при Совете министров СССР и Первое Главное управление, под руководством которых была создана первая советская атомная бомба в 1949 г.). Соревнование шло и в разработке средств доставки ядерного оружия к цели (самолеты, ракеты, подводные лодки).

После смерти Сталина имели место попытки реформирования управления военно-промышленным комплексом, и даже ограничения военных расходов в пользу производства средств потребления. К концу 1950-х гг. программы производства вооружений были сосредоточены в министерствах: среднего машиностроения

(атомная программа), оборонной промышленности, радиотехнической промышленности, авиационной промышленности и судостроительной промышленности.

В 1957–1958 гг. оборонные предприятия попали под реформу управления народным хозяйством Н.С. Хрущева и были переведены в ведение совнархозов. В результате реформы, по мнению Н.С. Симонова, предприятия по серийному производству оборонной продукции включались в систему региональных экономических связей, выходили из состояния производственно-технологической замкнутости. Местные органы хозяйственного управления получили возможность размещать на них заказы, отвечающие местным потребностям. Оборонные предприятия стали стремиться к экономической самостоятельности, что проявлялось в установлении договорных отношений с заказчиком – Министерством обороны – по вопросам ценообразования [2, с. 288–291].

После отстранения Н.С. Хрущева от власти в конце 1964 г. централизованный принцип управления «оборонкой» был полностью восстановлен. В 1965 г. создавалось Министерство общего машиностроения, где объединялись все разработки в области ракетно-космической техники (ранее эти работы были разбросаны по предприятиям ряда министерств). В результате реформы 1965 г. сформировалась так называемая «девятка» оборонно-промышленных министерств, в которых сосредотачивались военные производства (министерства авиационной промышленности, оборонной промышленности, общего машиностроения, радиопромышленности, среднего машиностроения, судостроительной промышленности, химической промышленности, электронной промышленности, электротехнической промышленности). К ним примыкали 10 министерств-смежников, производивших продукцию военного и гражданского назначения. Политическое и хозяйственное руководство обеспечивали отдел оборонной промышленности и отдел административных органов ЦК КПСС, проблемы безопасности – подразделения КГБ и МВД. Решением хозяйственных, организационных, научно-технических вопросов в сфере военной техники занимались

Совет Министров и его комиссии, Госплан, Министерство финансов, Академия наук СССР.

Главные направления развития оборонной промышленности (без учета атомной техники) в наиболее «продуктивную» для советской экономики пятилетку 1966–1970 гг. (когда осуществлялась экономическая реформа А.Н. Косыгина) были следующие: Первое место, как и в «эпоху Хрущева», занимало производство «ракетно-космической и самолетной техники» – 35 % капитальных вложений; второе – производство «радиоаппаратуры всех видов ракетного вооружения, радиолокации, радиоразведки, радиопротиводействия и другой специальной радиоаппаратуры»; далее следовало производство «твердого ракетного топлива, порохов, взрывчатых веществ и боеприпасов» – 18 %, судостроение – 13 %, производство бронетанковой техники – более 4 %¹.

Координирующим органом была Военно-промышленная комиссия, основными задачами которой являлись: организация и координация работ по созданию современных видов вооружения и военной техники; оперативное руководство и контроль за деятельностью оборонных отраслей промышленности, в том числе в части создания, производства и поставок вооружения и военной техники, выпуска товаров народного потребления и другой гражданской продукции; подготовка совместно с Госпланом СССР и Министерством обороны СССР программ вооружений, пятилетних и годовых планов и внесение их на рассмотрение и утверждение; координация внешнеэкономических связей оборонных отраслей промышленности по военно-техническому сотрудничеству [4, с. 92–93].

«В случаях разногласий между министерствами оборонных отраслей, Госпланом СССР и Министерством обороны СССР, ВПК должна была принять окончательное решение» [4, с. 72–73].

С момента образования ВПК в 1957 г. ее возглавляли Д.Ф. Устинов (1957–1963 гг.), Л.В. Смирнов (1963–1985 гг.), Ю.Д. Маслюков (1985–1988 гг.), И.С. Белоусов (1988–1991 гг.).

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 79с. Д. 776. Л. 62.

Порядок принятия решений по военно-промышленным вопросам, установившийся с 1960-х гг., выглядел так: проекты решений выработывались теми научно-производственными подразделениями, которые занимались разработкой той или иной системы вооружения. Затем все заинтересованные министерства представляли свои предложения по проекту в Военно-промышленную комиссию, которая согласовывала положения документа с интересами всех ведомств. Подготовленный комиссией вариант проекта затем направлялся в Отдел оборонной промышленности ЦК КПСС, где подвергался дополнениям и корректировке. Окончательные решения выходили в форме совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые несли на себе различные грифы секретности и в закрытом порядке рассылались заинтересованным ведомствам.

Итак, отечественная оборонная промышленность в XX в. претерпела ряд серьезных реорганизаций, вплоть до сокращения до минимума в период новой экономической политики. Но в течение большей части этого века – в 1930–1980-е гг. эта отрасль устойчиво шла на подъем, являясь приоритетным объектом для советского государства.

Список литературы

1. *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 523 с.
2. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: Росспэн, 1996. 333 с.
3. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
4. Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие / под ред. О.Д. Бакланова, О.К. Рогозина. М.: Ладога-100, 2005. 751 с.

**Военно-экономическая политика
послесталинского руководства: приоритеты,
механизмы реализации, результаты**²

Е.Т. Artemov

**Military-Economic Policy
of the Post-Stalinist Leadership: Priorities,
Implementation Mechanisms, Results**

Аннотация. В статье анализируются причины изменения приоритетов в послесталинской военно-экономической политике. Отмечается, что они носили вынужденный характер. С одной стороны, требовалось снизить оборонную нагрузку на экономику, с другой – учесть последствия военно-технической революции. Это послужило побудительным мотивом для сокращения программ производства обычных видов вооружения, что оздоровило социально-экономическую обстановку. Но стремление радикально упрочить позиции СССР на мировой арене спровоцировало новый виток гонки вооружений, принявшей с начала 1960-х гг. лавинообразный характер.

Ключевые слова: военно-экономическая политика, новации послесталинского руководства, ядерное оружие, обычные виды вооружений.

В современной историографии накоплен солидный задел в изучении военно-экономической политики послесталинского времени (см.: [1; 2; 3; 4; 5] и др.). Практически все исследователи отмечают, что пришедшее к власти после смерти вождя так называемое коллективное руководство пересмотрело многие ее

¹ **Артемов Евгений Тимофеевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Екатеринбург, e-mail: iia-history@mail.ru

Artemov Eugeny Timofeevich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yekaterinburg, e-mail: iia-history@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-00061.

прежние приоритеты. Это оказало заметное влияние на вектор развития страны. Тем не менее ряд вопросов нуждается в дополнительном прояснении. Чем был вызван отказ от безудержного наращивания военно-промышленной мощи? Как новый курс осуществлялся на практике? Какое влияние он оказал на социально-экономическую динамику? Какие изменения в нем наметились с утверждением Н.С. Хрущева в качестве безусловного лидера? Поиски ответа на эти вопросы целесообразно начать с оценки сталинского экономического наследия. Прежде всего нужно отметить высокие темпы послевоенного восстановления страны. Согласно официальным данным, уже в 1948 г. был достигнут, а к концу четвертой пятилетки и заметно превышен довоенный уровень производства в тяжелой промышленности. Успехи в развитии отраслей, работающих на потребительский рынок, особенно сельского хозяйства, были заметно скромнее. Однако и здесь к началу 1950-х гг. удалось выйти, а по ряду позиций и даже превзойти довоенный уровень [6, с. 16, 17]. Правда, достоверность официальных данных вызывает сомнение. По заключению многих специалистов, советская статистика завышала темпы экономического роста. Это происходило как в силу несовершенства методики расчетов, так и по причине стремления приукрасить достигнутые результаты. Тем не менее даже авторы альтернативных расчетов признают, что на рубеже 1940–1950-х гг. советская экономика демонстрировала завидный динамизм [7, с. 184–188].

Сказанное отнюдь не отрицает наличие в ней серьезных диспропорций. Наиболее зримо они проявились в социальной сфере. Большинство рабочих и служащих получало нищенскую зарплату, не имело нормального жилья, испытывало постоянную нехватку товаров первой необходимости. Еще труднее приходилось сельскому населению. Оно, по сути, бесплатно работало в колхозах и выживало лишь за счет личных подсобных хозяйств. Однако этим дело не ограничивалось. Рост производства потребительских товаров заметно отставал от наращивания выпуска продукции тяжелой промышленности, что разбалансировало

экономику. Но таков был сознательный выбор. По словам И.В. Сталина, он обеспечивал стране «гарантию от всяких неожиданностей» военно-политического характера. И этому отдавался явный приоритет. Заявления о планируемом «расширении» производства «предметов широкого потребления», «поднятия жизненного уровня трудящихся» были, скорее, «декларациями о намерениях»¹. В реальности средства на названные цели выделялись по остаточному принципу. Любые попытки что-то здесь изменить либо не имели значимых последствий, либо пресекались «на корню» как противоречащие принципам «социалистического хозяйствования».

Наблюдавшиеся диспропорции в экономическом развитии были усугублены втягиванием страны в «холодную войну». Это сопровождалось стремительным ростом военных расходов. За пять лет, начиная с 1947 г. бюджет оборонных ведомств вырос почти в два раза и вплотную приблизился к уровню ассигнований, выделенных им в последний год войны. Еще более высокими темпами росли затраты на разработку и организацию производства боевой техники, вложения в развитие материально-технической базы военно-промышленного комплекса, проходившие по другим статьям бюджета. Доступные данные не позволяют оценить их объем. Но очевидно одно, что расходы на военные нужды осуществлялись нарастающими темпами. Такой вывод подтверждают расчеты межотраслевых балансов народного хозяйства СССР за 1950–1970-е гг., выполненные еще в советское время. В их второй квадрант включен столбец «прочее конечное потребление». Считается, что в нем отражены поставки Советской армии боевой техники и вооружения (без учета ядерного и ракетного оружия). Согласно этим данным, только за 1950–1953 гг. их стоимость выросла более чем в два раза. Ускорение гонки вооружений в первую очередь осуществлялось за счет сокращения финансирования неприоритетных отраслей промышленности и социальной инфраструктуры, деградации сельского хозяйства, «сжатия» потребительского

¹ Речь Сталина перед избирателями // Правда. 1946. 10 февр.

спроса. Такая политика оборачивалась распространением в обществе чувств усталости и неудовлетворенности, создавала предпосылки для роста социальной напряженности. [8, с. 64].

Наращивание сил и средств вооруженной борьбы осуществлялось с учетом опыта Второй мировой войны [9, с. 5–6]. Ставка делалась на обладание многомиллионными вооруженными силами, способными в ходе скоротечных наступательных операций окружить и уничтожить основные группировки войск противника на евроазиатских театрах военных действий. Считалось, что это обеспечит СССР достижение политических целей в случае прямого столкновения с Соединенными Штатами и их союзниками [10, с. 77, 82; 11, с. 91–94]. Такие военно-стратегические расчеты задавали вектор перевооружения Советской Армии. Ее главной ударной силой считались сухопутные войска. Поэтому их оснащению вооружением и боевой техникой уделялось особое внимание. Были реализованы масштабные программы производства новых тяжелых, средних и легких танков, налажен выпуск модернизированных артиллерийских систем, завершена моторизация частей и соединений и т.д. Качественно преобразилась военная авиация, ставшая реактивной. Крупными сериями выпускались фронтовые истребители и бомбардировщики, предназначенные для поддержки сухопутных сил. Военно-морской флот оставался по преимуществу прибрежным. Его предполагалось использовать в интересах сухопутных войск, действующих на приморских направлениях. Но одновременно строились амбициозные планы создания мощного океанского флота, для чего осуществлялись крупные вложения в развитие конструкторско-производственной базы судостроительной промышленности. Все эти мероприятия значительно усилили боевую мощь Вооруженных сил СССР.

Однако традиционные виды и рода войск уже не могли обеспечить желаемого уровня обороноспособности страны. Военно-техническая революция принципиально изменила ситуацию. Главную угрозу теперь стали представлять ядерные ударные силы США. И только обладание таким же оружием могло обес-

печить Советскому Союзу приемлемую безопасность. Для решения этой проблемы был запущен атомный проект. Затраты на его реализацию не лимитировались и осуществлялись «независимо от степени обеспечения других нужд народного хозяйства» [12, с. 158]. Одновременно крупные вложения были направлены на создание авиационных и ракетных средств доставки ядерных боеприпасов, развертывание зенитно-ракетной системы, призванной обезопасить столицу от массированной атомной бомбардировки. Логично было ожидать, что появление принципиально новых средств вооруженной борьбы приведет к пересмотру базовых положений военной доктрины. Но этого не произошло. Причина заключалась в фактическом отстранении командования Вооруженными силами и Генерального штаба от разработки «вопросов применения атомного оружия» [5, с. 257]. В военно-стратегических расчетах они по-прежнему отводили главную роль многомиллионной армии. В результате параллельно решались сразу две чрезвычайно затратные задачи: достижение превосходства над «вероятным противником» в обычных видах вооружения и создание ядерных сил, способных решать стратегические задачи. Такой подход обескровливал экономику. Приходилось экономить практически на всем. Даже тяжелая промышленность систематически недофинансировалась, что накладывало серьезные ограничения на выполнение амбициозных планов технического перевооружения и роста производства.

Руководство страны в общем понимало, что такое перенапряжение сил имеет свои пределы. Но вплоть до смерти И.В. Сталина курс на форсированное наращивание всех компонентов военной мощи оставался неизменным. Ситуация изменилась практически на следующий день после смерти вождя. В конце марта 1953 г. его преемники приняли решение о снижении плана капитальных работ в текущем году на 3%. В основном оно осуществлялось за счет консервации строительства транспортных коммуникаций военно-стратегического назначения. В следующем месяце значительно уменьшились ассигнования Министерству

обороны на закупку обычных вооружений [8, с. 66]. Курс на ограничение военных расходов был закреплен в последующие годы. Это сопровождалось пересмотром базовых положений военной доктрины и подходов к строительству Вооруженных сил. Принципиальные изменения здесь произошли в конце 1950-х гг. [13, с. 10]. Но их основы были заложены «коллективным руководством» в середине десятилетия. Именно тогда главным средством вооруженной борьбы стало считаться ядерное оружие, а наиболее эффективным способом его доставки – ракетная техника. Одновременно был признан очевидный факт снижения роли обычных видов вооружения в возможном глобальном военном конфликте. Это позволило скорректировать в сторону уменьшения программы их производства, провести с 1953 по 1956 г. сокращение численности Вооруженных сил почти на миллион человек, стабилизировать бюджет Министерства обороны [14, 15]. Правда, с учетом форсированного наращивания производства «новой техники специального назначения» (ракетно-ядерного оружия), ограничение оборонной нагрузки на экономику не выглядело столь впечатляющим. Тем не менее у страны появились дополнительные возможности для поддержки сельского хозяйства, расширения производства промышленных товаров массового спроса, увеличения масштабов строительства жилья, повышение оплаты труда низкооплачиваемым категориям работников.

Вложения в отрасли с низкой капиталоемкостью быстро окупились. Это создавало предпосылки для роста фондоотдачи и производительности труда. В результате заметно повысились темпы экономического роста. По расчетам ЦРУ США, содержащим, по мнению многих специалистов, наиболее реалистичную оценку динамики советской экономики, ежегодный прирост валового национального продукта в 1954–1956 гг. составил 7,6 %, что вдвое превышало аналогичный показатель за три предыдущих года (оценка по: [16, с. 106]). Разумеется, принятые «коллективным руководством» меры по ограничению военных расходов и сокращению численности Вооруженных сил не означали отказа от военно-промышленной направленности советской экономики.

Более того, их инициатор Н.С. Хрущев не смог добиться их последовательной реализации. Став после разгрома в 1957 г. так называемой антипартийной группы безусловным лидером, он на практике отступил от курса на снижение оборонной нагрузки на экономику. Важную роль здесь сыграл внешнеполитический фактор. Благоприятное разрешение польского, венгерского и Суэцкого кризисов, развитие отношений со странами третьего мира породило у Хрущева и его окружения опасное стремление радикально упрочить позиции СССР на международной арене [17, с. 152]. Но для проведения такой политики нужно было обладать вооруженными силами, не уступающими по своим возможностям «вероятному противнику». Это как бы оправдывало невыполнение планов их сокращения. Сказывалась и утрата должной управляемости реформаторскими процессами. Перманентные организационные перестройки хрущевского руководства серьезно ослабили властную вертикаль. Поэтому было непросто преодолевать сопротивление представителей командных инстанций вооруженных сил и руководства военно-промышленного комплекса плану ограничения оборонных расходов. В результате страна втянулась в новый виток гонки вооружений, принявший с начала 1960-х гг. лавинообразный характер.

Список литературы

1. The Soviet Defense-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / Ed. by J. Barber and M. Harrison. NY, 2000.
2. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980 годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
3. Вооружение России: в 2 т. М.: ИД Оружие и технологии, 2010. Т. 1: Советская военная мощь / рук. авт. колл. А.В. Минаев. 648 с.
4. Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управления. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 504 с.
5. Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.

6. История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1980. Т. 6: Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. 590 с.

7. Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 270 с.

8. Артемов Е.Т. От Сталина к Хрущеву: мотивы и результаты новаций в экономической политике // Уральский исторический вестник. 2020. № 1. С. 62–70.

9. Гречко А. Торжество ленинских идей в строительстве Советских Вооруженных сил // Ядерный век и война. Военные обозрения. М.: Известия, 1964. С. 3–12.

10. Хлопов В. О некоторых современных военных теориях США // Военная мысль. 1954. № 1. С. 75–84.

11. Золотарев В.А., Путилин Б.Г. Мечь за победу: Советский Союз и холодная война. М.: Военная книга, 2014. 880 с.

12. Артемов Е.Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО. 2019. № 7. С. 156–172.

13. Кокошин А.А., Балуевский Ю.М., Потанов В.Я. Влияние ядерного фактора на развитие отечественной военной мысли // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 3–32.

14. Буренок В.М. Анализ военно-технических аспектов отечественной военной реформы 50–60 годов XX века // Вооружения и экономика. 2009. № 2. С. 51–56.

15. Абрамова Ю.А. Незавершенная реформа Н.С. Хрущева: преобразование Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 4. С. 16–33.

16. Кудров В. Советский экономический рост: официальные данные и альтернативные оценки // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 100–112.

17. Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 734 с.

**От кустарных промыслов к кооперативной
промышленности: укрепление производственной базы
южноуральских артелей в 1950-е годы²**

A.A. Pass

**From Handicrafts to Cooperative Industry:
Strengthening the Production Base
of the South Ural Artels in the 1950s**

Аннотация. В статье проанализирован уровень оснащенности промышленных кооперативов Челябинской области в 1950-е гг. Показано постепенное улучшение станочного парка и оборудования коллективных предприятий. Рассмотрены проблемы, которые приходилось решать в целях совершенствования технологических процессов. Приведены конкретные данные об изготовлении машин и механизмов в специализированных артелях, а также о наращивании хозяйственных площадей для новых цехов, и мастерских. Сделан вывод о массовом переходе промысловой кооперации от ручного труда к поточному производству, что во многом предопределило ее окончательное огосударствление в 1960 г.

Ключевые слова: промысловые артели, кооперативная промышленность, производственная база, Южный Урал.

Значение производственных кооперативов в советской экономике послевоенного периода уже становилось предметом исследования обществоведов в ряде научных статей и монографий [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Однако заявленная в настоящей статье проблематика до сих пор не получила должного освещения.

¹ **Пасс Андрей Аркадьевич**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск, e-mail: pass_andrey@mail.ru

Pass Andrey Arkadievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk, e-mail: pass_andrey@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Челябинской области, проект № 20-49-74004.

Эффективная работа любого предприятия зависит от обеспеченности площадями, инструментами, станками. К началу 1950-х гг. в промкооперации Челябинской области коэффициент оснащенности (отношение оборотных фондов к основным) составлял 0,9, что характерно для доиндустриальной эпохи. За пятую пятилетку парк машин и механизмов в системе Центрального промышленного совета СССР¹ вырос с 380 тыс. до 500 тыс. шт. в основном за счет передачи устаревшего и отслужившего свой срок оборудования с государственных заводов².

Собственная ремонтная база у промышленников практически отсутствовала. К чему это приводило, видно из следующего примера. Челябинская артель «Инструментальщик» специализировалась на изготовлении различных приспособлений. Там наладили выпуск станка для производства мебельных замков и шпингалетов. Его купило товарищество «Металлоштамп». Однако из-за дефектов в оснастке исправить которые не представлялось возможным, т.к. ни чертежей, ни технического описания к ней не прилагалось, производство так и не запустили³.

Улучшить использование техники пытались через паспортизацию производственных пауз. В результате выявляли узкие места, выделяли средства на модернизацию тормозившего процесс инструментария. В Челябинской области образцовой считалась промартель «Объединение», полностью механизировавшая выпуск бричек, обоа, напильников.

Но чаще встречалась ситуация, обрисованная председателем «Красного Кустаря» из Нязепетровска С. Миносяном. В письме в газету он сообщал, что вышел из строя локомотив, который отслужил 14 лет, а единственный грузовик, доставлявший заготовленную древесину, из-за постоянных поломок делал только 2 рейса в день. Не использовалась на валке леса высокопроизводительная бензопила по причине отсутствия утвержденных

¹ Центральный промышленный совет (Центропромсовет) – общественная организация, воссозданная в 1950 г. и объединявшая под своей эгидой все кооперативные артели страны.

² Промысловая кооперация. 1955. № 6. С. 16.

³ Челябинский рабочий. 1951. 7 янв.

ных норм выработки и расценок на работу с ней. Все это, в совокупности, приводило к тому, что пилорама функционировала с 50 %-ной нагрузкой. Претензии адресовались плановому отделу обллесхимпромсоюза (ОЛХПС). Вскоре последовал ответ главы ОЛХПС Сосновского, сообщившего о решении проблем «Красного кустаря»¹.

В целом по линии Роспромсовета² челябинским кооператорам в течение 1957–1958 гг. было направлено 1 716 единиц оборудования и 33 автомашины общей стоимостью 4 млн руб. Правда и здесь не обошлось без сюрпризов. Карабашские артельщики из «Горняка» не долго радовались современному сапожному станку. Когда вскрыли контейнер, то оказалось, что он разукомплектован.

Порой «в головную боль» превращалось обслуживание автомобильного транспорта. Средний пробег грузовой машины ЗИС-5 без ремонта не превышал 7 тыс. км вместо гарантированных изготовителем 50 тыс. км. Полуторка ГАЗ-АА (грузоподъемность 1,5 т) выдерживала 5 тыс. км – в восемь раз меньше нормы. Направить автомобиль в сервисные центры Свердловского и Уфимского авторемонтных заводов было невозможно. В порядок «железных коней» приводили сами шоферы, доставая детали «хозспособом». Кроме того, лимит на горючее составлял 7–8 л в день, на них можно было проехать не более 50 км³.

Многие артельщики предпочитали не связываться с дорогой и ненадежной техникой и продолжали использовать лошадей и волов. Кое-где прибегали к пешему виду транспорта. В коркинском товариществе «Новый путь» в 1959 г. бригадиры ежедневно на своих плечах носили мешки с костюмной тканью

¹ Челябинский рабочий. 1952. 19 февр.; 6 апр.

² Российский промышленный совет (Роспромсовет) – общественная организация, созданная в 1956 г. после ликвидации Центропромсовета для руководства кооперативными предприятиями, действовавшими на территории РСФСР.

³ Объединенный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 965. Оп. 5. Д. 92. Л. 74, 75, 80; Д. 177. Л. 101; Д. 222. Л. 51; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 319. Оп. 1. Д. 258. Л. 139.

от центрального склада до пошивочного цеха (10 километров в один конец)¹.

Тем не менее доля внутрисистемного снабжения в промкооперации к концу 1950-х гг. превысила 40 %². По этим каналам глубинка получала то, что государственные фонды не предусматривали – вагонетки, оборудование для швейной, текстильной и трикотажной промышленности. Важное место занимала продукция, вырабатываемая самими артелями: конвейеры для ремонта обуви, прессы для химчистки, гладильные и отпарочные агрегаты, паровые манекены и проч.

Совершенствование технологии, грамотное применение механизмов было актуальным для промышленности в целом. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 апреля 1959 г. «Об использовании неустановленного оборудования на предприятиях и стройках» отмечалось, что особое беспокойство вызывает Челябинский экономический административный район, где бездействуют станки на сумму 768 млн руб., в том числе импортные – на 139 млн руб. Некоторые из них пылились на складах от 3 до 6 лет. Союзные органы власти призвали Госплан СССР исправить положение³.

Данную директиву принял к исполнению и Роспромсовет. В марте 1960 г. челябинские кооператоры подвели итоги проделанной работы. Если на 1 июля 1959 г. балансовая стоимость неустановленного оборудования составляла 680 тыс. руб., то на 1 января 1960 г. – только 296 тыс. руб. Всего за год производственные мощности артелей по этой статье увеличились на 1 млн руб. Было получено около 1 тыс. облегчающих труд приспособлений. Особый контроль установили за правильной эксплуатацией поступившей по фондам оснастки. Например, шлифовального устройства и пилорамы в верхнеуфалейской артели «Бытовик», шести деревообрабатывающих станков в нижнеуфалейском «Трудовике». Составили списки приспособле-

¹ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 222. Л. 21.

² Там же. Д. 263. Л. 227.

³ Там же. Ф. 288. Оп. 23. Д. 84. Л. 84, 85.

ний, подлежащих скорейшему вводу в строй, передаче в другие товарищества, продаже на сторону¹.

Конечно, проблемы оставались. В трикотажной отрасли старые вязальные машины не соответствовали новым красильным и формовочным линиям, отчего те использовались недостаточно эффективно. А в копейском кооперативе «Победа» даже в 1960 г. все работы по пошиву обуви осуществлялись вручную².

Не хватало производственных площадей, несмотря на усилия по их изысканию и строительству. Пресловутая «Победа» на IV сессии Челябинского областного совета депутатов трудящихся 12–13 октября 1951 г. была признана самой «уплотненной». Там на 25 кв. м размещались: сапожная мастерская, закройная, склад, кабинеты председателя, мастера и приемщика. Итого 50 человек³. На протяжении 1955 г. из-за ветхости кооператоры вынуждены были снять со своего баланса каждое двенадцатое здание [7, с. 36]⁴.

Иногда положение усугубляли непродуманные действия чиновников. Копейский горисполком в 1953 г. предъявил иск товариществу «Кустпромшвей» с целью лишить ее занимаемой площади. Местное шахтоуправление сломало старые постройки, в которых располагались мастерские «Красного кожевника» и последний оказался на улице. В Миассе артель «им. XVIII партсъезда» выселили из каменного строения в сарай. Напротив, власти Магнитогорска, выполняя постановление облисполкома, старались следить за тем, чтобы кооперативные ателье и бытовые точки имели соответствующие условия размещения. Им отводили цокольные этажи во вновь строящихся домах, где в 1953 г. они получили 900 кв. м при общей потребности 4 тыс. кв. м⁵.

Областной промысловый совет (ОПС) старался оказывать помощь предприятиям, деятельность которых была важным фактором жизнеобеспечения. Так, магнитогорский «Кузнец»,

¹ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 38. Л. 12; Д. 250. Л. 144–148.

² Там же. Д. 261. Л. 44, 104.

³ Там же. Ф. 274. Оп. 3. Д. 103. Л. 354.

⁴ Там же. Д. 129. Л. 241.

⁵ Там же. Ф. 965. Оп. 5. Д. 80. Л. 596.

до того ютившийся в съемных помещениях¹, в 1951 г. построил, с привлечением собственных средств, два цеха на 500 кв. м. В новых зданиях поставили недавно приобретенные сверлильные и гибочные станки, роликовые ножницы, что дало возможность существенно увеличить выпуск дефицитных металлических кроватей и панцирных матрацев. Саткинское товарищество «Новый путь» обзавелось «литейкой», вагранкой и организовало изготовление чугунной эмалированной посуды. Удалось расширить деревообделочный цех. Капитальные затраты выразились суммой в 3 млн руб.²

Успехи были бы еще внушительнее, но мешали перебои с поставками цемента, кровли, стекла, электропровода, отопительных батарей. До 1954 г., когда в системе появилось собственное строительно-монтажное управление, строительство вели не специализированные подрядные организации, а сами артели. Попытки привлечь к сотрудничеству государственные тресты терпели неудачу. Например, угольные стройуправления в Копейске и Еманжелинске запросили столь высокую цену, что глава ОПС С. Васильев, ознакомившись с их сметой, резюмировал: «Оплачивать такое мы не в состоянии».

Несмотря на трудности, промысловики из года в год наращивали возведение хозяйственных построек. В период с сентября 1950 г. по октябрь 1953 г. ими было освоено 6,8 млн руб., за 1954 г. – 7,1 млн, за 1957–1958 гг. – 21,9 млн и в 1959 г. – 8,2 млн руб.³. Постепенно набирало обороты Строительно-монтажное управление ОПС, что видно из таблицы.

¹ По данным депутата Челябинского горсовета Морозова около 80 % помещений кооперативы арендовали у организаций, учреждений и частных лиц. Согласно договору аренды, им запрещалось устанавливать там какие-либо стационарные приспособления для своих нужд (ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 16. Д. 58. Л. 367).

² Там же. Ф. 965. Оп. 5. Д. 80. Л. 163; Д. 98. Л. 179.

³ Там же. Д. 80. Л. 161; 287; Д. 222. Л. 136; Д. 238. Л. 12.

**Объем выполненных строительно-монтажных
и ремонтных работ в 1954–1959 гг., тыс. руб.**

Годы	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Объем работ	1 076	1 655	3 401	3 195	3 858	5 886

Источник: ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 80. Л. 161; 287; Д. 222. Л. 136; Д. 238. Л. 12.

Посильную лепту в обеспечение системы промышленными площадями вносили депутаты. В Челябинске они организовали кураторство над стройками промкооперации. Возведение гвоздильного цеха в товариществе «им. XVIII партсъезда» контролировала депутат горсовета Белова. Ее коллега Алексеев еженедельно интересовался строительством павильона в артели «Победа». Если вопрос выходил за рамки их компетенции, в известность ставили председателя постоянной комиссии Сосунова, который информировал горисполком¹.

В итоге в Магнитогорске, Уфалее, Копейске, Нязепетровске выросли просторные и светлые мебельные цеха, в Троицке и Сатке – швейные. Кирпичный завод соорудили в Чебаркуле, шлакоблочный – в Магнитогорске. Полный список состоял из десятков наименований.

Знаком времени стало появление комбинатов бытового обслуживания. По решению челябинского горисполкома в артели «Кустобувь» сосредоточили большую часть ремонта обуви с тем, чтобы опробовать конвейерный метод как в Москве и Ленинграде. Выделили деньги, построили помещение, оснастили его пробивочными, фрезеровочными, полировочно-отделочными машинами и приспособлениями для насадки колодок. Весь процесс разбили на 14 операций, из которых семь целиком механизировали. Трудоемкость снизилась с 3 до 12 раз. Объем выполняемых заказов в два раза превысил тот, с которым были в состоянии справиться остальные мастерские города. Челябинск

¹ ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 16. Д. 58. Л. 254, 255.

стал третьим городом в СССР, где был внедрен механический конвейер¹.

Итак, в 1950-е гг. в промкооперации региона происходила модернизация действующего оборудования, централизованные поставки которого поступали в систему по остаточному принципу. Артельщикам пришлось самостоятельно налаживать выпуск механизмов и приспособлений. Эту задачу удалось частично решить, что позволило ряду челябинских товариществ перейти на поточное производство. Помещения, где размещали полученные станки и оснастку, строились, как правило, хозяйственным способом. Переход на более высокий уровень технологии обусловил повсеместное превращение кустарных промыслов в промышленные предприятия, что предопределило их передачу в госсектор в 1960 г.

Список литературы

1. *Воробьева А.Ю.* Кооперативная промышленность послевоенного СССР в отечественной историографии // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Челябинск, 2006. Вып. 2. С. 43–49.

2. *Егоров В.* Место и роль кооперации в цивилизационном пространстве // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 87–99.

3. *Котельникова Л.Е.* Промысловая кооперация в России: уроки истории // Достижения науки и техники АПК. 2003. № 1. С. 41–44.

4. *Назаров П.Г.* История российской промысловой кооперации. 1799–1960. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. техн. ун-та, 1995. 134 с.

6. *Никонов И.И.* Кооперация России в «молохе» социально-экономических преобразований 30-х – 50-х гг. XX в. Кострома: Костромской госуниверситет им. Н.А. Некрасова, 2001. 377 с.

7. *Чуваев Н.Я.* Промысловая кооперация Алтая (1945–1960 гг.): магистерская диссертация. Барнаул, 2010. 160 с.

8. *Васильев В.С.* Вопросы экономики местной и кооперативной промышленности Южного Урала. Челябинск: Кн. изд-во, 1958. 143 с.

¹ Челябинский рабочий. 1955. 11 окт.

Место и роль подоходного налога на кооперацию в бюджетной системе СССР в 1950–1980-е годы²

S.A. Bakanov

Place and Role of the Income Tax on Cooperation in Budgetary System of USSR in the 1950s–1980s

Аннотация. В статье рассматривается место и роль подоходного налога на кооперативы в бюджетной системе СССР в 1950–1980-е гг. Автор приходит к выводу, что влияние кооперативного сектора на бюджетную систему СССР было минимальным даже в периоды расцвета кооперативного движения. Существенное значение он имел лишь для наполнения бюджетов крупных городов СССР в 1950-е гг., но и там он постепенно вытеснялся отчислениями из прибыли государственных промышленных предприятий. Идеологическая несовместимость кооперативных начал с коммунистическими идеалами конца 1950-х гг. в сочетании с завышенными ожиданиями от развития государственной легкой и пищевой промышленности не позволяли правительству рассматривать кооперацию в качестве значимого элемента социалистической экономической стратегии. Даже в период «Перестройки» кооперации отводилась лишь вспомогательная роль – механизма насыщения потребительского спроса в тех отраслях, где государственная промышленность не успевала за быстро меняющимися вкусами потребителей.

Ключевые слова: кооперация в СССР, подоходный налог на кооперативы, бюджетная система СССР.

¹ **Баканов Сергей Алексеевич**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск, e-mail: bakanov-s@mail.ru

Bakanov Sergei Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, Head of Department, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk, e-mail: bakanov-s@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Челябинской области. Проект № 20-49-740004 «Кооперативная промышленность Советского Союза в 1950-е гг.: пик развития и последующая национализация (на материалах Челябинской области)».

История отечественной кооперации второй половины XX в. имеет два четко очерченных пика развития, приходящихся на начало 1950-х гг. и конец 1980-х гг., которые связаны с расцветом производственных кооперативов. Между двумя этими точками лежит период в четверть века, когда от некогда мощного и разнопланового кооперативного движения оставались действующими, по сути, только его колхозная, потребительская и жилищная составляющие. Существование кооперативного сектора промышленности в эти годы считалось идеологически не оправданным, а его огосударствление – неизбежным и направленным на изъятие у кооператоров их сверхдоходов в пользу государственного бюджета и регулируемых им общественных фондов потребления. Тем не менее даже для пиков расцвета кооперативов остается еще не проясненным вопрос о реальном вкладе данного сектора экономики в доходы государственной бюджетной системы СССР. Изучению этой темы посвящена данная статья.

Первый послевоенный расцвет кооперативного движения был простимулирован реформированием системы управления кооперацией. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1950 г. «Об организационной перестройке и укреплении кооперативных основ» воссоздавало центральные советы потребительской (Центросоюз) и промысловой (Центропромсовет) кооперации, которые руководили сетью республиканских, региональных и местных промысловых советов, объединявших все кооперативные предприятия. В начале 1950-х гг. в стране действовало более 12 тыс. артелей, в них насчитывалось свыше 1,8 млн работников [1, с. 188]. Большинство промысловых кооперативных предприятий занималось производством товаров и услуг, удовлетворяющих потребительский спрос, что сглаживало для населения проблему дефицита потребительских товаров в государственной торговле.

В 1953 г. в ведение Центропромсовета были переданы также лесопромысловая кооперация и кооперация инвалидов. Эта мера должна была усилить вертикаль управления кооперативным

сектором. Однако результат оказался обратным, и кооперация инвалидов без покровительства со стороны министерства социального развития начала испытывать существенные организационные трудности, которые привели к закрытию значительного числа предприятий. По данным О. Каменевой, только за один 1955 г. количество артелей инвалидов в РСФСР сократилось на 340 единиц. В Курской области из 17 артелей осталось 3, в Псковской из 20 – только 4, в Смоленской из 20 – 8. Тем не менее до конца 1950-х гг. в РСФСР в системе промкооперации продолжали работать 4 252 инвалидных артели с общим числом работников более 220 тыс. чел. и объемом валовой продукции около 22 млрд руб. [2, с. 238].

Доходы кооперативных предприятий и генерируемая ими прибыль вызывали озабоченность у политического руководства страны. По оценкам исследовавшего этот вопрос А.А. Пасса, около 60 % всех доходов кооперативного сектора изымалось в государственный бюджет в виде налога с оборота, подоходного налога, налога на строения и земельной ренты. Еще около 20 % направлялось в основной фонд артелей, 8 – в централизованный фонд долгосрочного кредитования, около 4 – на культурно-бытовую и оздоровительную работу, и, наконец, только около 8 % от общего дохода артели распределялось среди членов товарищества [3, с. 118]. При этом вклад кооперативного сектора в государственный бюджет СССР оставался весьма скромным: в 1950 г. он составлял всего 0,5 % от всех государственных доходов, а к 1955 г. вырос до 0,9 %. Для сравнения, государственные предприятия платили в бюджет существенно больше. Их налоговые платежи и отчисления от прибыли, а также плата за производственные основные фонды и нормируемые оборотные средства, фиксированные рентные платежи, и изымаемый свободный остаток прибыли, по оценкам Е.Г. Ясина, составляли до 80 % их чистого дохода [4, с. 171]. По сути, до хозяйственной реформы 1965 г. государственные промышленные предприятия вообще были лишены возможности распоряжаться собственной прибылью. Соответственно, на этом фоне доходы кооперативно-

го сектора воспринимались некоторыми хозяйственными и политическими руководителями СССР как сверхдоходы, требующие изъятия.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 апреля 1956 г. «О реорганизации промысловой кооперации» наиболее крупные специализированные промышленные кооперативные предприятия передавались в ведение республиканских министерств соответствующих отраслей промышленности и областных и городских Советов депутатов трудящихся, а торговые предприятия и предприятия общественного питания – в ведение местных торгующих организаций системы министерств торговли и потребительской кооперации союзных республик. Предполагалось, что, перейдя в статус государственных предприятий, бывшие артели сохранят и даже приумножат свой промышленный потенциал и смогут продолжить работу в новой, как тогда считалось, «более прогрессивной» организационной форме. В результате этого постановления было огосударствлено, причем без всякой материальной компенсации для самих кооператоров, около трети наиболее передовых производственных мощностей. Сохраняли свой статус кооперативов артели инвалидов, товарищества, применявшие, в основном, надомный труд, народные художественные промыслы и некоторые другие предприятия. Ликвидировалась и централизованная система управления промысловой кооперацией. Деятельность Центропромсовета прекращалась, а его учреждения, предприятия, имущество и денежные средства передавались республиканским промысловым советам, имевшим статус общественных организаций.

Несмотря на этот удар, кооперативная промышленность еще сохраняла некоторое время определенный потенциал для развития, но стремление властей к ее полному огосударствлению не прекращалось. В 1957 г. реформа управления промышленностью и строительством привела к дальнейшему нажиму на кооперативный сектор и попыткам подчинить кооперацию создаваемым совнархозам. Наконец, 20 июля 1960 г. точка в этом

вопросе была поставлена: решением пленума ЦК КПСС все предприятия промышленной кооперации передавались местным органам государственного управления. К этому моменту вклад подоходного налога на кооперативы и хозорганы общественных организаций в государственный бюджет продолжал оставаться на уровне 0,8 % от всех доходов государственного бюджета. В дальнейшем, оставшись без промышленной составляющей, кооперативный сектор, в основном представленный теперь торговыми организациями потребительской кооперации, стал приносить государству все меньше доходов (в среднем от 0,3 % до 0,4 % в период между 1961 и 1986 г.)¹.

Возрождение производственной кооперации в СССР было связано с решениями январского Пленума ЦК КПСС 1987 г., в основе которых лежало мнение о том, что без маленьких кооперативных предприятий, выпускающих мелкосерийную продукцию, победить дефицит потребительских товаров, насытить рынок и удовлетворить растущий спрос не получится. В результате, уже в 1987 г. в стране действовало более 9 тыс. кооперативов, в сферах по производству потребительских товаров, бытовому обслуживанию населения, общественному питанию, сбору и переработке вторичного сырья. К 1 января 1989 г. количество кооперативных предприятий достигло 77,5 тыс., с общим числом занятых более 1,9 млн чел., и объемом реализованных ими товаров и услуг более 6 млрд руб. Этому способствовало принятие 26 мая 1988 г. закона «О кооперации в СССР», предоставившего кооперативам ряд преимуществ в виде относительно низкого налогообложения (кооперативы платили 2–10 %, в то время как государственные промышленные предприятия должны были уплачивать 39 % от валового дохода)

¹ Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик: стат. сборник. М., 1966; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1966–1970 гг.: стат. сборник. М., 1972; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1971–1975 гг.: стат. сборник. М., 1976; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1976–1980 гг.: стат. сборник. М., 1982; Государственный бюджет СССР. 1981–1985 гг.: стат. сборник. М., 1987.

и маленькие процентные ставки за пользование банковскими кредитами (0,75 % по долгосрочным ссудам и 1 % по краткосрочным) [5, с. 184].

В 1988 г. подоходный налог на кооперативы принес казне 1 463,6 млн руб. с потребительской кооперации и еще 87,9 млн руб. с производственной. На 1989 г. Верховный Совет СССР утвердил объем доходов государственного бюджета СССР от подоходного налога с организаций потребительской кооперации в размере 827,2 млн руб. и еще 20,3 млн руб. должен был принести казне подоходный налог с кооперативов по производству продукции и оказанию услуг. Скромная цифра по плану отчислений для производственной кооперации объясняется тем, что на момент утверждения бюджета следующего года не были еще известны цифры по итогам текущего финансового года. При этом, если по первой из статей фактическое исполнение составило 1 513,2 млн руб. (т.е. оказалось больше запланированного в 1,8 раза), то по второй – 1 090,5 млн руб.¹ (план был превышен в рекордные 53,7 раза!) Это позволило на 1990 г. внести в проект бюджета задания для потребительской кооперации на уровне 967,8 млн руб., а для производственной – 1 515 млн руб.² Однако здесь следует заметить, что общий объем доходов бюджета СССР на 1990 г. был запланирован в размере 428 224,8 млн руб. Это означает, что при всем кажущемся фантастическом росте предполагаемой отдачи от кооперативного сектора, реально запланированная доля доходов государственного бюджета по этим статьям должна была составить ничтожные 0,57 % от всех государственных доходов.

¹ Государственный бюджет СССР. 1990. Краткий стат. справочник. М., 1990. С. 7.

² Государственный бюджет СССР на 1990 г. Проект. [Электронный документ]. URL: <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/4084> (дата обращения 01.04.2021).

**Значение подоходного налога на кооперативы и
хозяйственные органы общественных организаций в общих
доходах бюджетов союзных республик, %**

Республика	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1975 г.	1989 г.
РСФСР	2,73	4,53	1,36	0,57	0,90
Украинская ССР	2,03	3,09	1,80	0,72	0,96
Белорусская ССР	1,52	2,90	1,80	0,80	0,70
Узбекская ССР	2,03	3,05	1,90	0,75	0,76
Казахская ССР	0,97	1,31	0,67	0,39	0,67
Грузинская ССР	0,99	2,93	1,38	1,16	1,12
Азербайджанская ССР	1,40	1,62	1,14	0,88	1,09
Литовская ССР	1,17	2,06	1,52	0,72	0,92
Молдавская ССР	1,11	4,00	1,96	1,24	1,35
Латвийская ССР	1,73	4,29	1,72	0,95	1,46
Киргизская ССР	1,53	2,39	0,89	0,71	0,73
Таджикская ССР	1,33	1,69	1,18	0,98	1,22
Армянская ССР	1,05	3,73	1,13	0,98	0,85
Туркменская ССР	1,22	1,89	0,82	0,70	0,71
Эстонская ССР	2,89	3,70	1,42	1,27	1,28

Рассчитано по: Государственный бюджет СССР за четвертую и пятую пятилетки (1946–1950 и 1951–1955 гг.): стат. сборник. Л., 1956; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик: стат. сборник. М., 1966; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1966–1970 гг.: стат. сборник. М., 1972; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1971–1975 гг.: стат. сборник. М., 1976; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1976–1980 гг.: стат. сборник. М., 1982; Государственный бюджет СССР. 1981–1985 гг.: стат. сборник. М., 1987; Государственный бюджет СССР. 1988: Краткий стат. сборник. М., 1988; Государственный бюджет СССР. 1990: Краткий стат. сборник. М., 1990.

Таким образом, даже на пике развития налоговая отдача от кооперативного сектора была менее 1 % от всех государственных доходов. Однако, если учитывать тот факт, что подоходный налог на кооперативы зачислялся не в общесоюзную, а в республиканскую часть государственного бюджета, то оценка его значения должна будет несколько измениться. Из таблицы видно, что в середине 1950-х гг., т.е. до начала огосударствления, доходы от кооперативного сектора в бюджете РСФСР, Молдавской и Латвийской ССР превышали 4 %, еще в четырех республиках они были выше 3 %. В конце 1980-х гг. вернуться на достигнутый в 1950-е гг. уровень кооперативному сектору не удалось. Его вклад в республиканские бюджеты в среднем составлял 0,98 %, что было не многим больше, чем в приведенном здесь для сравнения дореформенном 1975 г. – 0,85 %.

Относительно более значимым выглядит вклад подоходного налога на кооперативы в местные бюджеты автономных республик, краев и областей. В среднем в 1950 г. он составлял 3,4 % их доходов, в 1955 г. – 6,7 %, и даже в 1960 г., когда система промысловой кооперации была ликвидирована, он все еще был значительным – 4,8 %. В дальнейшем произойдет падение данного показателя до 1,5 % в 1965–1985 гг. с некоторым ростом к 1989 г. – 2,5 %¹. Для отдельных территорий, особенно для некоторых крупных городов вклад в их местные бюджеты этого налога был достаточно весомым. Так, бюджет Москвы в начале 1950-х гг. зависел от кооперативного сектора на 9,75 %², а бюджет Челябинска во второй половине 1950-х – на 7,57 %³. В конце 1980-х гг. крупные города также будут превышать среднереспубликанские и среднерегиональные значения. Так, тот же Челябинск будет получать от подоходного налога на кооперативы 2,92 % доходов своего бюджета.

¹ Государственный бюджет СССР... 1990.

² Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-715. Оп. 1. Д. 237. Л. 1.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-220. Оп. 18. Д. 4. Л. 207–208.

Подводя итоги, следует заметить, что влияние кооперативного сектора на бюджетную систему СССР было минимальным даже в периоды расцвета кооперативного движения. Существенное значение он имел лишь для наполнения бюджетов крупных городов СССР в 1950-е гг., но и там он постепенно вытеснялся отчислениями из прибыли государственных промышленных предприятий. Идеологическая несовместимость кооперативных начал с коммунистическими идеалами конца 1950-х гг. в сочетании с завышенными ожиданиями от развития государственной легкой и пищевой промышленности не позволяли правительству рассматривать кооперацию в качестве значимого элемента социалистической экономической стратегии. Даже в период «Перестройки» кооперации отводилась лишь вспомогательная роль – механизма насыщения потребительского спроса в тех отраслях, где государственная промышленность не успевала за быстро меняющимися вкусами потребителей.

Список литературы

1. Социалистическая кооперация: история и современность / отв. ред. Л.В. Никифоров. М.: Наука, 1989. 224 с.
2. Каменева О. «Не везет им в смерти»? – судьба инвалидов кооперативов в России // Россия и современный мир. 2011. № 4. С. 237–242.
3. Пасс А.А., Рыжий П.А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5. С. 114–122.
4. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2019. 448 с.
5. Кирсанов Р. Кооперативы в годы перестройки: сложности и противоречия становления частного бизнеса в СССР // Российская история. 2017. № 1. С. 181–194.

**Первые результаты реформы управления
промышленностью и строительством
по материалам совещания председателей совнархозов
в Госплане СССР в декабре 1957 года²**

М.А. Simonov

**The First Results of the Reform
of Industrial and Construction Management
on Materials of the Conference of Sovnarkhoz Chairmen
in Soviet Gosplan in December 1957**

Аннотация. Статья посвящена первой реакции руководства совнархозов на проведение реформы управления промышленностью и строительством. Анализируются установки председателя Госплана СССР И.И. Кузьмина, обращенные к собравшимся в Москве в декабре 1957 г. председателям совнархозов. Он предлагал с помощью изменения приоритетов производства добиться выпуска конкурентных на мировом рынке товаров и заложить основы для устойчивого экономического роста. Предлагаемые им методы были встречены критикой со стороны Н.К. Байбакова – председателя Госплана РСФСР.

Ключевые слова: реформы управления, совнархозы, промышленность, строительство, Госплан, Н.К. Байбаков

¹ **Симонов Максим Анатольевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Екатеринбург, e-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

Simonov Maxim Anatolievich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yekaterinburg, e-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-00061 «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики “хрущевского десятилетия”».

Официально реформа управления промышленностью и строительством началась 1 июля 1957 г.¹ Уже через полгода после ее старта, 27–28 декабря 1957 г., в Госплане СССР было создано совещание председателей территориальных органов управления народным хозяйством (совнархозов). На нем выступили представители 12 совнархозов РСФСР, 9 представителей экономических и административных районов союзных республик и 6 представителей различных центральных ведомств.

Председатель Госплана СССР И.И. Кузьмин поставил на повестку дня два вопроса – о плане на будущий 1958 г. и о перспективном плане², т.е. о плане на семилетку 1959–1965 гг.³ В реальности же, обсуждавшиеся вопросы вышли далеко за рамки текущего планирования. В центре развернувшейся дискуссии встала более масштабная и важная проблема – обеспечение быстрого темпа экономического развития СССР при сохранении основ административно-командной системы. В условиях начавшейся реформы это означало необходимость найти оптимальный способ организации производства внутри недавно возникших советов народного хозяйства и таким образом интенсифицировать всю советскую экономику.

В своем докладе перед председателями совнархозов И.И. Кузьмин уделил внимание машиностроению как наиболее технологичной и наукоемкой отрасли советской экономики. Он призывал собравшихся отойти от практики создания предприятий-гигантов на территории совнархозов, хотя еще недавно они считались флагманами советского машиностроения. Вместо них председатель Госплана СССР предлагал стоять небольшие предприятия, рассчитанные менее чем на 500 рабо-

¹ Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. Принят Верховным Советом СССР 10 мая 1957 г. // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. С. 738.

² Российский государственных архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 3.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 149. Л. 1, 29–30.

чих и занимающиеся не универсальным, а высокоспециализированным производством.

В качестве примера эффективности такого способа организации производства он привел мнение руководителя английской тракторной промышленности, который «побывал на нашем Сталинградском заводе, сказал, что у нас там не директор завода, а министр, потому что таким заводом трудно руководить <...> Там нужно обладать знанием примерно половиной Академии наук»¹. Развивая свою мысль, И.И. Кузьмин подчеркнул: «строительство заводов закончилось [выделено авт. – С. М.], и дальше проработать вопрос, каков профиль завода, его специализация и какие, в связи с этим, создаются диспропорции». Фактически председатель Госплана СССР открыто критиковал хозяйственную замкнутость советских предприятий, которая вела к падению качества выпускаемой продукции [1, с. 228–229].

Начавшаяся в СССР модернизация общества явила запрос не только на простое удовлетворение потребности в товарах широкого потребления, но и на более разнообразный учет потребности в них [2, с. 593]. По мнению председателя Госплана СССР, это могло стать шансом для экономически слабо развитых регионов страны. В частности, он высказывался о перспективах развития в Армянской ССР сложного часового производства: «производством будильников надо заниматься в Тамбове, там металл рядом, а Вы делайте часы, которые будут стоить не 47 рублей, а будут стоить 3 тысячи, 4 тысячи, 5 тысяч. У нас потребители на такие часы найдутся. А вы зато займете людей в пять раз больше. Выпускать будете в 10 раз меньше, но это будет работа ювелирная»².

Также И.И. Кузьмин поставил совершенно новую задачу перед руководителями совнархозов – развитие экспортных мощностей на подведомственных им предприятиях. Постановка этой задачи была вызвана негативной внешнеэкономической конъюнктурой.

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 19–20.

² Там же. Л. 27.

В 1957 г. было зафиксировано пассивное внешнеторговое сальдо и в структуре советского экспорта преобладало сырье, а не сложные технические изделия¹. Для преодоления сложившейся ситуации Кузьмин настаивал на создании на предприятиях производственных участков или отдельных цехов, производивших экспортную продукцию. Он также очень остро критиковал практику закупки оборудования за рубежом и призывал от нее полностью отказаться. В пример перед членами совещания он приводил председателя Краснодарского совнархоза – Д.Д. Королева, который из зарубежной командировки прислал в Совет Министров СССР шифрованную телеграмму с просьбой купить оборудование для десяти сахароперерабатывающих заводов. И.И. Кузьмин считал непозволительным тратить дефицитную для СССР валюту, учитывая достаточно высокий уровень развития машиностроения в стране².

В целом эти предложения и замечания были спокойно восприняты собравшимися, однако на совещании выявилась новая линия противостояния – между центральными (Госплан СССР) и республиканскими плановыми и хозяйственными организациями. Выразителем интересов последних стал Председатель Госплана РСФСР Н.К. Байбаков.

Поводом к публичному высказыванию им претензий стал пересмотр И.И. Кузьминым приоритетности металлургии в советской экономике. В своем выступлении, касаясь плана на 1958 г., Кузьмин отметил, что «вопросы развития химической промышленности у нас приобретают главное, я бы сказал, *политическое* [выделено авт. – М. С.] значение <...> в ближайшее время удовлетворить потребности населения в предметах первой необходимости, и особенно в одежде и обуви. Без развития пластических масс, без развития пластикатов, искусственного волокна, заменителей кожи эту задачу решить очень трудно»³. Для реализации этой цели в 1958 г. И.И. Кузьмин

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 35–36.

² Там же. Л. 40–41.

³ Там же. Л. 8.

предлагал увеличить по сравнению с 1957 г. переработку нефти в нефтепродукты на 52 %, а добычу нефти увеличить всего лишь на 13,7 %¹. Поэтому Кузьмин считал целевой ориентир в 60 млн т нефтедобычи в год, заданный И.В. Сталиным в феврале 1946 г.², недостаточным, сдерживающим хозяйственную инициативу на местах и требующим кардинального пересмотра. Против этого выступил Н.К. Байбаков, который высказывался за продолжение процесса постепенного ввода в строй новых месторождений, который шел с 1947 г.³

Более серьезные противоречия между И.И. Кузьминым и Н.К. Байбаковым проявились по поводу обеспечения деятельности совнархозов на территории РСФСР. Сразу же после старта реформы, 5 июня – 6 июля 1957 г. Н.К. Байбаков созвал совещание в Госплане РСФСР с председателями местных плановых комиссий, посвященное повышению их роли в руководстве народным хозяйством⁴. В ходе совещания выяснилось, что при реализации реформы деятельность отраслевых отделов Госплана РСФСР будет заменена простым обеспечением сырьем и материалами предприятий совнархозов. Эти же опасения Байбаков высказал на всесоюзном совещании в декабре 1957 г., но собравшиеся председатели совнархозов его не поддержали и выступили с критикой Госплана РСФСР. Так председатель омского совнархоза Б.П. Еленевич отметил общую тенденцию, что «поставки планируемой продукции идут крайне плохо и перспективы исключительно напряженные»⁵. Поэтому предприятия его совнархоза получили менее 20 % необходимых им проводов, из-за чего была сорвана поставка радиостанций для министерства путей сообщения. В этой связи серьезно критиковал Госплан РСФСР за неудовлетворительную работу председатель мордовского совнархоза Е.А. Веселовский. Он предлагал

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 11.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 282–283.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5021.

⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 54.

«сбытовые функции <...> передать совнархозам, оставив за сбытами союзных республик <...> общее распределение»¹. В итоге Н.К. Байбаков согласился с предложением и озвучил идею выделить сбытовые организации из системы Госплана и подчинить их Совету Министров РСФСР².

Таким образом реформа управления промышленностью и строительством стала одним из этапов в череде хрущевских реформ, которые были направлены на качественную перестройку административно-командной системы. В ее основе лежала попытка замены отраслевого принципа управления на территориальный. В этой ситуации Госплан СССР выступал активным проводником реформ, а его председатель И.И. Кузьмин лично призывал руководителей только что созданных совнархозов перестраивать работу предприятий в соответствии с требованиями времени.

Однако практически сразу же новый реформаторский курс в экономике натолкнулся на критику со стороны хозяйственных руководителей союзных республик. Председатель Госплана РСФСР Н.К. Байбаков вступил в спор с И.И. Кузьминым по поводу темпов развития нефтедобычи. По всей видимости, именно разногласия руководителей такого уровня в последующем повлияли на разработку и реализацию конкретных положений хрущевского «нефтехимического проекта», с помощью которого предполагалось осуществить попытку насыщения советской экономики товарами широкого потребления [3, с. 82–86].

Помимо этого в первые же месяцы реализации реформы проявилась одна из ключевых проблем нового способа организации промышленности – проблема координации хозяйственной деятельности. Для совнархозов задачи ставились из Москвы и носили амбициозный характер, при этом центральное руководство не стремилось к выделению дополнительных ресурсов для их реализации. Поэтому слабым звеном в складывавшейся системе управления территориальными органами становилась

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 66.

² Там же. Л. 279.

организация снабжения промышленных предприятий. Республиканские плановые органы стремились избежать сокращения своего функционала до решения только одной задачи и расширить свои полномочия.

Обозначенные противоречия не были решены в ходе совещания в декабре 1957 г. и оставались постоянно действующим фактором, который учитывался при принятии решения о ликвидации совнархозов и возврата к отраслевому принципу управления промышленностью и строительством.

Список литературы

1. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.
2. *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 486 с.
3. *Некрасов В.Л.* «Дилемма Хрущева»: Реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М.: ИВИ РАН, 2019. 174 с.

Экспорт ради сотрудничества и сотрудничество ради экспорта. Трансформация торговых отношений СССР и стран Восточной Европы в 1960–1980-е годы²

А.А. Попов

Export for Cooperation and Cooperation for Export. Transformation of Trade Relations Between the USSR and the Countries of Eastern Europe in the 1960s–1980s

Аннотация. В статье на основе архивных материалов РГАНИ и РГАЭ, а также статистических данных по торговле внутри Совета Экономической Взаимопомощи исследуется проблема трансформации торговых отношений СССР и стран Восточной Европы в контексте расширения торговли с Западом. Основное внимание уделено торговле СССР со странами «социалистического лагеря» различными видами сырьевых ресурсов и продуктами их переработки. На основе анализа статистических данных автор утверждает, что стремление стран-членов СЭВ наращивать экспорт сырьевых товаров на западные рынки вело к расширению товарооборота и кооперации внутри блока. Хотя социалистические страны на внешних рынках фактически конкурировали друг с другом по целому ряду товаров, резкие колебания рыночных цен при высокой инерционности производственных систем вынуждали их создавать коллективные механизмы компенсации потерь.

Ключевые слова: внешняя торговля, Совет экономической взаимопомощи, социалистическая интеграция, социалистические страны Восточной Европы.

¹ **Попов Алексей Алексеевич**, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск, e-mail: popovaa@csu.ru

Popov Aleksei Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk, e-mail: popovaa@csu

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-78-10023.

С конца 1960-х – начала 1970-х гг. структура торговли СССР и европейских стран народной демократии существенно изменилась. На фоне политической «разрядки» во внешней торговле социалистических стран резко вырос экспорт сырьевых товаров в страны Западной Европы. Эта трансформация, наблюдавшаяся как в самой структуре товарных поставок, так и на уровне разработки внешнеторговых стратегий СССР и восточноевропейских стран, в последние несколько лет была проанализирована в работах С. Кансикас [1], Ф. Ромеро и А. Романо [2], М.А. Липкина [3], В.Л. Некрасова [4], А. Уегаки [5]. Однако, фокусируясь на стратегиях выстраивания торговых отношений с Западом, историки и экономисты уделяли незначительное внимание тому, какое влияние «переориентация на Запад» оказывала на структуру торговли внутри «социалистического лагеря». Какую роль в расширении торговли с капиталистическими странами играла социалистическая кооперация? Играла она роль страховочного механизма, была исключительно формальным явлением, либо ей отводилась более сложная роль? Наконец, действительно ли расширение торговли с Западной Европой ослабляло связи и мотивацию к сотрудничеству СССР и восточноевропейских стран?

В данной статье на основе статистических данных рассекреченных сборников «Внешняя торговля стран-членов СЭВ» и архивных материалов РГАНИ и РГАЭ исследуется проблема изменения структуры товарооборота внутри Совета экономической взаимопомощи в контексте изменений торговых отношений со странами Запада в 1960–1970-е гг. Доступные статистические данные по торговле простыми товарами (нефть и нефтепродукты, железная руда, сталь и прокат, древесина и продукты деревообработки, сера и ее производные) позволяют оценить как динамику торговли между каждой парой стран-членов СЭВ, так и общие процессы для всех стран блока.

В недавнем исследовании, посвященном рассмотрению внешнеторговых стратегий европейских социалистических стран в 1970-е гг., авторы утверждали, что расширение торговли со

странами Запада вело к снижению сплоченности внутри СЭВ [2, с. 251]. Это утверждение справедливо, вероятно, для торговли потребительскими товарами и продуктами машиностроения. Однако, как показал проведенный анализ для торговли сырьевыми товарами, такое утверждение некорректно. Хотя сырьевые товары были для большинства социалистических стран основой валютного экспорта, специфика внутриблоковых торговых отношений вела к тому, что рост экспорта сырьевых товаров за пределы блока стимулировал и торговлю внутри блока и расширение сотрудничества. Хотя формироваться данная взаимосвязь начала еще в 1950-е гг., но именно в период 1970-х гг. она стала наиболее заметна.

Как было показано в недавних исследованиях, в 1950-х – середине 1960-х гг., одним из главных мотивов взаимной торговли было перераспределение ресурсов и технологий внутри блока [6], в условиях, когда доступ на западные рынки был ограничен, а национальные пятилетние планы большинства восточноевропейских стран зависели от поставок советского [7] и в меньшей степени польского, чехословацкого и румынского сырья. Дефицит сырья для металлургии стал одним из главных стимулов для расширения координации пятилетних планов и взаимных товарных поставок, а также развития крупных международных проектов, предполагавших инвестиции заинтересованных стран в добычу ископаемых на богатых месторождениях в счет будущих поставок сырья [8]. Хотя в середине 1950-х гг. долевыми проектами фактически не работали, в начале 1960-х гг. такая форма сотрудничества получила распространение в отраслях, где для социалистических стран сохранялись высокие издержки в твердой валюте на покупку важнейших видов сырья (например, меди и серы).

С конца 1960-х до начала 1980-х гг. сотрудничество СССР с социалистическими странами с формальной точки зрения активизировалось: были разработаны программные документы интеграции («Комплексная программа» 1971 г.), созданы новые международные организации (Международный инвестиционный

банк), специализированные организации – Интеркосмос, Интерхим, Интератоминструмент и др. Но, что более значимо, были запущены крупные международные промышленные объекты: Оренбургский газоконденсатный комбинат, Газопровод Оренбург – Западная граница СССР, Киембаевский асбестный горно-обогатительный комбинат, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс. Однако экономические мотивы расширения такого сотрудничества существенно отличались от мотивов в начале 1950-х – первой половине 1960-х гг.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. расширение доступа к западным рынкам обострило проблему получения валюты, необходимой для приобретения высокотехнологичных и потребительских товаров. Идея совместного создания крупных добывающих и перерабатывающих предприятий на территории одной из стран силами заинтересованных государств в счет будущих поставок обрела второе дыхание. Фактически сырьевые товары, которые могли быть проданы на западных рынках за твердую валюту (нефть и нефтепродукты, сталь и прокат, целлюлоза, медь и сера) стали суррогатом валюты в расчетах внутри СЭВ. Более того, инвестируя в строительство совместных предприятий, страны – члены СЭВ фактически увязывали свою внутриблочную торговлю с торговлей с западными странами. Так, с середины 1970-х гг. советские поставки нефти в счет капиталовложений в развитие оренбургского месторождения и в оплату транзита через территорию восточноевропейских стран обеспечили сырьем нефтеперерабатывающие предприятия Польши, ГДР и отчасти Венгрии. При этом нередкой была ситуация прямого реэкспорта сырья.

Статистические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют реконструировать полные объемы реэкспорта. Однако они позволяют утверждать, что рост экспорта на западные рынки зависел от увеличения внутриблоковой торговли. Поскольку расширение экспорта на западные рынки требовало увеличения импорта из СССР (а как следствие и встречных

поставок для покрытия дефицита торгового баланса), торговля внутри СЭВ также расширилась.

Важно отметить, что нефть не была единственным подобным ресурсом. Очевидные задачи экспорта на западные рынки ставились перед металлургическим комбинатом в польской Дамбровой Гурнице, который работал на руде из Курской магнитной аномалии. Значительная доля продукции Усть-Илимского лесопромышленного комплекса экспортировалась или реэкспортировалась на западные рынки. Как показывают статистические данные, расширение производства серы в Польше привело не только к сокращению валютного импорта этого ресурса странами СЭВ, но и к взрывному росту польского экспорта на Запад.

Несмотря на то, что внутри Совета экономической взаимопомощи страны стремились получить доступ к дефицитным видам сырья и для этого были готовы расширять сотрудничество, на внешних рынках координация была гораздо более слабой. По некоторым видам простых товаров СССР и странам СЭВ удалось выработать единую экспортную стратегию, но часто стороны напрямую конкурировали на западных рынках, поставляя сырье фактически из единого источника. Подобные оппортунистические стратегии противоречили идеям экономической интеграции и лозунгам социалистического интернационализма, но вполне укладывались в логику внутривалютных отношений социалистических стран. Хотя идея координации внешней торговли обсуждалась на протяжении всего периода 1960–1980-х гг., реализовать ее для наиболее заметных категорий товаров без создания механизма компенсации валютных потерь было практически невозможно. СССР как крупнейший экспортер внутри СЭВ и вне его должен был принять на себя в таком случае все риски координации, добиться ограничения самостоятельности внешнеторговой деятельности социалистических стран (чего не было сделано даже в начале 1950-х гг.) и компенсировать потерю валютных доходов восточноевропейских стран (в том числе через пересмотр условий транзита

собственных товаров). То есть сложившаяся система торговли сырьевыми товарами внутри блока значительно сужала возможные формы сотрудничества, но позволяла решить целый комплекс практических вопросов, связанных с дефицитом конвертируемой валюты внутри СЭВ.

Наконец, существовал еще один механизм того, как расширение торговли с западными странами вело к расширению торговли между социалистическими странами. Поскольку экспорт на западные рынки, в отличие от внутриблоковой торговли, был не застрахован от резкого колебания цен. Уже в середине 1970-х гг., в разгар сырьевого кризиса, товары, предназначавшиеся на экспорт в Западную Европу, были включены в торговлю внутри СЭВ. Так произошло, например, с польской серой, которую после снижения спроса на Западе начал закупать Советский Союз. Экономические системы плановых экономик были чрезвычайно инерционны, особенно в том, что касалось крупных проектов, ради которых строились целые города со всей социальной инфраструктурой. Механизмы «сворачивания» крупных сырьевых кластеров хотя и тестировались [9], оказались неэффективны. В этих условиях СССР и другие крупные социалистические страны наращивали импорт сырья с таких месторождений, что также вело к росту оборота внутри блока. Впрочем, делалось это не только по политическим мотивам, но и потому, что предназначавшееся для экспорта на запад сырье было существенно выше качеством того, какое использовали для нужд собственной экономики.

Таким образом, углубление кооперации в 1969–1985 гг. было прямо или косвенно связано со стремлением руководства либо снизить валютные издержки для собственных хозяйственных систем, либо увеличить валютные доходы. Содержание договоров о создании совместных производств свидетельствует о том, что именно фактор «высвобождения» твердой валюты был одним из главных стимулов создания совместных добывающих производств и расширения перерабатывающих предприятий.

Период «разрядки», в свою очередь, открыл возможность возвращения советских сырьевых товаров на западные рынки, однако это было невозможно без существенного увеличения экспортно-ориентированных производств, оплаты транзита советских товаров через территории восточноевропейских стран. Эти проблемы были решены за счет создания совместных добывающих и перерабатывающих производств на территории СССР, Польши, Венгрии, Румынии и других стран, а также изменения структуры поставок необработанного сырья и полуфабрикатов. Фактически в новых условиях советское руководство увеличило поставки сырья в страны-члены СЭВ, с тем, чтобы после его переработки, восточноевропейские правительства могли продать его за твердую валюту.

Список литературы

1. *Kansikas S. Socialist Countries Face the European Community. Soviet-bloc Controversies over East-West Trade.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.

2. *European Socialist Regimes' Fateful Engagement with the West National Strategies in the Long 1970s / Eds. A. Romano, F. Romero.* London: Routledge, 2021.

3. *Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного мироустройства.* М.: Весь мир, 2019. 183 с.

4. *Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР: нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.).* М.: ИВИ РАН, 2019. 174 с.

5. *Uegaki A., Kumo K. The collapse of the COMECON system and trade in transition countries // The Economic of Transition. Developing and Reforming Emerging Economies / Ed. I. Iwasaki.* London: Routledge, 2020. P. 263–284.

6. *Austin J. The Soviet State as Imperial Scavenger: “Catch Up and Surpass” in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960 // American Historical Review.* 2011. Vol. 116. No. 1. P. 109–132.

7. *Пивоваров Н.Ю.* Советские экспортно-импортные планы и их реализация: что продавал и что покупал СССР во второй половине 1950-х годов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 7 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей [Электронный ресурс]. URL:<http://history.jes.su/s207987840002410-0-2> (дата обращения: 09.06.2021).

8. *Попов А.А.* Из истории Совета экономической взаимопомощи: проекты долевого участия в сырьевом секторе (1950-е – 1960-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 105–109.

9. *Баканов С.А.* «Призрак безработицы»: проблема трудоустройства шахтеров и членов их семей в угледобывающих районах РСФСР в конце 1950-х – начале 1970-х гг. // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 195–207.

Накопление и потребление в модернизирующейся экономике²

D.A. Fomin

Accumulation and Consumption in a Modernizing Economy

Аннотация. Переход государства на модернизационный путь развития обозначил проблему обеспечения устойчивого экономического роста и развития факторов, его обеспечивающих. Проблема ускоренной модернизации экономики обостряется в кризисные периоды. В такие периоды экономический рост представляет собой инструмент решения многочисленных экономических, социальных, геополитических, научных и военных задач. В новейшей российской экономической истории выделено три кризисных периода: военно-революционный (1914–1927 гг.), военный (1941–1946 гг.) и современный (1992 г. – настоящее время). Каждый из этих периодов рассмотрен с точки зрения падения и роста объемов производства, а также размеров сокращения и восстановления запасов капитала (фондов). На основе численных оценок сделан вывод о том, что современный экономический кризис является самым глубоким и продолжительным в новейшей отечественной истории.

Ключевые слова: экономика СССР, экономика России, национальный доход, валовой национальный продукт, валовой внутренний продукт, основные фонды, основной капитал, фонд потребления, фонд накопления, экономический кризис.

¹ **Фомин Дмитрий Александрович**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Fomin Dmitry Aleksandrovich, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

² Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4. (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

Экономический рост и его оценка. Оценка размеров национального богатства и национального дохода была актуальнейшим направлением экономической науки с момента ее появления. Однако практически три столетия эти усилия не давали сколько-нибудь значимых результатов. Переломным моментом послужила Первая мировая война, в ходе которой воюющие страны стали собирать информацию о военно-экономическом потенциале противника. Впервые сравнительные величины национального дохода, накопленного богатства и сбережений шести крупнейших стран-участников мирового военного конфликта были опубликованы в 1915 г. в лондонском журнале “The Economist” [1, с. 213]. Было понятно, что именно эти показатели (а также численность населения) характеризуют способность стран вести боевые действия, определяют их интенсивность и продолжительность.

Не пропал интерес к этим оценкам и после войны, когда встал вопрос о выплате Германией военных репараций. Участники мирных конференций не располагали сколько-нибудь объективными оценками состояния германской экономики и потому выдвигали в ее адрес непомерные требования. Британская сторона, например, настаивала на уплате суммы в размере от 100 до 200 млрд долл. Абсурдность этой суммы очевидна в наше время, когда известен размер ВВП Германии в 1913 г., равный 12 млрд долл. Однако в те годы такого показателя и таких оценок еще не было. Тем не менее состояние экономики Германии и оценка ее платежеспособности была проведена Дж.М. Кейнсом в работе «Экономические последствия Версальского мирного договора» [2]. Он рассчитал примерный национальный доход послевоенной Германии и сделал вывод о том, что максимальный размер репараций не может превышать 6 млрд долл. Эта книга оказала громадное влияние на ведение последующих мирных переговоров. В течение полугода она была переведена на все европейские языки и стала мировым бестселлером.

В 1920-е гг. вв. правящими кругами всех развитых стран были осознаны как важность синтетических экономических показателей, так и необходимость усилий по исчислению. К началу Второй мировой войны в мире насчитывалось 30 стран, правительства которых на официальной основе производили расчет национального дохода. СССР приступил к расчетам этого показателя в 1925 г., хронологически став третьей страной с развитой макроэкономической статистикой [3, с. 229–240].

Дело, разумеется, было не в статистических государственных системах и генерируемых ими показателях экономического развития. Государства впервые увидели в высоких темпах экономической динамики инструмент решения своих многочисленных социальных, политических и военных проблем.

Модели роста и его факторы. Если экономический рост способствует социальному миру, сглаживает политические противоречия, укрепляет армию, значит, нужно искать способы обеспечения этого роста. Экономисты в 1920–1930-е гг. дали теоретическое обоснование возможным моделям роста. С точки зрения ресурсного обеспечения экономический рост бывает двух типов: восстановительный, опирающийся на созданный в прошлом производственный потенциал и модернизационный, предполагающий создание такого потенциала.

Восстановительный рост происходит после масштабного кризиса, вызванного, как правило, военными или революционными событиями. Такой кризис ведет к значительному сокращению производства, при этом основные факторы производства в виде основного капитала (фондов) и рабочей силы претерпевают гораздо меньшее изменение. По мере нормализации экономической жизни повышается загрузка существующих производственных мощностей и увеличивается вовлеченность рабочей силы в производство. Восстановительный рост не требует существенных капитальных вложений и высоких затрат на создание рабочей силы. Такой рост имеет ограничение, численно равное созданным ранее запасам труда и капитала. По мере исчерпания этих запасов экономический рост будет затухать.

Для сохранения темпов роста при сокращении сформированных ранее резервов необходим переход на модернизационный тип экономики. Такая экономика характеризуется наращиванием капитальных вложений и увеличением затрат, как правило, государственных. Переход сопровождается изменением экономических и социальных приоритетов, а также структурной отраслевой перестройкой экономики. В модернизирующейся экономике приоритетными являются отрасли, обеспечивающие материальное и человеческое воспроизводство: инвестиционное машиностроение, инфраструктурное строительство, образование, здравоохранение, наука, культура. Отрасли, обеспечивающие распределение, перераспределение и потребление материальных благ, подвергаются дискриминации, как правило, фискальной, не имеют общественного престижа и значимости. Речь идет о таких отраслях, как сфера услуг, торговля, общественное питание, развлечения.

Любая модернизация требует денег и ответа на вопрос, где их взять. Источники финансовых ресурсов могут быть внешние и внутренние. Внешние источники – это источники, находящиеся за пределами страны. Внутренние источники формируются за счет перераспределения средств между субъектами и отраслями экономики. Основными факторами роста экономики являются приращение трудовых ресурсов и производственного капитала. Статистический учет населения и трудовых ресурсов в XX в. уже не вызывал трудностей. А вот подходы к стоимостной оценке национального богатства и его основного элемента – производственного капитала стали робко обозначаться только в 1920-е гг. СССР также стал одним из лидеров в новой статистической области. Первая всесоюзная генеральная переоценка фондов состоялась в 1925 г. [4].

В рамках заданных теоретических конструкций можно перейти к анализу развития национальной экономики в ее наиболее сложные критические моменты в новейшей истории.

Три кризиса новейшей истории. Интегральными показателями развития экономики является динамика производства в

виде темпов прироста национального дохода, валового национального продукта (ВНП) или валового внутреннего продукта (ВВП), которые суммируют макроэкономические изменения объема выпуска товаров и услуг. Важнейшими показателями также являются динамика изменения запасов производственного капитала и трудовых ресурсов как факторов, от которых напрямую зависит объем выпуска. В настоящее время в экономической литературе можно найти достаточно сведений для оценки кризисных периодов развития экономики и на их основе определить характер и масштабы такого развития.

Первый кризис экономики хронологически охватывает промежуток времени с 1914 по 1927 г. В свою очередь это временной отрезок может быть разбит на две части. Первоначальный период с 1914 по 1922 г. характеризовался непрерывным падением производства. По оценке А. Маркевича и М. Харрисон, в низшей точке падения в 1922 г. экономика потеряла 55,9 % своего национального дохода по сравнению с 1913 г. [5, с. 18]. После 1922 г. экономика стала быстро восстанавливаться и уже в 1927 г. объем ее производства достиг довоенного уровня. Рассчитанный по данным А. Маркевича и М. Харрисон годовой темп прироста экономики составил впечатляющие 18,2 %. И здесь нужно внимательно посмотреть на факторы такого роста.

Хронологически этот рост был получен в рамках реализации новой экономической политики (НЭП). Вне всякого сомнения, расширение хозяйственной инициативы, нормализация денежного обращения, товарное насыщение рынка сыграли значительную роль в росте экономики, и особенно ее потребительского сегмента. Однако в основе этого роста лежали накопленные запасы трудовых ресурсов и капитала. В 1925 г. С.Г. Струмилин произвел расчет сокращения стоимости основных фондов в годы Первой мировой войны, иностранной интервенции и Гражданской войны. По его оценкам, общая стоимость потерянных фондов составляла 9–10 % от их стоимости в 1914 г. [6, с. 325–355]. Как видно, падение объемов производства на своем пике

более чем в 5 раз превосходило сокращение материальной базы. Проблема восстановления и роста экономики, таким образом, решалась за счет воссоздания оборотных средств, увеличения загрузки имеющихся мощностей, возвращения на производство демобилизованных работников.

К 1928 г. факторы роста экономики в рамках НЭПа были исчерпаны. Дальнейший экономический рост требовал смены восстановительной модели на модернизационную. Для этого необходимо было наращивать фонд накопления. По расчетам Алб.Л. Вайнштейна, в 1928 г. на долю фонда накопления приходилось 19,4 % национального дохода, к 1932 г. эта доля возросла до 30,3 %; в сопоставимых ценах фонд накопления вырос в том же периоде в 2,6 раза [7, с. 334]. Столь высокое накопление обеспечило СССР довольно высокий экономический рост. По расчетам А. Бергсона, ВВП вырос в сопоставимых ценах с 181,9 млрд руб. в 1928 г. до 331,8 млрд руб. в 1940 г. [8, р. 48]. Как видно, темп среднегодового прироста довоенной советской экономики составил 5,1 %. Высокий удельный вес расходов капитального характера, государственных расходов и затрат на оборону достигался за счет низкого удельного веса потребления населения. Других источников развития экономики в довоенном СССР не было.

Второй кризисный период протекал в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, он длился 5,5 лет (вторая половина 1941 – 1946 г.). Первая оценка экономического ущерба была дана Н.А. Вознесенским в 1947 г. Он составил 1890 млрд руб. в довоенных ценах [9, с. 159–162]. В 1996 г. М.М. Харрисон провел более детализированные расчеты материальных потерь советской экономики в годы войны. Его оценка общих потерь составила 2 569 млрд руб. [10, р. 155–164]. Если опираться на расчеты советского ВВП А. Бергсона, то общий экономический ущерб СССР в годы войны колеблется от 5,7 годовых размеров ВВП 1940 г. (по данным о величине ущерба Н.А. Вознесенского) до 7,7 (по данным М. Харрисона).

Максимальный размер падения ВВП пришелся на 1944 г. и составил 8,3 % от уровня 1940 г. [8, р. 48].

Последующее восстановление экономики до предвоенного уровня произошло не более чем за 2–3 года. В советской историографии отсутствуют обобщающие расчеты темпов послевоенного восстановления экономики. Тем не менее отмечается, что промышленность вышла на довоенный уровень производства в 4-м квартале 1946 г., транспорт – в 1948 г., сельское хозяйство – не ранее 1952 г. [11, с. 17–143]. Западные экономисты также высоко оценивали темпы экономического восстановления. Расчеты Р. Мурстина и Р. Пауэлла показали, что уже в 1947 г. размер советского ВВП достиг уровня 1940 г., а к 1950 г. превзошел его на 21,5 % [12, р. 623].

Если со сроками восстановления экономики все более-менее понятно, то с факторами восстановления до сих пор нет никакой ясности. Довольно очевидно, что если послевоенной экономике СССР удалось восстановить объем довоенного производства в 1947 г., значит не позднее этого года (а в действительности с учетом инвестиционного лага значительно раньше) и размер фондов достиг довоенного уровня. Впервые размеры потерь фондов в годы Великой Отечественной войны были обнародованы в 2015 г. По архивным данным Росстата, СССР в годы войны потерял 26,2 % основных фондов от их наличия в 1940 г. [13, с. 129]. Это неполные потери. Дело в том, что в годы войны был нарушен нормальный воспроизводственный процесс, сокращенные капитальные вложения были ниже амортизации. Накопленный износ можно охарактеризовать как материальные потери капитального характера военного времени. Выполненные нами расчеты показывают, что в годы войны экономика СССР суммарно потеряла основных фондов на сумму 204,4 млрд руб. или 40,6 % их довоенного объема по полной стоимости [14].

Между тем инвестиционная активность в послевоенные годы была крайне низкой. По нашим расчетам, если бы при своем развитии экономика СССР опиралась бы исключительно на инвестиционные ресурсы, то чистый прирост стоимости основ-

ных фондов за 1945–1948 гг. за счет инвестиций составил бы только 60,2 млрд руб., а полное восстановление фондов состоялось бы не раньше 1952 г. [14]. Восстановление советской экономики к началу 1948 г. только на 29,4 % объясняется внутренним инвестиционным фактором. Очевидно, что послевоенный успех экономического развития СССР в значительной степени объясняется внешними факторами. Эти факторы очень плохо изучены и далеко не все из них имеют стоимостную оценку. Такими факторами являются: военная помощь со стороны союзников в годы войны (главным образом поставки по ленд-лизу); послевоенные немецкие репарации; военные трофеи; включение в состав СССР новых территорий; передовые научно-технические достижения союзников и побежденных; труд военнопленных, а также вывезенных с территории Германии ученых, инженеров и рабочих. Эти факторы в значительной степени определяли облик экономики СССР вплоть до середины 1960-х гг., обеспечивая высокие темпы экономического развития и научно-технические достижения.

Наконец, третий экономический кризис начался с распадом СССР в 1992 г. и длится до сегодняшнего дня. В нем можно выделить три периода. Первый период – это период коренных экономических преобразований, протянувшийся до 1998 г. Сокращение ВВП к концу периода по нашим с Г.И. Ханиным оценкам составило 32,8 % [15, с. 73]. Кризис не был фатально задан траекторией развития поздней советской экономики, его большая часть объясняется провалами экономических реформ данного времени. Огромные резервы покрытия издержек переходного периода лежали в сокращении военных расходов, которые по вполне обоснованным оценкам в конце 1980-х гг. составляли 18–19 % советского ВВП [16]. В 1990-е гг. эта доля была доведена до 1,5–2,5 % ВВП, однако высвободившиеся средства пошли не на модернизацию экономики и не на социальную поддержку пострадавшего от реформ населения. Что касается потерь капитала, то они составили к концу первого периода

9,6 %, что примерно в 3,5 раза было меньше потерь объемов производства [15, с. 73].

Наличие резервов мощностей и рабочей силы явились объективной основой роста российской экономики. Это был второй, восстановительный этап современного кризиса экономики. Он продлился с 1999 по 2008 г. В 2007 г. российская экономика практически достигла уровня производства 1991 г., а вот полная стоимость основных фондов вследствие низкой инвестиционной активности сократилась на 21,7 % [15, с. 73]. В 2008 г. году, также как и в 1928 г., восстановительные резервы роста экономики были исчерпаны. Тогда советская экономика перешла на мобилизационный путь развития. В современных условиях единственным фактором роста российской экономики также могло бы стать увеличение доли накопления за счет сокращения доходов населения (главным образом его наиболее состоятельных слоев), однако по целому ряду причин этого сделано не было.

Третий период (2008–2020 гг.) характеризуется дальнейшим падением производственного потенциала российской экономики и, как следствие, падением ее производства. Общее сокращение основных фондов российской экономики с 1991 по 2020 г. составило по полной стоимости 33,4 %; по остаточной стоимости (с учетом износа фондов) – 61,3 % [17].¹ В 2020 г. российская экономика сократила ВВП на 12,7 % по сравнению с исходным советским уровнем [15, с. 73].

Нет никакого сомнения в том, что кризисные явления в российской экономике будут нарастать, ее производство падать, материальная база сокращаться. Современный экономический кризис является самым глубоким и продолжительным в новейшей истории. По всей видимости, крайняя точка возможного возврата в исходное докризисное состояние пройдена, причем пройдена более десяти лет назад. У современной России нет ни сил, ни возможностей, ни ресурсов, ни времени для преодоления кризиса. В этой связи современное состояние российской

¹ Расчеты, содержащиеся в указанных статьях, доведены при написании данного текста до 2020 г.

экономики следует трактовать не как очередной кризис новейшей истории, а как процесс перехода экономики в качественно иное состояние.

Список литературы

1. *Вайнштейн Альб.Л.* От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам // Избранные труды: в 2-х кн. М.: Наука, 2000. Кн. 2: Народное богатство и народный доход России и СССР. С. 185–262.

2. *Кейнс Дж.М.* Экономические последствия Версальского мирного договора // Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: ЭКСМО, 2007. С. 463–620.

3. *Студенский П.* Доход наций. М.: Статистика, 1968. 710 с.

4. *Войтехов П.Г.* Нормы амортизации и оценка имущества. Изд. 2, испр. М.; Л: Промиздат, 1926. 230 с.

5. *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.

6. *Струмилин С.Г.* Промышленное развитие России и СССР // Избранные произведения в пяти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1: Статистика и экономика. С. 325–397.

7. *Вайнштейн Альб.Л.* Народный доход России и СССР (история, методология исчисления, динамика) // Избранные труды: в 2-х кн. М.: Наука, 2000. Кн. 2: Народное богатство и народный доход России и СССР. С. 263–386.

8. *Bergson A.* The real national income of Soviet Russia since 1928. Harvard University Press: Cambridge, MA., 1961.

9. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ Политиздат, 1947. 192 с.

10. *Harrison M.* Accounting for war Soviet production, employment and the defense burden, 1940–1945. Cambridge University Press, 1996.

11. История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1980. Т. 6: Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. 590 с.

12. *Moorsteen R., Powell R.* The Soviet Capital Stock, 1928–1962. Homewood (Ill.): R.D. Irwin, 1966.
13. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2015. 190 с.
14. *Фомин Д.А.* Великая Отечественная война и послевоенное экономическое восстановление. (Рукопись).
15. *Ханин Г.И., Фомин Д.А.* Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика // Мир России. 2017. № 2. С. 62–80.
16. *Kontorovich V.* Reluctant Cold Warriors. Economists and national security. Oxford University Press, 2019.
17. *Фомин Д.А., Ханин Г.И.* Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 21–33.

**Смешанный режим собственности на лесные ресурсы
в дореволюционной России: уроки прошлого
на благо решения современных проблем²**

A.I. Pyzhev, R.V. Gordeev

**Mixed Ownership of Forest Resources
in Pre-Revolutionary Russia: Lessons From the Past
for the Benefit of Contemporary Problems**

Аннотация. Национализация лесов в России была оформлена после Октябрьского переворота известным Декретом «О лесах» от 27 мая 1918 г. и во многом до сих пор определяет режим использования лесных ресурсов в стране. В последнее время не утихают дискуссии относительно перспективы частичной или полной приватизации лесов. При таких обсуждениях всегда игнорируется опыт существования режима смешанной собственности на

¹ **Пыжев Антон Игоревич**, кандидат экономических наук, заведующий научно-учебной лабораторией, Сибирский федеральный университет; старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Красноярск, e-mail: apyzhev@sfu-kras.ru

Гордеев Роман Викторович, старший преподаватель, Сибирский федеральный университет, младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Красноярск, e-mail: rgordeev@sfu-kras.ru

Pyzhev Anton Igorevich, Candidate of Economic Sciences, Head of Laboratory, Siberian Federal University; Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Krasnoyarsk, e-mail: apyzhev@sfu-kras.ru

Gordeev Roman Victorovich, Senior Lecturer, Siberian Federal University, Junior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Krasnoyarsk, e-mail: rgordeev@sfu-kras.ru

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00145.

лесные земли, накопленный в стране в дореволюционный период. Возражения относительно недоступности информации по данному вопросу легко опровергаются наличием достаточно обширной литературы конца XIX в., существенная часть которой представляет собой ценный источник знаний не только по проблеме преимуществ и недостатков частной собственности на леса, но и на прочие вопросы как лесохозяйственной, так и общеэкономической тематики, ставшие только более актуальными спустя век.

Ключевые слова: права собственности, лесное хозяйство, лесные земли, экономическая история, права на лесные земли; приватизация лесов.

Развитие теории прав собственности в середине XX в. внесло существенный вклад в объяснение различных вопросов экономической динамики, в результате чего аллокация и распределение прав собственности рассматриваются современной экономической теорией как важнейший фактор развития любых экономических отношений [1; 2; 3]. В случае отдельных видов экономической деятельности данный вопрос приобретает особое значение. Так, регулирование режима прав собственности на земли является одним из важнейших инструментов управления эффективностью лесного и сельского хозяйства [4; 5; 6; 7].

Целью настоящей работы является анализ генезиса режима прав собственности на лесные земли в России с дореволюционного периода ее истории по наши дни, а также формулирование некоторых соображений относительно того, какие полезные уроки для современного обустройства лесного хозяйства можно было бы извлечь из опыта прошлых веков.

По всей видимости первое нормативно-правовое закрепление права собственности на леса в истории Древней Руси относится к «Русской Правде» Ярослава Мудрого [8]. При этом экономическую ценность тогда имела не сколько древесины, сколько то, что сейчас называют недревесными функциями лесов, поэтому устанавливалась, например, собственность Древнерусского государства на бортнические ресурсы: «Если кто уничтожит бортные знаки, то платит 12 гривен» [8, с. 554]. Далее на всем протяжении развития государства от Киевской Руси до создания государства во главе с первыми поколениями династии Романовых складывался институт преимущественно феодальной

собственности на лесные земли, окончательно оформившийся в Соборном Уложении Алексея Михайловича 1649 г. [9]. Усилиями Петра I лесное хозяйство начало превращаться из поставщика элементарных средовых и культурных благ, древесины для строительства в важную отрасль хозяйства того времени – ресурсную базу кораблестроения, что потребовало соответствующей строгой охраны лесов, расположенных вблизи рек и водоемов, для чего по немецкому образцу была создана служба вальдмейстеров и соответствующее законодательство.

В 1782 г. Екатерина II фактически провела приватизацию лесов, позволив владельцам земель без ограничений владеть и лесами, а также торговать их продукцией по своему усмотрению. В результате к концу XVIII в. складывается следующее разделение лесов по форме собственности: государственные и состоящие в общественной и частной собственности¹. При этом государственными (казенными или имеющими особое предназначение) назывались леса, находящиеся непосредственно в собственности казны, а общественные или частные леса определялись как те, которыми владели «общества, установления и частные лица». Общественными считались леса, принадлежащие религиозным, общественным, научным организациям, университетам, городам, обществам сельских обывателей, казачьим войскам, селениям бывших государственных крестьян. В современной терминологии такие леса можно определить как принадлежащие юридическим лицам различной организационно-правовой формы. К частным относились леса, находившиеся во владении удельного ведомства, особ императорской фамилии, дворян, «лиц прочих состояний». По статистике конца XIX в., казенных лесов было более 90 млн дес., крестьянских лесов – около 13 млн и еще около 11 млн дес. лесов «имевших особое значение»².

К концу дореволюционного периода в стране сложилось развитое лесное законодательство, предусматривавшее разветв-

¹ Устав лесной. Издание 1905 года. Т. 8. Ч. 1. Кн. 1. Раздел 1 «О разных родах лесов». Цит. фрагмент впервые датируется 25 мая 1766 г.

² К истории русского государственного лесного управления (Воспоминания из давно прошедшего) // Лесной журнал. 1884. № 2. Л. V.

ленную систему режимов прав собственности на лесные земли с учетом потребности общества и экономики в отношении использования разнообразных услуг лесов. Анализ архивных документов тех лет, выходящий за рамки данного эссе, показывает, что это обстоятельство способствовало быстрой эволюции подходов к выстраиванию эффективного лесопользования.

Сразу после Октябрьского переворота Декретом «О лесах»¹ была объявлена полная национализация всех лесов, которая, по сути, до сих пор определяет режим использования лесных ресурсов в стране. Земельный кодекс современной России подразделяет все земли на семь категорий по целевому назначению: 1) земли сельскохозяйственного назначения; 2) земли населенных пунктов; 3) земли промышленности, энергетики и прочих отраслей экономики; 4) земли особо охраняемых природных территорий и объектов; 5) земли лесного фонда; 6) земли водного фонда; 7) земли запаса². При этом относительно прав собственности на земли сельскохозяйственного назначения и земли лесного фонда сложился совершенно различный порядок: лесные земли без исключений принадлежат Российской Федерации³, в то время как начиная с 2002 г. сельскохозяйственные земли могут принадлежать частным лицам и организациям⁴. Можно констатировать, что за прошедшие двадцать лет рынок сельскохозяйственных земель в стране сложился, несмотря на выраженную асимметрию распределения земель между разными группами собственников, наблюдающуюся, например, для регионов Сибири и Дальнего Востока [10; 11]. Выраженные успехи отрасли в последнее десятилетие

¹ Декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. 27 мая 1918 г. О лесах // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. М.: Политиздат, 1967. С. 67–83.

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Ст. 7. П. 1.

³ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Ст. 8. Ч. 1.

⁴ Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ. Ст. 1. П. 4.

логично отчасти связать с данной институциональной реформой, создавшей стимулы для развития частной предпринимательской инициативы в агропромышленном производстве.

На этом фоне ситуация с лесами выглядит гораздо менее благополучной [12]. Во многом это можно связать со сложившимся режимом собственности на лесные земли, который предопределяет отсутствие стимула лесопользователя к ведению устойчивого долгосрочного планирования и лесоустройства. Институт аренды лесных участков, сложившийся в результате принятия Лесного кодекса 2006 г., подразумевает, что задачей любого лесопользователя является получение сиюминутной экономической выгоды от сплошной рубки лесов и продажи древесины без должного лесовосстановления и лесоразведения. Между тем, в силу естественных особенностей цикла роста лесов, который в типичном случае составляет 60–80 лет до перехода древостоя в состояние спелости, эффективное лесопользование возможно только при обеспечении устойчивых прав собственности на леса на протяжении нескольких поколений их владельцев.

Тем не менее кажущееся логичным объявление приватизации лесов лишь на первый взгляд может показаться правильным выходом из сложившегося положения. Во-первых, большая часть экономически привлекательных лесных земель в настоящее время используется в режиме долгосрочной аренды (сроком до 49 лет с последующим приоритетным продлением аренды), что, по всей видимости, фактически исключит их из приватизационной массы, поскольку у государства не будет юридических оснований для продажи таких участков при наличии обременений на права их использования. Принудительное же изъятие таких участков несет большие риски утраты доверия населения и бизнеса к институту частной собственности, что в корне противоречит целям любой приватизационной реформы.

Во-вторых, приватизация тех участков, которые будут перспективны для рубок в среднесрочной перспективе и пока не находятся в аренде, приведет к их массовой скупке по низким ценам. Впоследствии данные участки будут выгодно вырубить и

забросить, при этом государство лишится возможности последующего обратного вовлечения данных земель в хозяйственный или иной оборот. Принудительное решение данного вопроса не менее пагубно для формирования эффективных взаимоотношений между властью и представителями рынка.

В-третьих, реализация многих общегосударственных задач, например, наращивание поглощающей способности российских лесов в рамках выполнения национальных требований в рамках Парижского соглашения требует до сих пор не разработанной стратегии использования многих лесных территорий в качестве углеродных полигонов, что потребует определения тех земель, которые пригодны в таких целях. Подобные ограничения существенно затруднят выделение лесных земель, подлежащих приватизации. Перечисленные проблемы представляют далеко не полный перечень вопросов, которые необходимо решить перед тем, как можно было бы проектировать и реализовывать даже пилотный проект приватизации земель лесного фонда.

Между тем важным представляется извлечение уроков из позабытого опыта нашей дореволюционной истории. Ключевой идеей здесь является создание разветвленного режима собственности на леса в зависимости от типа пользования и интересов лесопользователя. Отметим, в частности, насколько развиты в прошлом были специальные режимы лесопользования, например, для бывших крепостных крестьян, которым дозволялось вести собственное сельское и лесное хозяйство на прилегающих к их жилищам наделах. Вспоминая этот сюжет и не имея в виду никакой иронии, трудно не провести параллель с полезной инициативой Правительства по разрешению ведения лесного хозяйства на заброшенных землях сельскохозяйственного назначения¹. Вряд ли при проектировании данной институциональной новации описанный нами опыт учитывался непосредственно, но нельзя не признать, что данное решение представляется очень уместным на фоне устойчивого многолетнего оттока населения из сельской местности и невозможности развития удаленных территорий за счет государства и локализован-

¹ Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509.

ного на них крупного бизнеса. Ведь вместо искусственного поддержания минимальных социальных гарантий в таких местах лучше дать населению стимулы и возможности для подлинной самозанятости привычным им трудом с сохранением традиционного сельского быта, но в современном институциональном оформлении. Может быть, именно с таких, на первый взгляд, мало-масштабных реформ и должны начинаться существенные преобразования экономического и социального пространства страны?

Список литературы

1. *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 445 с.
2. *Alchian A.A.* Some economics of property rights // *Il Politico*. 1965. Vol. 30. No. 4. P. 816–829.
3. *Demsetz H.* Towards a theory of property rights // *American Economic Review*. 1967. Vol. 57. P. 347–359.
4. *Пыжжев А.И.* Влияние режима собственности на леса на эффективность лесопользования: межстрановой анализ // *Journal of Institutional Studies*. 2019. Т. 11. № 3. С. 182–193.
5. *Bouriaud L., Nichiforel L., Weiss G., Bajraktari A.* Governance of private forests in Eastern and Central Europe: An analysis of forest harvesting and management rights // *Annals of Forest Research*. 2013. Vol. 56. P. 199–215.
6. *Филипчук А.Н.* О мировом опыте собственности на леса // *Лесохозяйственная информация*. 2014. № 3. С. 75–80.
7. *Пыжжев А.И., Иванцова Е.Д.* Институты прав собственности на лесные земли в России: уроки зарубежного опыта // *Вестник Омского университета*. Серия: Экономика. 2018. № 3. С. 48–56.
8. *Правда Русская*. Т. 2 / под ред. Б.Д. Грекова. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 862 с.
9. *Быковский В.К.* Лесное право России: учебник для магистров М.: Издательство Юрайт, 2012. 262 с.
10. *Голубев А.В.* Парадоксы развития аграрной экономики России // *Вопросы экономики*. 2012. № 1. С. 115–126.
11. *Фадеева О.П., Хлопцов Д.М.* Рынки земли в России и в Сибири: от ресурсов к активам // *ЭКО*. 2021. № 4. С. 130–149.

12. Антонова Н.Е. Институциональные изменения в национальном лесном комплексе: оценка пространственных эффектов // Регионалистика. 2018. Т. 5 № 2. С. 21–32.

УДК 316.422+338.2(100+470)«2001/2021»

*Е.А. Соломенникова*¹

Внедрение Agile-подхода в управление высокотехнологичным бизнесом – продолжение экономических реформ²

Е.А. Solomennikova

Introduction of Agile-Approach in Management of High-Tech Business – Continuation of Economic Reforms

Аннотация. Высокая турбулентность внешней среды и неоднозначная ситуация внутренней – характеристика современного этапа экономического развития предприятий, которая вызывает необходимость адаптации предприятий высокотехнологичного бизнеса к новым вызовам. Наиболее перспективным подходом в такой ситуации служит Agile-подход, предусматривающий трансформацию всего предприятия, в первую очередь, переход от структурной иерархии к совокупности команд, способных оперативно решать возникающие сложные задачи. В исследовании показано, что наряду с инструментами Agile целесообразно внедрение современных цифровых технологий в различные сферы деятельности предприятия

¹ **Соломенникова Елена Афанасьевна**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: solom46@mail.ru

Solomennikova Elena Afanasievna, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: solom46@mail.ru

² Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках Проекта 5.6.1.5. (0260-2021-0003) «Теория и методология исследования устойчивого развития компаний высокотехнологичного и наукоемкого сектора экономики в контексте глобальных вызовов внешней среды, технологических, организационных и институциональных сдвигов»

Ключевые слова: Agile-подход, структуры управления, трансформация, цифровые технологии, неопределенность, изменения, компании, внешние круги, бизнес-круги.

Многие предприятия с традиционными структурами управления оказались не готовыми для быстрого решения управленческих задач, особенно в постоянно меняющейся внешней среде. Косность и неповоротливость, свойственные таким предприятиям, можно преодолеть, используя новый метод управления – Agile. Первое появление этого метода (2001 г.) связывают с крупными IT-компаниями, которые не могли найти применение 80 % своих разработанных продуктов¹. В дальнейшем этот метод стал использоваться и в других сферах деятельности. Принципами работы Agile-метода является «сотрудничество с заказчиком, открытость, гибкость»². При этом задачи, которые нужно решить компании, сложны, заранее определить их результаты невозможно, запросы клиентов к выпускаемому компанией продукту меняются на всех стадиях, начиная с его разработки и в процессе изготовления. Поэтому в соответствии с Agile-методом необходимо комплексные задачи разбивать на модули, для решения задач в каждом модуле формировать группы сотрудников, владеющих разными компетенциями. Если проанализировать литературные источники по Agile-методу, то можно сказать, что он применяется в основном в банковской сфере. Однако сегодня он востребован компаниями и других отраслей, хотя, по мнению О. Филипповой, Agile подходит далеко не всем компаниям. Так «для маркетологов, IT-специалистов и специалистов инвестиционных компаний Agile – палочка-выручалочка, а для sales-менеджеров, к примеру, этот способ не подойдет»³. Зарубежный

¹ Адизес И. На пороге управленческой революции // Специальный номер «Harvard Business Review – Россия». № 125 от 06.02.2017.

² Сеньков Р.В., Самойлов В.И. Современные подходы в управлении предприятиями, преимущества применения принципов Agile [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/49107713-Sovremennye-podhody-v-upravlenii-predpriyatiyami-preimushchestva-primeneniya-principov-agile.html> (дата обращения: 10.06.2021).

опыт применения компаниями Agile-метода приведен в О. Филипповой¹.

В российской практике Agile-метод используется недостаточно часто, что можно объяснить слабым знанием этого метода российскими менеджерами. В последние годы интерес к нему возрос и появилось подробное описание методики внедрения метода управления Agile на российских предприятиях².

Agile-подход вызывает значительные изменения структуры организации: переход от структурной иерархии к совокупности команд (кругов), способных оперативно решать возникающие сложные задачи. Метод предусматривает трансформацию всего предприятия. Меняются функции службы управления персоналом, которая ориентирована теперь на профессионалов высокой квалификации с новыми компетенциями. В организационной структуре создаются не подразделения и отделы, а два вида кругов, в которых вместо должностей у работников появляются роли, которые менее формализованы и могут меняться в зависимости от конкретной задачи или проекта.

Первый круг – внешний. В него входят первые лица компании – собственники бизнеса и гендиректор. Они могут включить в этот круг и некоторых руководителей департаментов, обладающих экспертными знаниями и стратегическим мышлением. Внешний круг определяет стратегию компании и ставит бизнес-задачи вторым кругам. В общем виде есть руководящие должности (scrum-мастер), которые отвечают за постановку задачи, определение сроков и ресурсов, распределение обязанностей внутри команды.

Второй круг – agile-команды, которые состоят из равноценных в иерархии специалистов, обладающих разными компе-

³ *Филиппова О.* Сотрудники станут сами себя контролировать, улавливать желания клиентов. Новый метод управления – Agile. Бизнес станет гибким, динамичным // Директор по персоналу. № 6. Июнь 2018 г.

¹ *Филиппова О.* Методология Agile [Электронный ресурс]. URL: <https://finswin.com/projects/metody/agile-metodologiya.html> (дата обращения: 10.06.2021).

² Там же.

тенциями. На совещаниях, проводимых каждую неделю, кроме agile-команды присутствует представитель заказчика – product owner, который обеспечивает команде обратную связь.

Для выполнения поставленной клиентом бизнес-задачи определяется, какие виды работ (функций) необходимо провести, чтобы выполнить задачу. Под каждый вид работ или выполняемую функцию подбирается соответствующий специалист, который и включается в круг. В целом таких специалистов, как правило, 7 ± 2 человека. Каждый решает свою конкретную задачу. Метод направлен на частые представления промежуточных решений задачи команде круга и заказчику. Получаемый продукт совершенствуется естественным образом с каждой новой итерацией. Необходимым условием является завершение одного этапа перед переходом к следующему. Работа в таком режиме позволяет сокращать время согласования предложений работников круга и требований заказчика.

Именно с этой целью и используется пошаговая разработка, основанная на функциях, т.е. работа каждого работника разбивается на такие кусочки, чтобы они были сделаны в течение одного рабочего дня, и каждый день проводится пятиминутка, когда каждый отчитывается о выполнении взятых обязательств, если есть недоработки, то выясняется, что необходимо сделать для их устранения, а также озвучиваются проблемы, с которыми пришлось столкнуться работнику. Только заказчик имеет ясное представление о заказанном продукте, и если заказчика не устраивают предложения работников, то на любом этапе обсуждения идеи он может высказать свое мнение, а может и изменить свои требования к разрабатываемому продукту. Роль заказчика может играть либо клиент компании, либо высшее руководство самой компании. Внутри круга для бизнес-задач из числа представителей круга выбирается руководитель-коммуникатор, роль которого может перейти к любому участнику круга. Связь между внешним кругом и кругами, выполняющими бизнес-задачи, осуществляет руководитель-связной.

Специалисты отмечают, что Agile-структура напоминает проектные структуры, но между ними есть существенное отличие: в первой структуре отсутствует очередность выполнения работ в виду наличия в круге всех необходимых специалистов. Специалисты не сидят и не ждут, пока другие сделают свою часть работы и передадут им. Такая организация работ приближает во времени результат деятельности круга. Благодаря такому подходу эффективность труда работников круга повышается. Руководитель-связной должен быть в каждой команде. Он выполняет две функции. Первая: доводит до круга задачу, поставленную Внешним кругом, обеспечивает обратную связь от обычного круга к Внешнему. Вторая функция: следит, чтобы круг придерживался выполнения только поставленных Внешним кругом задач. Таким образом, «Руководитель-связной определяет лишь, “что” сделать, а не “как” и не вмешивается в деятельность круга, но может помочь определиться с приоритетностью выполняемых работ» [1].

Визуализация хода выполнения задания кругом отражается на Agile-доске со стикерами. Весь процесс выполнения задания разбивается на определенное количество этапов спринта с установленной длительностью его выполнения. За каждым этапом закрепляются роли участников круга. Окончание каждого этапа предполагает демонстрацию завершенной части процесса этого этапа в виде промежуточного результата. По завершении выполнения всех этапов круг должен представить «эскиз продукта с подробным описанием использованных материалов и характеристик, предоставить расчет ценности для компании (планируемый объем, стоимость, доход)» [2].

Отмечая преимущества системы Agile (вовлеченность всех заинтересованных сторон – заказчика, руководителя и исполнителя, которые видят всю поставленную задачу в целом и действительно участвуют в ее решении; участие в работе круга представителей заказчика с самого начала позволяет более точно представить всем участникам видение результата задания; метод позволяет решать сложные задачи, хотя по ходу ее решения могут быть внесены существенные изменения требований к

конечному результату заказчиком и др.), нужно отметить и недостатки этой системы:

- требование высоких компетенций и вовлеченности сотрудников, что подходит не всем участникам;
- участники команды могут не сработаться;
- может уходить достаточно много времени на формирование тесных рабочих отношений в кругу;
- невозможность точного планирования затрат и сроков из-за постоянных изменений требований заказчика, приводящих к удлинению сроков этапов спринта, в результате чего может сдвигаться срок завершения выполнения задачи;
- высокие требования к специалистам круга и их мотивации;
- риск неудачи из-за попыток постоянного совершенствования продукта.

Ежегодное исследование об особенностях внедрения гибких методологий управления в России, в частности технологии Agile, проведенное компанией McKinsey, показало, что данный подход быстрыми темпами внедряется в ключевые отрасли экономики. В ходе опроса, проведенного с марта по декабрь 2019 г. (в нем участвовали свыше 1500 чел. из более чем 70 городов) получены следующие результаты.

«Распределение респондентов по отраслям показывает, что число Agile-команд, производящих материальные товары, растет и в 2019 г. достигло 9 % (в 2018 г. доля составляла 8 %, в 2017 г. – 5 %). 41 % участников исследования представляли информационные технологии, хотя ранее ИТ-индустрия была практически монополистом по внедрению Agile; 25 % работают в сфере финансов; процент Agile-практиков, например, из тяжелой промышленности, вырос в два раза по сравнению с 2018 г. (до 4,5 %)»¹.

Растущая популярность модели управления не всегда приводит к повышению экономической эффективности компа-

¹ Исследование ScrumTrek: насколько успешно российские компании проводили Agile-трансформацию в 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://releases.ict-online.ru/news/n179135> 20.03.2020 (дата обращения: 10.06.2021).

ний. Основную цель, которую преследуют компании, внедряющие Agile-трансформацию, – ускорение поставок и выхода продуктов на рынок; ее удалось достичь 55 % опрошенных участников. Существенный рост качества продуктов отметили 43–48 % респондентов; повысилась прозрачность работ и управления часто меняющимися приоритетами вследствие визуализации и итеративности работ.

В 2020 г. (с 20 декабря 2019 г. по 11 декабря 2020 г.) компания McKinsey провела очередное масштабное исследование о готовности и необходимости внедрения изменений для различных отраслей среди 1 240 руководителей различных компаний, из которых 1 171 ответили на все вопросы¹. Результаты исследования показали, что эффекты от Agile проявляются не сразу. А сравнение российской статистики с глобальной показывает, что «по целям и достижениям Agile примерно такие же, как и в России:

- по достижению цели ускорения поставки в этом году Россия выровнялась с мировыми показателями: 60 % в мире, 61 % в России. Причем в России это – превышение ожиданий: цель повышения скорости в мире ставят 71 % респондентов, в России – 55 %;

- в списке реально достигнутых выгод первые 2 места в мире занимают те же показатели, что и у нас: управление меняющимися приоритетами (70 % в мире, 78 % в России) и прозрачность ведения проектов (65 % в мире, 75 % в России);

- качество тоже является значимой целью (пятой по популярности в мире), но эта цель, как и в России, реализуется редко относительно ожиданий².

Только два примера внедрения Agile-метода.

1. Новосибирский производитель оборудования для розлива пивных напитков компания ООО «НПМ», или NPM Group – одна из высокотехнологичных компаний, которые внедрила Agile-технологию.

¹ Отчет об исследовании Agile в России 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://scrumtrek.ru/blog/agile-scrum/4335/agilesurvey20> (дата обращения: 10.06.2021).

² Там же.

2. На НЛМК частично использован Agile-подход, предприятие не точно следовало Agile-методике, они адаптировали ее под свои интересы (так сохранили структурные подразделения и их руководителей). Руководство компании довольно итогами такого варианта Agile, но будут ли ее внедрять полностью – вопрос остается открытым. Для подобных предприятий можно рекомендовать внедрение цифровых инструментов в бизнес-процессы, использование которых в производственных процессах может существенно повысить эффективность таких предприятий¹.

Считается, что Agile больше всего подходит инновационным стартапам, но практически трудно использовать в корпорациях, в которых хорошо отлажены все бизнес-процессы. В них можно внедрить только некоторые элементы Agile, например, SAFe (Scaled Agile Framework) и LeSS (Large-Scale Scrum)².

За последний год произошли существенные изменения, вызванные коронавирусной пандемией. Усилилось влияние факторов внешней среды на деятельности предприятий, в первую очередь возросла неопределенность кризисной ситуации. Подтолкнет ли данная ситуация компании к внедрению Agile-подхода? Вопрос остается открытым.

Список литературы

1. Коул Р., Скотчер Э. Блистательный Agile. Гибкое управление проектами с помощью Agile, Scrum и Kanban. СПб.: Питер, 2019. 170 с.

2. Деннинг С. Эпоха Agile. Как умные компании меняются и достигают результатов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 377 с.

¹ Федоришин Г. Зачем бизнесу цифровизация: опыт НЛМК. [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/management/strategiya/817355>; Архунов М. Почему Agile не приживается в России? [Электронный ресурс]. URL: <https://mustread.kpmg.ru/articles/pochemu-agile-ne-prizhivaetsya-v-rossii/> (дата обращения: 10.06.2021).

² Зуйко А. Что такое Agile и подойдет ли он вашей компании [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6023fc369a79476e47b19ef0>; Статистика успеха: как проводить трансформацию компаний. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5e2ae89e9a79478a214f29fb> (дата обращения: 10.06.2021).

Эволюция режима «выживания российского малого и среднего предпринимательства»: тренды бизнес-демографии и архитектура финансирования²

L.I. Lugacheva

Evolution of the “Survival of Russian’ Small and Medium-Sized Enterprises” Regime: Business Demography Trends and Financing Architecture

Аннотация. В 2021 г. отмечается 100 лет со времени перехода к НЭПу и начала ситуационного партнерства малого и среднего предпринимательства (МСП) и государства. В исследовании показано возрастание роли государства в поддержке и финансировании МСП за прошедшее столетие; изменение институциональной конфигурации сектора МСП. Приводится вариативность решений доступа к финансовым средствам и эффективному использованию кредитов МСП в современных экономических условиях. Обсуждаются динамические характеристики российского МСП и складывающиеся мульти-векторные направления его сотрудничества с финансовыми организациями и властными структурами в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, национальный проект, пандемия, кризис, доходы населения, институциональная конфигурация, бизнес-демография.

¹ **Лугачева Лариса Ивановна**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: lugamus@yandex.ru

Lugacheva Larisa Ivanovna, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: lugamus@yandex.ru

² Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СОРАН, по Проекту 5.6.1.5. (0260-2021-0002) «Интеграция и взаимодействие отраслевых систем и рынков в России и ее восточных регионах: ограничения и новые возможности».

Поддержка МСП в России осуществляется почти три десятилетия, однако до сих пор между объемами финансирования в рамках льготных программ и долей малого и среднего бизнеса в российском ВВП нет корреляции. Несмотря на увеличение объемов субсидий и кредитов, вклад этого сегмента в ВВП составляет чуть более 20 %, в то время как в развитых европейских странах он – свыше 60 %.

Поддержка развития МСП в последние годы происходит на фоне трансформации системы регуляторики. Прежде всего она предполагает снятие законодательного ограничения по доле участия иностранных юридических лиц в уставном капитале субъектов МСП, ранее составлявшей 49 %; изменяются требования к деятельности микрофинансовых организаций; происходит формирование механизма обратной связи для предпринимателей по проводящимся в их отношении проверкам и др.

В рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», реализуемом в РФ с октября 2018 г.¹, поставлены амбициозные задачи по вовлечению в предпринимательскую деятельность граждан России к концу 2024 г. и увеличению численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, до 25 млн чел.; доли малого и среднего предпринимательства в ВВП с 22,3 до 32,5 %; доли экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства, включая

¹ Срок реализации нацпроекта: с октября 2018 по 2024 г. (включительно). Паспорт нацпроекта разработан Минэкономразвития России во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и включает в себя пять федеральных проектов: «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности», «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» и «Популяризация предпринимательства» (Источник: <http://government.ru/info/35563/>).

индивидуальных предпринимателей, в общем объеме несырьевого экспорта с 8,8 до 10 %.

Для решения этих задач государством в рамках финансового блока выделены огромные средства – около 481,5 млрд руб.¹, значительная часть которых будет направлена в субъекты РФ с целью эффективного использования. Огромные объемы финансирования предполагают опережающий рост малого бизнеса по сравнению с крупным бизнесом (почти в полтора раза) [1].

Финансовый блок реализации национального проекта по развитию МСП в РФ на 2019–2024 гг. нацелен:

– *на консолидированную поддержку МСП по выбранным и установленным направлениям*: высокотехнологичные быстрорастущие компании, продукция с высокой добавленной стоимостью, стартапы и сельхозкооперативы по каналам финансирования: Минэкономразвития и ЦБ РФ;

– *акселерацию процесса закупок*: формирование новых возможностей и новых рынков сбыта своей продукции для субъектов малого и среднего бизнеса, создание новой инфраструктуры – Портала Бизнес-навигатора МСП, изменения в качестве закупочной деятельности;

– *новые форматы кредитования по поддержке малого и среднего бизнеса*: расширение линии нишевых кредитных продуктов (льготные кредиты для владельцев бизнеса из Дальневосточного федерального округа, женщин-предпринимателей и др.);

– *расширение региональных инициатив по развитию и финансированию МСП*: бизнес-инкубаторы, технологические индустриальные парки и др.

В последние семь лет институциональная конфигурация сегмента МСП формировалась на фоне падения предпринимательских доходов населения РФ – основного инвестиционного источника его дальнейшего развития. Причинами изменения доходов от предпринимательской деятельности в худшую

¹ Источники Бюджета национального проекта: федеральный бюджет – 416,2 млрд руб., бюджеты субъектов РФ – 11,4 млрд руб., внебюджетные источники – 53,9 млрд руб.

сторону были снижение предпринимательской активности при падающих доходах населения РФ, неоднократная девальвация рубля, непрекращающиеся санкции со стороны Запада, снижение инвестиционного спроса со стороны иностранных партнеров, уменьшение потребительского спроса и осложненная ситуация в международной торговле.

Малые и даже средние фирмы никогда не являлись драйверами экономического роста, поскольку всегда обслуживают крупный бизнес (либо напрямую, либо обеспечивая товарами и услугами работников предприятий крупного бизнеса). МСП может расти только вслед за крупным, когда он наращивает инвестиции. После кризиса 2008 г., введения санкций в 2014 г. ситуация с вложениями крупных компаний в объекты реального сектора экономики не выглядела динамичной.

На этом фоне стало происходить переформатирование сектора МСП, проявились бизнес-барьеры его финансирования.

1. *Ориентация предпринимателей на простые и экономичные организационные формы ведения бизнеса.* Бизнес больше не хочет быть большим¹. Согласно исследованию FinExpertiza, число ИП (индивидуальных предпринимателей) в России превысило число зарегистрированных юридических лиц. При снижении порога рентабельности компании (малый и средний бизнес) МСБ вынуждены были либо уходить в тень, либо переходить на более выгодный налоговый режим. Из-за сложностей с получением кредита, в связи с административным давлением МСБ начал переходить к более рациональным организационным формам, например, ИП, поскольку преимущества образования юридического лица фактически теряются.

2. *Консолидация на рынке микрофинансирования.* Поведенческие характеристики рынка микрофинансирования на протяжении последних пяти лет менялись кардинальным образом: сокращалось общее число МФО на фоне увеличения доли круп-

¹ Трубникова Е. Бизнес больше не хочет быть большим: тренды бизнес-демографии. [Электронный ресурс]. URL: <https://finexpertiza.ru/solutions/actual-topics/biznes-ne-hochet-byt-bolshim/> (дата обращения: 16.06.2021).

ных компаний. С одной стороны, это негативная тенденция, которая приведет к нарушению уровня здоровой конкуренции. С другой стороны – это эволюционный процесс, свидетельствующий о переходе отрасли на более зрелую стадию развития ее жизненного цикла¹.

3. *Недоступность финансирования для многих фирм МСП.* По данным опроса и совместного исследования «Опоры России», Промсвязьбанка и исследовательской компании Magram Market Research, почти каждый второй представитель МСП получает отказ в кредите (в ЕС, по данным «Опоры России», лишь 27 % предпринимателей жалуются на недоступность кредитования)². Несмотря на то, что государство активно субсидирует льготные ставки, большинство предпринимателей не соответствуют завышенным требованиям госпрограмм и оказываются отрезанными от льготного финансирования. Имеются бизнес-барьеры в получении льготного кредита МСПБа:

со стороны банков

Финансово-экономические: нестабильное состояние заемщика, его излишняя долговая нагрузка, отрицательная кредитная история, включающая неоднократные арбитражные разбирательства.
Неадекватная оценка залога: банки намеренно занижают ее, формируя ее величину с позиции ликвидности – моментальной продажи в конкретный момент, а не с позиции рынка.

со стороны предпринимателей

Информационные: недостаточная осведомленность о льготных программах.
Экономические: из-за снижения ключевой ставки ЦБ проценты по стандартным банковским программам кредитования приближаются к льготным.
Соккрытие реального финансового состояния бизнеса: МСП занижают прибыль для уменьшения налоговой базы,

¹ Долговая перенагрузка: МФО закрывают офисы, чтобы не разориться [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/903995/2019-07-29/polovina-mikrofinansovykh-organizatsii-mogut-uiti-s-rynka> (дата обращения: 16.06.2021).

² Доступность финансовых ресурсов стала главной проблемой бизнеса. [Электронный ресурс]. URL: <https://srb62.ru/arc/politics/vlast-i-politika/dostupnost-finansovykh-resursov-stala-glavnoy-problemoj-biznesa/> (дата обращения: 16.06.2021).

Длительный период рассмотрения кредитной заявки (иногда по нескольку месяцев) и отказ в получении без объяснения причин.

Жесткие критерии ЦБ формируют узкий сегмент идеальных заемщиков из сектора МСП (2–3 %).

Источник: Предприниматели назвали основные барьеры для роста бизнеса в России (материалы опроса «Опора России», Промсвязьбанка и исследовательской компании Magram Market Research [Электронный ресурс]. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5c8786c19a794726e30f589a> (дата обращения: 16.06.2021).

Для того чтобы кредитование МСП стало более доступным, требуются не только меры макроэкономического характера (стабилизация инвестиционного климата, рост располагаемых доходов населения и т.д.), но и комплекс мер институционального и финансового характера со стороны ЦБ и МЭР. С этой целью в 2019 г. ЦБ РФ дополнил список уполномоченных финансовых учреждений новыми банками; расширил перечень субсидируемых отраслей и сократил минимальный размер займа; начал использовать более лояльные требования к формированию резервов на вероятные потери по займам для сектора МСП [2; 3].

В 2020 г. коронавирусный кризис дополнительно усилил сложившиеся негативные тренды. Общая численность субъектов МСП (данные ФНС учитывают индивидуальных предпринимателей (ИП) и юридических лиц) на 10 января 2021 г. составила 5 684 561, что на 3,9 % меньше, чем на аналогичную дату 2020 г. Число юридических лиц снизилось на 6,2 % – до 2 371 915, число ИП также сократилось на 2,2 % и составило 3 312 646¹.

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства / ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://tmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 16.06.2021); Число занятых в сегменте малого и среднего предпринимательства в РФ выросло за год на 1,1 % [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/msp/10451043> (дата обращения: 16.06.2021).

Ковидный кризис 2020 г. привел к падению доли кредитов субъектам МСП в общем кредитном портфеле бизнеса: в 2018 г. она была равна 15 %, в 2019 г. – 14 %, а по итогам 2020 г. составила примерно 10 %¹. Хотя сектор МСБ серьезно ощутил на себе влияние противоэпидемиологических мер и падения доходов населения, действенность антикризисных шагов государства демпфировала в значительной мере глубину возможного спада. Субъекты малого и среднего предпринимательства в 2020 г. получили возможности приобретать муниципальное и государственное имущество, право на отсрочку выкупных платежей на срок от шести месяцев до одного года, в случае приобретения арендуемого государственного или муниципального имущества. Был введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве; отсрочка по налогам и взносам для МСП из пострадавших отраслей. Принятый Государственной Думой 27 мая 2020 г. закон, предлагал отдельные меры государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства распространить на самозанятых. В период пандемии были введены налоговые послабления: временная приостановка проверок бизнеса; государственное обеспечение кредитов на зарплаты; авансы по госконтрактам².

Вместе с тем ситуация с кредитованием МСП остается сложной. Согласно данным агентства «Эксперт РА», в 2020 г.³:

– коммерческие банки выдали субъектам МСБ кредитов на общую сумму 7,6 трлн руб., что всего на 2 % ниже уровня 2019 г.;

¹ Прогноз кредитования малого и среднего бизнеса: выжившие [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/banks/msb_2021/ (дата обращения: 16.06.2021).

² Поддержка бизнеса в период распространения коронавируса: что сделано [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48315/> (дата обращения: 16.06.2021).

³ Прогноз кредитования малого и среднего бизнеса: выжившие [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/banks/msb_2021/ (дата обращения: 16.06.2021).

- без учета кредитов с господдержкой спад выдачи кредитов МСБ составил бы около 22 % по сравнению с 2019 г.;
- задолженность МСБ выросла почти на 23 %, показав максимальный прирост с 2012 г.;
- средний размер предоставленного кредита снизился до 4,2 против 6,5 млн руб. в 2019 г.;
- количество субъектов МСБ, имеющих задолженность в банках, выросло с 275,2 до 464,8 тыс.;
- средневзвешенная ставка по кредитам субъектам МСБ опускалась до 7,54 %, что является самым низким значением за весь период наблюдения.

Как представляется, в постковидный период властным структурам федерального и регионального уровня следует продолжать программы поддержки МСП¹. В краткосрочном периоде (2021–2023 гг.) на фоне динамичного выхода российской экономики из рецессии это может привести к появлению новых субъектов МСП, в том числе в сельском хозяйстве, высокотехнологичных и других производствах.

Список литературы

1. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 88 с.
2. Земцов С.П., Михайлов А.А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса в 2020 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 4. С. 34–45.
3. Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 71–95.

¹ В Счетной палате ожидают появления новых субъектов МСП в 2021–2022 годах [Электронный ресурс]. URL:<https://news.rambler.ru/community/46625434-v-schetnoy-palate-ozhidayut-poyavleniya-novyh-subektov-msp-v-2021-2022-godah/> (дата обращения: 16.06.2021).

Новая экономическая политика – границы изучения

УДК 94:338(470)«1850/1929»

В.В. Кондрашин¹

Нэп в контексте аграрных реформ в России эпохи индустриальной модернизации

V.V. Kondrashin

NEP in the Context of Agrarian Reforms in Russia During Industrial Modernization

Аннотация. Исторически закономерная и необходимая индустриальная модернизация России осуществлялась прежде всего за счет внутренних источников, главным из которых было сельское хозяйство и крестьянство. Обусловленная внешним фактором и задачей укрепления российской государственности, она предопределила проведение в России аграрных реформ в 1861 г. и в начале XX в. (преобразования С.Ю. Витте – П.А. Столыпина), которые были «новой экономической политикой», изменившей производственные отношения в аграрном секторе. Но результаты «нэпа» в самодержавной России оказались противоречивыми: значительный рост сельскохозяйственного производства не предотвратил крестьянской революции, уничтожившей и созданный в результате реформ аграрный строй, и само самодержавие. В данном контексте феномен нэпа уникален: вызванный внутренними причинами и весьма успешный с точки зрения решения чисто хозяйственных проблем, он тем не менее был сломан большевистским режимом под давлением того же, что и в царское время внешнего фактора. Но в отличие от самодержавия, форсированная и осуществленная за счет жесточайшей эксплуатации крестьянства индустриальная модернизация страны оказалась успешной.

¹ **Кондрашин Виктор Викторович**, доктор исторических наук, руководитель Центра экономической истории, Институт российской истории Российской академии наук, Россия, Москва, e-mail: vikont37@yandex.ru

Kondrashin Viktor Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Center of Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: vikont37@yandex.ru

Ключевые слова: модернизация, Крестьянская реформа 1861 г., Столыпинская реформа, нэп, крестьянство, протесты, община.

Вторая половина XIX – первая половина XX в. – время индустриальной модернизации России. Именно ради ее ускорения и были проведены в указанный период аграрные реформы сначала в самодержавной, а затем и в советской России. Причем аграрно-крестьянский вопрос всегда оставался основным, оказывающим огромное влияние на судьбы страны в целом и на процесс ее индустриальной модернизации в частности [1; 2].

Общим для аграрных преобразований в России со второй половины XIX в. и до периода нэпа была их обусловленность внешними и внутренними потрясениями: в 1861 г. – это поражение в Крымской войне, в конце XIX – начале XX вв. – мировой аграрный кризис, голод 1891–1892 гг., Первая русская революция, в 1917 г. – Первая мировая война и Великая российская революция, в 1921 г. – Гражданская война.

Нэп не являлся какой-то особой политикой с точки зрения исторического опыта аграрных реформ в России. Он был обусловлен войной и хозяйственной разрухой. В этом контексте следует понимать его общие черты с предшествующими аграрными преобразованиями.

Общей была и цель нэпа: с одной стороны, вывод аграрной экономики из состояния кризиса, стагнации или же недостаточных темпов развития с точки зрения государственных интересов, а с другой – успокоение деревни, устранение в ней причин, порождавших социальную напряженность и антигосударственный настрой крестьянства. Причем последнее обстоятельство доминировало, так же, как и в периоды проведения Великой крестьянской реформы 1861 г., Столыпинской аграрной реформы, аграрных преобразований советской власти конца 1917 – начала 1918 г.

В самых значимых аграрных преобразованиях в России второй половины XIX – первых десятилетий XX в. крестьянство выступало не только объектом этих преобразований, но и субъектом. Применительно к событиям накануне нэпа данная зако-

номерность очень ярко проявилась в 1917 г. – в общинной революции «черного передела», и в 1920–1921 гг. – в антоновщине – крестьянском восстании в Тамбовской губернии на почве недовольства крестьян продразверсткой и тяготами Гражданской войны [3, с. 23–24].

В контексте аграрных реформ в России нэп – это своего рода «крестьянское достижение», тот случай, когда власть под давлением крестьянства и угрозой экономического коллапса страны из-за нежелания и невозможности последнего поднимать уровень сельскохозяйственного производства вынуждена была отступить от избранного экономического курса и фактически пойти «на поводу» у большинства населения страны, удовлетворив его чаяния. Подобных уступок крестьянству в дореволюционный период самодержавие не делало. Оно решительно подавляло крестьянское движение [4].

Если охарактеризовать влияние аграрных реформ царского правительства на сельское хозяйство страны и ее экономику в целом, то можно констатировать их позитивное влияние на рост валовых показателей сельскохозяйственного производства, его товарности (особенно зерновых культур и некоторых видов животноводческой продукции) [5]. В то же время их результатом была неравномерность экономического развития аграрных регионов России. Наиболее успешно развивались районы зернового и животноводческого товарного производства на Юге России и в Сибири [6; 5; 7]. В центральной России, в эпицентрах сосредоточения помещичьего землевладения, ситуация была иной: наблюдался незначительный рост сельскохозяйственного производства, сохранялись малоземелье, бедность крестьянского населения [5, с. 443–451]. В 1917 г. именно здесь возникнет очаг крестьянской революции, уничтоживший старый аграрный строй.

А какова была ситуация в годы нэпа с точки зрения развития сельскохозяйственного производства? Чем она отличалась от дореволюционной, в период аграрных реформ и революций?

Предпринятые советским правительством меры в рамках нэпа по восстановлению и стимулированию сельского хозяйства стра-

ны (свободный выбор форм землепользования, разрешение аренды земли, найма рабочей силы, право свободной торговли и т.д.) оказали позитивное влияние на сельскую экономику: к середине 1920-х гг. был восстановлен дореволюционный уровень зернового хозяйства и большинства отраслей животноводства [8].

Тем не менее нэп не обеспечил политической стабильности в стране, как и предшествующие ему аграрные реформы. Более того, именно во время нэпа, во второй половине 1920-х гг., начался очередной конфликт между крестьянством и властью. Его главной причиной был взятый большевистской партией курс на форсированную индустриализацию страны за счет ресурсов советской деревни. Возможности его реализации оказались ограниченными, с одной стороны, из-за низкой товарности сельскохозяйственного производства, основанного на труде единоличных крестьянских хозяйств, а с другой – из-за нежелания крестьян продавать государству свою продукцию на невыгодных условиях («ножницы цен», кризисы хлебозаготовок) [9; 10; 11; 12]. Ничего подобного не было в дореволюционной России, за исключением периода Первой мировой войны.

В 1927 г. во взаимоотношениях крестьянства и советского государства ярко проявился политический фактор: нежелание значительной массы крестьян защищать власть в случае войны («пораженческие настроения») [13, с. 208]. В этом же ряду движение за «Крестьянский союз», «крестьянский террор» против представителей власти (за 1924–1927 гг. 2 853 зарегистрированных ОГПУ факта) [14; 15].

В период кризисов хлебозаготовок проявились региональные особенности нэпа – экономическая специализация регионов как наследие предшествующего их развития в результате аграрной политики царского самодержавия. Кризис хлебозаготовок и ответные меры власти по его преодолению в первую очередь коснулись районов товарного зернового производства (Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири). В дальнейшем именно они станут зонами сплошной коллективизации [16].

Обращаясь к теме кризиса хлебозаготовок, завершившегося сломом нэпа и переходом к насильственной коллективизации, исследователи ведут дискуссию об альтернативах данному ходу событий, а в более широком смысле – о потенциале нэпа. Например, В.П. Данилов считал, что нэп мог бы успешно продолжаться, если бы была реализована «бухаринская альтернатива» в виде государственной поддержки процесса кооперации и развития единоличных крестьянских хозяйств [17; 18; 19, с. 122–148].

Ряд исследователей подвергли сомнению данную позицию, указав, что «бухаринская альтернатива» не могла быть реализована из-за поражения Бухарина и «правой оппозиции» в борьбе за власть, потери кооперацией ее общекрестьянского характера в результате огосударствления, невозможности остановить набравшую темпы индустриализацию [20; 21; 22, с. 317–319]. Дискуссия о причинах слома нэпа продолжается.

По мнению автора настоящей статьи, этими причинами были следующие:

Во-первых, победа сталинского руководства в борьбе за власть и устранение от власти «правой оппозиции», выступавшей за сохранение нэпа [23].

Во-вторых: умелое подавление крестьянского недовольства и протеста. Если царское правительство, при всех его усилиях, особенно в период Столыпинской аграрной реформы, так и не смогло разрушить общину как главный инструмент крестьянской борьбы с властью, и община показала свою мощь в 1917 г., то сталинскому руководству это удалось с помощью законодательного устранения общины от решения главных для крестьян вопросов – землепользования и налогового обложения, и передачи их советам, превращения последних за счет ликвидации избирательных прав активистов общины и выдвижения в советы своих сторонников в опорные пункты раскулачивания, хлебозаготовок и коллективизации [24]. При этом сельские активисты, сторонники «нового курса», были вооружены привлекательной для широких масс идеологией механизации, тракторизации сельского хозяйства страны, коллективного труда,

культурной революцией. Ничего подобного не было в дореволюционной деревне [25].

В отличие от царского самодержавия советская власть была прочной и успешной, как на внутреннем, так и на внешнем фронте, не знала поражений. Также она имела успешный опыт борьбы с крестьянским повстанчеством в годы Гражданской войны. Основываясь на этом опыте, а также уроках 1917 г., когда деревня оказалась наводнена оружием дезертировавших с фронтов Первой мировой войны крестьян, успешно применивших его против помещиков и власти, в годы нэпа ОГПУ были проведены операции по изъятию из деревни оружия. Поэтому к началу сплошной коллективизации советская деревня оказалась безоружной, и новые «антоновщины» и «махновщины» были уже невозможны, несмотря на широкий крестьянский протест [13, с. 210].

В годы нэпа начавшаяся «советская» индустриализация, как продолжение «царской», оказалась успешной с точки зрения принуждения деревни к ее тяготам и издержкам. Новой «крестьянской революции» в ответ на насильственную коллективизацию, «сломавшую» нэп в советской деревне, не произошло. В конечном итоге, ценой страданий и миллионных жертв крестьянства в СССР в годы первых пятилеток был создан военно-промышленный комплекс, обеспечивший победу в Великой Отечественной войне. При этом колхозный строй показал себя с самой лучшей стороны с точки зрения реакции колхозников на военные испытания. Они обеспечили армию и тыл продовольствием и сырьем, т.е. стали фактором Победы [26].

Как известно, в годы Первой мировой войны все было по-другому. Крестьяне, частновладельческие хозяйства сорвали государственные заготовки хлеба, а в 1917 г., в трудное для страны время, крестьянство стало фактором краха самодержавного режима [27]. Об этом необходимо помнить, анализируя нэп и его слом сталинским режимом в контексте других аграрных реформ в России, особенно Столыпинской аграрной реформы.

В контексте аграрных реформ в России эпохи индустриальной модернизации нэп – это успешная политика восстановления аграрного сектора экономики страны. Его феномен позволяет исследовать потенциал индивидуальных крестьянских хозяйств с точки зрения обеспечения ускоренных темпов индустриализации.

Конфликт крестьянства и власти в годы нэпа на этой почве – результат прежде всего антикрестьянской политики сталинского руководства.

Список литературы

1. *Бабашкин В.В.* Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М.: Изд-во РГАЗУ, 2007. 225 с.

2. Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год 1999: мат-лы междунар. симп. (Москва, 15–16 января 1999 г.). М.: МВШСН, 1999. С. 103–108.

3. *Кондрашин В.В.* К 100-летию трагедии: голод 1921–1922 гг.: причины, масштабы, помощь голодающим // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск: ИД САФУ, 2021. Вып. 4-5. С. 22–34.

4. *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. Вып. 26. 286 с.

5. *Кондрашин В.В.* Сельское хозяйство России и аграрная политика самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2020. М.: ИРИ РАН, 2021. С. 409–461.

6. *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.

7. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 304 с.

8. *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 536 с.

9. *Вербицкая О.М.* Крестьянская семья в годы нэпа // Нэп: Экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 417–426.

10. *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 342 с.

11. *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: РОССПЭН, 2009. 182 с.

12. *Taniuchi Yu.* Decision-making on the Ural-Siberian Method // Soviet History, 1917–1953. N.Y.: St. Martin's Press, 1995. P. 78–103.

13. *Кондрашин В.В.* Крестьянская община и насильственная коллективизация: к вопросу о причинах успеха в советской деревне сталинской «революции сверху» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Проблемы аграрного развития России XIV – XX в. Воронеж: Издат.-полигр. центр «Научная книга», 2020. С. 202–215.

14. *Кондрашин В.В.* Социальная напряженность в советской деревне в годы нэпа как фактор политической нестабильности и предвестник сталинской коллективизации // Региональное изменение аграрной модернизации в России: мат-лы VIII Всерос. (XVI регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Саранск, 16–17 сентября 2020 г.). Саранск, 2020. С. 18–25.

15. *Куреньшев А.А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М.: Гос. ист. музей, 2000. 222 с.

16. *Кондрашин В.В.* Региональные и национальные особенности голода в СССР в 1932–1933 гг. // Труды Института российской истории РАН. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 196–219.

17. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 317 с.

18. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.

19. *Данилов В.П.* История крестьянства в России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Рос. полит. энцикл., 2011. С. 630–648.

20. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.

21. *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: ИРИ РАН, 1997. 155 с.

22. *Кондрашин В.В.* Люди во времени: записки историка. Пенза; Саранск, 2012. 563 с.

23. Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1927–1929 гг.: в 5 т. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000.

24. *Taniuchi Yu.* The village Gathering in Russia in the Mid. 1920's. Birmingham, 1968.

25. *Окуда Х.* К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа // Российская история. 2018. № 4. С. 14–16.

26. *Кондрашин В.В., Сухова О.А.* Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 4. С. 979–992.

27. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в революции 1917 года // Первый Всероссийский съезд преподавателей истории в вузах России. Москва, 16–17 ноября 2017 г.: Мат-лы съезда. М.: Издательство Наука, 2017. С. 273–288.

**О смене парадигм в исследованиях экономики
Советской России в ходе НЭПа
в период 1920-х – начала 1980-х годов**

D.V. Voronin, I.N. Lozbenev

**On the Paradigm Shift in the Research
of the NEP Period of the 1920s – Early 1980s**

Аннотация. В статье рассматриваются этапы исследований, посвященных новой экономической политике. Авторами анализируются позиции исследователей по вопросам периодизации становления советской историко-экономической науки, сущности переходного периода, формирования финансово-денежной системы, многоукладности, госкапитализма, причин отмены НЭПа. Особый интерес вызывают работы исследователей 1920-х гг., когда сложились многие теоретические положения, которые доминировали на протяжении всего советского и отчасти постсоветского периода. Для советской историографии по вопросу о НЭПе характерно влияние политической конъюнктуры.

Ключевые слова: новая экономическая политика, многоукладность, товарно-денежные отношения, административно-командная и мобилизационная экономики.

Эпоха НЭПа особняком стоит в истории Советского периода нашей страны. Феномен новой экономической политики до сих пор привлекает к себе многих исследователей. Причины

¹ **Воронин Дмитрий Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск, e-mail: voronin-tsu@yandex.ru

Лозбенеv Игорь Николаевич, доктор исторических наук, учитель истории, Академическая школа № 1534, Россия, Москва, e-mail: Igor_1511@mail.ru

Voronin Dmitry Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk, e-mail: voronin-tsu@yandex.ru

Lozbenev Igor Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, History Teacher, Academic School No. 1534, Russia, Moscow, e-mail: Igor_1511@mail.ru

притягательности 1920-х гг. очевидны – это единственный этап советской истории, когда частный сектор производства и необходимая для его развития рыночная экономика существовали на вполне законных основаниях. Многоукладность, включение государственных предприятий в товарно-денежные отношения, существование в Советской России иностранного капитала в форме концессий, позволяли авторам изучать способы реализации государственной экономической политики в условиях рыночной конъюнктуры. Однако в разные периоды советской истории государственная политика влияла на особенности исследовательской позиции, задавая ракурсы изучения НЭПа, а нередко и предопределяла выводы.

Вопрос о путях развития страны всегда был актуальным, как для советского общества, так и для руководства Советской России. Поиск альтернативных путей социально-экономического развития после прихода большевиков к власти начался после Октябрьской революции. Придя к руководству страной в условиях незаконченной Первой мировой войны, практически сразу переросшей в Гражданскую, руководители Советской России были вынуждены выбирать чрезвычайные формы как руководства страной, так и управления экономикой. Методом проб и ошибок, под влиянием внешнего военного и политического давления, в Советской России к 1920 г. сложилась система «военного коммунизма», когда под контроль государства попала вся крупная и значительная часть средней и мелкой промышленности, внутренняя торговля была заменена системой распределения, в отношении внешней существовала государственная монополия, крестьянство сдавало весть «излишний» хлеб по продовольственной разверстке.

Подобная концентрация ресурсов позволяла победить в войне, но оказалась абсолютно неприемлемой для основной массы крестьян, после ее окончания. Ответом на попытку большевиков сохранить систему «военного коммунизма» стала волна крестьянских восстаний, охватившая значительную часть страны. Стройные планы восстановления народного хозяйства в

послевоенный период стали рушиться. Однако от VIII Съезда Советов, где эти планы были озвучены, до X Съезда РКП(б), который провозгласил курс на НЭП, прошло не более трех месяцев, поэтому переход стал неожиданностью для многих представителей руководства Советской России, и вызвал жаркие дискуссии. Под влиянием масштабных крестьянских волнений, усиленных Кронштадтским восстанием, лидеры большевиков вынуждены были резко перестраивать послевоенную внутреннюю политику. Отмена продразверстки и введение вместо нее продовольственного налога не только уменьшило объемы поставок хлеба в города, но и заставляло искать другие способы удовлетворения потребностей населения. Все это требовало постепенно вводить элементы рынка в экономику страны. Фактически большевики, сторонники государственного управления были вынуждены сами уступить частному предпринимателю решающее влияние в продовольственном снабжении населения. Многие декреты и реформы 1921–1922 гг., направленные на решение вопросов экономики, несли на себе отпечатки подобной двойственности.

Предсказуемым итогом развития Советской России стал отказ от НЭПа, практически сразу после восстановления экономики страны в конце 1920-х гг. Данная неоднозначная ситуация отразилась и в работах специалистов 1920-х гг. Наиболее общие теоретические аспекты развития советской экономики, причем затрагивавшие различные сферы экономики, деревни, городской промышленности, финансов, рассмотрены в работах Н.Д. Кондратьева [1]. Среди крупных специалистов, изучавших экономику российской деревни в годы НЭПа, можно назвать имена А.В. Чаянова, А.И. Хрящевой, В.А. Деревицкого [2; 3; 4]. Рассматривая особенности развития сельского хозяйства в годы НЭПа, они особое внимание обращали не только на внутренние ресурсы самих крестьянских хозяйств, но и на потенциальные возможности кооперации в деревне, в чем часто сходились во мнениях на тенденции развития экономики с некоторыми советскими руководителями. Представляется, что особое место в

корпусе исследований экономики 1920-х гг. составляют работы, созданные по указанию Председателя ВСНХ СССР в 1924–1926 гг. Ф.Э. Дзержинского. Будучи не только крупным руководителем государственной промышленности, но и сторонником расширения деятельности частного капитала, Феликс Эдмундович стремился изучить как степень развития негосударственного сектора промышленности и торговли, так и формы его взаимодействия с государственной экономикой. Именно эти задачи пытались решить работы М.М. Жирмунского [5; 6].

Кардинальные изменения в экономической политике страны, резкий и масштабный переход к индустриализации и коллективизации, отказ от рыночных элементов в экономике привел к временному падению интереса к экономической жизни страны периода НЭПа. В отдельных работах новая экономическая политика перестает фигурировать как самостоятельный период развития страны. Так, первое издание Большой советской энциклопедии 1939 г. обозначило основу НЭПа следующим образом: «Новая экономическая политика – особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капитализма и социализма, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [7, с. 207]. Хотя подобная точка зрения на НЭП и не устояла, но является характерной.

Послевоенный период развития СССР, особенно его этап, начавшийся после смерти И.В. Сталина, принес и некоторое обновление подходов к изучению экономики периода 1920-х гг. Однако отклоняться от партийных установок было сложно. Как следствие, историки, работавшие в тот период, выбирали ограниченный круг тем, связанных с успехами государственного социалистического строительства и руководящей ролью партии в экономической жизни Советского государства, при этом

данные вопросы рассматривались, чаще всего, через призму классовой борьбы. Среди крупных научных работ этого периода можно указать на исследования А.А. Арутюняна, Б.Л. Маркуса, Г.Е. Глезермана, Э.Б. Генкиной [8; 9; 10; 11].

В 1960-х – первой половине 1980-х гг. спектр изучаемых проблем значительно расширяется. В этот период проявился значительный интерес к политическим проблемам, проходившим в стране в период НЭПа, развернулось изучение внутрипартийных политических дискуссий и деятельности внутрипартийной оппозиции. Этой проблеме были посвящены работы Б.И. Макарова, А.Я. Вяткина, В.М. Иванова [12; 13; 14]. Большой интерес исследователей вызвала проблема социального состава населения России 1920-х гг., классовая борьба в советском обществе, место государства в развитии указанных процессов. На данном направлении работали Ю.С. Кукушкин, И.Я. Трифонов, А.А. Матюгин, В.П. Данилов, Ю.А. Поляков, В.М. Селунская [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]. Особое место среди исследований НЭПа в этот период занимало изучение общих тенденций развития экономики СССР в 1920-х гг. Данные проблемы были рассмотрены в работах А.И. Коссого, А.Л. Вайнштейна, Г.Л. Рубинштейна, В.С. Лельчука [24; 25; 26; 27] и других авторов. В 1960–1980-е гг. впервые в историографии НЭПа после 1920-х гг. появляются работы, посвященные частному сектору в рамках советской экономики. Этой тематике были посвящены работы В.А. Архипова, Л.Ф. Морозова, В.П. Дмитренко [28; 29; 30].

Рассматривая в целом историографию данного периода, необходимо отметить, что к середине 1980-х гг. учеными была проделана большая работа по изучению страны в период НЭПа. В эти годы был собран и систематизирован обширный материал, посвященный развитию политических, экономических, социальных процессов, протекавших на территории Советской России в 1920-х гг. Ученые активно изучали многоукладный характер экономики страны, возникающие в связи с этим особенности развития хозяйственных процессов. Определенную сложность

при изучении НЭПа создавала идейно-политическая цензура и самоцензура. Исследователи должны были доказывать правильность выбранного партией большевиков курса развития страны и итогов ее деятельности. Однако указанные проблемы не снижают значимости проведенной научной работы. В 1920-х – первой половине 1980-х гг. накапливалась научная информация, осмысливалась и анализировалась. Можно сказать, что, несмотря на весь масштаб перемен, начавшихся в нашей стране во второй половине 1980-х гг., ученые, исследовавшие многоукладную экономику НЭПа, были готовы ответить на вызовы реформировавшегося общества.

Список литературы

1. *Кондратьев Н.Д.* Избранные произведения. М.: Наука, 1993. 720 с.
2. *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства // *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. 492 с.
3. *Хрящева А.И.* Группы и классы в крестьянстве. М.: ЦСУ, 1926. 172 с.
4. *Деревицкий В.А.* Общества взаимного кредита. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1928. 110 с.
5. *Жирмунский М.М.* Частный капитал в товарообороте. М.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1924. 168 с.
6. *Жирмунский М.М.* Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М.: Финансовое изд-во, 1927. 190 с.
7. Большая советская энциклопедия. М., 1939. Т. 42. 831 с.
8. Развитие советской экономики / под ред. А.А. Арутюняна, Б.Л. Маркуса. М.: Соцэкгиз, 1940. 664 с.
9. *Глезерман Г.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М.: Госполитиздат, 1949. 492 с.
10. *Генкина Э.Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М.: Госполитиздат, 1954. 504 с.

11. СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М.: Госполитиздат, 1955. 596 с.
12. Макаров Б.И. Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР. М.: Мысль, 1965. 104 с.
13. Вяткин А.Я. Разгром коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 176 с.
14. Иванов В.М. Из истории борьбы партии против «левого оппортунизма». Л.: Лениздат, 1965. 280 с.
15. Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 294 с.
16. Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М.: Госполитиздат, 1960. 279 с.
17. Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в начале НЭПа (1921–1923 гг.) Ч. 2: Подготовка экономического наступления на новую буржуазию. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 288 с.
18. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975. 406 с.
19. Матюгин А.А. Рабочий класс в СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 364 с.
20. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 317 с.
21. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.
22. Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 511 с.
23. Селунская В.М., Поляков Ю.А., Кукушкин Ю.С. Изменение социальной структуры общества 1921 – середина 1930-х гг. М.: Мысль, 1972. 343 с.
24. Коссой Л.И. Государственный капитализм в условиях строительства социализма. М.: Наука, 1975. 307 с.
25. Вайнштейн А.Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. М.: Наука, 1972. 190 с.

26. *Рубинштейн Г.Л.* Развитие внутренней торговли в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 396 с.
27. *Лельчук В.С.* Индустриализация в СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
28. *Архипов В.А., Морозов Л.Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле в 20-е – начале 30-х гг. М.: Мысль, 1978. 263 с.
29. *Архипов В.А.* Политика советского государства по отношению к частной торговле и промышленности в период НЭПа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 1983.
30. *Дмитренко В.П.* Торговая политика советского государства после перехода к НЭПу. 1921–1924 гг. М.: Наука, 1971. 269 с.

**Обочины магистральной дороги:
сибирский опыт изучения новой экономической
политики на территориальных окраинах
и в «периферийных» отраслях экономики**

V.M. Rynkov

**Roadsides of the Main Road: Siberian Experience
of Studying the New Economic Policy on the Territorial
Outskirts and in “Peripheral” Sectors of Economy**

Аннотация. Традиционно, при изучении эпохи НЭПа, историки концентрировались на магистральных темах экономической политики. Сибирская историография не исключение. Но суровость края подталкивала ставить и другие цели – познание специфики нэпа на периферии, на далеких рыбных промыслах, таежных золотых приисках, у кочевых коренных сибирских народов. В статье основное внимание уделено современной сибирской историографии, в которой сложились целые направления по изучению таких периферийных аспектов НЭПа. Именно в них наиболее заметна асинхронность социально-экономических процессов, а порой и их противоположная направленность. Когда в центре страны усиливались рыночные механизмы регулирования экономики, вдали от центра шло становление советской власти, сопровождавшееся этатизацией хозяйственных отношений, причем весьма относительной, т.к. географическая окраина всегда отличалась большей свободой экономических взаимодействий. В работе намечены основные направления изучения современными историками НЭПа на окраинах и во второстепенных отраслях экономики, впрочем, имевших большое значение для сибирского населения.

¹ **Рынков Вадим Маркович**, кандидат исторических наук, директор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: vadsvet@list.ru

Rynkov Vadim Markovich, Candidate of Historical Sciences, Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: vadsvet@list.ru

Ключевые слова: новая экономическая политика, охота, рыболовство, кочевое скотоводство, Сибирь, Дальний Восток.

Магистральная российская историография в последние два десятилетия сохраняет дань традиции в определении структуры реформ, охватываемых понятием «новая экономическая политика» и их хронологических рамок. Прежде всего НЭП касался регулирования сельскохозяйственного производства, и преобразования в этой сфере являлись стержнем реформ. Столь же значимым было регулирование в сфере промышленного производства, торговли, денежная реформа, преобразования кредитно-банковской и налоговой систем. В отношении приоритетных направлений реформ в исторической науке давно установился консенсус, в целом адекватно отражающий структуру советских преобразований.

В сибирской и дальневосточной историографии присутствуют те же магистральные направления исследования НЭПа, что и в других регионах, с той небольшой поправкой, что наряду с проблемой динамики налогообложения крестьянских хозяйств и его влияния на социальную дифференциацию сибирской и дальневосточной деревни, хлебозаготовок, для западносибирского макрорегиона имеет значение состояние молочного животноводства и динамика маслозаготовок. В последние годы больше внимания исследователи стали уделять социальной жизни деревни, трансформации хозяйственного уклада под влиянием государственной экономической политики. Примечательно, что если заготовки исследуются преимущественно на материалах Западной Сибири, то социальные аспекты активно разрабатывают восточносибирские историки. Но этот историографический мейнстрим все же не оттеняет достаточно мощного историографического потока литературы, сконцентрировавшейся на отраслевых и географических особенностях сибирской и дальневосточной экономики.

В Сибири и на Дальнем Востоке экономические реформы 1920-х гг. имели свои особенности. Прежде всего они связаны с обширностью слабо освоенных и редко заселенных территорий,

что с неизбежностью накладывало печать на административную политику советского государства. Глубокую специфику имело и соотношение хозяйственных укладов восточных регионов. При относительно слабом развитии промышленности земледелие являлось основным занятием сельского населения только в юго-западной лесостепной части. Это обстоятельство делало сельское хозяйство указанных районов вполне сопоставимым с европейской частью страны. Рассчитанная на торгово-промышленные городские центры и земледельческие районы новая экономическая политика сводилась преимущественно к регулированию торгово-промышленной деятельности и производящего крестьянского хозяйства, их кредитно-денежному обеспечению. На остальной территории преобладало присваивающее хозяйство, в которое с конца XIX в. решительно вторгались современные технологии, позволявшие наращивать производительность присвоения природных ресурсов. В результате для Сибири и Дальнего Востока в 1920-е гг. в целом большое значение играли такие отрасли, как охота и рыболовство, пчеловодство, кочевое скотоводство, включая такие его особые типы, как горное и арктическое (оленоводство, мараловодство и т.д.), сбор ягод, грибов и шишек.

Указанные особенности отразились на сибирской историографии НЭПа в двух аспектах. Во-первых, рассматривая эпоху советских реформ 1920-х гг. в целом в макрорегиональных, региональных и локальных территориальных рамках, историки больше внимания уделяли тем сторонам экономической жизни, которые вне Сибири и Дальнего Востока воспринимались как тематическая периферия, нечто совершенно не значимое и не определявшее существо НЭПа. Во-вторых, достаточно широк круг исследований, в которых специально рассмотрены именно окраинные модели НЭПа в целом или особенности экономической политики 1920-х гг. в значимых для восточных регионов, но незаметных в макроэкономических масштабах отраслях.

Начатая еще советской исторической наукой, активно продолжает разрабатываться история транспортного и промышленного освоения пространств Российского Севера, а 1920-е гг. обозначены исследователями как ее важный этап. С одной стороны, отсутствие инвестиций отразилось длительной заморозкой достаточно амбициозных проектов строительства новых железнодорожных магистралей, призванных заложить основы российского индустриального рывка на север и северо-восток. С другой стороны, произошла архаизация не только в состоянии транспорта, отброшенного Гражданской войной и разрухой на много лет назад по обеспеченности подвижным составом и топливом, объему и структуре грузоперевозок. Произошла реанимация архаичных схем транспортировки грузов водными путями через систему рек и речных каналов, а также интенсивно использовался Северный Морской путь, для успешной эксплуатации которого еще долго отсутствовали реальные технические возможности. Возросла роль гужевых перевозок, что в условиях сибирских и дальневосточных расстояний обернулось колоссальной дороговизной грузов в конечных пунктах потребления, отбросив экономику восточных регионов во времена господства локального рынка и натурального хозяйства. Закономерен в этом случае и более затяжной упадок производительных сил в сравнении с центральными и южными районами страны и длительный восстановительный процесс, и рецидивы голода в середине 1920-х гг. в связи с полным распадом системы народного продовольствия и отсутствием ей полноценной замены [1, с. 77–80].

Крестьянскому хозяйству районов Севера и Дальнего Востока посвящена незначительная историография. Она свидетельствует об интегральности, комплексности сельского труда в суровых условиях Севера. Как земледельческие они потребляющие, но эксплуатация окружающих природных ресурсов присваивающего типа дает в изобилии иные виды продовольствия, не связанные с земледельческим, вспомогательным, по сути дела, трудом. В результате от завоза товаров с «большой земли» зависело практически все население, но в крайнем случае оно было способно

выжить, «сжав» свое хозяйство до натурального. Та же специфика отличает и курс государства на эксплуатацию промысловых и крестьянских хозяйств севера. Стремление ужесточить контроль часто дает обратный эффект. Население могло арендовать землю и водные участки, а могло эксплуатировать их в труднодоступных местах бесплатно, обменивать предметы своего промысла на товары в государственных или кооперативных факториях, но в случае невыгодности предложений с их стороны, с легкостью обращалось к легальным или нелегальным частным торговцам. Относительно регулярный государственный хозяйственный контроль устанавливается и вытесняет обычно-правовые хозяйственные практики в северных районах лишь к концу 1920-х гг. [2, с. 179; 3, с. 79–87; 4, с. 49; 5, с. 104–124, 151–176].

Особенностью северной экономики с дореволюционного времени являлось наличие организованного завоза продовольствия, создание своеобразного государственно-частного партнерства, когда запас необходимого хлеба доставлялся северянам через систему хлебозапасных магазинов, пополняемых исключительно привозным хлебом. В то же время, частные торговцы ввозили широкий ассортимент товаров. В товарообменных операциях участвовала и казна, превращая хлебозапасные магазины в пункты обмена продовольствия на пушнину и рыбу. Таким образом северная экономика до революции отличалась высоким хозяйственным участием государства, а также его умением разделить ниши экономической активности с частным капиталом. Незадолго до революции в эти отношения вмешалась третья сила – кооперация, быстро набравшая влияние за счет ослабления государственной хозяйственной деятельности и вытеснения частника. В 1920-е гг. кооперация оставалась крупнейшим организатором промыслового хозяйства, участником хозяйственной деятельности на периферии.

Охота и рыболовство – отрасли, отличавшиеся от общероссийских/общесоюзных показателей как по динамике производственных процессов, так и по хронологии преобразований. Основное внимание современные исследователи уделили Север-

ному Приобью. В меньшей степени ими рассмотрен Енисейский Север, в то же время активно изучаются Северо-Восточные регионы России [2, с. 121–154; 3, с. 50–68; 4, с. 87–109; 6, с. 52–65; 7, с. 66–85; 8, с. 204–251; 9, с. 219–231; 10, с. 147–186].

Обе отрасли испытали колоссальный упадок объемов добычи. Ко времени утверждения в Сибири военнокommунистических методов именно здесь установилось монопольное господство не казны, а кооперативных союзов, пытавшихся возобновить товаро-обменные операции и снабжение производителей промысловым оснащением, необходимым для возобновления рыбодобычи.

Охотопромысловое хозяйство Сибири и особенно Дальнего Востока все 1920-е гг. оставалось настоящим фронтиром. Сложная иерархическая институциональная среда отрасли имела на вершине государственные монополии (Госторг, Сибторг, Дальторг), кооперативные союзы; на мезоуровне – сеть факторий, в которых происходил обмен товаров и промыслового инвентаря на пушнину, а на низовом уровне действовали скупщики, преимущественно прежние, дореволюционной генерации торговцы, работавшие в разное время либо как частники, либо как агенты кооперативов или госкорпораций. На Северо-Востоке России активно торговали и иностранные частники, с 1927 г. – нелегально. Даже в разгар НЭПа, в середине 1920-х гг., здесь царил натуральный обмен, венчурное предпринимательство и даже патриархальные формы кредитования охотников под залог результатов промысла следующего года. Но присутствие государства все же чувствовалось в насаждении заповедников, установлении правил охоты и периодическом введении запретов на отдельные виды промысла с целью восстановления популяции исчезающих видов.

Общероссийское введение НЭПа в рыболовной отрасли обернулось диаметрально противоположными процессами – усилением военнокommунистических тенденций. В Северном Приобье шло усиленное вытеснение кооперативных союзов государственным предприятием – монополистом «Облрыба». К середине 1920-х гг. этот рыбный трест явился крупнейшим скупщиком

рыбы как у рыбаков, организованных в производственные артели, так и у частников, а также сам производил лов, нанимая сезонных рабочих. Северосоюз – единственный занятый рыбодобычей кооперативный союз, который вел кредитование продовольствием, снастями в обмен на рыбу, но на крайне невыгодных для рыболовецкого населения условиях. Но в целом 1920-е гг. характеризуются невыгодными для промысловиков ценами на рыбу, в результате чего уловы оставались далекими до дореволюционного уровня.

Историки обратили внимание на сложности взаимодействия хозяйств крестьянского и коренного населения, имевшего более сложный и комплексный характер. Общегосударственный регулятор не учитывал местную специфику. Напряженность аграрных отношений в местах совместного расселения разных этносов перешла из дореволюционного прошлого в нэповское настоящее практически в неизменном виде. Узлы противоречий в землепользовании остались не распутаны, более того, усугубились негибким налогообложением. Единые мерки градации семейных хозяйств по степени зажиточности больно ударили именно по кочевому скотоводческому населению, бурятскому, хакасскому, алтайскому и казахскому. Местные власти констатировали переобложение бедных скотоводов с низким уровнем товарности, т.к. численность скота и размер угодий таких хозяйств несопоставим с крестьянскими, преимущественно земледельческими [11, с. 183]. Высокое налогообложение являлось предпосылкой для принудительного роста товарности скотоводов, но государственная налоговая политика принуждала их продавать скот себе в убыток по низким ценам, что только подрывало основы ведения традиционного хозяйства. Преисполнено сложности оказалось и положение коренных народов приарктической и арктической зон. По отзывам современников, уровень эксплуатации и принуждения к неэквивалентному обмену оказался сильнее, чем до революции.

Важнейшим направлением анализа стал феномен кооперации. Усилия ряда авторов сосредоточены на истории окраинной коопе-

рации. Тобольский, Енисейский Север, Якутия и Камчатка, Дальний Восток в целом представлены относительно равномерно и изучены достаточно детально. При этом одни исследователи отмечают синхронность общероссийской и местной кооперативной политики и схожесть общественно-политических и социально-экономических параметров кооперативной жизни. В частности, Н.И. Бурнашева показала кооперативную жизнь Якутии как часть общероссийских процессов, лишь с небольшим отставанием от общероссийской динамики в таких сферах, как строительство союзной и первичной сети кооперативов, установление кадрового контроля со стороны партийно-государственной администрации, использование кооперации как канала партийно-идеологической работы и проведения классовой налогово-податной политики в якутской деревне [7; 8, с. 204–251; 9, с. 219–231].

Но многие исследователи сосредоточились на принципиальных отличиях в жизни окраинных кооперативных организаций на далеких сибирских и дальневосточных окраинах, где все виды кооперации постепенно слились в единую интегральную, универсальную. Объединив практически все промысловое население Севера, она в то же время смягчила переход на новый этап исторического развития страны, связанный с коллективизацией и индустриализацией [3, с. 79–87, 106–116; 4, с. 24–109; 10].

НЭП на окраинах Сибири и Дальнего Востока, в промысловых отраслях имел совершенно особые очертания, хронологию, динамику. Его введение в центре могло в отдельных случаях сопровождаться укреплением военкоммунистической практики на окраинах, а свертывание, наступление на частника и кооперацию в советском государстве в целом доходило на периферию позже и в смягченном виде.

Список литературы

1. Ламин В., Пленкин В., Ткаченко В. Глобальный трек. Развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999. 200 с.

2. *Алексеева Л.В.* Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 годах: трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. 385 с.

3. *Алексеева Л.В.* Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера в условиях НЭП и командно-административной экономики (1921–1929 гг.). Екатеринбург; Салехард: Банк культурной информации, 2006. 188 с.

4. *Аксарин В.В.* Кооперация на Севере Западной Сибири: история становления и развития в 1917–1940 годах. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. 204 с.

5. *Коньшева И.И.* История землепользования и землеустройства в 1917–1941 годах. На материалах Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск: Изд-во гуманитар. ун-та, 2009. 222 с.

6. *Дроздов А.В.* Заготовительный рынок Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.): история становления и развития. Омск, 2002. 72 с.

7. *Бурнашева Н.И.* Кооперация кустарных промыслов Якутии (1919–июнь 1941 гг.). Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1999. 128 с.

8. *Бурнашева Н.И.* Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980-е гг.). М.: Изд-во МБА, 2011. 368 с.

9. *Бурнашева Н.И.* Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX века. М.: АИРО-XXI, 2020. 320 с.

10. *Гололобов И.Е.* Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем. Ханты-Мансийск: Институт развития образования, 2009. 224 с.

11. *Плеханова А.М.* Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. Улан-Удэ.: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 441 с.

**Сохраняя историю: архивные материалы РГАЭ
по экономической истории НЭПа.
Центр и регионы. 1922–1926 годы**

Е.Р. Kurapova

**Preserving History: Archival Materials of the RGAE
on the Economic History of the NEP.
Center and Regions. 1922–1926**

Аннотация. Многообразие экономических ведомств, организаций, объединений и обществ, действовавших на территории СССР в период 1920-х гг., нашло яркое отражение в архивных фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ, Москва). В статье ставится задача дать обзор ключевых и «вспомогательных» документальных комплексов по заявленной тематике в разрезе основных отраслей экономики – сельского хозяйства, промышленности и торговли, принимая во внимание географо-административное деление страны тех лет.

Ключевые слова: Новая экономическая политика, сельское хозяйство, промышленность, торговля, архивные фонды, документальные комплексы, РГАЭ.

Коммеморация юбилейных дат отечественной истории является устойчивым советским / российским трендом. В постсоветское время данная практика получила расширение за счет привлечения электронных ресурсов². 100-летие НЭПа в текущем

¹ **Курапова Елена Рудольфовна**, кандидат исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив экономики, Россия, Москва, e-mail: curapova@mail.ru

Kurapova Elena Rudolfovna, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director, Russian State Archive of Economy, Russia, Moscow, e-mail: curapova@mail.ru

² См., напр., интернет-проекты РГАЭ: Экономика революции. 1917–1920 гг. (К 100-летию революции 1917 г. в России) [Электронный ресурс]. URL: <http://rgae.ru/er.shtml> (дата обращения: 07.06.2021); Военная экономика СССР – фундамент Победы в Великой Отечественной войне. (К 70-летию

году нашло отражение в основном в материалах научных конференций¹. С целью популяризации архивного наследия России и расширения источниковой базы в данной статье предпринята попытка привлечения внимания к документальным комплексам по экономической истории НЭПа, хранящимся в фондах одного из ведущих федеральных архивов страны – Российского государственного архива экономики. При этом ставится задача дать обзор ключевых и «вспомогательных» архивных фондов по таким отраслям народнохозяйственного комплекса, как сельское хозяйство, промышленность и торговля. Хронологически выбран период 1922–1926 гг., т.е. время легального рыночного пространства в период НЭПа.

Пользователям следует иметь в виду, что в связи с массовым рассекречиванием документов РГАЭ в 1990-е – начале 2000-х гг. по материалам архива был издан ряд сборников документов, хронологически и тематически затрагивающих тему НЭПа (см.: [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]; и др.).

Как правило, при разработке исследовательских тем по экономической истории с привлечением архивного контента РГАЭ пользователи активно обращаются к фондам двух базовых советских ведомств – Министерства финансов СССР (Ф. 7733) и Госплана СССР (Ф. 4372). Менее известен, но информационно насыщен сведениями об экономической жизни периода НЭПа фонд «Смешанного акционерного общества по выдаче справок о кредитоспособности» («Кредит-бюро») (Ф. 7624). Структурно акционерное общество строилось по конторам – Азербайджанская, Владивостокская, Волжская, Среднеазиатская, Урало-

Победы в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://rgae.ru/ep.shtml> (дата обращения: 07.06.2021); Памятные даты российской экономики. (История отраслей, история организаций) [Электронный ресурс]. URL: <http://rgae.ru/daty.shtml> (дата обращения: 07.06.2021).

¹ Исключением на этом фоне выглядит изданный Институтом истории Сибирского отделения РАН сборник документов [1], содержащий информативно насыщенный документальный контент. При этом нельзя не отметить, что археографическая составляющая издания многие вопросы оставляет без ответа.

Сибирская и др.). Сведения охватывают располагавшиеся на той или иной территории страны организации (аптеки, артели, банки, бюро, гостиницы, издательства, инспекции, заводы, комитеты, комиссии, кооперативы, лесничества, мастерские, мельницы, отделы, синдикаты, союзы, станции, столовые, товарищества, тресты, тюрьмы, фабрики) и частных предпринимателей. Хронологический период – 1922–1931 гг. Востребованность фонда не очень высокая. Отмечу, что по его материалам 10 лет назад защищена докторская диссертация волгоградским автором, который относит деятельность Кредит-бюро к системе экономической безопасности страны того времени [9].

Сельское хозяйство. Для проблематики НЭПа применительно к данной отрасли экономики важны такие составляющие, как налогообложение деревни, проведение хлебозаготовительных кампаний, сельскохозяйственная кооперация, совхозное строительство. Для их освещения базовыми комплексами могут служить фонды Народного комиссариата продовольствия РСФСР (Ф. 1943) и Народного комиссариата земледелия РСФСР (Ф. 478). Следует учесть и документальные комплексы Госбанка СССР (Ф. 2324) (например, деятельность хлебного отдела Госбанка СССР по проведению хлебозаготовительных кампаний) и Сельхозбанка (Ф. 7480). При рассмотрении истории сельскохозяйственной кооперации незаменимы источники, составляющие архивные фонды Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации по снабжению крестьянского хозяйства средствами производства (Сельскосоюза) (Ф. 4106), Хлебоцентра (Всесоюзного союза сельскохозяйственной кооперации по переработке, производству и сбыту масличных культур (Ф. 4108) и Всероссийского союза молочной кооперации (Маслоцентра) (Ф. 4110).

Настроения крестьянства в годы НЭПа можно проследить по материалам фонда редакции «Крестьянской газеты» (Ф. 396), издания ЦК РКП(б), а положение на местах (в части уплаты налогов, хлебозаготовок, кооперирования деревни емко

отражают информационные сводки ОГПУ, поступавшие в профильные «сельскохозяйственные» наркоматы.

Недостаточно внимания исследователи уделяют фонду Главного выставочного комитета первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР (Главвыставкома) (Ф. 480), который содержит уникальные сведения, в том числе и в части иллюстративного материала тех лет.

Промышленность. Базовые процессы развития промышленности страны в годы проведения новой экономической политики – трестирование и синдицирование государственных промышленных предприятий, использование частного капитала для ее восстановления, частное посредничество между госорганами. По данной тематике важные документальные комплексы сосредоточены в фонде «Высшие советы народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР и СССР» (Ф. 3429). Полезны для изучения обозначенных проблем материалы объединенного фонда комиссионно-посреднических учреждений по обслуживанию промышленности и транспорта, в просторечии «Госпосредник» (Ф. 902)¹.

Промышленные тресты в годы НЭПа являлись структурами союзного или республиканского (РСФСР) ВСНХ. Очевидно, что эти документальные комплексы информационно насыщены сведениями о положении дел на местах. Например: Государственный трест объединенных машиностроительных заводов (ГОМЗА) (Ф. 1637), Московское представительство Донецкого государственного каменноугольного треста по производству и продаже каменного угля и антрацита (Ф. 7299), Государственный чайный, кофейный и цикорный трест «Чаеуправление» (Ф. 1679), Государственный Волго-Окский лесопромышленный трест (Ф. 715), Центральный трест целлюлозной и бумажной промышленности (Ф. 3705), трест «Государственные Мальцевские заводы» (Ф. 3285), Государственный центральный фарфорово-фаянсовый трест (Ф. 8013).

¹ Центральная комиссионно-посредническая контора (ВСНХ СССР и акционерное общество по обслуживанию государственной промышленности и транспорта «АПТО»).

Среди синдикатов системы ВСНХ СССР следует отметить Всесоюзный металлургический синдикат (Ф. 443), Всесоюзный синдикат силикатной промышленности (Ф. 3342), Государственный синдикат винокуренной промышленности (Ф. 5332), Государственный синдикат спичечной промышленности (Спичсиндикат) (Ф. 8179), Всесоюзный синдикат консервной промышленности (Консервсиндикат) (Ф. 8327) и др. В 1926 г. был создан Всесоюзный совет синдикатов ВСНХ СССР (Ф. 3915). Структурно он состоял из президиума и ряда секций: торговой, сырьевой, организационно-правовой, иностранной и финансовой. По двум секциям – торговой и финансовой уже на уровне описей имеются градации «общие материалы» и «материалы местных бюро».

При эвристическом поиске источников в материалах РГАЭ следует учитывать особенности фондирования архивных материалов. Так, при изучении истории НЭПа следует обратить внимание на фонды, названия которых начинаются с фразы «Учреждения по руководству...»: «Учреждения по руководству сланцевой, сапропелевой и озокеритной промышленностью» (Ф. 660), «Учреждения по руководству металлической и металлургической промышленностью ВСНХ СССР и Наркомтяжпрома СССР» (Ф. 4086), «Учреждения по руководству горной промышленностью» (Ф. 8084), «Учреждения по руководству резиновой и асбестообрабатывающей промышленностью» (Ф. 8125).

В архивных фондах «съездов» интерес представляет переписка с учреждениями на местах по вопросам профессиональной деятельности. Имеются в виду такие фонды, как Совет съездов представителей основной химической промышленности ВСНХ СССР (Ф. 3094), Бюро съездов представителей бумажной промышленности ВСНХ СССР (Ф. 3138), Совет съездов государственной промышленности и торговли СССР (Ф. 3912), Совет съездов промышленности, торговли и транспорта СССР (Ф. 3913).

Торговля. Пожалуй, тема торговли в годы НЭПа наиболее привлекает наибольшее внимание исследователей. Обозначим ключевые научные проблемы: государственное регулирование торговой деятельности трестов и синдикатов, развитие биржевой

и ярмарочной торговли, роль частной торговли, конкуренция кооперации и государственных заготовителей в хлебозаготовительных кампаниях, деятельность торговых акционерных обществ (внутри страны и за рубежом), деятельность ОГПУ как «помощника» государства в регуляции торгового сообщества. Для их освещения базовыми выступают фонды Комиссии по внутренней торговле при СТО СССР (Комвнуторга) и Народного комиссариата внутренней торговли СССР (Ф. 8151), Народного комиссариата внешней и внутренней торговли (Наркомторга) (Ф. 5240). В составе этих фондов, наряду с традиционным комплексом организационно-распорядительной документации, встречаются обращения местных губернских руководителей, направленные в ЦК партии, или на имя И.В. Сталина, по распоряжению секретариата которого или его самого эти материалы направлялись в наркомат торговли или персонально на имя наркома торговли А.Л. Лежавы.

При изучении истории НЭПа целесообразно использование комплекса личных фондов специалистов различных областей знания, хранящихся в РГАЭ. Назовем имена и фонды экономистов Н.Д. Кондратьева (Ф. 769), Н.П. Макарова (Ф. 766), А.В. Чайнова (Ф. 731), А.И. Рыкова (Ф. 773), С.Г. Струмилина (Ф. 219), А.Л. Лежавы (Ф. 92), Ф.Ф. Сыромолотова (Ф. 218), Л.М. Хинчука (Ф. 4269) и др.

Также важно иметь в виду документальные коллекции, примыкающие к комплексу личных фондов РГАЭ: «Коллекция документов экономистов и деятелей статистики» (Ф. 9598), «Коллекция документов деятелей финансирования и кредитования» (Ф. 256), коллекции документов деятелей металлургической, химической, лесной промышленности, сельского хозяйства и др., содержащие ценную документацию по истории НЭПа.

Важным информационным потенциалом по истории торговли в период НЭПа обладают документы Центрального союза потребительских обществ СССР (Центросоюза) (Ф. 484). Организация имела отделения на местах – конторы, губернские союзы, материалы которых имеются в архивном фонде Центросоюза в РГАЭ.

Интересные иллюстративные материалы содержатся в фонде Всесоюзной торговой палаты (Ф. 635). Имеются в виду фотоальбомы советских выставок периода НЭПа в Гельсингфорсе, Константинополе, Кельне, Ревеле, Лейпциге, Милане, Марселе, Праге. В фотоматериалах тех лет присутствует в ряде случаев затемнение фотографий, снижение четкости, но на них запечатлен экспортный потенциал НЭПовской России, оформительские приемы авторов советских павильонов и т.д.

Внешняя торговля отражена в материалах торговых представительств СССР (управленческая документация и личный состав), находящихся на хранении в РГАЭ и в качестве самостоятельных фондов, и в составе фонда профильного наркомата / министерства. Документальный массив торгпредств периода НЭПа в части переписки с советскими организациями познавателен своим «проблемным взглядом из-за рубежа» на развитие и болевые точки народнохозяйственного комплекса страны.

Наконец, безусловным информационным потенциалом для раскрытия истории торговли эпохи НЭПа обладают документы архивных фондов акционерных обществ: «Русское сукно» (Ф. 710), Русско-австрийское торгово-промышленное акционерное общество (Русавсторг) (Ф. 338), Русско-германское торговое акционерное общество (Русгерторг) (Ф. 3104), Русско-турецкое экспортно-импортное акционерное общество (Руссотюрк) (Ф. 3514), Центральное отделение Западно-Восточно-Европейского товарообменного акционерного общества для СССР (Востваг) (Ф. 3670), и др., имевших конторы и отделения. Порой весьма значительная часть материалов в этих фондах – на иностранных языках.

В настоящей статье дана информация о наиболее значимых документальных комплексах РГАЭ по истории НЭПа, несущих большой объем информации, в том числе по региональной истории.

Расширить и углубить представления исследователей об информационных возможностях документального контента РГАЭ позволяет сайт архива (<http://rgae.ru>), где имеются элек-

тронные эвристические средства – электронный массив описей, электронные полнотекстовые тематические коллекции документов, электронные тематические перечни документов, полнотекстовые каталоги международных выставок РГАЭ и т.д.

РГАЭ представлен в социальных сетях – ВКонтакте, Instagram, Facebook, где периодически знакомит подписчиков с документами и жизнью архива.

РГАЭ ждет исследователей – дистанционно и воочию, по любым темам экономической истории России XX в., поскольку понятно, что только в творческой коллаборации архивистов и историков рождается истинное научное знание.

Список литературы

1. Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): сб. док-тов. Новосибирск: Автограф, 2020, 496 с.

2. Протоколы президиума Госплана СССР. 1923 г.: сб. док-тов. М.: Экономика, 1991. 365 с.

3. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы. М.: Наука, 1991. 426 с.

4. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1923 гг. М.: Росспэн, 1997. 323 с.

5. Россия и США: экономические отношения. 1917–1933. М.: Наука, 1997. 439 с.

6. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. Т. 2: 1923–1929. 1168 с.

7. Советское военно-промышленное производство (1918–1926): сб. док-тов. М.: Новый хронограф, 2005. Т. 2. 766 с.

8. Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. 862 с.

9. *Ким Е.В.* Формирование и развитие акционерного общества «Кредит-бюро» в системе экономической безопасности в 20–30 годы XX века: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Волгоград, 2012. 51 с.

«Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов

V.A. Ilinykh

“Face to village”. Agrarian Policy of the Soviet State in the Mid-1920s

Аннотация. Осуществляется анализ «нового курса» РКП(б) в аграрной политике. Контрнаступление на нэп в 1923–1924 гг. обернулось нарастанием кризисных явлений. Ухудшилось отношение крестьян к советской власти. Обострилась внутривнутрипартийная борьба. Лидеры пришедшей к власти группировки публично настаивали на углублении нэпа. В 1925 г. началось осуществление курса РКП(б) «Лицом к деревне». В его рамках был проведен ряд экономических и политических мероприятий, отвечающих интересам крестьянства. Реализация «нового курса» улучшила социально-политическую обстановку и позитивно сказалась на развитии сельхозпроизводства. Однако уже в 1926 г. началась корректировка аграрной политики.

Ключевые слова: нэп, крестьянство, аграрная политика советского государства, курс РКП(б) «Лицом к деревне», сельское хозяйство, регулирование землепользования.

Сверхзадачей новой экономической политики являлось сохранение большевистского режима. Замена конфискационной продразверстки натуральным налогом предотвратила всеобщее крестьянское восстание. Однако нэп, по мнению большевистских теоретиков, содержал в себе новую угрозу, которая заключалась в развитии капиталистических отношений. Возникающий в перспективе в связи с этим вопрос «кто кого» заранее

¹ **Ильиных Владимир Андреевич**, доктор исторических наук, заведующий сектором, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: agro_iwa@mail.ru

Ilinykh Vladimir Andreevich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: agro_iwa@mail.ru

решался в пользу социализма путем ограничения роста капитализма устанавливаемыми пределами. При этом лимиты в угоду политическому или экономическому моменту могли либо расширяться, либо сжиматься.

Принципиальное значение для судеб новой экономической политики имело и ее восприятие всеми без исключения лидерами большевистской партии как временного «отступления», задачей которого являлось формирование предпосылок для возобновления реализации коммунистического эксперимента. Определение времени начала свертывания нэпа также оставалось дискуссионным и зависело как от экономической ситуации, так и от идейно-политической позиции участников дискуссии.

В.И. Ленин, выступая 23 декабря 1921 г. с докладом на IX Всероссийском съезде Советов, заявил, что новую экономическую политику «мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда» [1, с. 310–311]. Но уже в марте 1922 г. Ленин стал говорить о том, что «отступление закончено» [2, с. 10]. Правда, при этом он имел в виду необходимость принятия организационно-экономических мер для создания конкурентных преимуществ государственной и кооперативной торговли перед занявшим ведущее место в товарообороте частным капиталом.

В 1923 г. соратники Ленина перешли от экономических мер сдерживания роста капиталистических элементов к их административному вытеснению. Повысилось прямое и косвенное налогообложение предпринимательских слоев. Резко сократились кредитование частников и объемы поставок им товаров, произведенных на государственных предприятиях. Произошел переход от рыночного механизма ценообразования к директивному. Цены на промтовары повышались в приказном порядке, а сельскохозяйственные цены искусственно занижались.

Помешать реализации линии на фактическое свертывание нэпа, по мнению лидеров большевистской партии, могли так называемые буржуазные специалисты, которые широко привлекались к работе в государственных учреждениях. В связи с этим

в 1924 г. была проведена широкомасштабная чистка советского аппарата, в том числе земельных органов от «чуждых» и «антисоветски настроенных» служащих.

В аграрной сфере проявлением антинэповских тенденций стал сделанный в резолюции XII Съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) вывод о том, что создаваемые нэпом социально-экономические отношения ведут к росту удельного веса кулачества «в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т.п.» [3, с. 116]. При этом возникает угроза экономического и политического подчинения кулачеству деревенской бедноты и усиления «буржуазного влияния» на низовой советский аппарат. В связи с этим предусматривалась серия мер по экономической поддержке бедноты. В первую очередь, следовало озаботиться организацией доступного маломощным слоям деревни сельскохозяйственного кредита. Указывалось на необходимость минимизации налогообложения бедноты с возложением основных налоговых тягот на зажиточные слои. «Преимущественную поддержку государственных органов» должны были получить сельскохозяйственные товарищества, артели и коммуны, «поскольку они являются хозяйственными объединениями беднейших крестьян». В «опорные пункты» сплочения среднего и беднейшего крестьянства вокруг советской власти и большевистской партии предлагалось превратить сельские комитеты взаимопомощи [3, с. 118–121].

В резолюции XIII Съезда РКП(б) «О работе в деревне» от 31 мая 1924 г. подчеркивалось, что советская власть должна «развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в целях поднятия их хозяйства и ограничения эксплуататорских тенденций кулака» [3, с. 242].

Из поставленной XII Съездом РКП(б) задачи «преимущественной поддержки» коллективных форм организации сельхозпроизводства исходил нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов, 24 октября 1924 г. направивший в адрес областных и губернских

земельных управлений циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний». В нем подчеркивалась стоящая перед земельными органами задача «держать твердый курс на коллективизацию с[ельско]х[озяйственного] производства в области как землепользования, так и хозяйства. Иначе мелкие единоличные хозяйства в массе не смогут выйти из состояния разрухи. С этой точки зрения не только не может ставиться в качестве положительной задачи разверстание земель на хутора, как наиболее разобщающее землепользование и укрепляющее индивидуальное хозяйствование, но и должны быть принимаемы меры к прекращению дальнейшего хуторского разверстания»¹.

Большевистское контрнаступление на нэп обернулось нарастанием кризисных явлений как в экономической, так и в политической сферах. Растущие промышленные цены при низких сельскохозяйственных вызвали существенное падение покупательной способности деревни. Это повлекло за собой кризис сбыта промышленной продукции. Его результатом стали перебои в выдаче зарплаты рабочим, закрытие некоторых предприятий, усиление безработицы, недовольство рабочих, трудовые конфликты. Число частных торговых предприятий стало сокращаться. Развитие государственной и кооперативной торговли не успевало компенсировать данный процесс. На городских рынках начал возрождаться натуральный товарообмен.

Резко ухудшилось отношение к советской власти и со стороны крестьян. Причинами их недовольства стали завышенные цены на промтовары при крайне низких – на сельхозпродукты, высокий уровень налогообложения, методы принуждения, господствующие в практике работы партийного и советского аппаратов в деревне, широкое распространение различных форм административных наказаний: арестов, штрафов и пр.

Административные методы широко применялись в ходе выборов в сельские советы. На III Съезде Советов СССР М.И. Калинин говорил, что партячейки проводили своих кандидатов «не идейным

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1638. Л. 47–49.

завоеванием большинства голосов, а теми или другими механическими манипуляциями <...>, искусственной затяжкой собрания, исключением из списка избирателей неугодных лиц под видом кулаков и т.п.» [4, с. 340]. Избранные таким образом сельсоветы попадали в жесткое административное подчинение вышестоящих партийных и государственных органов и в первую очередь исполняли их директивы, осуществляя инспирированные сверху общегосударственные или местные хозяйственно-политические кампании. Недемократический характер выборов и падение авторитета сельских советов вызвали массовый абсентизм жителей деревни. Возникли реальные предпосылки к тому, что крестьяне от «голосования ногами» перейдут к более активным действиям.

В этих условиях обострилась внутривнутрипартийная борьба. Сторонники «завершения отступления» потерпели поражение и перешли в оппозицию. К власти в партии и государстве пришла группировка, лидеры которой публично отстаивали необходимость продолжения и углубления нэпа. В конце 1924 – начале 1925 г. под их руководством началась реализация «нового курса» РКП(б) по отношению к деревне, получившего также название «Лицом к деревне».

Энергичному осуждению на самом высоком уровне подверглись «военно-коммунистические» методы воздействия на крестьянство, в том числе и в ходе избирательных кампаний. В районах, где в выборах осенью 1924 г. участвовало менее 35 % избирателей, в начале 1925 г. были проведены повторные выборы. Сельские парторганизации нацеливались на политические методы ведения выборной кампании. Вновь избранные сельсоветы были ближе к крестьянам и значительно больше внимания обращали на нужды села, превращаясь в органы реального местного самоуправления.

Экономическая составляющая курса партии «Лицом к деревне» была изложена в принятой на апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б) резолюции «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» [3, с. 340–349]. В ней подчеркивалось, что главной

экономической задачей партии в деревне в настоящее время являются «подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств». Основным путем развития аграрной экономики определялось наращивание их товарности. В связи с этим указывалось на необходимость: 1) «решительного устранения пережитков “военного коммунизма” в деревне (например: прекращение борьбы административными мерами против частной торговли, кулачества и т.п.), противоречащих допускаемому в условиях нэпа рыночных отношений в стране»; 2) «действительного устранения всяких административных препятствий, тормозящих рост и укрепление крестьянских хозяйств (в том числе и зажиточных его слоев)». «Законные» (в первую очередь экономические) меры следовало применять только против «кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией бедноты».

В резолюции апрельского пленума также содержалась программа конкретных экономических мер, которые должна была предпринять большевистская партия в рамках «нового курса». При реализации поставленных задач было установлено более приемлемое для деревни соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен. Снизилось налогообложение деревни. Выросли государственные расходы на сельское хозяйство. Значительная часть собранных налогов стала передаваться в распоряжение местных советов. Увеличились объемы кредитования и машиноснабжения деревни. С целью стимулирования товарности крестьянских хозяйств принимались меры по либерализации аграрного рынка. Отменялись широко практиковавшиеся на местах ограничения на частную торговлю. В сфере регулирования земельных отношений подтверждалась закрепленная в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. свобода выбора форм землепользования. III Съезд Советов СССР указал на недопустимость «административных преград выделению на хутора и отруба» [5, с. 473].

Вместе с линией партии изменилась и позиция наркома земледелия, который 16 мая 1925 г. отменил действие своего циркуляра

«О прекращении хуторских разверстаний» от 24 октября 1924 г. (см. выше). При этом нарком указал, что «земельные органы впредь должны применять при выборе населением форм землепользования исключительно меры культурно-экономического и технического воздействия на него в сторону выбора форм, наиболее облегчающих производственное кооперирование, и, оставаясь на почве Земельного кодекса, отнюдь не прибегать к административным мерам воспреещения хуторского и отрубного разверстания»¹. В постановлении СНК РСФСР «О мерах по улучшению землеустройства» от 9 октября 1925 г. земельным органам предлагалось «направить все усилия непосредственно на улучшение подворно-хозяйственного пользования землей». Приоритетное внимание следовало уделять преодолению чересполосицы, в том числе за счет выделения отрубов². На сокращение практики уравнивания общинных земель и предупреждение нецелесообразного дробления крестьянских хозяйств был направлен циркуляр Наркомзема от 21 мая 1925 г. «О недопущении частых переделов, противоречащих Земельному кодексу» [6, с. 64].

Расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Предельный срок аренды увеличивался до двух севооборотов при многополье и не свыше 12 лет при трех- и четырехполье, а арендаторы получили право использования подсобного наемного труда. Срок найма был продлен до одного сельскохозяйственного года (ранее допускался только сезонный наем), разрешен наем подростков с 14 лет, а на особо легкие работы – и с 12 лет. Снималось ограничение, согласно которому нанимать рабочую силу могло только хозяйство, не имеющее возможностей «по состоянию своей рабочей силы или инвентаря» своевременно выполнить необходимые сельхозработы. Впредь нанимать батраков могло любое «трудовое» хозяйство. Принципиальное значение имело выведение наемного труда в крестьянских хозяйствах из-под практически невыполнимых для них норм Кодекса законов о труде. С весны

¹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1639. Л. 68–69.

² Известия. 1925. 31 окт.

1925 г. наем в крестьянских хозяйствах стал регулироваться «Временными правилами», существенно облегчавшими его легальное применение¹.

Осуществление большевистской партией «нового курса» по отношению к крестьянству позитивно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства и улучшило социально-политическую обстановку в деревне. Однако уже в конце 1925 г. началась корректировка аграрной политики. Вновь стал применяться так называемый классовый подход, в соответствии с которым помощь со стороны государства в первую очередь представлялась беднякам, затем середнякам, зажиточные же слои от нее постепенно отлучались и, более того, ставились под возрастающий налоговый пресс.

Список литературы

1. *Ленин В.И.* IX Всероссийский съезд Советов. О внутренней и внешней политике Республики // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1970. Т. 44. С. 291–329.

2. *Ленин В.И.* О международном в внутреннем положении Советской Республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 45. С. 1–16.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 494 с.

4. *Калинин М.И.* Доклад третьему съезду Советов СССР // За эти годы. Статьи. Беседы. Речи. М.; Л.,: Госиздат, 1926. Кн. 2. 432 с.

5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 783 с.

6. *Рогалина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.

7. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.

¹ [7, с. 93, 121]; СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 901.

**Животноводческие технологии в деревне
Европейского Севера России в годы нэпа**²

V.A. Sablin

**Livestock Technologies in the Village
of the European North of Russia During the NEP Years**

Аннотация. В статье сделан акцент на производственных факторах животноводческой отрасли крестьянского двора, динамике поголовья и эволюции структуры стада. Автором выявлена обеспеченность скотом аграрного производства, возрастные и продуктивные характеристики стада, состояние луговых площадей и их производительность, технологии и структура кормления скота и эффективность животноводческой отрасли.

Ключевые слова: нэп, животноводство, структура стада, ремонт поголовья, луга, пастбищные угодья, продуктивность скота, молочное стадо.

Скотоводческая отрасль крестьянского двора на Европейском Севере традиционно, за исключением зоны молочного животноводства, занимала подчиненное положение по отношению к полеводству и была направлена по преимуществу на обеспечение хозяйства тягловой силой, на добывание навоза и отчасти на получение белковых продуктов питания. В условиях разрухи 1914–1921 гг., резкого падения поголовья крупного рогатого скота (КРС) не наблюдалось за исключением Вологодской и Северо-Двинской губерний. В них это произошло из-за падения

¹ **Саблин Василий Анатольевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой, Вологодский государственный университет, Россия, Вологда, e-mail: sablin@inbox.ru

Sablin Vasilii Anatolievich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Vologda State University, Russia, Vologda, e-mail: sablin@inbox.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-00238а «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы».

удельного веса многокоровных хозяйств с развитым торговым животноводством¹. В то же время произошло резкое ухудшение возрастного и полового состава стада. В Северном регионе отношение молодняка КРС к коровам составляло в 1916 г. 25,5 %, в 1920 г. – всего лишь 13,9 % [1, с. 226].

Изменение численности молодняка находилось в прямой зависимости от характера животноводства. С падением маслоделия и молочной кооперации в Вологодской губернии численность взрослых коров сокращалась, а молодняка, наоборот, постепенно увеличивалась. В Архангельской губернии со слабой товарностью скотоводства падение численности КРС происходило, главным образом, за счет молодняка². Продразверстка ускорила данную тенденцию. Это обстоятельство имело серьезные последствия для будущего: затруднялся ремонт стада и его обновление, в какой-то мере предопределялась его убыль в дальнейшем.

Что касается коневодства, то здесь, помимо мобилизации в Красную и Белую армии, привлечения к подводной и гужевой повинности, убыль скота всецело определялась падением лесных промыслов, где лошадь использовалась в качестве главной тягловой силы [2, с. 24]. В хозяйствах, где полеводство играло основную роль, рабочий скот сберегался до лучших времен. Крестьянин, будучи вынужден сокращать посевные площади в период разверстки, гораздо труднее шел на сокращение лошадей, ибо переход в группу однолошадных и тем более безлошадных был равнозначен, в его понимании, утрате хозяйственной самостоятельности [3, с. 14].

Иначе говоря, сокращение рабочего скота в регионе не имело столь катастрофических масштабов, как это наблюдалось в центре страны. Судя по выводам, сделанным в свое время С. Ободовским, на весь период сельскохозяйственных работ в

¹ Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. // Труды ЦСУ. Т. VI. Вып. 3. М., 1922. С. 19.

² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 1. Д. 44. Л. 27. Четыре месяца Советской власти в Архангельской губернии (Материалы 4-го губернского съезда Советов). Архангельск, 1920. С. 133.

1920 г. здесь требовалась всего лишь одна четверть имевшейся тягловой силы [4, с. 244–245].

С изменением экономической ситуации в начале 1920-х гг. начинается постепенное возрождение животноводческой отрасли. В 1924 г. поголовье тяглового и крупного рогатого скота фактически повсеместно превзошло уровень 1916 г.¹ Наиболее быстрыми темпами восстанавливалось поголовье рабочего скота в Архангельской губернии, коров – в Карельской АССР. Однако темпы восстановления поголовья скота в северной деревне оказались несколько ниже, чем в целом по потребляющей полосе страны. Сказывались затруднения с ремонтом стада, возникшие еще к концу Гражданской войны. По установленным нормам воспроизводства конского состава молодняк должен был составлять не менее 15 % всего поголовья². Если в 1916 г. в Крайнем Северном районе на 100 рабочих лошадей приходилось 15,4 головы молодняка и жеребят, то в 1924 г. уже 16,5 голов, в Северном районе, несколько хуже – 19,2 и 14,9 (по потребляющей полосе – 18,3 и 18,7).

В составе стада КРС в восстановительный период повсеместно преобладал молодой скот. Это, вероятно, было обусловлено масштабным и необходимым ремонтом поголовья, постаревшего в предыдущий период. Вплоть до 1929 г. численность стада на Европейском Севере сохранялась на уровне 1925–1926 гг., когда был достигнут определенный количественный максимум. Среди причин, вызывавших замедление роста поголовья скота в регионе, основу составляли сугубо технологические и производственные факторы. Сокращение поголовья скота (кроме лошадей) в 1929 г. в большей степени было мотивировано факторами внеэкономического порядка – начавшейся коллективизацией и

¹ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Стат. справочник. Год 2-й. К III съезду Советов Союза ССР. М., 1925. С. 200–201; Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 г. М., 1926. С. 48.

² Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: материалы специальных экономических обследований. Л., 1929. С. 65.

политикой раскулачивания деревни. В 1930 г. количество скота сократилось еще более значительно.

В снижении темпов роста поголовья скота, несомненно, сыграла свою роль реформа сельскохозяйственного налога 1926/27 г., в основу которой было положено обложение совокупного дохода (включая доходы от животноводства) крестьянского хозяйства [5]. Стремясь снизить фискальный гнет, крестьянин традиционно прибегал к убою скота или, нередко, к утаиванию объектов обложения.

Что собой представлял половозрастной состав крестьянского стада во второй половине 1920-х гг.? В структуре конского стада наблюдалось устоявшееся и вполне благоприятное соотношение молодняка и взрослого скота. Определенный дисбаланс сложился в структуре КРС. Постоянное увеличение числа коров в стаде происходило за счет ремонтного молодняка, прежде всего телят и подтелков. Неоправданно высоким с точки зрения воспроизводства стада было сокращение поголовья бычков младших возрастов. В совокупности все это свидетельствовало об определенном неблагоприятии молочного животноводства.

В чем причины медленного роста поголовья скота в регионе во второй половине 1920-х гг.? Главная причина кроется в состоянии кормовой базы, основу которой составляло сено с естественных кормовых угодий (заливные и суходольные луга, лесные, полевые сенокосы и болотные сенокосы). Состояние и качество лугового фонда на Европейском Севере традиционно считалось высоким. Между тем в 1920-е гг. сенокосные угодья во всех северных губерниях более чем на половину состояли из низких по качеству лугов. Наиболее продуктивные заливные луга располагались в поймах рек Северной Двины, Печоры, Мезени, Онеги, Вычегды, Сухоны и Юга. В Северо-Двинской губернии на их долю приходилось лишь 27,0 %, тогда как в Архангельской губернии, по данным 1927 г., на долю заливных лугов приходилось 47,4 % всего лугового фонда.

При внешней схожести природно-климатических условий, в которых развивалось крестьянское хозяйство Карелии и

Архангельской губернии, карельская деревня была несравненно хуже обеспечена сеном. Основу кормовой базы в республике составляло сено, получаемое с лесных и болотных пожен (около 66,0 % всех луговых угодий). В 1927–1929 гг. в Карельской АССР на долю заливных лугов приходилось лишь 26,0–26,4 % всей площади сенокоса. Причем более 60,0 % заливных сенокосов составляли менее качественные «осочные» сенокосы¹.

В отличие от пашни, расширение сенокосных угодий происходило крайне медленно. Картина с состоянием кормовых площадей была примерно одинаковой по всему региону. Если в середине 1920-х гг. кормовая потребность наличного стада сполна обслуживалась естественной луговой площадью, в силу чего крестьянин не ощущал потребности в дополнительном получении корма за счет сеянных трав, то уже к концу 1920-х гг. сложился определенный дисбаланс луговой площади и площади пашни. Для рациональной организации сельского хозяйства оптимальным считалось соотношение пашни и сенокоса как 100 : 150.

В 1924/25 г. в Северо-Двинской губернии в мелкопосевных хозяйствах данная пропорция равнялась 100 : 132, а в крупнопосевных – 100 : 135, т.е. выглядела сравнительно удовлетворительной. Специалистов губернии данное обстоятельство приводило к выводу о том, «что пока увеличивающаяся продовольственная потребность земледельческого населения, в силу естественного прироста последнего, не заставит хозяйствующее население расширить свои запашки в такой степени, что будет нарушено наблюдающееся в настоящее время удовлетворительное соотношение между пахотной и кормовой площадью, до тех пор для громадного большинства крестьянских хозяйств <...> нет хозяйственной необходимости перехода к искусственному кормодобыванию и травопольным севооборотам» [6, с. 18].

¹ Автономная Карельская социалистическая республика. Ежегодник. Вып. III: 1928 г. Петрозаводск, 1928. С. 150; Вып. IV: 1929 г. Петрозаводск, 1929. С. 112; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск, 1929. С. 154.

Относительное расширение стада неминуемо вызывало необходимость улучшения качества естественных лугов и искусственного производства кормов. Урожайность лугов постепенно увеличивалась, но все же оставалась крайне низкой, не превышая в течение всего нэпа 20 ц сена с га луговой площади. При экстенсивном характере лугового хозяйства на Севере продуктивность лугов находилась в прямой зависимости от погодных условий. Особенно неурожайным был 1926 год, что наиболее ярко проявилось в Архангельской губернии и привело к сокращению скота. «Главной причиной этого сокращения был вырез молодняка после неурожая сена в 1926 г.» – объясняли убыль рогатого скота в 1927/28 г. работники плановых органов губернии¹.

Крайне плохие погодные условия наблюдались и в 1928 г. Понизились валовые сборы зерна, но еще более неудовлетворительно обстояло дело с урожаем естественных трав. Как отмечалось в экономическом обзоре Ленинградской области, «все виды естественных покосов в 1928 г. дали пониженный сбор по сравнению с двумя предыдущими годами, – особенно это необходимо отметить по отношению к наиболее распространенного вида покосов – суходольных и лесных, сбор с которых составляет главную часть всей сенной продукции области. По отношению наиболее высококачественной части сбора сена – заливного мягкого сена, сбор 1928 г. был наиболее неблагоприятным, так как дождливое лето во многих районах области <...> не позволило вовсе убрать как заливные мягкие, так и осочные покосы. Наряду с пониженным сбором сена в 1928 г. качество сена, благодаря крайне неблагоприятным условиям уборки, было неудовлетворительно» [7, с. 16–17].

Во второй половине 1920-х гг. абсолютно во всех регионах Европейского Севера площадь под посевами однолетних и многолетних трав постепенно увеличивалась, но даже в Вологодской губернии, отличавшейся наиболее зрелыми

¹ Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928–1929 г. Архангельск, 1928. С. 29.

формами полевого травосеяния (по сравнению с 1900–1910 г. в 1927 г. площадь сеяных трав в губернии увеличилась с 0,03 % до 5,4 % посевных площадей), крестьянское хозяйство постоянно испытывало затруднения с фуражом и сильными кормами¹.

Таким образом, восстановление довоенного поголовья КРС на Европейском Севере сопровождалось соответствующим восстановлением структуры и половозрастных пропорций стада. Вторая половина 1920-х гг. отличалась постепенным ростом поголовья, при этом структура стада менялась в пользу продуктивного скота.

Уровень обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом оказался довольно высоким. Нагрузка рабочей лошади, которая определялась количеством обрабатываемой ею пашни или сенокосов, с каждым годом возрастала, достигнув в 1928 г. 2,78 га посева (101,1 % нагрузки за 1916 г.), или 3,85 га пашни (97,8 % нагрузки 1916 г.) при существовавшей норме 3,94 га на рабочую лошадь². В Коми АО, по сведениям за 1928 г. наблюдалась даже своего рода «перенасыщенность» крестьянских дворов тягловым скотом³. В данном случае мы вправе говорить об определенном оптимуме поголовья.

В 1929 г. статистика зафиксировала катастрофическую убыль практически всех видов скота, что было связано с внешними по отношению к крестьянскому двору факторами и, прежде всего, начавшейся коллективизацией деревни и массовым раскулачиванием.

Список литературы

1. *Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1981. 308 с.

¹ Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 1853. Оп. 13. Д. 79. Л. 131.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 125.

³ ГААО. Ф. 105. Оп 3. Д. 353. Л. 29; Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика: Ежегодник. Вып. III: 1928. Петрозаводск, 1928. С. 166.

2. *Деларов Д.И.* Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера) // Труды Вологодского молочно-хозяйственного института. Вологда, 1923. Т. 2. С. 16–24.

3. *Чубаков Г.* К вопросу об изменении в скотоводстве в крестьянском хозяйстве за период 1916–21 гг. // Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 5-6. С. 9–19.

4. *Ободовский С.* Земледелие на Севере Европейской России // О земле. М., 1922. Вып. 3. С. 223–248.

5. *Саблин В.А.* Сельскохозяйственный налог в Вологодской деревне в годы нэпа. (Анализ налоговых кампаний 1921/22–1929/30 гг.) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вып. 2. Вологда, 2001. С. 3–48.

6. *Дербенев А.Г.* Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924–1925 г. на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. 46 с.

7. *Верхопятницкий Д.* К вопросу об аграрном перенаселении Ленинградской области. Переселенческие крестьянские хозяйства Ленинградской области (по материалам специального обследования 1929 г.). Л., 1930. 118 с.

**Конкуренция государственных
и частных учреждений кредитно-ссудной сферы
Иркутской губернии в период НЭПа**

V.P. Shakherov

**Competition of Government
and Private Institutions of the Credit and Loan Sphere
of Irkutsk Province During New Economic Policy**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления советской кредитной системы на территории Иркутской губернии в годы НЭПа. На конкретных примерах раскрывается создание финансового механизма новой власти, сложные вопросы взаимодействия региона и центральных органов Сибири и России. Приводятся новые материалы о взаимодействии регионального отделения государственного банка с частными и акционерными финансовыми учреждениями. Основное внимание уделено конкурентной борьбе за расширение клиентской базы и инвестиции в народное хозяйство региона. Приводится характеристика кредитной кооперации губернии и ее роль в финансировании частного капитала. Конкурентная борьба завершается в конце 1920-х гг. в связи с постепенным свертыванием частного предпринимательства и рыночного хозяйства. В этих условиях вновь появилась идея «единого банка» как ведущего органа осуществления кредитной политики в стране.

Ключевые слова: НЭП, государственный банк, акционерные банки, кредит, кооперативы, денежное обращение, Иркутская губерния, Бурятия.

С переходом к новой экономической политике особую актуальность приобрело формирование в стране новой кредитной системы, играющей ведущую роль в развитии народного хозяй-

¹ **Шахеров Вадим Петрович**, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск, e-mail: wodalis@yandex.ru

Shakherov Vadim Petrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University, Russia, Irkutsk, e-mail: wodalis@yandex.ru

ства. В октябре 1921 г. был воссоздан Государственный банк РСФСР, задачами которого стало восстановление денежного обращения и контроль за его осуществлением, а также содействие развитию промышленности, сельского хозяйства и торговли. Либерализация финансового обращения и кредита заставила большевиков отказаться от идеи «единого банка». При всем их нежелании допускать частный капитал в кредитную сферу стало ясно, что Госбанк не сможет справиться с огромными масштабами восстановления народного хозяйства страны. Крайне востребованной оказалась частная инициатива и создание альтернативных кредитных институтов. Уже в первые месяцы 1922 г. начали возникать кредитные кооперативы и ссудо-сберегательные товарищества. Общее руководство в этой сфере осуществлял кооперативный Покобанк, который в 1923 г. был преобразован во Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк), обслуживавший все виды кооперации [1, с. 74]. Приметой времени стало образование специальных акционерных и коммунальных банков, являвшихся по сути коммерческими. Идея их создания заключалась в обслуживании отдельных отраслей народного хозяйства. Среди наиболее крупных кредитных организаций можно выделить Торгово-промышленный банк (Промбанк), занимавший второе место после Госбанка по объему операций, общество «Электрокредит», преобразованное в 1924 г. в Электробанк, Российский коммерческий банк (с 1924 г. – Внешторгбанк), Центральный сельскохозяйственный банк, Центральный коммунальный банк (Цекомбанк) и др. В регионах появились и другие акционерные и кооперативные банки для кредитования местного хозяйства.

Особое место заняли вновь возникшие общества взаимного кредита (ОВК), направленные на кредитования частных предприятий и предпринимателей. Эти организации являлись разновидностью кредитно-ссудных кооперативов, получивших признание и динамично развивавшихся еще до революции. В Иркутской губернии первые пять кредитных кооперативов возникли в 1911 г., к началу революции их насчитывалось уже 106, а на конец

1919 г. – 124 (109 кредитных и 15 ссудо-сберегательных)¹. Около 80 из них входило в состав Иркутского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, объединявших до 60 % всех домохозяев региона. После восстановления советской власти все они были закрыты и национализированы. При их восстановлении в 1920 г. они были объединены с потребительскими обществами. Появление новых ОВК стало своеобразным компромиссным решением власти, направленным на развитие частного сектора экономики, но при полном контроле государства, ограниченном объеме ресурсов и территории действия. Не имея возможности финансироваться за счет бюджета, они в основном привлекали собственные средства и полностью зависели от кредитов Госбанка, в результате чего вынуждены были устанавливать более высокую процентную ставку. Тем не менее они свою нишу занимали достаточно прочно и неуклонно росли. В 1927 г. в РСФСР насчитывалось 146 ОВК [2, с. 293].

Расширение кредитной системы за счет коммерческих и кооперативных банков содействовало оживлению и дальнейшему развитию экономики. В то же время в условиях инвестиционной конкуренции и борьбы за клиентуру монополия Госбанка заметно ослабела. Двойственность кредитной политики в период НЭПа приводила, с одной стороны, к привлечению средств и накоплений населения, с другой – к сдерживанию всеми мерами частного за счет увеличения кредитования трудового крестьянства и мелких товаропроизводителей. По мнению Сибирского краевого комитета РКП(б), развитие кредитных учреждений в Сибири вызвало на местах некоторые перегибы, выразившиеся в протекционизме местных властей одним банкам в ущерб другим. При этом далеко не всегда в приоритете были государственные учреждения. Активно отстаивал на местах свои позиции Госбанк.

В середине 1920-х гг. сеть кредитных учреждений в Иркутске состояла из трех филиалов центральных банков: Госбанка,

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

Промбанка, Всекомбанка, одного отделения сибирского «Общества сельскохозяйственного кредита» и местного банка ОВК. Иркутское отделение Госбанка осуществляло контроль за деятельностью всей кредитной системы в регионе, проводило ревизии балансов и отчетности. Одной из наиболее острых проблем взаимоотношений между банками были вопросы размежевания функций и расширения клиентуры. Несмотря на стабильные позиции Госбанка, имевшего наименьшую ставку по учетно-кредитным обязательствам, чем спецбанки, и тем более кооперативные, местные его отделения отчаянно отстаивали свои интересы. В борьбе за клиентуру иркутское отделение развернуло настоящую борьбу с Промбанком за крупные торгово-промышленные заведения губернии, предлагая им более выгодные условия кредита. В 1927 г. для того, чтобы перевести к себе активы Черемховских угольных предприятий, отделение Госбанка сначала переманило его к себе, а затем потребовало вообще закрыть отделение Промбанка, в котором угольщики были одним из крупных акционеров¹.

Все эти действия вполне соответствовали политике Центра, пытающегося сосредоточить кредитование начавшейся индустриализации страны в одних руках. Приветствуя закрытие филиалов Промбанка в Сибири, Краевая контора Госбанка отмечала ведущую роль государственного кредитования. В 1926 г., по ее данным, общий баланс всей банковской сферы составил 144,3 млн руб., из которых на Госбанк приходилось 71,8 млн руб. (50 %), а на Промбанк всего 13,8 млн руб. (9,6 %)².

Были закрыты филиалы Промбанка в Иркутске, Томске, Барнауле и Красноярске. Если три последних имели незначительные капиталы, то в Иркутске на Промбанк приходилось до 26,6 % общего банковского оборота. Клиентами его были по преимуществу предприятия централизованной торговли, с которыми органы Госбанка не работали из-за отсутствия выделен-

¹ ГАИО. Ф. Р-61. Оп. 2. Д. 5. Л. 24.

² Там же. Д. 6. Л. 21.

ного кредита. В результате закрытия филиала в Иркутске вся его клиентура отошла к иркутскому отделению Госбанка [3, с. 188].

Сложные взаимоотношения были у иркутского филиала Госбанка с Всекобанком и его политикой по отношению к кооперативному движению. Частные и кооперативные учреждения как могли отстаивали свое право на участия в региональной финансовой политике. На специальном совещании 11 июня 1927 г. акционеров иркутского отделения Всекобанка решительной критике подверглось стремление Госбанка монополизировать кредитование кооперации и было предложено сосредоточить кредитование кооперативной сферы только в профильных банковских учреждениях. В резолюции совещания было прямо отмечено, что стремление Госбанка взять в свои руки кредитование всех кооперативных организаций не соответствует интересам кооперации [3, с. 189]. Единодушным было требование понижения процентной ставки, чтобы кредит кооперативных банков не был выше государственного. Иркутское отделение Госбанка с большим подозрением относилось к деятельности местного ОВК, вмешиваясь в его работу, критикуя за преимущественное кредитование крупной частной торговли при ограничении кредита для мелких кустарей и розничных торговцев. В работе ОВК действительно было немало нарушений. В декабре 1927 г. Госбанк в письме с грифом секретно еще раз обратился в правление иркутского ОВК с требованием устранить выявленные нарушения. В качестве меры воздействия аннулировался выделенный ему кредит на 10 тыс. руб. и выдвигалось требование немедленного погашения задолженности. Вскоре в отношении этой организации была назначена очередная ревизия¹.

Особенно резко реагировали государственные финансовые структуры на попытки укорениться на губернском кредитном рынке коммерческих банков из других регионов. Так, попытка открыть отделение Дальневосточного акционерного банка в Иркутске встретила крайне негативное отношение со стороны Сибирской краевой конторы Госбанка. Конфликт усугубился еще

¹ ГАИО. Ф. Р-61. Оп. 2. Д. 8. Л. 5.

и тем, что местные советские и партийные власти положительно восприняли приход Дальбанка. Поэтому руководству иркутского отделения Госбанка пришлось лавировать между позицией своего ведомства и губернскими партийными органами. Борьба с переменным успехом продолжалась два года и завершилась тем, что Дальбанку пришлось уйти [4, с. 79–80].

Не так остро конкуренция происходила в регионах с меньшим экономическим развитием. В Бурятии, например, где преобладало сельское хозяйство и промыслы, из кредитных учреждений присутствовали только отделение Дальбанка и открывшаяся в 1923 г. контора Госбанка. Они кредитовали в основном государственные и кооперативные организации. Кроме них в июле 1924 г. было открыто Бурятское общество сельскохозяйственного кредита (Бурселькредит), а в следующем году Общество взаимного кредита для кредитования частных предпринимателей [5, с. 142]. Почти весь объем кредитования в республике приходился на Госбанк (43,8 %) и Дальбанк (36,4 %). Кооперативный кредит был крайне незначителен, но имел тенденции к росту. Если в 1924 г. в Бурселькредит входило 14 кредитных товариществ, объединявших около 2 тыс. членов, то через два года уже 47 объединений с 26,7 тыс. членов [6, с. 16]. В целом оборотные капиталы местных филиалов Госбанка, Дальбанка и Бурселькредита были настолько незначительны, что о перекредитовании местного хозяйства не может быть и речи¹. При распределении кредитных средств строго соблюдался классовый подход, при котором большая часть средств предоставлялась бедноте и середнякам, и почти ничего зажиточному товаропроизводителю. Доля кредитов для бедноты поднялась с 44 % в 1925/26 г. до 69,5 % в 1927/28 г., а кредитование зажиточных крестьян уменьшилась с 7 до 2 % [6, с. 17].

Объемы кредитов акционерных и кооперативных банков, как и их количество в Иркутской губернии в конце 1920-х гг. существенно сократилось. С переходом к социалистическому строительству и вытеснению частного капитала вновь все нити управ-

¹ ГАИО. Ф. Р-61. Оп. 2. Д. 3. Л. 7об.

ления и финансирования народного хозяйства постепенно сосредотачиваются в государственном банке страны. С 1927 г. Госбанк прекратил кредитование частной клиентуры, а хозяйственные предприятия и учреждения распределили по определенным банкам, что прекратило даже малейшую конкуренцию между ними. Таким образом, коммерческие основы кредита были ликвидированы. В 1927 г. Дальбанк закрыл свое отделение в Бурятии, а через два года было ликвидировано Общество взаимного кредита. Отделение Госбанка, как и в целом по стране, в итоге стало монопольным центром всех кредитных операций и единым расчетным центром в Иркутской губернии и Бурятии.

Введение рыночных отношений в условиях НЭПа потребовало создания новой ссудо-кредитной системы, в которой помимо государственных были восстановлены частные, акционерные и кооперативные финансово-кредитные учреждения, что способствовало созданию конкурентной среды в сфере инвестирования различных отраслей народного хозяйства и частных собственников. Несмотря на свое ведущее положение и полный контроль всей финансовой системы страны, структуры Государственного банка ревностно охраняли свою монополию, стремясь ограничить или ликвидировать деятельность конкурентных организаций. Кредитная политика в годы НЭПа не была последовательной и экономически целесообразной. Постоянный контроль и административное вмешательство государства в хозяйственные процессы сводило на нет свободное развитие инвестиционных процессов и деятельность частного капитала. Во второй половине 1920-х гг. началось постепенное свертывание частного предпринимательства и рыночного хозяйства. Началом новой реорганизации системы советского кредита стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. «О принципах построения кредитной системы», приведшее к монополии Государственного банка в руководстве всеми кредитными учреждениями страны.

Список литературы

1. Уразова С.А. Кредитная система СССР в период НЭПа // Финансы и кредит, 2008. № 7. С. 69–80.
2. Олейник Н.Н., Невлев В.В. Правовая компонента обществ взаимного кредита в развитии послереволюционного частного производства // Вестник удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2018. Т. 28. Вып. 2. С. 291–295.
3. Шахеров В.П. Особенности формирования советской кредитной системы в Иркутской губернии в период НЭПа // Историко-экономические исследования. 2019. № 2. С. 176–200.
4. Шахеров В.П. Дальневосточный банк в Иркутске: из истории конкурентной борьбы в ссудо-кредитной сфере периода НЭПа // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. С. 72–80.
5. Кальмина Л.В., Балдано М.Н., Плеханова А.М., Бородкин Л.И., Паликова Т.В. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. Иркутск: Отгиск, 2015. 228 с.
6. Плеханова А.М. Трудности восстановления и развития кредитно-финансовой системы Бурят-Монголии в годы НЭПа // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. 4: История. Вып. 6. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. С. 15–21.

Социальные последствия реформирования экономики

УДК 94+930:338(571.5)«1990/2020»

*Н.В Гонина*¹

Социальные последствия НЭПа: опыт изучения в Восточной Сибири (1990–2020-е годы)

N.V. Gonina

Social Consequences of NEP: the Experience of Studying in Eastern Siberia (1990–2020)

Аннотация. 1990–2000-е гг. стали временем формирования и развития многообразия в исторических исследованиях, что нашло отражение в сибирской историографии. В частности, это проявилось в интересе к социальной истории. В Восточной Сибири сложилась определенная преемственность в изучении данной темы. Внимание исследователей преимущественно сосредоточено на локальных ситуациях в деревенском социуме. Методологическая база и язык текстов в основном носят традиционный характер. Комплексное понимание процессов еще не сформировалось.

Ключевые слова: НЭП, историография, нэпманы, крестьянство, миграции, маргинализация, Восточная Сибирь.

Экономические преобразования эпохи НЭПа, несмотря на свою кратковременность, имели долгосрочные последствия

¹ **Гонина Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: nvg7@mail.ru

Gonina Natalia Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: e-mail: nvg7@mail.ru

социального характера. В первую очередь речь идет об усложнении социальной структуры и формировании маргинальных социальных групп. Значимыми моментами социальной динамики были осереднячивание деревни, увеличение численности пролетариата, активизация миграционного обмена населения, а также рост советской бюрократии. Кроме того, важно сказать о привлечении иностранных специалистов и рабочих, определенное количество которых затем остается в СССР.

Всплеск исследовательского интереса к НЭПу в 1990-е гг. заслуживает пристального внимания. Очевидно, что главную роль сыграли два фактора: освобождение исторической науки от жестких рамок идеологии и цензуры и развитие рыночных отношений в стране. Однако мы знаем, что экономики 1920-х и 1990-х гг. сильно отличались друг от друга. Следовательно, дело не в сравнительном анализе, а в попытках историков понять реальные процессы через ретроспекцию (см.: [1]). При таком подходе особенно интересны выбор объекта, предмета и методологии исследования.

2000-е гг. большей частью время свободы слова и выбора, благоприятное для исторического поиска. На современном этапе наблюдается многообразие методологических подходов при отсутствии каких-либо ограничений в выборе пути исследования. Это позволяет поднимать и разрабатывать вопросы, которые раньше были не возможны, а также переосмысливать старые темы в новом качестве.

В сибирской историографии период НЭПа изучается достаточно активно, но преимущественно в сфере политики и экономики. Социальная история 1920-х гг. рассмотрена слабее. В этом плане интересно проанализировать развитие исторической науки в Восточной Сибири.

Основоположник красноярской школы историков XX в. В.В. Гришаев был специалистом по советским преобразованиям в деревне в 1920-х гг. [2] Он подготовил немало кандидатов и докторов наук, однако центр крестьяноведения в регионе

не сложился. В то же время определенная преемственность в изучении 1920-х гг. присутствует.

М.Д. Северьянов в своей докторской диссертации выявляет голод 1921–1924 гг., отмечает социальное расслоение в деревне, описывает условия и последствия переселения в Сибирь в 1925–1929 гг., утверждает, что НЭП изначально был обречен и привел к негативным последствиям для крестьянства. Характеризуя становление и развитие бюрократического аппарата, диссертант неоднократно подчеркивает тезис о советской элите как о новом буржуазном слое, но не обосновывает его [3].

Указанные положения далее были развернуты в ряде монографий М.Д. Северьянова [4; 5; 6]. Интересно, что читателя все время преследует ощущение, что автор пишет не о 1920-х, а о 1990-х гг. Это отражается и в стиле высказываний и в обвинительной риторике в отношении советской власти, и в отсылке к известной книге М.С. Восленского, а не к трудам, например, М. Джиласа в качестве теоретической основы.

А.С. Жулаева в качестве методологической основы своего исследования использовала разработки новосибирских ученых М.М. Громько и В.А. Зверева. По мнению автора, в 1920-х гг. произошел слом традиционной крестьянской семьи, но в восточносибирской деревне сохранялся традиционный патриархальный уклад. Отмечается архаизация крестьянского хозяйства, рост бедности и вызванные этим, а также идеологической политикой, социальные противоречия и конфликты [7].

Г.М. Луцаева сосредоточила внимание на партизанском движении юга Восточной Сибири. Автором собран богатый материал о составе и деятельности партизанских отрядов, показана их эволюция от подъема к кризису [8].

Обе исследовательницы подготовили монографию, обобщающую их диссертационные работы [9]. К сожалению, углубления методологической базы и расширения историографического поля не произошло, как и отказа от тенденции говорить о Сибири в целом на примере отдельных локальных ситуаций и игнорировать жизнь коренных народов.

В диссертации Л.Ю. Анисимовой методология прописана очень скупо, но в тексте заметно сильное влияние трудов В.А. Зверева и В.А. Ильиных. Автор пишет, что аграрная политика в 1914–1920-х гг. привела к голоду, эпидемиям и повышенной смертности, а также оказала существенное влияние на брачное и репродуктивное поведение крестьян [10].

В основу работ И.И. Крылова, исследующего условия жизни горожан в 1920-е гг., была положена теория социальной стратификации. В выводах автор констатирует, что в городах не наблюдалось заметной дифференциации населения по уровню жизни, т.к. большинство горожан принадлежало к малоимущим и неимущим слоям [11].

А.И. Бакшеев также посвятил свою научную деятельность изучению НЭПа. Заметим, что его тема, с одной стороны, близка интересу В.В. Гришаева к ранним советским проектам, с другой – очень созвучна реалиям борьбы за власть 1991–1993 гг. Методологический раздел в диссертации отсутствует [12]. В ряде статей, опубликованных в 2010–2020-х гг., Бакшеев, отмечает, что «основным результатом либерализации аграрной политики в период НЭПа стало формирование более слаженной и строгой социальной структуры крестьянства, основанной на классовом подходе [13]. Также автор отмечает преемственность советской переселенческой политики в 1920-е гг. по отношению к имперскому периоду [14; 15]. В статье про голод в Сибири 1921–1924 гг. [16] исследователь принимает тезис М.Д. Северьянова об экономических реформах как причине голода.

Две новые монографии автора полностью сосредоточены на вопросах управления [17; 18]. По его мнению, правительство постоянно находилось в состоянии войны либо готовности к ней и это не только определяло жесткие методы, но и формировало своеобразный язык документов и ментальность руководителей. Можно предположить, что автор, таким образом, переосмысляет и соединяет известную работу С. Коткина [19] и концепцию мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири в советский период [20].

Сложная тема иностранных мигрантов в Сибири в 1920-е гг. раскрывается в ряде работ В.Г. Дацьшена на примере повседневной жизни китайской общины в Приенисейском крае [21; 22].

Крупным центром исторической науки является Иркутск. История НЭПа в Сибири представлена в трудах М.А. Винокурова и А.П. Суходолова [23; 24], В.И. Литвиной [25] и Н.Л. Зыковой [26]. Заметим, что основной интерес авторов сосредоточен на экономических процессах, социальное носит вторичный характер.

Среди трудов, подготовленных в 1990-е гг., по изучаемой теме отметим диссертацию Т.М. Карловой. Согласно выводам диссертанта, частные предприниматели торгово-промышленного сектора экономики Восточной Сибири, как и страны в целом, обеспечивали более эффективное управление рабочими кадрами, что выражалось в большей социальной защищенности персонала [27; 28].

Заслуживают внимания работы Е.Н. Афанасовой по истории материнства и детства в 1920-е гг. [29; 30]. К сожалению, автор ограничилась стандартным набором общенаучных и специально-исторических методов. Взаимосвязь экономических реформ и беспризорности остается за кадром.

Диссертация И.В. Орловой сосредоточена на вопросах социальной политики [31]. Методология раскрыта через набор общенаучных и специально-исторических методов, с добавлением «модных» контент-анализа и социальной психологии. И хотя выводы автора с точки зрения поставленных цели и задач вполне релевантны, работа содержит несколько серьезных ошибок. В частности, автор не сравнивает полученные результаты с материалами по Сибири и России в целом, а также игнорирует существующую научную литературу по социальной истории.

В.А. Шаламов изучил образ жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920-е гг. [32]. Он рассматривает уровень доходов крестьянства, их хозяйство и быт, показывает влияние советской политики на жизнь крестьян. Наряду с общенаучными и традиционными историческими методами использованы методы устной истории. Безусловной ценностью работы является вовле-

чение в научный оборот комплекса воспоминаний, которые с 1963 по 1990 г. собирались сотрудниками лаборатории «Истории Сибири» при Иркутском государственном университете под руководством С.Ф. Коваля. Автор пришел к выводу, что преобразования в экономике привели к ликвидации старого деления крестьянства по имущественному признаку.

В.В. Иванов сосредоточил свое внимание на взаимоотношениях власти и крестьян. Значительное место в диссертации занимает описание крестьянских восстаний. К достоинствам исследования следует отнести подробный историографический обзор, в котором представлена и зарубежная литература, правда, периода 1960–1970-х гг. [33]

В национальных научных центрах Восточной Сибири изучение 1920-х гг. представлено достаточно широко, однако речь в работах идет преимущественно о национальном административном и культурном строительстве, которое имело свои глубокие социальные последствия, вне прямого влияния экономических реформ в Советской России.

Таким образом, историография в Восточной Сибири представлена значительным количеством текстов, содержащих анализ социальных последствий НЭПа. Они ярко отражают специфику 1990-х гг., когда был пройден сложный путь от профанации исторической науки до методологического разнообразия. В научный оборот введен большой объем материалов местных архивов. В то же время следует признать, что преимущественно это работы, выполненные молодыми исследователями за короткий период времени, и не получившие дальнейшего развития.

В итоге целостной картины развития НЭПа в Восточной Сибири не создано, а есть многоцветное историческое полотно с большим количеством белых пятен и серых зон. Впрочем, историограф И.Б. Орлов отмечает эти черты в качестве общероссийских [34].

1920-е гг. – сложный и многогранный период отечественной истории. Огромное количество разнонаправленных и

разновременных процессов пересеклись в этой точке. К сожалению, именно исследователи социальных процессов об этом забывают. Для дальнейшего более глубокого изучения обозначенной тематики целесообразно применять методы новой социальной истории, включающие, например, поколенческий анализ или использующие микроисторический подход.

Список литературы

1. *Полетаев А.В., Савельева И.М.* Сравнительный анализ двух системных кризисов в российской истории (1920-е и 1990-е гг.) // *Экономическая история: ежегодник*, 2001. С. 98–134.
2. *Гришаев В.В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929 гг. М.: Мысль, 1976. 188 с.
3. *Северьянов М.Д.* Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири (1921–1929 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994.
4. *Северьянов М.Д.* Нэп и современность: полемические заметки. Красноярск: КГУ, 1991. 318 с.
5. *Северьянов М.Д.* Капитализм в Советской России. 1917–1937. Красноярск: Кларетианум, 2001. 268 с.
6. *Северьянов М.Д.* Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). Кызыл: Тывин. гос. ун-т, 2010. 246 с.
7. *Жулаева А.С.* Образ жизни крестьян Восточной Сибири 1920–1926 гг. (К проблемам соотношения традиций и новаций): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999.
8. *Луцаева Г.М.* Партизанское движение в Сибири (лето 1920–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2000.
9. *Жулаева А.С., Луцаева Г.М.* Сельское население Сибири первой половины 20-х годов XX века: социальные проблемы и противоречия. Красноярск: СибГТУ, 2007. 274 с.
10. *Анисимова Л.Ю.* Эволюция функций русской крестьянской семьи в Приенисейском регионе в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2004.
11. *Крылов И.И.* Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг. Красноярск: КГТЭИ. 2010. 157 с.

12. *Бакшеев А.И.* Опыт и проблемы взаимоотношений Советов и партийных организаций Восточной Сибири (1921–1925 гг.). автореф. дис. ... док. ист. наук. Красноярск, 1992.
13. *Бакшеев А.И.* Социально-психологическое мышление сибирского крестьянства в период НЭПа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 11–13.
14. *Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Ноздрин Д.А.* Политика переселения крестьянства из регионов европейской части СССР в Сибирь в 20-х гг. XX в // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 12. С. 40–48.
15. *Бакшеев А.И., Бобылева О.М.* Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 220–229.
16. *Бакшеев А.И.* Причины, последствия и борьба с голодом 1921–1924 гг. в Сибири // Федерализм. 2013. № 2. С. 183–190.
17. *Бакшеев А.* Проблемы советской государственности в Сибири периода нэпа. Красноярск: СФУ, 2013. 345 с.
18. *Бакшеев А.И.* НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск: КрасГМУ, 2020. 145 с.
19. *Kotkin S., Richardson W.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization // History: Reviews of New Books. 1995. Т. 24. № 1. С. 37–38.
20. Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.). Новосибирск, 2013. 381 с.
21. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917 – начало 1980-х гг.). / *В.Г. Дацышен, Л.А. Кутилова, А.В. Низовских, М.Г. Тарасов.* Красноярск: СФУ, 2016. 372 с.
22. *Дацышен В.Г., Кутилова Л.А.* Китайцы в Приенисейской Сибири в конце 1910-х–1920-е гг.: исследование регионального варианта общины мигрантов и уточнение концептуальных понятий // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 154–164.

23. *Винокуров М.А.* Сибирь в первой четверти XX века: освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск: Изд-во Иркут. экон. акад., 1996. 186 с.

24. *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1996. 320 с.

25. Литвина В.И. Нэп и частное предпринимательство в Приангарье // Иркутская область в панораме веков. Иркутск, 1997. С. 23–27.

26. *Зыкова Н.Л.* Частная торговля в Енисейской и Иркутской губерниях в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ. 2007.

27. *Карлова Т.М.* Частное предпринимательство в промышленности и торгово-закупочном секторе экономики Восточной Сибири в годы нэпа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1999.

28. *Карлова Т.М.* Проблемы социального развития в торгово-промышленном секторе экономики Восточной Сибири в годы НЭПа // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 8. С. 89–92.

29. *Афанасова Е.Н.* Детская беспризорность в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. Опыт реализации государственной политики в сфере социальной защиты детства. Германия: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 282 с.

30. *Афанасова Е.Н.* Материалы региональных архивов об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4. С. 365–370.

31. *Орлова И.В.* Реализация социальной политики Советского государства в годы нэпа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.

32. *Шаламов В.А.* Образ жизни крестьянства в Восточной Сибири (на материалах Иркутского и Красноярского архивов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011.

33. *Иванов В.В.* Советское государство и крестьянство в 1920–1927 гг.: опыт взаимовлияния (на материалах Приангарья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2017.

34. *Орлов И.Б.* Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М.: ИРИ РАН, 2013. С. 387–395.

УДК 94:323.2+316.35(571.1/.5)«1921/1928»

*А.С. Ковалев*¹

**Государственная социальная политика
и стратегии выживания нетрудоспособного
населения Сибири в годы нэпа**

A.S. Kovalev

**State Social Policy and Strategies for Survival
of Disabled Population of Siberia During the NEP**

Аннотация. Рассматриваются основные способы организации жизнедеятельности инвалидов и пожилых людей в Сибирском регионе через призму реализации базовых направлений социальной политики в период новой экономической политики: пенсионное обеспечение, материальная и натуральная поддержка, помощь в обучении, переобучении и трудоустройстве, социальное обслуживание в инвалидных домах. С учетом официальной, законодательно оформленной категоризации и неофициальной дифференциации нетрудоспособных граждан по «классовому» принципу приводятся примеры активной или пассивной адаптации к новым социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: инвалиды, пожилые люди, государственная социальная политика, стратегии выживания, социальное исключение, адаптация, трудоустройство.

¹ **Ковалев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск, e-mail: alexkovaleff@yandex.ru

Kovalev Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk, e-mail: alexkovaleff@yandex.ru

Одним из самых трагических последствий Первой мировой войны стало резкое увеличение численности нетрудоспособных граждан, в том числе в Сибири, где процессы инвалидизации населения были особенно выражены (согласно данным переписи 1926 г., Восточная Сибирь занимала второе, а Западная Сибирь – четвертое место в РСФСР по соотношению здоровых граждан и инвалидов)¹. Основная масса этих граждан была максимально маргинализована – до войны они были успешными, трудоспособными гражданами, а теперь с трудом адаптировались и к мирному времени, и собственному увечью, и к новой социальной обстановке, связанной с многочисленными переменами, вызванными трансформацией политического строя.

Любой инвалид в силу того, что он перестает быть «полноценным» членом общества, априори исключаящим его из своих рядов, сталкивается с проблемой адаптации, которая нередко превращается в проблему выживания, особенно в период крупных социально-экономических преобразований. То, насколько адаптация была успешной, во многом зависело от социальной политики, которую реализовывало государство в отношении нетрудоспособных лиц.

Изучаемый вопрос осложняется спецификой феномена инвалидности в 1920-х гг., которая понималась как «остаточная трудоспособность», в связи с чем в изучаемый период особое значение имело вовлечение инвалида в трудовую деятельность с целью реализовать свою полезность в соответствии с принципом утилизации труда.

Серьезное влияние оказывал социальный статус инвалидов, который зависел от «идеологического» деления нетрудоспособных на инвалидов труда, войны и «прочих» («беспризорных»). «Человек труда», инвалид Красной армии или жертва «империалистической войны» получили право принадлежать к привилегированной части общества вместе с правом на социальное обеспечение за счет

¹ Инвалиды с внешне выраженными признаками инвалидности по данным всесоюзной переписи 1926 года // Социальное обеспечение. 1932. № 2. С. 10–12.

государственных средств. Все остальные – инвалиды детства, слуха, незрячие, глухонемые, а также «инвалиды старости» – фактически остались за бортом советской системы собеса¹.

Даже социально-классовый статус порой не влиял на положение инвалида, чего нельзя сказать о «пролетарской» принадлежности человека. Так, 75-летний А. Кобцов, бывший дворянин, офицер, участник Русско-японской и мировой войн, мобилизованный Колчаком, после его свержения был назначен помощником коменданта Омска, и в годы нэпа стал получать пенсию². Зато инвалид по зрению О.И. Жукова из Иркутска писала: «Я <...>. не могла ни до, ни после революции ни работать, ни служить. До революции мне <...> выдавалась пенсия, но при Советской власти в выдаче таковой мне отказано за отсутствием у меня трудового стажа»³.

Социальный статус инвалида определял его стратегию выживания, под которой понимается реакция на происходящие социальные, экономические и политические изменения в повседневной жизни. Далее рассмотрены наиболее типичные стратегии выживания нетрудоспособных лиц в Сибири в годы нэпа.

Первая стратегия – социальная исключенность, вызванная государственной социальной политикой, при которой человек в прямом и переносном смысле был изолирован в социальном отношении. Например, одинокий 86-летний Е.Е. Саблин в 1920–1921 гг. получал пенсию как отставной солдат Русско-турецкой войны, но с 1922 г. платить ему перестали, мотивируя тем, что он не подходит ни к одной категории инвалидности. Врачебно-трудовая экспертиза не признала его инвалидом старости, и Саблин 6 лет скитался по Сибири, побирался, перебивался, чем придется, поскольку крестком из его родной деревни, на который была возложена обязанность позаботиться о старике, тоже

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 70. Л. 25, 27.

² Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. Р-1891. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–23.

не нашел возможности оказать ему содействие. Только в 1928 г. Саблина причислили к категории «прочих», подтвердив его статус «инвалида старости» и назначили пенсию¹.

Типичный пример социальной исключенности – содержание в инвалидном доме, куда нетрудоспособных помещали в 1920-х гг., не имея возможности платить им пенсии. Условия жизни в инвалидных домах Сибири были крайне непрезентабельными. Как отмечали обследователи, в Омском доме для инвалидов последние «по несколько часов лежали в сыром виде, без соответствующего ухода со стороны сиделок»².

В Иркутске у стариков «постельные принадлежности были в самом невероятном <...> состоянии. На некоторых койках нет совсем матрасов, одеял и подушек. Матрацы грязные <...> со дня существования в стирке не были, рваны до того, что видна солома и соломенная труха вылезает. Большинство одеял – сплошные клочки, есть на постелях кусочки одеял всего в четверть. Одеяла все без исключения грязные так, что при малейшем прикосновении поднимаются целые столбы пыли. Подушки – небольшие мешочки, набитые тряпьем <...> засаленные тряпки, не сменяемые по месяцу и больше. Под матрацами <...> гряда старого прокислого тряпья». Можно лишь представить, какая битва за эти «тряпки» шла между инвалидами, если учесть, что у некоторых инвалидов нательное белье отсутствовало совсем, и они «щеголяли» в том, в чем поступили в учреждение³.

Неудовлетворительным было качество питания. Так, в Красноярском инвалидном доме № 4 из 10 ф. капусты, 14 средних картофелин, 10 морковок, 2 головок свеклы и брюквы готовили суп на 54 человека⁴. В Красноярском инвалидном доме № 1 всего 1 раз в 4 месяца полагалось мясное блюдо. Заметно отли-

¹ Государственный архив Алтайской области (ГААО). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 44. Л. 3.

² ИАОО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 111. Л. 155–155об., 379об.–380.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 60. Л. 41.

⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-270. Д. 141. Л. 99.

чалось лишь питание в доме для военных инвалидов, где давали немного мяса и хлеба, варили кашу, делали «чай на три заварки» и даже раз в месяц выдавали кусочек масла¹.

«Беспризорные» постоянно жаловались, что привилегированным инвалидам «отпускается больше против беспризорных. <...>. мяса, черного хлеба, сахару, гороху, крупы, соли <...> пшеничный хлеб»²

Только к концу 1920-х гг. питание инвалидов в сибирских учреждениях собеса стало удовлетворительным. В Омском инвалидном доме давали чай и хлеб утром, щи с мясом в обед, кашу – на ужин³. В Бердском инвалидном доме чередовались суп с мясом, лапша с мясом и гороховый суп, а на ужин давали гречневую кашу⁴. Для сравнения, в Смоленске, Брянске, Костроме весь рацион инвалидов состоял из супа и каши на постном масле⁵.

Главным средством адаптации в инвалидных домах было привлечение проживающих «к труду на пользу всему инвалидному дому». Так, в Бердском инвалидном доме «сапожник <...> старичок лет под 80, чинит обувь для инвалидов и изредка шьет новую <...> за что сдельно получает небольшую плату <...> женщины помогают поварихе на кухне и чинят белье»⁶. Томский краевой инвалидный дом был обеспечен кожевенными изделиями, потому что всю работу по ремонту кожаной обуви выполнял старик-инвалид. Кроме того, здесь существовала даже «трудовая группа» из 27 человек (сапожники, портные, швеи, прядильщицы и вязальщицы), которая принимала внутренние и внешние заказы, и ее члены работали за вознаграждение, получая 50 % от выработки⁷.

¹ ГАКК. Ф. Р-270. Д. 141. Л. 99.

² ГАИО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 60. Л. 45об.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-406. Оп. 12. Д. 1671. Л. 93об.

⁴ Там же. Л. 21об–22.

⁵ Там же. Д. 1652. Л. 24об.

⁶ Там же. Д. 1671. Л. 18об.

⁷ ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 404. Л. 11; ГАТО. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 20. Л. 11; Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 114. Л. 95; ИАОО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 11. Л. 184.

Вторая стратегия – активная социальная адаптация, к проявлениям которой можно отнести стремление остаться работоспособным как можно дольше, не только сохранить, но и повысить уровень потребления, улучшить качество жизни. Так, персональный пенсионер К.Г. Риттера из Иркутска в 78 лет вел активный образ жизни – проводил общественную работу среди односельчан, от имени общества политкаторжан собирал членские взносы, занимался сельским хозяйством, и даже когда совсем ослаб здоровьем, продолжал выполнять в колхозе какие-то мелкие работы¹. Его «товарищ по каторге», инвалид труда В.К. Тирон в 80 лет работал в коммунальной службе Иркутска².

26-летний инвалид Ю.К. Рейнер служил в инвалидной артели, подрабатывал тем, что возил воду, занимался сельским хозяйством и торговал на рынке, его общий доход официально составлял 120 руб. (в ходе проверки выяснилось, что в два раза больше), из которых оплачивал труд работника-инвалида. Правда, когда нэп закончился, Рейнера выгнали из артели и отобрали патент на торговлю со словами: «Таким не место среди инвалидов!!!»³.

Серьезным подспорьем для инвалидов была артель инвалидной кооперации, где инвалиды трудились бок о бок со здоровыми работниками, что способствовало их социальной интеграции. Средний заработок в сибирских артелях составлял в месяц от 25 до 74 руб., превышая в 3 раза среднюю пенсию инвалида⁴.

Надо сказать, что наиболее активными в адаптации оказались непролетарские элементы. Некто инвалид Мониц служил у Колчака в должности завхоза дивизионного обоза, но был амнистирован, уже при советской власти получил судимость и тем не менее служил в инвалидной артели. Как мог подручный Колчака в свое время получить удостоверение инвалида, 10 лет получать пенсию и быть трудоустроенным в артель, остается загадкой⁵. Бывший офицер старой армии, поручик белой армии

¹ ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 154. Л. 185–187, 189.

² Там же. Д. 157. Л. 94–95.

³ ИАОО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁴ ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 8. Д. 418. Л. 5.

⁵ ИАОО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 22. Л. 60.

А.Л. Десятников прошел регистрацию в собес, стал инвалидом труда III группы и благополучно трудился в советских органах¹.

Инвалид труда II группы Т.И. Стеблина-Каменская была женой бывшего мирового судьи, служила с 1914 г. до прихода советской власти классной дамой при Тюменской женской гимназии, скрыла этот факт своей биографии от не слишком старавшихся обследователей из собес и получала пенсию за выслугу лет². Инвалид Ф. Селивановский угодил под принудительную мобилизацию и служил фельдшером в Белой армии, в начале 1920-х гг. был признан инвалидом, перебрался в Омск и, понимая, что ему требуется трудовой стаж, несколько лет трудился дворником, конюхом, устроился чернорабочим и трудился в разных инвалидных артелях, и даже стал председателем артели пряничников³.

Впрочем, как только нэп уступил место политике форсированного строительства социализма, все антисоветские элементы, в том числе те, о ком шла речь выше, были «вычищены» из числа пенсионеров и работников артелей.

Третья стратегия выживания – пассивная социальная адаптация, для которой были характерны использование с целью поддержания минимального уровня потребления ресурсов, предоставляемых государством: пенсионное обеспечение, материальная и натуральная поддержка, помощь в обучении, переобучении и трудоустройстве, социальное обслуживание в инвалидных домах. Этот тип стратегии выживания был характерным для основной массы инвалидов.

Размеры выдаваемой пенсии в 1924–1925 гг. в Сибири варьировались от 6 руб. 90 коп. деревенским инвалидам III группы до 15 руб. 40 коп. инвалидам I группы по городу⁴. При этом инвалидам-пенсионерам приходилось выбирать – либо зарплата, либо пенсия, и даже для пожилых людей пенсия была доступна

¹ ИАОО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 103об.

² Там же. Л. 114б.

³ Там же. Л. 106а–111а.

⁴ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 15. Л. 61–62.

только в случае окончательного перехода в число нетрудоспособных, а не как выплата по факту наступления старости. Если в ходе очередной проверки неожиданно выяснялось, что инвалид зарабатывает (даже если это был маленький приработок), его сразу же лишали пенсии.

Помочь инвалиду быстрее и эффективнее адаптироваться было призвано протезирование, однако в Сибири, где существовало всего два протезных завода в Томске и Иркутске, у инвалидов возникало немало проблем. Так, инвалид В. Туртыгин из Красноярска должен был ехать в Томск для получения протеза, но поскольку не состоял на иждивении ни органов собес, ни соцстраха, отправиться туда не мог. Только когда он обратился в благотворительную организацию, ему выдали 35 руб. для заказа протеза у частного лица, и то только после того, как он присовокупил к своей просьбе аргумент, что он «гарантию употребления для работы»¹.

Инвалид труда, студент из Томска Г.А. Шипилов должен был получить «бесплатный» протез, но оказалось, что он стоит 128 руб., которые, конечно же, инвалид заплатить не мог. Он обращался в Енисейский губсобес с просьбой помочь выкупить протез, но там ему отказывали из-за отсутствия средств. При этом протезная мастерская откровенно шантажировала студента-инвалида, предупреждая, что если он не выкупит протез своевременно и не приедет за ним лично в Томск (что тоже требовало денег), его отдадут другому лицу².

В 1920–1930-х гг. существовали меры временной социальной поддержки инвалидов и пожилых людей, главной особенностью которой был ее нерегламентированный характер и направленность на тех, кто по разным причинам оказался вне поля зрения пролетарского государства, но при этом поддержка оказывалась на усмотрение органов власти, которые сами решали, кто из инвалидов или стариков не получает пенсии, но нуждается в помощи, и кого можно удовлетворить единовременным

¹ ГАКК. Ф. Р-1961. Оп. 1. Д. 5. Л. 116.

² ГАТО. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 12. Л. 108

продовольственным пайком или пособием. Так, старику из Новониколаевска могли отказать в получении регулярной пенсии, но выдать единовременное пособие в размере 125 руб.¹, которое можно было разделить на год, и сумма выходила та же, что и пенсия инвалида II группы. Пособия по большей части назначались бессистемно, решения выносились спонтанно, порой будучи совершенно противоположными в сходных ситуациях, и выдача пособий превращалась просто в «лотерею».

В целом, нэп не оказал заметного влияния на повседневную жизнь нетрудоспособного населения. Оно было весьма непритязательно в своих запросах, рассчитывало в большей степени на помощь государства, в меньшей – на свои силы. Состояние здоровья, нетрудоспособность или пожилой возраст – все это не позволяло большинству работать или надеяться на возможность трудиться в будущем, что во многом оказывало угнетающее воздействие на психику нетрудоспособного человека. Если трудоспособность сохранялась, инвалиды проявляли определенную активность в пределах своих возможностей и подрабатывали на непрестижных должностях. Органами власти был составлен список, который включал в себя 7 групп вакансий для инвалидов по различным отраслям: курьеры, уборщики, швейцары, регистраторы, конторщики, продавцы, бандерольщики, клепальщики, укладчики и т.п.²

Но и при этом среди инвалидов были те, кто уже не стремился, но был вынужден работать, чтобы улучшить свой социальный статус, а значит, и материальное положение. Например, 71-летний Яков Яковлев из Томска в 1921 г. обратился в городской собес с просьбой о выплате ему пенсии, однако ему ответили, что пенсии выплачиваются только пожилым рабочим, а Яковлев до революции имел адвокатскую практику, и пролетарием не являлся. Пожилой человек был вынужден начать «настоящую» трудовую деятельность в 1921 г. и зарабатывать «пролетарский»

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1236. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 12.

² ГАНО. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 11. Л. 89

стаж: «Два года я работал ремонтным рабочим на сибирской железной дороге, на постройках телефонов. <...> на устройстве огородов, оранжерей и парников <...> в училище, на <...> военном продовольственном пункте, в продуче <...> участвовал в переписях 1923 г.». Только с 1929 г. Яковлеву стали выплачивать пенсию, когда у него появился требуемый законом 8-летний трудовой стаж¹.

В целом на выбор нетрудоспособным человеком стратегии выживания в годы нэпа влияли:

– образование и прежний жизненный опыт – тот же Яковлев отдавал себе отчет, что у него нет требуемого новой властью «пролетарского» стажа, но, будучи подростком, он «познал, что значит тяжелый труд», работая подмастерьем, и трудоустройство в качестве чернорабочего для него даже в преклонном возрасте не стало проблемой;

– психологическое состояние – изменение социального статуса, ощущение своей ненужности и собственного бессилия приводили к тому, что многие инвалиды просто «плыли по жизни», довольствуясь тем, что им предоставляло государство;

– проблемы с питанием – для лиц, помещенных в инвалидные дома, существенным образом поменялась структура питания, произошло уменьшение в рационе доли мясных продуктов, питание было однообразным, нередко инвалиды ощущали чувство голода;

– неустойчивость социальных гарантий – в годы нэпа отсутствовала практика всеобщего социального обеспечения нетрудоспособных лиц, определяемая показаниями здоровья, а не требованиями к стажу, существовали регулярные «проверки» и «чистки» рядов пенсионеров, направленные на снижение численности получателей социальной помощи.

Для преодоления жизненных противоречий инвалиду требовалось мобилизовать все свои ресурсы, но далеко не все инвалиды рассчитывали на себя и свои собственные силы. Чаще всего они ожидали посторонней помощи. Все свои социальные

¹ ГАТО. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 70. Л. 25, 27, 37, 41, 42.

проблемы и их решение они связывали с властью (не советской, но с властью вообще).

Инвалиды постепенно осознавали, что имеют право требовать особого внимания от органов власти. Некто инвалид-красноармеец Я. Беркович обращался в Енисейский губернский отдел социального обеспечения: «сражаясь в Красной армии за дело революции <...> надеюсь получить от собеса законную должную помощь»¹. Инвалид понимает свою особую роль в том, что содействовал укреплению советской власти и указывает на свое моральное право требовать у этой власти помощи, ссылаясь на некий Декрет об инвалидах Красной армии. Его на самом деле не было, но именно этот несуществующий закон вселяет в него уверенность в том, что власть рабочих и крестьян должна вернуть ему долг за утраченное на фронтах гражданской войны здоровье.

Но фактически нетрудоспособные были лишены возможности активно участвовать в создании своей жизни, поскольку даже их трудоустройство определялось государственными интересами. Страх перед нищей, необеспеченной инвалидностью или старостью приводил к тому, что как раз в это время начинает формироваться убежденность в том, что все проблемы способно решить только государство, которое приняло эту функцию на себя. Однако государственная социальная политика позволяла лишь смягчить, но не решала коренным образом социальные проблемы нетрудоспособных граждан.

¹ ГАКК. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 74. Л. 25.

**Социально-трудовые конфликты в Сибири
в 1920-е годы: причины, формы, динамика, значение**

S.A. Krasilnikov

**Social and Labor Conflicts in Siberia in the 1920s:
Causes, Forms, Dynamics, Meaning**

Аннотация. Социально-трудовые конфликты выступают важнейшим индикатором в сфере труда как показатель соответствия экономических интересов работников и политики государства. В статье анализируются причины, формы проявления, динамика и механизмы разрешения трудовых конфликтов в сибирском регионе в 1920-е гг. Рабочая гипотеза: установившийся к середине 1920-х гг. относительный баланс целей и интересов наемных работников и государства к концу десятилетия был нарушен в силу изменения государственных приоритетов с регенерацией чрезвычайных мобилизационных методов в экономике и политике.

Ключевые слова: сфера труда, регуляторы, трудовая конфликтология, мобилизационные решения, Сибирь.

Сфера труда, будучи основой жизнедеятельности как отдельной личности, так и любой социальной общности, включая и большие социальные системы в целом, выступает фундаментом человеческого существования. Данная сфера вбирает в себя все разнообразие социальных отношений и действий, возникающих в процессе трудовых отношений – от индивидуальных и групповых до профессиональных и государственных, требующих применения механизмов и инструментов их отлаживания, регулирования,

¹ **Красильников Сергей Александрович**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: krass49@gmail.com

Krasilnikov Sergey Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: krass49@gmail.com

включая как неформальные, так и кодифицированные. Сказанное выше, безусловно, требует от историка социально-трудовых отношений своего определения того, в какой парадигме лежит предмет его анализа. При наличии ряда подходов нам представляется оптимальным направление в конфликтологии, разработанное американским социологом Люисом Козером (см.: [1]), основная посылка которого состоит в том, что природа конфликтов объективна и требует своего рассмотрения не в диспозиции «негативные – позитивные» а в плоскости «реалистические – нереалистические/искусственные».

Потенциал социальных конфликтов по Л. Козеру при научном подходе позволяет выявить и преодолеть опасные для системы реальные противоречия, сняв социальную напряженность путем согласований, компромиссов при условии договороспособности субъектов действия, а также конфликты и напряженности искусственные, направленные доминирующим актором социального действия на углубление противостояния и подавление угроз, мнимых или преувеличенных.

Рабочая гипотеза предусматривает наличие проблемы согласования интересов наемных работников и работодателей в условиях перехода от мобилизационной модели использования потенциала трудоспособного населения страны к реалиям смешанной многоукладной экономики 1920-х гг., где сосуществовали и взаимодействовали различные регуляторы в сфере труда. Предполагается, что вплоть до возникновения системного кризиса во взаимоотношениях партийного государства с активной, самостоятельной частью общества в конце 1920-х гг. в стране сформировались и действовали институциональные и неформальные регуляторы, сдерживавшие возникновение и проявление трудовых конфликтов в деструктивных формах.

Кодекс законов о труде как важное звено кодификации в стране после окончания Гражданской войны. Будучи принятым в ноябре 1922 г. он составлял корпус законодательно-правовых установлений РСФСР накануне создания союзного государства, наряду с Уголовным, Уголовно-процессуальным,

гражданским и рядом других кодексов, подтверждавших переход от чрезвычайных норм и правил к нормализации жизни в стране. Важнейшим основанием КЗоТа выступал принцип главенства правовых норм в сфере социально-трудовых отношений. Неотъемлемой частью Кодекса стал раздел XVI (Об органах по разрешению конфликтов и рассмотрению дел по нарушению законов о труде), ставший основанием для рассмотрения трудовых конфликтов на правовой основе. Тем самым были определены два пути их разрешения – в принудительном порядке (через рассмотрение в особых (трудовых) сессиях народных судов) и в порядке примирительного разбирательства в расценочно-конфликтных комиссиях, примирительных камерах и третейских судах, которые создавались в случае конфликтов по соглашению сторон при участии в них органов Наркомата труда. Последние выступали в качестве надзорной инстанции, следя за исполнением норм КЗоТа, а также инстанцией для рассмотрения апелляций на решения примирительных органов¹. Надзор за решениями трудовых сессий судов находился в ведении созданной вскоре трудовой прокуратуры в составе Прокуратуры республики.

Кодификация трудового права, а внутри него механизмов решения конфликтов на двух основах – судебном и примирительном, оказалась самым прогрессивным и эффективно действовавшим инструментом в данной сфере. Здесь государство впервые и зримо выступало не в роли господствующей монополистической силы, а в роли регулятора социально-трудовых отношений и конфликтов, возникавших в трудовой деятельности вне зависимости от того, кто выступает работодателем наемного работника – государство, общественная организация или частное лицо. Можно утверждать, что в середине 1920-х гг., когда поле разрешения трудовых конфликтов институционально было отстроено, тогда и само право, и практика его применения в целом соответствовали нормам государства для трудящихся.

¹ Собрание Указаний и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

Как работала «лестница» примирительного регулирования конфликтов. Соответствующими полномочиями примирительного регулирования располагали Расценочно-конфликтные комиссии (РКК), Примирительные камеры (примкамеры, ПК), Третейские суды (ТС), причем рассмотрение вопросов начиналось в РКК, затем могло переходить на уровень ПК, далее – ТС, являвшиеся наиболее статусной формой досудебного решения трудовых конфликтов. Собственно, судебные инстанции были представлены работой специальных трудовых сессий Народных судов, куда передавались неурегулированные предыдущими структурами споры. При этом РКК, ПК и ТС формировались на паритетных началах при представительстве обеих сторон споров (как правило, сторону трудящихся представляли работники того или иного отраслевого профсоюза; противоположную сторону конфликта представляли работники администрации, юрисконсульты крупных учреждений). Представители Наркомата труда (НКТ) принимали участие в деятельности всех названных структур (как правило, в руководящей роли, кроме трудовых сессий нарсудов, где они выполняли функции экспертов).

При кажущейся сложности иерархии прохождения трудовых споров снизу вверх, в этом был заложен рациональный смысл: ряд наиболее простых и очевидных споров регулировались решениями РКК либо прямо на производстве и в учреждении, либо в Примирительных камерах, на что указывало и само название данной структуры. Вопросы более «тяжелого» характера, при разрешении которых обе конфликтовавшие стороны (работники и работодатели) не были удовлетворены предлагавшимися компромиссными вариантами, выносились на заседания Третейских судов, которые по степени формализованных процедур уже приближались к рангу слушаний в народных судах.

Безусловно, в деятельности регуляторов в сфере труда имелись проблемные, «узкие места». Наиболее «слабым» звеном выступала работа нижней ступени данной «примирительной

лестницы», РКК, протекавшей непосредственно внутри трудовых коллективов, где напрямую взаимодействовали работники, профсоюзные комитеты и администрация, где каждая из сторон отстаивала свои интересы, не всегда соотносившиеся с правовыми установлениями. В частности, в отчете о тарифно-контрольной работе за второй квартал 1925 г. руководство Сибтруда акцентировало внимание на двух «болевых точках» в деятельности РКК на местах: слабом знании трудового законодательства и собственной компетенции, а также фактах «несамостоятельности и зависимости рабочей части от администрации». Соответственно, возростала роль надзорных инстанций в лице местных инспекций труда, рассматривавших и отменявших решения первичных конфликтных органов (отменялось от 40 до 55 % решений РКК в зависимости от данных губернских органов труда)¹.

О том, как работала в регионе примирительно-третейская система, свидетельствует статистика по конфликтам, разбиравшимся в ПК и ТС при губернских отделах труда в Сибири в третьем квартале 1925 г. Всего примирительно-третейское разбирательство охватило 64 конфликта (52 – в госсекторе и 12 – в кооперативном), затронувших 3,7 тыс. чел. Поступили в эти органы из РКК 48 конфликтов, не будучи разрешенными в инстанции первого уровня; 12 переместились из ПК в ТС, четыре были поданы в ПК или в ТС. Предметом рассмотрения в этих инстанциях являлись конфликты вокруг пересмотра или трактовок отдельных пунктов коллективных договоров и тарифных соглашений (14), в связи с зарплатой, увольнениями (50). В результате разбора 46 конфликтов были решены в пользу работников, девять – в пользу нанимателей, столько же окончись достижением компромисса².

Собранная Сибтрудом статистика рассмотрения конфликтов в примкамерах и третейских судах в первом полугодии 1926 г.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 887. Л. 160об.

² Там же. Д. 725. Л. 132.

содержит важные данные о результатах разрешения конфликтов применительно к различным хозяйственным укладам. В государственном секторе в пользу работников было вынесено 56,1 %, в пользу нанимателей 26,7, компромисс достигался в 17,2 % случаев. В кооперативном секторе – 60,6 %, 25,3 и 14,1 % соответственно. В частном секторе – 75,0 %, 15,0 и 10,0 % соответственно¹. Хотя здесь представлены обобщенные данные, однако в них прослеживается тенденция того, что КЗоТ в раннесоветские годы своего применения обладал высоким потенциалом правозащиты наемных работников.

Острые конфликты: забастовки как экстраординарный способ разрешения трудовых споров. В постреволюционном дискурсе у власти не было четкого нормативного определения для трудовых конфликтов, сопровождавшихся открытым недовольством работников своим положением. При этом в первые годы НЭПа в партийно-государственных и профсоюзных документах термины «стачка» и «забастовка» употреблялись как синонимы, тогда как охранительные органы не менее часто использовали, наряду с вышеназванными, также и термин «волынка» с очевидно негативной коннотацией. Дуализм позиции партийной власти в отношении острых форм трудовых протестов (признание объективных условий для их проявления, но при этом выделение среди них допустимых и даже желательных, применительно к предпринимателям и зарубежным концессионерам, и нежелательных применительно к государственным и кооперативным предприятиям и учреждениям) еще более рельефно проявлялся в случае демонстративной поддержки со стороны власти от имени профсоюзов забастовочного протеста в зарубежных странах.

Необходимо отметить, что учет забастовок в Советской России / СССР осуществлялся в 1920-е гг. достаточно четко по двум линиям (ВЦСПС и ОГПУ), далее информация шла в партийно-государственные структуры. Что касается публичности статистики и возможностей анализа данных, то они возмож-

¹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1047. Л. 322об.

ны были в ведомственной журнальной периодике первых лет НЭПа [2; 3; 4].

В содержательной статье В. Буянова, опубликованной в 1926 г., приведены достаточно важные для понимания проблематики забастовочного движения в раннесоветском обществе статистические данные о причинах острых конфликтов, подавляющая часть которых возникала «на почве извращения политики заработной платы, <...> недостаточно продуманного подхода к делу установления норм и расценок». Приводя союзную забастовочную статистику в 1924 – первой половине 1925 г., автор обосновывает тезис о правомерности рабочего протеста против «бюрократических извращений» в том числе и результатами, исходом протестных явлений (полное и частичное удовлетворение требований работников преобладало над отказом в удовлетворении требований на государственных предприятиях). Так, если в 1924 г. из 58 забастовок в госсекторе отрицательным для работников оказалось 26 протестов, то в первом полугодии 1925 г. рабочие добились полного или частичного удовлетворения своих требований в 70 % забастовочных событий [4, с. 40].

Вторая половина 1920-х гг. характеризуется сменой вектора трудового права, когда приоритетом становятся интересы государства. Сама забастовочная статистика исчезает из поля публичного обсуждения, оставаясь информацией внутри- и межведомственного обсуждения. Тем большую ценность в данном случае приобретают сведения, приведенные в сводной статистике забастовочного движения в Сибири за 1927 – первую половину 1930 г., собранной профсоюзными органами¹.

Всего профсоюзная статистика отметила 49 трудовых протестов. Пиковым стал 1927 г., на который пришлась половина случаев, в последующие годы наблюдалось последовательное их снижение. Среди работников по сферам занятости доминировали строители (50 % забастовок), далее по убывающей шли сельхозработники (20 %), лесозаготовители (15 %), прочие (горнорабочие, транспортники, работники сферы обслуживания) (15 %).

¹ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 238. Л. 1–33.

По требованиям работников: заработная плата – 45 %, условия труда, снабжение спецодеждой, питание – 25, условия коллективного договора – 14, комплексные требования – 16 %. Результат: требования удовлетворены – 43 %, удовлетворены частично – 28, переданы в другие органы – 4, не удовлетворены – 25 %.

При рассмотрении масштабов и структуры рабочего протеста в Сибири во второй половине 1920-х гг. очевидны зависимость от состояния самой региональной экономики и общих причин забастовок в стране. Здесь не было очагов крупного промышленного производства, протестные действия происходили в коллективах строителей, а также объединенных в профсоюз сельскохозяйственных и лесных рабочих, т.е. в сравнительно менее индустриализированных сферах. Кроме того, труд тех и других носил сезонный характер и базировался на артельной организации отходников из деревни.

В то же время нельзя не увидеть проявление в регионе и общих тенденций, характерных для рабочего протеста в стране. Сами требования имели повсеместно экономическое содержание; забастовки носили защитительный для отстаивания своих интересов, а не наступательный характер; несмотря на значительную долю стихийности в протестах, при наличии организованного начала протест подхватывался профсоюзами, которые переводили конфликт в переговорное русло. Однако, как уже отмечалось, со второй половины 1920-х гг. экономическая подоплека протеста начинала трактоваться властями как политически окрашенная и, соответственно, как потенциально антигосударственная, антисоветская. Некогда признаваемое право работников на протест, в том числе и в острых формах, уступило место идеократическому тезису о невозможности существования объективных условий для протеста трудящихся в советском государстве.

Изменение вектора трудового права в конце 1920-х гг. Поле трудового законодательства начало неотвратимо трансформироваться под давлением императивов обеспечения «форсированного создания основ социализма» уже с первой пятилетки. Осенью 1928 г. был принят ряд законодательно-

нормативных документов, фактически сужавших полномочия конфликтных органов и надзорные функции наркоматов труда в сфере трудового законодательства. Под флагом борьбы с недопущением конфликтов, «не являющихся неизбежными», прошла жесткая регламентация компетенций РКК, ПК и ТС. В частности, устанавливался перечень вопросов, для которых РКК являлись обязательной первой инстанцией. Право работника на выбор инстанции в случае конфликта на производстве (РКК или судебное разбирательство) оказывалось сведенным на нет. Над деятельностью РКК усиливался прокурорский надзор. Компетенции ПК и ТС теперь позволяли рассматривать только конфликтные дела, касавшиеся установления или изменения новых условий труда и разногласий в толковании этих условий. Все конфликты, возникавшие на почве действовавших условий труда и их оплаты в рамках коллективных договоров, переходили в ведение судов (трудовых сессий). Директивы НКТ все больше насыщались декларативными установками на то, что повышение сознательности работников по мере развертывания «социалистического соревнования» повлечет за собой исчезновение почвы для трудовых конфликтов.

Сложившееся противоречие между нормами трудового права в области регулирования и разрешения конфликтов и реальным пространством их применения на практике принимало характер вытеснения его прагматическими политическими интересами и потребностями большевистского руководства со ставкой в трудовой сфере не на механизмы регулирования, а на мобилизационные, директивные технологии, на контроль и подчинение трудового потенциала страны, рассматриваемого как управляемый и подчиненный политике ресурс. Тем самым нарушался относительно установившийся баланс между тремя составными частями интересов в трудовой сфере (интересами социальными, экономическими и государственно-политическими).

Первые две из них имели свою субъектность, представленную личными и объединенными в различные общности группами самостоятельных работников, мотивы и поведение которых опре-

делялось социокультурными, экономическими и другими интересами и разнообразием факторов (территориальность, гендерность, этничность, конфессиональность и др.), влиявших на структуру, форму, динамику устойчивости и конфликтности взаимодействий в сфере труда. Государственно-политическая составляющая также обладала своей специфической субъектностью, где целью и смыслом властной группы являлось стремление достичь максимально полного контроля не только над материальными, финансовыми, но и прежде всего человеческими ресурсами. Конфликт, разворачивавшийся в сфере труда в конце 1920-х гг., принявший форму установления политического диктата над трудовым потенциалом населения, имел не только нормативно-правовое измерение (подмену и вытеснение правовых регуляторов директивными), но и ценностное измерение (представление о работнике как о трудовой единице, разновидности рабочей силы с подчинением личной мотивации трудящегося государственной целесообразности).

Список литературы

1. Козер Л.А. Функции социального конфликта. М.: Идея-пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. 295 с.
2. Стопани А. Об особенностях наших забастовок // Вопросы Труда. 1923. № 2. С. 15–18.
3. Стопани А. Еще об особенностях наших забастовок // Вопросы Труда. 1924. № 7-8. С. 38–43.
4. Буянов В. Трудовые конфликты и политика профсоюзов. Наша принципиальная позиция в конфликтах // Вестник труда. 1926. № 2. С. 31–44.

**Влияние Шахтинского процесса 1928 года
на производственно-трудовые взаимоотношения
в советской промышленности**

S.V. Sharapov

**Influence of Shakhty Trial of 1928
on Production and Labor Relations
in Soviet Industry**

Аннотация. «Шахтинское дело» оказало деструктивное воздействие на сложившуюся в годы НЭПа систему взаимоотношений между основными акторами производственного процесса: коммунистами-хозяйственниками, инженерно-техническими специалистами и пролетариатом. Оказав негативное влияние на экономику (ослабление трудовой дисциплины и снижение производительности труда фиксировались во многих отраслях промышленности), «Шахтинское дело» формировало на предприятиях среду взаимного недоверия, которая делала невозможной нормальную работу «буржуазных» специалистов в советской промышленности.

Ключевые слова: Шахтинский процесс, вредительство, производственно-трудовые взаимоотношения, советская промышленность.

На Шахтинском судебном процессе 1928 г. была осуждена группа инженеров, принадлежавших к так называемой прослойке буржуазной интеллигенции (т.е. получившей образование и опыт работы до революции 1917 г.). Обвинительный приговор вновь поставил вопрос о классовом составе инженерно-технического корпуса советских предприятий. Шахтинский процесс

¹ **Шарапов Сергей Валерьевич**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sharapov Sergey Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

призван был служить подтверждением тому, что каждая шахта, фабрика или завод остается ареной столкновения классовых сил, и несмотря на изгнание «бывших» хозяев, свое положение якобы сохранили агенты их влияния, инженеры, поддерживавшие связь (в том числе и идейную) с капиталистическим миром.

На наш взгляд, Шахтинский процесс 1928 г. явился реакцией и своего рода знаковым ответом большевистского режима на совокупность кризисных явлений в социально-политической и экономической сферах жизни советского государства. Снижение доверия к власти в среде пролетариата на фоне отсутствия ожидаемых в постреволюционный период ощутимых изменений в имущественном положении и производственно-трудовом статусе рабочих (что воспринималось ими как инерция дореволюционных форм эксплуатации) приводило к росту забастовочного движения. Несмотря на произошедшие после 1917 г. радикальные социально-политические сдвиги, ролевые функции рабочих и специалистов остались прежними. На большинстве предприятий сохранялись и воспроизводились иерархические отношения между управленцами и рабочими, наблюдалось очевидное противоречие между декларируемыми политическими предпочтениями («гегемония пролетариата») и реальным статусом пролетариата как наемной рабочей силы, находившейся в подчиненном положении у «буржуазных» специалистов.

В этой связи «Шахтинское дело» спровоцировало новую попытку трансформации производственно-трудовых отношений. На апрельском (1928 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) В.М. Молотов выразил необходимость в связи с «Шахтинским делом» изменить метод работы со «старыми» специалистами: на смену прежнему «буржуазному» методу, в основе которого лежало материальное поощрение (высокое жалование, премии и т.д.), должен прийти «пролетарский» метод, заключающийся «в таком всенародном учете и контроле снизу, который делает неизбежным переход массы специалистов на сторону пролетарского государства» [1, с. 220]. В целом резолюция пленума по «Шахтинскому делу» намечала направления работы по исправ-

лению тех недостатков, в том числе в производственно-трудовой сфере, которые сделали возможной «вредительскую» деятельность в советской промышленности. Резолюция предусматривала комплекс мер по усилению контроля и проверке работы специалистов, улучшению партийного руководства в отношении хозорганов, вовлечению рабочих в управление производством, интенсификации подготовки «красных» специалистов, обеспечению полноценного руководства предприятиями коммунистами-хозяйственниками [1, с. 324–332].

Вовлечение масс в управление производством подразумевало, во-первых, усиление роли производственных совещаний и конференций с активным участием в них рабочих, что должно было поставить под пролетарский контроль деятельность директора и инженерно-технического звена предприятий, во-вторых, поощрение выдвижения пролетарских кадров на ответственные посты. Первая мера должна была приблизить управленческий аппарат к массам, заставить его прислушиваться к голосу рабочего класса, а вторая находилась в русле общей тенденции к «орабочению» управленческого состава промышленности, наполнению его «безупречными» с точки зрения социального происхождения работниками.

Поскольку доверие к «буржуазным» специалистам в результате «Шахтинского дела» было подорвано, на пленуме закономерно был поднят вопрос о том, чтобы вывести «красных» директоров предприятий (часто это были люди без соответствующего технического образования) из-под влияния инженерно-технических специалистов, которые, пользуясь некомпетентностью первых, фактически самостоятельно и бесконтрольно принимали производственные решения. В этой связи от коммунистов-хозяйственников требовалось овладеть технической стороной вверенных им в управление предприятий. Препятствием к наделению «красных» директоров полнотой власти и ответственности за принятие решений являлось так называемое «Типовое положение», установленное приказом ВСНХ № 33 в 1926 г. Этот приказ ставил деятельность предприятия в непосредственную зависимость от

технического директора (как правило этот пост занимал «буржуазный» специалист) и, как указывалось в резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), «мешал установлению действительного единства управления и уменьшал роль управляющего предприятием»¹. Хотя действие «Типового положения» отменялось изданным ЦИК и СНК СССР 29 июня 1927 г. Положением о государственных промышленных трестах, на практике зависимость хозяйственников от технических директоров сохранялась. 20 июля 1928 г. ВСНХ издал приказ № 874, который предписывал провести в жизнь все установленные Положением нормы к 1 октября 1928 г.²

Следствием «Шахтинского дела» стала повсеместная проверка инженерно-технических специалистов на предмет выявления среди них «контрреволюционного элемента». Проверки проводились в каждом тресте. Для этого формировались особые «тройки», возглавляемые председателем правления треста, с участием представителей профсоюзов и ОГПУ³. За проверками следовала отдача под суд выявленных «вредителей». По данным, озвученным на пленуме центрального бюро инженерно-технических секций союза горнорабочих в ноябре 1928 г., процент привлечения к суду специалистов от их общего количества по основным горнозаводским районам страны составил: в Донбассе – 13 %, Кривом Роге – 15, Грозном – 9, Баку – 6, на Урале – 10, в Сибири – 17, на Дальнем Востоке – 8, в Подмосковном бассейне – 8 % [2, с. 151].

Гонения на «буржуазных» специалистов вместе с официально декларируемой политикой усиления рабочего контроля над производственной деятельностью не могли не поколебать ранее сложившуюся производственно-трудовую субординацию на предприятиях. Рабочие почувствовали вседозволенность, ослабление авторитета хозяйственников и специалистов. Результатом стало снижение производительности труда. 22 июля 1928 г. на

¹ Правда. 1928. 12 апр.

² Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 332. Л. 62–63.

³ Там же. Л. 4–6.

страницах «Известий» была опубликована беседа с председателем правления Донугля Г.И. Ломовым, в которой тот сообщил о невыполнении производственной программы добычи угля в третьем квартале 1928 г., причиной чего стало значительное падение трудовой дисциплины¹. Понижение производительности труда и падение дисциплины наблюдалось не только в угольной промышленности, но и на предприятиях других крупных объединений – Южного машиностроительного треста и Южнорудного треста².

Весьма показательным в связи с проблемой влияния «Шахтинского дела» на производственно-трудовые взаимоотношения стало обсуждение состояния промышленных трестов «Донугля» и «Югостали» на пленуме ЦК КП(б)У 1–5 ноября 1928 г. Докладчиками выступили председатель правления треста «Донуголь» Г.И. Ломов и председатель правления треста «Югосталь» И. Бирман. Ломов подтвердил, что, начиная с апреля 1928 г., происходило неуклонное и постоянно растущее снижение добычи угля. Причиной он назвал «растерянность и расхлябанность хозяйственного аппарата», проявившуюся в связи с последствиями «Шахтинского дела»: «Надо прямо сказать, наши административно-хозяйственные кадры были захлестнуты волной отсталых настроений в части рабочего класса. Каждый из нас знает, что управлять производством можно лишь тогда, когда низший его состав, эти унтер-офицеры нашей промышленности – десятники, мастера, – являются людьми, которые непосредственно наблюдают за дисциплиной, которые в низших звеньях, в забоях проникаются производственным энтузиазмом. Десятники же шли на удовлетворение любых претензий, которые предъявлялись к ним рабочими, боясь, чтоб их не смешали с шахтинцами. Инженеры и техники для того, чтобы доказать рабочему классу, что они не вредители и не шахтинцы, старались тоже приспособиться, они подлаживались и удовлетворяли целый ряд тех требований, которые

¹ Известия. 1928. 22 июля.

² Там же. 11 авг.

выдвигались отсталыми слоями рабочих. Инженер плелся в хвосте. Надо отметить, что целый ряд хозяйственников, вплоть до управляющего <...> тоже поддавались на удочку этих отсталых настроений и боялись, как бы чего не получилось, если они выступят резко и прямо в защиту определенной линии»¹. При этом попустительство в отношении низкой дисциплины рабочих, боязнь прослыть «контрреволюционерами» приводили к абсурдным с практической точки зрения решениям. Так, Ломов упомянул о ряде случаев, когда рабочих, несмотря на халатное отношение к работе и откровенно хулиганские выходки, оставляли на производстве². В результате на производстве установилась хаотичная обстановка, в которой ни хозяйственники, ни специалисты не стремились играть руководящую роль, опасаясь оказаться в позиции критикуемых.

Поставленная партийным руководством и широко распространяемая задача интенсификации выдвижения рабочих на руководящие посты также приводила к вредным для производства явлениям. Местные партийные и профсоюзные организации зачастую использовали выдвиженчество для обеспечения собственного влияния на производстве. Во время обсуждения докладов Г.И. Ломова и И. Бирмана член ЦК КП(б)У Рогачевский высказался на эту тему: «Мы сплошь имеем такое положение, когда мастера подчиняются всем тем организациям, которые их выдвигают, т.е., другими словами, они идут на поводу у низовых организаций, работающих в цеху, и мы имеем в лице их не представителей административного персонала, а имеем в лице их людей, которые являются представителями низовых организаций»³.

Не менее существенный вред производству нанесло ограничение «условий технического риска» для инженерно-технического персонала. Во многих отраслях промышленности, и особенно в горной, определяющее значение имело техническое решение

¹ Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 78.

² Там же. Л. 80.

³ Там же. Л. 93.

инженера, связанное с определенным риском. Оно не всегда оказывалось верным, но устранить возможность его принятия – означало затормозить производственный процесс. Контроль за деятельностью специалистов ограничивал возможность для них пойти на профессиональный риск. Инженерно-технический персонал лишился права на ошибку – каждое сколько-нибудь нестандартное решение рассматривалось многочисленными организациями, занимавшимися контролем и проверкой. Вопрос об обеспечении условий технического риска был связан с не менее принципиальным для государства вопросом, сколько осталось «честных» специалистов на производстве, которым можно было бы доверить принятие ответственных производственных решений?

И. Бирман весьма пессимистично оценивал настроения интеллигенции: «Можно упрощенно, немного грубо сказать, что у нас есть сейчас 4 категории специалистов. Первая категория – это те вредители, которые сидят. Вторая категория – это вредители, которые не сидят <...>. Третья категория – это сами не вредители, но такие, которые, однако, вредителей не считают преступниками. А четвертая категория – это те специалисты, которые уверены, что это не вредители, что их зря преследуют, потому что советская власть иначе не может прикрывать свои ошибки»¹.

Власть, инициировав «Шахтинское дело», по сути загнала себя в тупиковую ситуацию. С одной стороны, для нормального функционирования промышленности нужно было предоставить инженерам возможность принимать технические решения, не опасаясь попасть под следствие; с другой стороны, присутствие на предприятии либо уже «выявленных», либо потенциально «реакционно-настроенных» специалистов, требовало усиления контроля над их работой. Но это ставило перед контролирующими органами, включая и чекистские структуры, некую сверхзадачу, поскольку все эти органы должны были бы обладать профессиональными производственными компетенци-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 107.

ями, не только равными, но даже и превосходящими компетенции инженерного корпуса.

В итоге прежняя система производственно-трудовой субординации, в которой осуществлялось распределение полномочий и ответственности между рабочими, инженерно-техническим персоналом и организациями «треугольника» (хозяйственными, профсоюзными и партийными), была поколеблена обстановкой всеобщего поиска «вредительского» воздействия на производственный процесс. Постановление ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. «О задачах угольной промышленности Донбасса» уже не содержало призывов к борьбе с инженерами-«саботажниками», напротив, констатировалось ухудшившееся положение дел в сфере руководства бассейном, ухудшение количественных и качественных показателей работы «Донугля», возрождение «спецедеческих» настроений в среде рабочих [3, с. 402–405].

Определенное упорядочение производственно-трудовой субординации началось с 1929 г. с установления единоначалия хозяйственников на промышленных предприятиях. Однако данная тенденция входила в противоречие с продолжавшейся тенденцией использования в интересах власти разделяющих общество противоречий, свидетельством чего стало инициирование новых крупных «вредительских» процессов 1930–1931 гг.

Список литературы

1. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. / редкол. изд.: В.П. Данилов (отв. ред.) [и др.]. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000. 493 с.

2. Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 159 с.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.

**Динамика уровня жизни городского населения
в годы нэпа: новые оценки²**

L.I. Borodkin

**Dynamics of Urban Population Living Standards
in the Years of the NEP: New Estimates**

Аннотация. Вопрос о динамике уровня жизни городского населения в годы нэпа не получил до сих пор достаточно обоснованных оценок. Недавние публикации зарубежных исследователей дают существенно более высокие (в сравнении с отечественными) оценки зарплаты промышленных рабочих в 1920-х гг. В данной работе акцент сделан на исследовании динамики реальной зарплаты работников текстильной промышленности второй половины 1920-х гг. и ее дифференциации. Показано, что реальная зарплата в текстильной отрасли в эти годы снижалась, а степень неравенства в оплате труда была ниже, чем в дореволюционной России.

Ключевые слова: новая экономическая политика, «Великий перелом», текстильная промышленность, номинальная зарплата, реальная зарплата, инфляция, дифференциация оплаты труда, рабочие, гендерный аспект дифференциации.

Введение. Драматичные события в Советской России конца 1920-х гг. («Великий перелом») имели целый ряд причин и последствий в политической, экономической, социальной сферах жизни общества. До сих пор не все из них изучены в должной степени. Один из социально-экономических аспектов

¹ **Бородкин Леонид Иосифович**, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН, зав. кафедрой, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, e-mail: borodkin@hist.msu.ru

Borodkin Leonid Iosifovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member RAS, Head of Department, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, e-mail: borodkin@hist.msu.ru

² Исследование проводится при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-18-00509.

новой экономической политики, требующих конкретно-исторических исследований, связан с материальным положением жителей городов, изменениями их реальной заработной платы, с государственным регулированием цен, политикой в области оплаты труда в советской промышленности. В данной статье эти вопросы рассматриваются в контексте анализа динамики реальной зарплаты московских текстильщиков в конце 1927–1930 г. Именно зимой 1927/1928 г. разразился очередной кризис нэпа, подтолкнувший политику «социалистической индустриализации» и обозначивший приближение «великого перелома». В целом историография исходит из того, что к 1927 г. в большинстве отраслей народного хозяйства был достигнут довоенный уровень производства; это относится и к основным показателям уровня жизни населения.

Радикальный пересмотр принятой в историографии оценки динамики уровня жизни горожан в Советской России 1920-х гг. предпринят в недавней работе, опубликованной в журнале “Explorations in Economic History” [1]. В статье анализируется динамика реальной зарплаты рабочих, занятых в строительстве и крупной промышленности в Петербурге/Ленинграде, Москве и Курске. Для позднеимперского периода и периода нэпа авторы предлагают новые ряды цен, составленные по данным из архивных и опубликованных источников, что приводит их к радикальной переоценке принятых ранее показателей инфляции. Как отмечается в статье, уровень жизни в России мало вырос в течение 60 лет – с 1853 по 1913 г., но увеличился вдвое с 1913 по 1928 г. вследствие политики обменных курсов, цен и занятости, проводившейся властью. В период с 1928 по 1937 г. реальная заработная плата, по расчетам авторов, упала до довоенного уровня вследствие перераспределения средств в пользу выполнения пятилетних планов.

О росте благосостояния говорилось и в материалах сборника, посвященного итогам выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, изданного Госпланом: «в течение 1928–1932 гг. происходил неуклонный подъем уровня

заработной платы пролетариата», «резко возрос уровень материального и культурного благосостояния трудящихся масс»¹. Таблицы, представленные в этом сборнике, показывают, например, что зарплата рабочих хлопчатобумажной промышленности выросла в течение 1928–1932 гг. на 43,4 %. До сих пор, однако, корректные расчеты динамики *реальной* зарплаты рабочих в эти годы не проводились. Происходил ли в действительности ее «неуклонный подъем»? Не менее важным является вопрос о степени дифференциации заработной платы промышленных рабочих в эти годы.

Кризисные явления конца 1920-х гг. Как отмечает Ю.М. Голанд, напряженная обстановка, возникшая в стране летом 1927 г. под воздействием внешних и внутренних факторов, вызвала явное беспокойство среди населения. Возник ажиотажный спрос, обострился товарный голод как на продовольственные, так и на промышленные товары. Под влиянием слухов о приближающейся войне население бросилось закупать впрок продовольствие [2, с. 59]. Усилившийся рост инфляции в эти месяцы Голанд связывает также со значительным расширением капитального строительства в IV квартале, неэффективностью и удорожанием строительства [2, с. 61–62]. В более общем плане можно говорить о результатах реализации идеи инфляционного финансирования роста промышленности.

Ценные сведения об углублении с 1927 г. продовольственной проблемы в рабочих районах страны, нараставшем дефиците товаров, порожденным им спекуляции и росте цен содержат информационные обзоры и сводки ОГПУ конца 1920-х гг. В структуру ежемесячных обзоров включается раздел «Настроение рабочих в связи с перебоями в снабжении хлебом». Декабрьский 1929 г. обзор ОГПУ показывает, что хотя снабжение городов хлебом и мясом производилось по твердым ценам, перебои в снабжении другими видами продовольствия и промтоварами продолжались, соответственно росли и цены на частном

¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1934.

рынке, что «вызывало у рабочих тревогу за сохранение реальной зарплаты» [3, с. 567] (курсив мой. – Л. Б.).

В этих условиях государство было вынуждено выпустить из рук контроль сначала за частноторговыми розничными ценами, а затем и за ценами кооперативной торговли. Диспропорции на потребительском рынке обострялись постоянными денежными эмиссиями, с помощью которых власти тщетно пытались покрыть дефицит госбюджета [4].

Оплата труда на госпредприятиях в годы нэпа регулировалась государством, которое должно было, с одной стороны, реализовать новые принципы социальной политики, а с другой – обеспечивать эффективность производства (при участии профсоюзных и хозяйственных органов). Основными инструментами регулирования размеров нормированной оплаты труда были тарифная сетка, методы исчисления тарифной ставки, а также размеры самих ставок.

Рассмотрим вопрос о динамике номинальной и реальной зарплаты рабочих в 1927–1930 гг., т.е. в течение трех лет, включающих год «Великого перелома» (1929 г.).

Динамика зарплаты московских текстильщиков. На протяжении рассматриваемого нами периода самой крупной (по количеству рабочих) отраслью была текстильная. В нашем распоряжении имеются данные об изменениях номинальной зарплаты рабочих-текстильщиков Москвы, полученные из архивных материалов Центрального государственного архива Москвы. В основном это материалы Московского статистического отдела экономико-статистического сектора Московской областной плановой комиссии¹. Работа с этими данными, содержащими ежемесячные сводные таблицы о численности и зарплате рабочих и служащих текстильной промышленности Москвы в годы нэпа, дала нам возможность построить динамические ряды уровней зарплаты за каждый месяц рассматриваемого периода отдельно для рабочих, служащих и младшего

¹ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-126. Оп. 14. Д. 4, 5–7.

обслуживающего персонала (МОП), с учетом подотраслей текстильной промышленности (хлопок шерсть, шелк).

Обработка составленных нами динамических рядов *номинальной* зарплаты позволила исследовать целый ряд вопросов. Прежде всего следует отметить, что эта динамика для всех указанных категорий работников текстильных предприятий была положительной. Важным был и вопрос о соотношении зарплаты рабочих и служащих в текстильной промышленности. Отдельно отметим, что средняя зарплата рабочих примерно вдвое уступала средней зарплате служащих.

Построенные нами линейные тренды для соответствующих временных рядов по каждой из трех подотраслей текстильной промышленности (хлопок, шерсть, шелк) за 1926–1930 гг. показали, что в двух подотраслях (хлопок и шерсть) темп роста номинальной зарплаты служащих опережал темп роста зарплаты рабочих. В то же время темп роста номинальной зарплаты рабочих по разным отраслям текстильной промышленности был практически одинаков: в производстве хлопчатобумажной продукции – 41 коп./мес., шерсти – 42 коп., шелка – 39 коп./мес.

Для оценки изменений *реальной* зарплаты необходимо, кроме динамики номинальной зарплаты, иметь сведения о динамике инфляции, измеряемой как индекс розничных цен (с учетом стоимости «корзины» 24-х товаров фиксированного набора). В данном случае речь идет о двух индексах цен: индекса частной и базарной торговли (Приложение, рис. 2), а также торговли в обобществленном секторе и сводного (взвешенного) индекса цен (Приложение, рис. 3). Эти данные собирались в 1920-х гг. Конъюнктурным институтом, в качестве базового года использовался 1913 г. [5]. Динамика, отображенная на рис. 2 отражает процесс резкого возрастания цен на «вольном» крестьянском рынке (как отмечает Р.А. Белоусов, уже весной 1928 г. на этом рынке появились «первые признаки приближающейся бури» [6]. Хлеб, а затем и другие продукты питания можно было купить по низким карточным (пайковым) ценам, но отоварить карточки удавалось не всегда (да и набор нормируемых продуктов был ограниченным), поэтому

приходилось обращаться в частную, базарную торговлю, где цены на те же продукты были выше в разы (Приложение, рис. 2, 3).

Анализ данных о динамике *номинальной* зарплаты рабочих-текстильщиков Москвы на предприятиях по производству хлопчатобумажных тканей, шерсти и шелка возрастала, хотя и не очень существенно – за период с сентября 1927 г. по декабрь 1930 г. ее рост составил соответственно 19,3 %, 23,5 и 18,9 % (Приложение, рис. 1).

Однако в условиях растущего товарного дефицита и связанной с ним инфляции вопрос об изменениях уровня жизни рабочих требует оценки динамики *реальной* зарплаты. Ее динамика, представленная на рис. 4, показывает, что в 1929 г. начинается падение уровня жизни трудящихся текстильной промышленности: весной на предприятиях по производству хлопчатобумажных тканей и шерсти, осенью – шелка. Это падение реальной зарплаты рабочих с осени 1927 г. до конца 1930 г. составило 24,2 %, 21,6 и 24,5 % по соответствующим отраслям текстильной промышленности Москвы.

«Великий перелом», таким образом, привел к понижению уровня жизни московских рабочих-текстильщиков, достигнутого ими в течение первых пяти лет нэпа. Региональные и отраслевые особенности этого процесса требуют специальных исследований.

Опасаясь потерять поддержку рабочих, власть ввела в начале 1931 г. всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары, установив приоритетное обеспечение для промышленных рабочих. Предпринятые в 1930 и начале 1931 г. меры по снижению цен на промышленные товары не дали положительного результата. Рост в 1928–1932 гг. номинальной зарплаты текстильщиков на 43,4 % (согласно приведенным выше в официальных источниках 1930-х гг. данным) не поспевал за темпом дороговизны. Реальная зарплата рабочих снижалась.

Дифференциация заработной платы рабочих-текстильщиков нэпа. В какой мере различалась зарплата рабочих-текстильщиков в зависимости от их профессии/квалификации?

Увеличилась ли эта степень дифференциации в сравнении с дореволюционной? Обратимся к данным о зарплате рабочих-текстильщиков на предприятиях позднеимперской России, представленным в публикации И.М. Козьминых-Ланина, которая содержит статистику заработков фабрично-заводских рабочих Московской губернии в 1908 г. [7]. Данные о средних заработках рабочих-текстильщиков основных специальностей дают возможность установить разницу между заработками высоко- и низкооплачиваемых профессий того или иного производства. Мы обратимся к обработке хлопка – одной из наиболее крупных отраслей. Представленные в работе Козьминых-Ланина таблицы 1 и 2 содержат данные о заработной плате 116 520 рабочих (мужчин и женщин отдельно) на 141 предприятии по обработке хлопка Московской губернии за ноябрь 1908 г. В табл. 1 показано, что заработки высокооплачиваемых *работниц* по обработке хлопка – ткачих на механических станках в 1,52 раза превышали заработки низкооплачиваемых категорий работниц – работниц при сушильных барабанах: 16 руб. 07 коп. и 10 руб. 58 коп. соответственно. В табл. 2 охарактеризованы заработки *рабочих-мужчин* различных профессий, занятых на предприятиях по обработке хлопка в Московской губернии. У мужчин заработок высокооплачиваемых рабочих превышал заработок низкооплачиваемых рабочих значительно в большей мере, чем у женщин этого же производства. Достаточно сказать, что средний месячный заработок ракллистов¹ (57 руб. 28 коп.) в 2,97 раза превышал заработок ткачей на механических станках со средним заработком 19 руб. 29 коп. Такой разрыв в оплате труда соответствовал разнице квалификации указанных категорий рабочих. Ткачи – рабочие средней квалификации. Сравнение с заработками чернорабочих дает еще более контрастную картину.

Сохранился ли такой уровень дифференциации оплаты труда текстильщиков в годы нэпа? Ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к данным о зарплате рабочих разных отрас-

¹ Ракллисты – квалифицированные рабочие, которые управляли ситцепечатной машиной (срок их обучения достаточно продолжителен).

лей, представленным в целом ряде таблиц, составленных в 1930 г. экономико-статистическим сектором Госплана СССР. Эти данные позволяют оценить динамику показателей дифференциации в течение последних трех лет существования нэпа¹.

Анализ данных табл. 50 и 51 этого издания² показывает, что в годы нэпа, так же, как и в начале XX в., разница в оплате женского труда была менее существенной в сравнении с мужским трудом. В 1927 г. зарплата ткачих (сравнительно высокооплачиваемой профессии) была в 1,47 раза выше, чем зарплата съемщицы (профессия невысокой квалификации); в 1927 г. этот показатель практически не изменился (1,48), в 1929 г. он снизился до величины 1,41. Что касается мужчин-рабочих, то здесь мы можем сравнить в качестве профессий с высокой и невысокой квалификацией те же занятия, которые мы рассматривали для дореволюционных предприятий: раклитов и ткачей. В 1927 г. зарплата раклитов превышала зарплату ткачей в 2,56 раза, в 1928 г. – в 2,55, а в 1929 г. – в 2,33 раза. Показатель дифференциации зарплаты мужчин-текстильщиков, как мы видим, несколько понизился в сравнении с дореволюционным уровнем. Это наблюдение остается в силе, даже если взять в качестве неквалифицированной рабочей силы чернорабочих: в этом случае показатель принимает значения 2,83 для 1927 г., 2,81 для 1928 г. и 2,80 для 1929 г.

Таким образом, степень дифференциации оплаты труда в текстильной промышленности в последние годы нэпа имела тенденцию к снижению как для женского труда, так и для мужского. При этом в обоих случаях этот показатель был более высоким в дореволюционной текстильной промышленности.

В начале 1930-х гг., в условиях форсированной индустриализации, политика государства в области оплаты труда промышленных рабочих резко изменилась. Начиналась эпоха внедрения принципиально других подходов к стимулированию труда, предполагающих резкий рост дифференциации зарплаты в зависимости от квалификации и производительности труда.

¹ Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. М., 1930.

² Там же. С. 46–48.

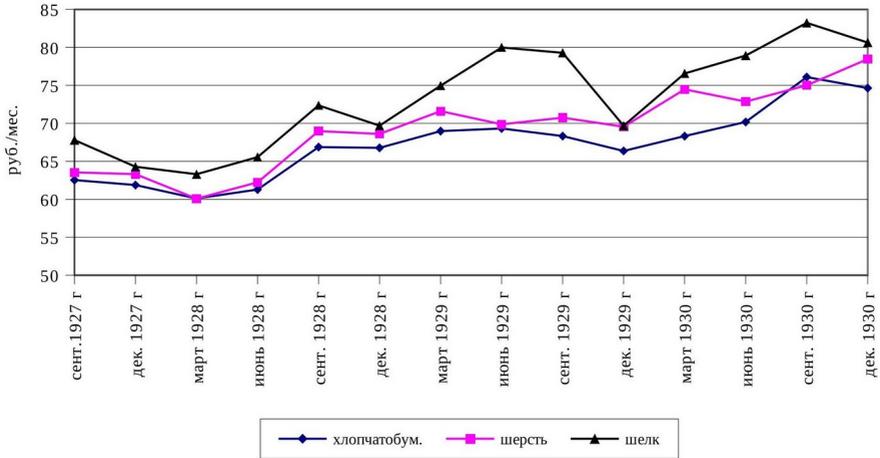

Рис. 1. Динамика номинальной заработной платы рабочих московской текстильной промышленности, 1927–1930 гг.
Источники: ЦГАМ. Ф. Р-126. Оп. 14. Д. 4, 5–7.

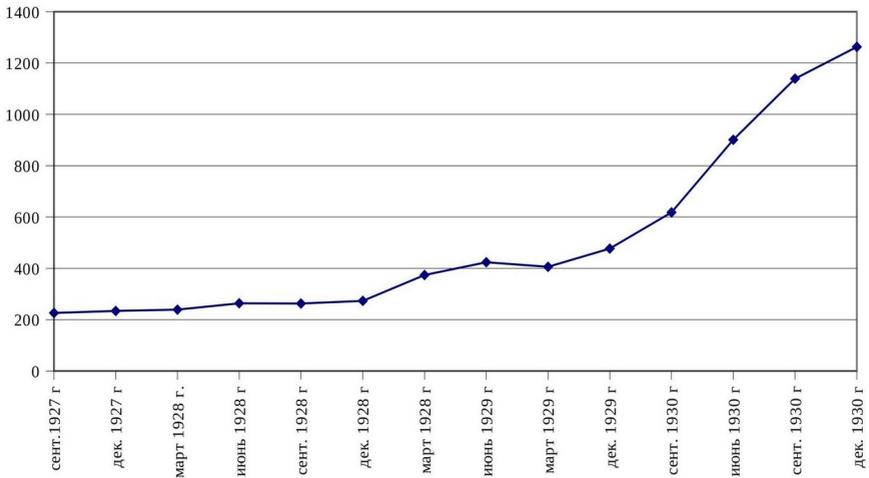

Рис. 2. Индекс розничных цен: частная и базарная торговля (цены 1913 г.=100).
Источник: [5, с. 235].

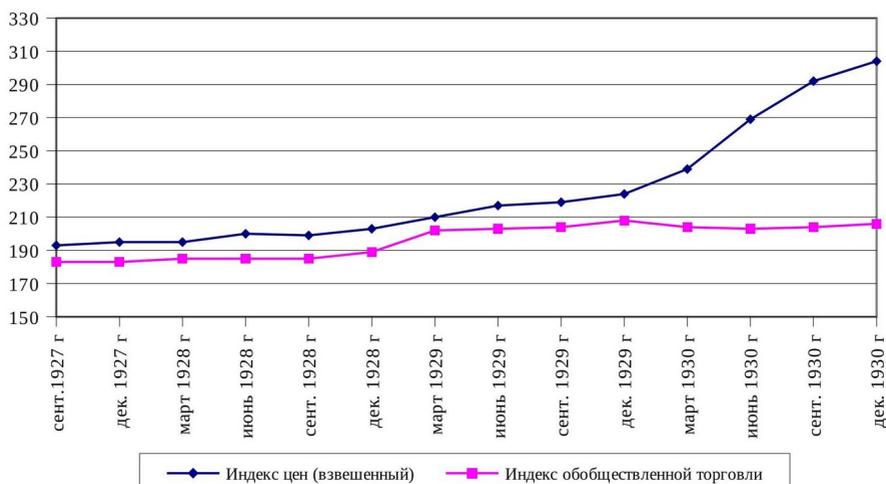

Рис. 3. Индексы розничных цен: индекс общественной торговли и взвешенный индекс, 1927–1930 г. (цены 1913 г.=100).
 Источник: [5, с. 235].

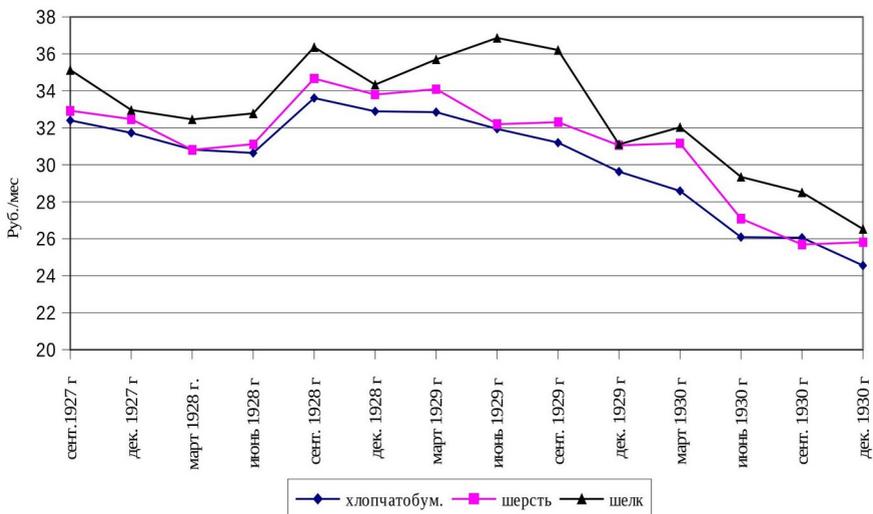

Рис. 4. Динамика реальной зарплаты рабочих московской текстильной промышленности, 1927–1930 гг. (цены 1913 г.=100).
 Источник: [5, с. 235].

Список литературы

1. *Allen R.C., Khaustova E.* Russian real wages before and after 1917, *Explorations in Economic History*. 2019. Vol. 72 (C). P. 23–37.
2. *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998. 154 с.
3. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2003. Т. 5: 1927 г. 804 с.
4. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998. 267 с.
5. *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв.* М.: Прогресс-Академия, 1994. 336 с.
6. *Белоусов Р.* Экономическая история России: XX век. М.: ИздАТ, 2002. Кн. III: Тяжелые годы роста и обновления. 397 с.
7. *Козьминых-Ланин И.М.* Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911.

Демографические последствия либеральных экономических реформ в Красноярском крае²

A.V. Zadorin

Demographic Implications of Liberal Economic Reforms in the Krasnoyarsk Territory

Аннотация. В начале 1992 г. почти сразу же после распада СССР в РФ стартовали либеральные экономические реформы, предполагавшие создание немногочисленного слоя крупных собственников. Продолжающиеся до сих пор преобразования прошли несколько этапов и имели чрезвычайные последствия для жизни страны и ее регионов. В статье на основе официальной статистики, архивных материалов и литературы рассматриваются демографические последствия либеральных экономических реформ в Красноярском крае в 1992–2020 гг. Анализируется эволюция рождаемости и смертности городского и сельского населения, изменения поселенческой структуры и национального состава региона.

Ключевые слова: либеральные экономические реформы, уровень жизни, демографическая ситуация, депопуляция, деиндустриализация, рождаемость, смертность, национальный состав населения, Красноярский край.

Красноярский край – второй по площади субъект РФ, один из самых перспективных регионов. Наличие большого природно-ресурсного и производственного потенциала делает край стратегически важной территорией. А поскольку одной из слага-

¹ **Задорин Артем Викторович**, старший преподаватель, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Россия, Красноярск, e-mail: a.zadorin2013@yandex.ru

Zadorin Artem Viktorovich, Senior Lecturer, Humanitarian Institute of the Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk, e-mail: a.zadorin2013@yandex.ru

² Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России.

емых экономики являются трудовые ресурсы, интерес представляет влияние реформ на демографические процессы.

Для начала охарактеризуем экономическую ситуацию в крае в 1970–1980-х гг., для чего обратимся к тогдашним его руководителям. Первый секретарь Красноярского краевого комитета КПСС в 1972–1987 гг. П.С. Федирко вспоминает: «Для того, чтобы край из сырьевого придатка превратился в по-настоящему значимый для страны регион, нужны были соответствующие предприятия и соответствующая инфраструктура этих предприятий. Была поставлена задача: прежде всего значительно развить машиностроение в крае. Это удалось сделать» [1, с. 120]. В таком же ключе высказывается его предшественник – В.И. Долгих, возглавлявший край в 1969–1972 гг.: «Застоя в экономике не было – был застой в кадрах. Негативную роль сыграло и то, что военное лобби в Политбюро забежало вперед в области наращивания вооружений. Перекос в сторону ВПК был не слишком оправдан»¹. И все же за годы двух десятилетий (1971–1980 гг., 1981–1990 гг.) регион превратился из сырьевого в индустриальный.

С 1970 по 1989 г. средняя зарплата в крае возросла со 153 до 250 руб., товарооборот в расчете на одного человека – с 75 до 145 руб. Потребление мяса выросло с 51 до 70 кг, жилищный фонд – с 8,6 до 15 кв. м на человека². Но в то же время Красноярский край отдавал куда больше, чем получал. Условия быта и труда красноярцев были хуже, чем в среднем по РСФСР.

В скором времени ожидалось их улучшение. В 1989 г. в Красноярске обсуждалась программа по развитию и размещению производительных сил Красноярского края на период до 2005 г.³

¹ Красноярская газета. 2020. 13 окт.

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 16. Д. 337. Л. 55.

³ В работе совещания участвовали консультант социально-экономического отдела ЦК КПСС В.А. Сидоров, ответственные работники Совмина РСФСР, Госпланов СССР и РСФСР, 15 министерств и комитетов СССР и РСФСР, представители Сибирского отделения АН СССР. Были приглашены партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники, хозяйственные руководители, работники идеологических учреждений.

Так, к 2000 г. планировалось довести обеспеченность жилплощадью одного сельского жителя до 20 кв. м, полностью охватить детей детскими садами и яслями, удовлетворить покупательский спрос по всем видам продовольствия¹.

В то же время участники совещания констатировали наличие многих социально-демографических проблем в Красноярском крае. Во-первых, кризис переживал институт семьи. В 1989 г. распадалась практически каждая вторая семья. Во-вторых, расцвело пьянство. В крае (с Хакасской автономной областью) на 1,9 млн работающих насчитывалось 200 тыс. алкоголиков. 80 тыс. жителей были психически больны. Если в 1965 г. насчитывалось 0,15 % умственно отсталых детей – естественный фон, всегда сопровождающий человечество, – то в 1988 г. – свыше 2 %². Причинами являлись и алкоголизация населения, и в целом все более городской образ жизни людей.

Вырос средний уровень заболеваемости. В конце 1980-х гг. всего лишь 15 % жителей были здоровы, 60 % – больны. В частности, онкологическая заболеваемость в Красноярске с 1971 по 1988 г. выросла в 2,5 раза³ Основной причиной здесь являлось экологическое неблагополучие.

Представленные архивные данные уникальны, поскольку до 1990 г. статистика по заболеваемости и смертности была закрыта. Приведенные факты потрясают, однако указанные проблемы вполне поддавались решению. Наблюдался естественный прирост населения (рождалось больше, чем умирало), имелась уверенность в завтрашнем дне, что немаловажно для психического здоровья и планирования семьи. Также в 1980-е гг. значительно снизился объем миграции в город. Объективных причин депопуляции не существовало [2].

Обвал уровня жизни произошел в 1992 г., когда в России начались либеральные экономические реформы. Они стартовали 1 января, а незадолго до того, в декабре 1991 г., прекратил суще-

¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 16. Д. 337. Л. 88, 89.

² Там же. Л. 53.

³ Там же. Л. 54, 109.

ствование Советский Союз. Освобождение цен от государственного контроля вызвало их небывалый взлет, породив гиперинфляцию. Сбережения граждан были, по сути, конфискованы. За 1992 г. цены в регионе выросли в 10–27 раз в сравнении с 1991 г., в том числе на потребительские товары и услуги – в 23 раза¹. В дальнейшем рост цен приостановился, хотя оставался высоким вплоть до 1995 г.

Распад СССР и либеральные реформы ухудшили экономическое положение края, вызвали спад промышленного производства. Снизилось производство ряда продуктов питания: колбасных изделий – на 1/3, мяса – в два раза, цельномолочной продукции – в четыре раза². Соответственно оскудело питание. Так, если в 1990 г. на каждого жителя края приходилось по 39,3 кг мясопродуктов в пересчете на мясо, то в 1992 г. – всего 27,5 кг [3, с. 158].

Промышленный спад привел к дефициту краевого бюджета, что заставляло сворачивать социальные программы, распродавать предприятия. Самыми крупными и прибыльными из них завладели коммерческие банки через залоговые аукционы. Цены были занижены многократно. Так, Норильский горно-металлургический комбинат при стоимости основных фондов в 6–8 млрд долл. ушел с молотка всего за 170 млн долл. [4, с. 58].

Резко снизившийся уровень жизни привел к распространению пессимизма среди жителей края. Проведенный в мае 1995 г. социологический опрос показал, что более половины респондентов были недовольны жизнью, и только 2 % довольны. Наибольшими пессимистами оказались служащие госпредприятий и учреждений, наибольшими оптимистами – учащиеся, студенты техникумов и вузов (в силу их молодого возраста) [5, с. 57].

Снижение уровня жизни населения сопровождалось ухудшением демографической ситуации. В сентябре 1992 г. в Красноярском крае впервые за послевоенные годы регистрировалась естественная убыль населения: минус 316 чел.³ В марте 1993 г.

¹ Красноярский край в цифрах в 1994 г.: крат. стат. сб. Красноярск, 1995. С. 45.

² Экономическое положение городов и районов края в 1994 году: стат. сб. Красноярск, 1995. С. 20.

³ Красноярский рабочий. 1992. 9 дек.

депопуляция захватила и Красноярск¹. Депопуляция приняла устойчивый характер и продолжалась до 2009 г.

С 1995 г. смертность стала снижаться: люди адаптировались к новой реальности. Но 17 августа 1998 г. был объявлен технический дефолт. Курс рубля по отношению к доллару США упал за полгода более чем в 3 раза – с 6 руб. за доллар перед дефолтом до 21 руб. за доллар 1 января 1999 г. Разорилось много малых предприятий, банков. Население потеряло значительную часть своих сбережений, упал уровень жизни. Случился новый всплеск смертности. Достигнув пика в 2005 г., он резко пошел на спад [6, с. 413].

Смертность в Красноярском крае в 1990-х гг. имела ряд особенностей: 1) аномально высокий уровень; 2) затяжной характер падения; 3) резкие колебания динамики; 4) связанность с экономическими преобразованиями (поднималась после либерализации цен 1992 г. и дефолта 1998 г.).

Структура причин смерти оставалась такой же, как до реформ. И горожане, и селяне чаще всего умирали от болезней системы кровообращения, внешних причин и раковых опухолей. Вместе с тем в сельской местности смертность по любой из причин была выше, чем в городских поселениях. Более трети от общего числа умерших составляли люди трудоспособного возраста, из них 80 % – мужчины. Их умирало в 3,5 раза больше, чем женщин [6, с. 413]. Иностранцы назвали феномен российской сверхсмертности «наиболее удивительным событием в мировом здравоохранении»². Много жизней уносили алкогольные отравления. Рост смертности поражал: с 1990 по 1994 г. у горожан он был десятикратный, у сельчан – шестикратный [6, с. 416]. Чаще всего люди травились крепким алкоголем.

В новый век Красноярский край вступил с массой нерешенных проблем. На большинстве территорий края наблюдалась устойчивая депопуляция (например, в 2001 г. на 59 территориях из 68)³. Повсеместно сложился специфический тип воспроизвод-

¹ Красноярский комсомолец. 1993. 13 марта.

² За Победу! 2009. 21 окт.

³ Красноярский рабочий. 2002. 1 июня.

ства населения с низкой рождаемостью и высокой смертностью мужчин в трудоспособном возрасте.

В начале 2000-х гг. государство решило покинуть не только экономическую, но и социальную сферу. Это сопровождалось переходом к плоской шкале налогообложения (единая ставка налога в 13 %), монетизацией льгот, повышением акцизов. Так как преобразования шли ровно, скачков смертности уже не было. Более того, ее структура изменилась: смертность от внешних причин переместилась со второго места на третье. Уровень смертности от алкогольных отравлений вернулся к показателям 1991–1992 гг. [6, с. 417].

Рождаемость тоже эволюционировала – это показали микропереписи 1994 г.¹ и 2015 г.² Репродуктивные планы женщин фертильной возрастной группы 18–44 лет за это время существенно изменились. С 18 % до 7,9 % сократилась доля не желающих иметь детей. Большинство женщин (45,1 %) стало ориентироваться на двухдетную семью (в 1994 г. было 34 %). Доля желающих ограничиться одним ребенком уменьшилась с 48 % до 33 %. Трех и более детей планировали иметь 14 % женщин (в 1994 г. было 2,8 %).

Депопуляционные процессы и деиндустриализация обусловили сокращение численности населения на всех территориях, кроме Красноярска и его спутника Сосновоборска. При этом развитие Красноярской агломерации шло и продолжается в ущерб периферии [7, с. 73].

Что же касается национального состава населения, то доля русских продолжает оставаться стабильной (88,1 % в 2010 г.) [8, с. 7]. Вместе с тем в 1,4–3 раза сократилась численность старожильческих национальностей Красноярья: татар, башкир, немцев, чувашей, марийцев, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, мордвы, белорусов, евреев [8, с. 11]. Причинами стали

¹ Красноярский рабочий. 1995. 8 апр.; 13 мая.

² Итоги микропереписи населения 2015 г. Табл. 5.3. (абс.) Население, принявшее участие в микропереписи, по числу желаемых и ожидаемых детей. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 13.06.2021).

снижение естественного прироста, миграционная убыль, культурно-интеграционные и ассимиляционные процессы. За счет повышенной рождаемости и активной миграции значительно (в 1,7–5,4 раза) увеличили свое представительство в крае диаспоры Кавказа, Центральной и Юго-Восточной Азии: узбеки, азербайджанцы, армяне, киргизы, таджики, китайцы [8, с. 12].

Таким образом, социальная цена либеральных экономических реформ оказалась непомерно высока. Разрушение планового хозяйства ухудшило демографическую ситуацию, вызвав депопуляцию. Произошло стягивание населения в центр региона при деградации периферии. Изменился национальный состав в сторону увеличения некоренных этносов. Исторический опыт показывает: до тех пор, пока Красноярский край будет оставаться сырьевым придатком, он не преодолет демографического кризиса. Необходима новая индустриализация.

Список литературы

1. Федирко П.С. Край моей судьбы. Мемуары. Красноярск: Поликор, 2016. 192 с.
2. Задорин А.В. Демографическая ситуация в Красноярском крае в 80-х гг. XX в.: была ли неизбежна депопуляция? // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 497–504.
3. Черотайкин Б.Е. Социально-экономическая обстановка накануне первых и вторых губернаторских выборов в Красноярском крае // Духовно-исторические чтения: Вып. VIII: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск: КрасГАСА, 2003. С. 157–163.
4. Агранат Г. Север: заложник и жертва // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 57–65.
5. Немировская А.В. Ценности в массовом сознании: структура и динамика. Красноярск: Поликом; Краснояр. гос. ун-т, 2005. 123 с.
6. Задорин А.В. Динамика смертности населения Красноярского края в 1990–2015 годы: основные тенденции // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 411–418.

7. *Задорин А. В., Северьянов М.Д.* Поселенческая структура Красноярского края в 1970–2010 гг.: проблемы совершенствования // Известия Алтайского гос. ун-та. Исторические науки и археология. 2016. № 4. С. 71–75.

8. Этноатлас Красноярского края. Изд. 3-е, перераб. и доп. Красноярск: Поликор, 2018. 240 с.

УДК 94:621.31(571.645)«1991/2000»

*Е.Н. Чернолуцкая*¹

**Кризис энергоснабжения на Курилах
в условиях постсоветский преобразований
системы хозяйствования (1991–2000 годы)**

E.N. Chernolutskaia

**The Crisis of Energy Supply in Kuril Islands
in Conditions of Post-Soviet Transformations
of Economic System (1990–2000)**

Аннотация. Тотальный российский кризис 1990-х гг. в курильских районах переживался особенно тяжело в связи с их островным и глубоко периферийным положением, зависимостью от завоза всех жизненно необходимых материалов. Разрушение советской системы снабжения и переход на рыночные отношения, рекордное по стране повышение цен и другие факторы привели к острейшему дефициту топлива, на котором работали местные дизельные электростанции. Положение усугублялось выходами из строя энергооборудования, происходившими из-за его ветхого состояния, а также природных катаклизмов. В результате в течение всего десятилетия Курилы

¹ **Чернолуцкая Елена Николаевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Россия, Владивосток, e-mail: chvalery@mail.ru.

Chernolutskaia Elena Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vladivostok, e-mail: chvalery@mail.ru.

были погружены в перманентный кризис энергоснабжения – на грани социального и экономического выживания.

Ключевые слова: Курильский субрегион России, кризис энергоснабжения, рыночные реформы 1990-х гг., система «северного завоза».

В данном докладе на примере Курильского субрегиона Дальнего Востока¹ мы обратимся к одной из острейших проблем, с которой столкнулись отдаленные районы России, отрезанные от «большой земли», – кризису энергоснабжения, отразившему на локальном уровне комплекс экономических последствий рыночных реформ и их социальной цены.

На Курильских островах в силу географического фактора энергоснабжение было полностью автономным. В советское время здесь были построены дизельные электростанции, принадлежавшие градообразующим предприятиям: на Парамушире – Северо-Курильской базе сейнерного флота, Итуруп – Курильскому рыбозаводу, Шикотане – рыбокомбинату «Островной», Кунашире – Южно-Курильскому рыбокомбинату. Тепло подавалось от работавших на угле котельных установок. Эти предприятия были связаны с рыбной отраслью и обременены социальными функциями, включая энергоснабжение своих районов. При этом они являлись «планово-убыточными» и дотиrowались государством.

Необходимые на сезон около 40 тыс. т соляра и 70 тыс. т угля завозились в ограниченные сроки морской навигации. Эта кампания как часть «северного завоза»² в советский период велась централизованно, позволяя избегать сбоев. Но энергооборудование к началу 1990-х гг. морально и физически устарело, требовало ремонта либо замены. Начавшиеся рыночные реформы негативно повлияли на оба компонента, поскольку и сама Сахалинская область, и курильские районы были дотационными, а в стране нарастал экономический кризис.

¹ Курильский субрегион включает в себя Северо-Курильский, Курильский и Южно-Курильский районы Сахалинской области с центрами на островах Парамушир, Итуруп и Кунашир.

² Курильские острова приравнены к районам Крайнего Севера.

В 1990-е гг. система «северного» (досрочного) завоза, имея переходный характер, включала элементы государственной организации и чисто рыночные. Господдержка завоза трансформировалась из прямого бюджетного финансирования в льготное государственное кредитование, объемы которого и сами поставки постоянно сокращались [1, с. 149–151]. Льготные кредиты поначалу частично покрывали стоимость самого топлива для электростанций, а с 1996 г. – только его транспортировки. Районы и предприятия сами должны были изыскивать остальные средства и поставщиков, а также расплачиваться за кредиты, что оказалось неподъемной задачей.

Координация работы участников досрочного завоза на уровне страны была возложена на Роскомсевер, а в регионах – на областные/краевые власти. Однако ни те, ни другие часто были не способны решать постоянно усложнявшиеся проблемы. Если ранее поставки на Курилы обеспечивало Всесоюзное объединение «Дальрыба», то в постсоветский период эта функция была распылена между областными структурами «Сахглавснаб», «Сахалинрыбпром», «Сахнефтеснаб». Все они в начале 1990-х гг. стали акционерными обществами и имели свои коммерческие интересы. В результате в снабжении Курил нарушилась системность и обязательность, возникали постоянные сбои и авральные ситуации. Стоимость топлива возросла по всей стране, но на Курилах из-за транспортных расходов она была одной из самых высоких. В стране сократилось и само производство нефтепродуктов, приведя к их дефициту в большинстве регионов.

В плачевном состоянии оказались курильские градообразующие предприятия. Их производство резко затормозилось, вплоть до остановки ряда линий, работники месяцами не получали зарплаты. Экономика островов по-разному реагировала на реформы: в Северо-Курильском и Курильском районах основные предприятия акционировались и постепенно встали на ноги, но в Южно-Курильском районе крупнейшие в стране рыбокомбинаты «Островной» (Шикотан) и Южно-Курильский (Кунашир),

до конца 1990-х гг. оставаясь в государственной собственности, не смогли преодолеть последствия «шоковой терапии», а также разрушительного землетрясения 1994 г., пришли в упадок и обанкротились (подробнее см.: [2]).

Обеспечение островов топливом стало большой проблемой. Ощутимые перебои в его поставках начались в 1991 г., впервые создав угрозу остановки электростанций на Парамушире, Шикотане и Итурупe, а в 1992 г. – и на Кунашире¹. Возникли длительные отключения электроэнергии. Поставщики топлива требовали предоплату, а в районах денег на это не было. Складывался замкнутый круг: рыбный флот и береговые предприятия из-за дефицита топлива простаивали, а купить его было не на что из-за остановки производства.

Чрезвычайная ситуация, в которой оказались Курилы, заставила на ходу искать экстренные механизмы ее решения. По постановлению сахалинского губернатора В. Федорова от 8 июля 1992 г. была сформирована комиссия во главе с вице-губернатором по принятию оперативных мер и обеспечению жизнедеятельности курильских районов². С 1993 г. проблемами Курил стал заниматься областной департамент по рыболовству³.

Областными структурам удавалось «раздобыть» для Курил некоторые объемы топлива и льготных кредитов. Попытались изыскивать средства на покупку горючего и в самих районах. Но поставщики нередко нарушали свои обязательства. Так, получив льготный кредит, осенью 1992 г. комбинаты «Островной» и Южно-Курильский произвели предоплату нефтепродуктов ассоциации «Дальрыба», но к началу зимы горючего так и не получили. В ноябре электроэнергия в районе подавалась по жесткому графику, еле-еле работали котельные. Для поддержки жизнеспособности района нефтепродукты приходилось занимать у военных. К концу ноября Южно-Курильский рыбокомбинат задолжал им более 1,5 тыс. т соляра.

¹ Советский Сахалин. 1991. 5 сен., 12 дек.; 1993. 9 фев.

² Постановление Губернатора Сахалинской области от 08.07.1992. № 180. URL: <https://zakon-region3.ru/4/294/> (дата обращения: 21.04.2021).

³ Советский Сахалин. 1993. 16 янв.

Полные отчаяния телеграммы в разные адреса – от руководства области до Президента России – результата не дали. И только в декабре «Дальрыба» отправила на южные Курилы танкер, однако он взял на борт далеко не полный объем топлива, за который район уже расплатился¹. И это был не единственный случай.

Из-за резко снизившейся платежеспособности предприятий у них появились проблемы с получением кредитов. Не раз случалось, что подошедший к островам танкер не разгружал топливо, пока не получал подтверждения о его оплате, в противном случае уходил восвояси. В марте 1993 г. филиал коммерческого банка «СахАГРО» отказался дать льготный кредит Южно-Курильскому рыбокомбинату, из-за чего последний не смог расплатиться за 1,5 тыс. т соляра, доставленного к берегам Кунашира. В итоге танкер слил все топливо комбинату «Островной» на Шикотане, сумевшему получить льготный кредит в Крабовозовском отделении Госбанка России. А на оставшемся без топлива Кунашире были введены жесткие ограничения подачи электричества. Из-за этого не работали многие учреждения и предприятия. Полностью электростанция не была остановлена только благодаря помощи военных. Затем кредит кунаширцам удалось получить под гарантию коммерческой структуры с погашением займов средствами от продажи продукции рыбокомбината и выделением гаранту лимитов на морской промысел².

Позже льготные кредиты районам на топливо для электростанций стал выделять Центральный банк России. Однако их было далеко недостаточно, кроме того, курильские власти зачастую передавали эти средства не владельцам электростанций, а другим предприятиям района, также переживавшим тяжелые времена³.

События начального периода энергетического кризиса на Курилах содержали в себе его основной алгоритм последующих

¹ Советский Сахалин. 1992. 25 нояб.

² Губернские ведомости. 1993. 10 апр.

³ Советский Сахалин. 1993. 7 мая.

лет десятилетия: острый дефицит топлива – отсутствие средств – ожидание льготных кредитов – необязательность поставщиков и перевозчиков топлива – режимная подача электроэнергии – воззвания о помощи к вышестоящим инстанциям – экстренные точечные меры, которые лишь эпизодически разряжали обстановку, а нередко и полная неспособность каких-либо структур повлиять на кризис.

Ежегодный досрочный завоз горючего в период навигации по объему был всегда меньше, чем требовалось. В свою очередь градообразующие предприятия использовали полученное топливо не только для электростанций (как это полагалось), но и для своих производственных нужд. В результате его запасы быстро иссякали, и их требовалось срочно пополнять – на кону буквально стоял вопрос жизни районов.

В середине 1990-х гг. электростанции на Кунашире и Парамушире были переданы в муниципальную собственность. Но это мало изменило ситуацию, т.к. районные бюджеты были скудны. Кроме того, местные власти в целом не могли эффективно управлять не только по объективным причинам, но и из-за своей растерянности перед лицом кризиса, некомпетентности либо «теневых» отношений.

Обращение за помощью к военным стало рутинной практикой «добычи» горючего для электростанций. Без этого Курилы вряд ли бы выжили. Топливо брали в долг также у коммерсантов и проходящих судов. Но в результате складывался еще один порочный круг: занятое приходилось отдавать из поступлений досрочного завоза или экстренной помощи, после чего оставшегося горючего хватало ненадолго, и снова все повторялось.

Разрушение отлаженной системы «северного завоза» заставляло искать иные механизмы решения топливного вопроса. В ход пошли бартерные сделки. Так, в 1993 г. Южно-Курильский район заключил соглашение с нефтеперерабатывающим заводом в Комсомольске-на-Амуре о поставках ему консервов и рыбы в обмен на нефтепродукты¹. Еще одной

¹ Губернские ведомости. 1993. 30 окт.

«приманкой» для поставщиков было предоставление им права промысла на Курилах¹.

Другой источник смягчения топливного голода был найден в использовании иностранных ресурсов: нефтепродукты стали поставлять южно-корейские компании в счет платы за право морского промысла в российских водах, что регулировалось Госкомрыболовством². Во второй половине 1990-х гг. горючее у иностранных фирм областная администрация закупала уже не «по бартеру» (за уловы), а за валюту³.

Курильские власти прибегали также к способу, специфичному именно для этой территории, – просьбе о гуманитарной помощи от Японии, – играя на стремлении Токио усилить свое влияние на население «спорных территорий». Первое такое обращение Курильской и Южно-Курильской администраций в 1993 г. вызвало негативную реакцию сахалинского руководства – как «политически недальновидное». Однако невозможность справиться с кризисом собственными силами скоро заставила областную власть лояльно относиться к поставкам нефтепродуктов, которые Япония стала время от времени безвозмездно осуществлять в островные районы⁴.

Курильчане жили «от танкера до танкера»: его долгожданный приход с топливом на борту означал небольшую передышку в ограничениях подачи света и тепла, которые длились от 4 до 20 часов в сутки, а иногда и по нескольку дней. Нарастание кризиса произошло во второй половине 1990-х гг. с пиковой ситуацией зимой 1999/2000 г. Тогда особенно пострадал Шикотан, куда не только не завезли нужного объема жидкого топлива, но и ни тонны угля. В результате электричество подавалось два раза в сутки по 2 часа, а отопление весь сезон (!) не было подключено вовсе⁵.

¹ Советский Сахалин. 1996. 17 дек.

² Губернские ведомости. 1994. 29 янв.

³ Советский Сахалин. 1997. 1 марта.

⁴ Там же. 1993. 1 мая; 1999. 20 окт.

⁵ Там же. 2000. 29 фев., 24 марта.

Проблема поставки топлива была не единственной причиной погружения Курил «во тьму». Немалую роль в этом сыграли выходы из строя энергооборудования, случавшиеся как по техническим причинам, так и из-за природных катаклизмов. В январе 1993 г. и октябре 1994 г. значительный урон энергетическому хозяйству Южно-Курильского района нанесли сильные землетрясения¹. Серьезные аварии произошли в 1995 г. на электростанциях в Северо-Курильске, Курильске, пос. Китовый, в 2000 г. – в пос. Малокурильский. В конце 1990-х гг. на Кунашире из-за ветхости вышел из строя трубопровод, по которому перекачивали топливо с танкеров на берег². В октябре 1998 г. полностью сгорела электростанция в пос. Крабово-заводский (Шикотан). Почти всю зиму люди жили без тепла и света, используя газовые печи и свечи. Только к февралю 1999 г. был доставлен и запущен новый генератор, а осенью энергетический комплекс построили там японские специалисты по линии гуманитарной помощи³. Пожар случился также в марте 1999 г. на электростанции в Северо-Курильске, повредив часть ее оборудования⁴.

Для решения энергетической проблемы на Курилах сахалинские власти предпринимали шаги к переходу на альтернативные источники: началось строительство ГеоТЭС и ветроустановки на Кунашире, мини ГЭС на Парамушире, изыскательские работы на Итурупе. Но все они в рассмотренный период не были завершены (подробнее см.: [3]).

В итоге в течение всего десятилетия не было ни одного года, когда бы Курилы не переживали острых периодов энергетического кризиса, длившихся от одного до нескольких месяцев. Для островной территории с ее экстремальными природными условиями это создавало невыносимые условия жизни. К этому стоит добавить нарушение транспортного сообщения и снабжения всем необходимым, примитивные бытовые условия

¹ Советский Сахалин. 1993. 20 янв., 1994. 25 окт.

² Там же. 1995. 24 фев., 13 мая, 2 марта, 8 июля; 2000. 24 марта.

³ Там же. 1998. 6 нояб.; 1999. 28 янв., 20 окт.

⁴ Там же. 1999. 19 марта.

(в основном барачный тип жилья) и т.д. По словам современников, Курилы превращались в «резервацию», где курильчане не жили, а боролись за существование¹.

Список литературы

1. *Васильев В.В.* Ретроспективный анализ этапов формирования «северного завоза» на севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2. С. 146–155.

2. *Чернолуцкая Е.Н.* Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и «пограничный вопрос» // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 162–178.

3. *Чернолуцкая Е.Н.* Федеральная целевая Курильская программа: хроника, достижения и провалы первого этапа (1994–2005 гг.) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 103–119.

¹ Советский Сахалин. 1999. 12 марта.

**«Перестройка» в торговом обслуживании барнаульцев
в контексте реформ конца 1980-х – начала 1990-х годов²**

E.V. Demchik, G.A. Gryanikova

**“Perestroika” of Trade Services for the Barnaul Residents
in the Reforms’ Context of the Late 1980s – Early 1990s**

Аннотация. В статье рассмотрено торговое обслуживание населения столицы Алтайского края – Барнаула в конце 1980-х – начале 1990-х гг., включающее организацию трудовой деятельности работников торговли, качество товарного снабжения, торгового обслуживания и продовольственного обеспечения городского населения. На основе официальных статистических данных, материалов Государственного архива Алтайского края и газеты «Алтайская правда» определены особенности развития организаций торговли, сети общественного питания и службы быта в условиях реформирования региональной экономики и перехода от плановой системы хозяйствования к рынку.

Ключевые слова: перестройка, торговое обслуживание, рынок, экономические реформы, история повседневности, Алтайский край.

¹ **Демчик Евгения Валентиновна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул, e-mail: demtchikev@mail.ru.

Гряникова Галина Андреевна, аспирант, Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул, e-mail: gryanikova2711@gmail.com

Demchik Evgeniya Valentinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department, Altai State University, Russia, Barnaul, e-mail: demtchikev@mail.ru

Gryanikova Galina Andreevna, graduate student, Altai State University, Russia, Barnaul, e-mail: gryanikova2711@gmail.com

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-49-220005 «Торговля и товарное снабжение Алтайского края в 1960-е – 1990-е гг.: от плановой к рыночной экономике».

Период «перестройки» (1985–1991 гг.), с одной стороны, характеризуется сложными процессами в социально-экономической и политической жизни, что привело к распаду СССР. С другой – проводимые преобразования способствовали положительным изменениям в сфере экономического развития, и региональной торговли в частности. В системе управления торговлей предыдущего периода (1960–1980-е гг.) наблюдались явления «застоя»: отраслевой принцип управления народным хозяйством, нерациональность планирования, громоздкий управленческий аппарат, номенклатурное решение возникающих задач, отсутствие ориентации на запросы потребителя в сфере производства и товарного обеспечения. Это зачастую приводило к низкому качеству снабжения населения и дефициту многих видов товаров.

Актуальность темы заключается в попытке проанализировать изменения в торговом обслуживании жителей столицы Алтайского края – Барнаула при переходе отношений государства и предприятия к партнерству и становлении рыночных отношений. Недостаточная разработанность темы применительно к процессам преобразования региональной экономики представляет большой интерес для дальнейшего изучения торговли в контексте экономической истории и истории повседневности.

Цель данного исследования – анализ развития торгового обслуживания барнаульцев в 1985–1991 гг. при переходе от плановой системы хозяйствования к рыночной экономике. Хронологические рамки обусловлены периодом наиболее существенных трансформаций в образе жизни городского населения. Территориальные рамки исследования обусловлены тем, что в советской политико-экономической модели государство определяло направления, методы и механизмы решения социально-экономических проблем. Однако, несмотря на общее русло проводимой политики, необходимо учитывать, что ее реализация имела региональную специфику, поэтому следует остановиться на изучении проблемы товарного обслуживания населения одного из регионов РСФСР – Алтайского края.

В литературе по экономическому развитию в переходный период (рубеж 1980–1990-х гг.) можно выделить ряд историко-экономических научных, публицистических работ, воспоминаний организаторов реформ. В основе исследований трансформации торгового сектора находится осознание длительности процесса исторической эволюции российской экономики.

Научное изучение торгового развития в поздний советский период представлено трудами по общим экономическим вопросам [1; 2; 3; 4]. Исследователи анализировали законодательное закрепление институциональных изменений [5; 6]. Также опубликованы труды по проблемам функционирования аграрного рынка [7; 8; 9]. Научный интерес представляют воспоминания организаторов реформ 1980–1990-х гг., опубликованные в виде публицистических работ [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Отдельную группу составляют региональные исследования, посвященные проблемам формирования и эффективного функционирования рынка Алтайского края [16; 17; 18]. В ряде работ выявлены социальные проблемы населения, особенности деятельности промышленных предприятий, трудности экономического планирования в момент перехода к рыночной экономике [19; 20; 21; 22; 23].

В целом проблема развития торговли в условиях перехода к рыночной экономике и социально-экономических реформ в 1990-е гг. не получила достаточного освещения в отечественной литературе. Проблема становления рынка ограничивается рассмотрением его отдельных аспектов на общегосударственном уровне, при недостаточной разработке вопросов формирования и функционирования регионального рынка. Основная масса публикаций относится к экономическим исследованиям, состоит из научно-популярных очерков, изданий справочного характера, статей в периодической печати. По имеющимся исследованиям невозможно составить целостную картину торгового обслуживания барнаульцев. На передний план выходит информация, соответствующая субъективному мнению автора, как правило, непосредственного организатора реформ. В то же время влияние

торговли в новых экономических условиях на повседневность не стало предметом анализа.

Источниковую базу исследования составляют данные официальной статистики, делопроизводственные документы торгующих организаций и отчетная документация, хранящаяся в Государственном архиве Алтайского края. Для определения отношения потребителя к происходящим изменениям в сфере торгового обслуживания привлекаются материалы статей региональной газеты «Алтайская правда».

Основные положения «перестройки» были сформулированы в решениях XXVII съезда КПСС партии и последующих пленумов ЦК партии. Стоит отметить, что к концу 1980-х гг. сложились невысокий уровень социального развития и устойчивые диспропорции в экономике Алтайского края, что определило низкое стартовое положение региона накануне перехода к рыночной экономике [22]. Народное благополучие, а именно удовлетворение потребительского спроса, в большей мере зависело от темпов производства промышленных предприятий. К 1990 г. главной проблемой промышленности являлся износ производственных фондов. При этом уровень национального дохода на душу населения в крае был ниже, чем, например, в Новосибирской и Омской областях. Кроме того, показатели прироста внутреннего валового продукта были ниже общероссийских [17].

Главную составляющую реформ представляло введение «рыночного социализма» путем изменения структурной государственной политики с помощью развития товарно-денежных отношений, государственной поддержки индивидуальной и кооперативной форм деятельности, привлечение частного капитала в форме совместных предприятий. Основным вопросом при подготовке экономического реформирования стало расширение самостоятельности предприятий, перевод их на полный хозрасчет (самофинансирование, самоуправление, выбор коллективом руководителей) [24]. Например, 30 августа 1990 г. Управление торговли Алтайского крайисполкома и Центральный универмаг по решению трудового коллектива заключили договор

аренды о передаче основных фондов, инвентаря, оборотных средств и активов. Было решено перейти на арендную форму организации труда. Основными задачами нового арендного предприятия «Центральный универмаг» являлись, как и прежде, организация розничной торговли промышленными товарами и производственная деятельность. Оно имело статус юридического лица, собственный баланс, счета в банках, печать и штамп¹. К 1992 г. в Алтайском крае функционировало 2 910 приватизированных малых предприятий торговли и бытового обслуживания и 608 кооперативов, что превышало показатели других регионов Западно-Сибирского экономического района².

Вводимые меры были призваны повысить ориентацию производства на потребителя, расширить свободу отдельных торгующих организаций в формировании ассортимента продукции и форм торгового обслуживания. Но расширение самостоятельности предприятий в условиях экономического спада сформировало новую проблему: затраты на содержание объектов инфраструктуры стали тяжелым финансовым грузом для предприятий, на балансе которых они находились [21].

Проведение реформы продолжилось реорганизацией органов государственного управления с целью сокращения бюрократического аппарата для более оперативного решения текущих задач на производстве и в сфере товарного обращения. Так, в 1991 г. было упразднено Управление торговли Алтайского крайисполкома³. Реорганизовано Управление общественного питания в краевую фирму по оказанию услуг и координации хозяйственной деятельности предприятий общественного питания. Тресты столовых Центрального, Октябрьского, Железнодорожного, Ленинского, Индустриального районов Барнаула, а также городов Бийска, Рубцовска, Славгорода и база материально-

¹ Весь Алтай. [Электронный ресурс]. URL: <http://altlib.ru/territorii/barnaul/centralnyiy-univermag-v-barnaule/> (дата обращения: 14.06.2021)

² Российская Федерация в 1992 году: стат. ежегодник. М., 1993. С. 79, 84.

³ Государственный архив Алтайского края. (ГААК). Ф. Р-834. Оп. 4. Д. 226. Л. 250–252.

технического снабжения были переданы в ведение вновь созданной организации¹.

Однако реструктуризация органов государственного регулирования привела к отрицательному результату. Ранее Управления торговли, общественного питания и бытового обслуживания владели комплексной информацией о региональных особенностях торгового обслуживания и ситуацией в отдельно взятых торгующих организациях. Непосредственное подчинение Минторгу РСФСР привело к усугублению неуправляемости предприятиями на местах. Территориальная удаленность от центра, отсутствие вертикали управления и, как следствие, бесконтрольность, вызвали ухудшение торгового обслуживания и усугубили товарный дефицит.

Низкая эффективность работы служб изучения спроса на товары и его прогнозирования в торговых организациях и на промышленных предприятиях привела к неравному соотношению спроса и предложения на товарный ассортимент. В 1986 г. к выпуску товаров для населения Алтайского края приступили свыше 9 предприятий, освоено свыше 900 видов изделий, обновлено более 200 моделей швейных и 62 трикотажных изделий. Вместе с тем готовая продукция «оседала» в магазинах и на оптовых торговых предприятиях из-за низкого качества, несоответствия предлагаемого ассортимента потребностям населения².

Проблема ассортимента дополнялась некомпетентностью торгового персонала: «В наших магазинах есть морская рыба, креветки, кальмары. Мы – сибиряки, и далеко не каждый из нас знает, как их нужно готовить <...> Люди ходят с деньгами вокруг товаров и продуктов, а продавец, который обязан быть консультантом, не только молчит, но и на заданный вопрос, скорее всего, ответит «не знаю»³.

Неудовлетворительным было санитарное состояние предприятий общественного питания в столовых Центрального и Желез-

¹ ГААК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 1. Л. 72, 77.

² Алтайская правда. 1987. 17 апр.

³ Там же. 1986. 7 февр.

нодорожных районов Барнаула, наблюдались нарушения в хранении и технологии приготовления блюд в ресторанах «Барнаул» и «Волна», общественным контролем отмечалась низкая культура обслуживания в продовольственных магазинах Индустриального, Центрального и Октябрьского районов города¹.

Рост покупательной способности населения и отсутствие нужного товара в легальной торговле привели к активному развитию деятельности теневой экономики. «Черный» рынок поставлял потребителю одежду, обувь, ткани, продовольственные товары².

Еще одним недостатком при внедрении новой системы экономического планирования стали трудности в разработке механизмов по реализации региональных программ. Причиной являлась недостаточная информативная база вследствие необходимости решения беспрецедентных по сложности и новизне задач и отсутствия методических разработок как в Министерстве экономики РФ, так и в Комитете по экономике администрации края [20]. На государственном уровне не существовало целостной концепции реформ, что приводило к непоследовательности экономических преобразований в регионах.

Таким образом, торговое обслуживание находилось в прямой зависимости от экономических преобразований 1985–1991 гг. Переход к самостоятельности предприятий требовал от руководителей знания экономики региона, логистики товаров, предпринимательских навыков для выполнения планов товарооборота. В действительности управленческий аппарат торгующих организаций был не готов к решению обозначенных задач. Как результат, основные усилия руководства и работников торговли были направлены на приспособление к деформированной советской системе управления. Вопросы же торгового обслуживания оставались второстепенными, что создавало социальную напряженность, усугубляло товарный дефицит и ухудшало качество обслуживания в розничной торговой сети, на предприятиях общепита и в организациях службы быта.

¹ Алтайская правда. 1990. 22 марта.

² Там же. 1991. 2 нояб.

Список литературы

1. Соловьев Б.А., Алькевич Л.А., Андросов В.И. Экономика торговли. М.: Экономика, 1990. 414 с.
2. Янковский К.П. Совершенствование хозяйственного механизма в торговле. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 142 с.
3. Рубвальтер Д.А. Формирование рыночной экономики и приватизационной торговли. М.: 1992. 123 с.
4. Шурғалина И.Н. Реформирование российской экономики. Опыт анализа в свете теории катастроф. М.: РОССПЭН, 1997. 219 с.
5. Язев В.А. Закон в советской торговле. М.: Юридическая литература, 1987. 237 с.
6. Куник Я.А. Законодательство о торговле. М.: Экономика, 1990. 399 с.
7. Курцев И.В. Экономика агропромышленного комплекса Сибири в период перехода к рыночным отношениям. Новосибирск: СибНИИЭСХ, 1996. 142 с.
8. Серков А.Ф., Сагайдак Э.А. Аграрный рынок: уроки и перспективы // Экономика сельского хозяйства. 2000. № 10. С. 16–22.
9. Добрынин В.А. Актуальные проблемы экономики агропромышленного комплекса. М., 2001. 401 с.
10. Полный хозяйственный расчет. Теория, практика, проблемы / под ред. Л.И. Абалкина. М.: Экономика, 1989. 269 с.
11. Шохин А.Н. Социальные проблемы перестройки. М.: Экономика, 1989. 255 с.
12. Абалкин Л.И. К цели через кризис. Спустя год. М.: Луч, 1992. 223 с.
13. Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/432996-11-zapiski-prezidenta-boris-elcin-zapiski-prezidenta-izdatelstvo-ogonek-moskva-1994-82121-0802010000-076-4003.php> (дата доступа: 14.06.2021).
14. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 1. 600 с.

15. *Рыжков Н.И.* Десять лет великих потрясений. М.: Книга. Просвещение. Милосердие, 1995. 574 с.
16. *Апарин И.В., Кундиус В.А., Лобова С.В.* Организационно-экономический механизм государственного регулирования АПК региона в условиях многоукладной экономики. Барнаул: ГИПП «Алтай», 2000. 220 с.
17. *Троцковский А.Я.* Региональная политика в агропромышленных регионах: Стартовое положение экономики края накануне реформ 1990-х гг. // Образование и социальное развитие региона. 2001. № 1-2. С. 34–38.
18. АПК Алтайского края: состояние, проблемы и основные направления социально-экономического развития отрасли / под ред. А.М. Зубахина, Н.М. Оскорбина, Е.И. Роговского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 130 с.
19. *Мищенко В.В.* Создание инфраструктуры региональных рынков // Экономическая реформа: оценка состояния экономики Алтайского края, ближайшие перспективы ее развития: информ.-аналит. сб. Барнаул, 1994. С. 39–40.
20. *Сибиркин Ф.* Проблемы экономического планирования в переходный период к рыночной экономике // Экономическая реформа: оценка состояния экономики Алтайского края, ближайшие перспективы ее развития: информ.-аналит. сб. Барнаул, 1994. С. 44–45.
21. *Емельянова Т.П.* Подходы и результаты исследования социально-экономического поведения приватизированных предприятий Алтайского края // Социально-экономические последствия приватизации в проблемном регионе. Барнаул, 1998. С. 53–74.
22. Социально-экономические аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы / науч. ред. А.Я. Троцковский. Новосибирск, 2001. 248 с.
23. *Дятчин Н.И.* Промышленность Алтая: история развития, проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2008. 375 с.
24. *Шабашова Е.В.* Деформация советской системы управления в период «перестройки» на примере государственной розничной торговли // Вестник МФЮА. 2017. № 1. С. 250–257.

Формирование и реформирование системы управления экономикой

УДК 94:332.122(470.5)«1923/1924»

А.П. Килин¹

Многоукладная экономика как индикатор эффективности районирования на Урале (1923–1924 гг.)

A.P. Kilin

Mixed Economic System as an Indicator of District Devison Efficiency in the Urals (1923–1924)

Аннотация. Процессы экономической трансформации (нэп) и изменения административно-территориального устройства (районирование) в 1920-е гг. демонстрировали как эффекты резонанса, так и диссонанса, они реализовывались в регионах как по универсальным, так и по специфическим алгоритмам. Хозяйственные субъекты, относившиеся к различным укладам, по-разному реагировали на административно-территориальные преобразования. Представителей государственного сектора беспокоили вопросы кадровой политики и административной подчиненности. Кооперация реагировала на возникшую в связи с реорганизацией и аудитом необходимость погашения задолженности. Кооператоров также волновали вопросы логистики и снабжения. Активная реакция частного сектора на изменение границ была связана с тем, что его деятельность основывалась на сложившихся экономических отношениях, достаточно устойчивых логистических схемах, на системе формальных и неформальных связей с властями. Районирование, по замыслу его организаторов, направлялось на оптимизацию аппарата управления, приближение его к населению и максимальную реализацию потенциала территории, путем совмещения административных и хозяйственных ареалов. В неподконтроль-

¹ **Килин Алексей Павлович**, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург, e-mail: alexey.kilin@urfu.ru

Kilin Aleksey Pavlovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg, e-mail: alexey.kilin@urfu.ru

ных напрямую государству укладах генерировались критические отклики административно-территориальных преобразований, служившие индикаторами оценки его целесообразности и эффективности.

Ключевые слова: нэп, Уральская область, регион, районирование, уклад, многоукладность.

После 1917 г. преобразования затронули все без исключения стороны жизни раннесоветского общества и были обусловлены радикальным и насильственным захватом власти большевиками, доминированием революционного романтизма и социалистической утопии в сознании руководства страны. Одной из сфер, которая подверглась существенному реформированию, было административно-территориальное деление (АТД).

Этапы территориальных преобразований не были последовательными и поступательными, сказывалась обстановка гражданской войны и иностранной интервенции, которая заставляла идти на компромиссы и уступки, вопреки первоначальным планам на укрупнение территориальных образований на основе экономической целесообразности, возобладал административный фактор, существенно скорректированный в интересах этнических элит.

О.В. Горбачев на основе анализа отечественной и зарубежной литературы делает убедительный вывод о том, что «в борьбе экономического и национального подходов к районированию, каждый из которых был серьезно идеологически обоснован, в конце концов победил третий, административный подход, не столько социалистический, сколько имперский по сути» [1, с. 179].

Этот вывод наглядно иллюстрируют оценки современников, приведенные в информационных сводках ОГПУ, которые явились одним из источников нашего исследования [2]. Они демонстрируют приверженность граждан традиции: «Население к районированию относится удовлетворительно, но среди крестьянского населения Верхотурского района заметно недоверие к районированию и слышны разговоры, что “пущай товари-

щи переустраивают, пока до старого не дойдут, а лучше старого им не сделать»¹.

Т.В. Соловьева, выделяя этапы преобразования АТД, указывает на последовательную смену тенденций на разукрупнение (1917–1922 гг.; 1930–1937 гг.) и укрупнение административно-территориальных единиц (1923–1929 гг.) поскольку в основе преобразований лежали различные, порой взаимоисключающие принципы: признание необходимости территориального разделения труда; реализация общественного самоуправления через Советы; право наций на самоопределение вплоть до отделения; централизация системы управления [1, с. 182–183].

Противоречивость политики в отношении АТД сочеталась с устойчивым стремлением подогнать пространственную организацию общества под «лозунг момента», как правило «приблизив органы управления к населению», для укрепления центральной власти на местах. Эти тенденции на широком хронологическом материале детально проанализировал В.Н. Круглов. При описании периода 1917–1933 гг. он следующим образом оценивает позицию В.И. Ленина: «Позиция вождя большевиков состояла в “диалектическом подходе” – т.е. в отсутствии однозначной позиции. Взгляды и трактовки менялись под влиянием изменений в общественно-политической ситуации, с учетом шансов на возможно быстрый успех в борьбе за власть и ее удержание. Октябрьский переворот совпал с периодом поддержки Лениным идей федерализма (“советской федерации”), что фактически и определило дальнейший курс большевиков. Кроме того, федералистская риторика позволяла привлечь “передовые отряды” национальных меньшинств, а для новой и еще не вполне укрепившейся власти был ценен каждый союзник» [3, с. 62].

Выводы, которые сделал А. Гершенкрон относительно экономической политики большевиков, вполне применимы и к реформированию АТД. По его мнению, это было связано с тем, что «официальная идеология в России представляет собой некое

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 28.

странное сочетание различных принципов, которые служат лишь для оправдания проводимой политики, практически не имеющей никакого отношения к исходной марксистской идеологии» [4, с. 275–276].

По мнению В.Н. Круглова, на разработчиков нового АТД существенное влияние оказали экономический детерминизм; технологический подход, в основу которого положен образ страны как фабрики, а регионов как цехов (продолжая аналогию, – «человек как винтик»); абсолютизация научного знания как инструмента рационального построения общества и прогнозирования его развития [3, с. 86–87].

В целом поддерживая выводы автора, следует подчеркнуть, что научный подход предполагает осмысление и анализ ограничений, который имеет тот или иной метод исследования, что демонстрируют выводы ученых, сделанные в 1920-е гг. В протоколах заседаний Института экономических исследований при Народном комиссариате финансов (НКФ) РСФСР говорилось: «“Выделение экономического района” – дело трудное. Здесь нет ничего бесспорного, наоборот, все спорно. В конечном счете решение вопроса зависит от того, какие предполагать интересы: промышленности или сельского хозяйства, промышленности крупной или промышленности средней или мелкой, интересы сибиряков или интересы уральцев <...> Основная трудность заключается, как мы видели, в том, что самая возможность построения экономически действительно законченного района является в большей или меньшей степени утопической»¹.

Авторы отмечают, что трудно будет совместить в одном центре и административные, и экономические управленческие функции, особенно в аграрных регионах. Обращает на себя внимание и традиционный прием, когда новация выдается за традицию, с целью облегчить ее восприятие, снизить сопротивление при ее внедрении².

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 10, 12.

² Там же. Л. 17.

Вопрос о качестве проведенной реформы АТД не является простым, поскольку критерии могут быть различными и противоречивыми. Так, оценивая результаты губернской реформы Екатерины II, исследователи подчеркивают тот факт, что она, «по сути, определила основы структуры территориального управления Россией вплоть до первой четверти XX в.» [3, с. 25]. При оценке реформ АТД в раннесоветском обществе этот критерий не срабатывает, поскольку динамика преобразований была слишком высока. Соответственно возникает проблема оценки эффективности политики властей. Как отмечалось в материалах комиссии НКФ, представители различных хозяйственных укладов оценивали последствия реформ по-разному: «Конечно, старое деление страны на губернии и др. едва ли может приводить кого бы то ни было в особенное восхищение. Мы не знаем, однако, насколько новое, проектируемое Госпланом, деление окажется способным стать универсальным в той мере, чтобы охватить собой все части управления и хозяйства. Такое деление, вероятно, вообще невозможно, как с административной точки зрения (в силу различия задач, возлагаемых на разные отрасли управления, и в силу различия их организационной структуры), так и в хозяйственном отношении. Все разнообразие хозяйственной деятельности не может быть укладываемо в строгие рамки, очерченные исходя из той или иной экономической схемы. Если для цели развития промышленности пригодно одно деление, то для цели кооперации и торговли или сельского хозяйства оказывается пригодным другое»¹.

Уклад, как полагают экономисты, определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существующих в обществе социальных взаимодействий. «Уклад – воспроизводимая часть общественной системы, характеризующаяся совокупностью собственных внутренних связей (производственных, социальных, культурных, бытовых, национальных, территориальных и т.п.) и внешних связей внутри системы, зависящая от общественной системы, ее как естествен-

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 10, 12.

ной, так и общественной среды» [5, с. 18–19]. Полагаем, что именно модель многоукладной экономики позволяет рассматривать нэп во всем его многообразии и противоречивости [6, с. 36–56].

В процессе районирования многоукладная экономика не оставалась пассивной. Речь идет о той реакции, которую вызывало изменение границ территорий (делимитация и демаркация) с позиции различных укладов.

Со стороны представителей государственного сектора хозяйства возникали возражения, относящиеся к кадровой политике, к вопросам административной подчиненности.

В сводке Тюменского Округного Отдела (ОО) ОГПУ Уральской Области на 15 апреля 1924 г. говорилось: «Отмечается со стороны всех служащих недовольство на почве перегруженности работой в связи с районированием и сокращением штата. Многие говорят, что власть сокращение штатов провела, а структуру управления не изменила и работать вместо 6 часов приходится 12 часов, а сверхурочный труд не оплачивается, кроме того, урезали еще штаты, и зарплату своевременно не выплачивают»¹.

Шадринский отдел ОГПУ сообщал: «Настроение совслужащих, отношение их к соввласти и РКП в общем удовлетворительное, за исключением учреждений, в которых, в связи с районированием, производится сокращение штатов служащих, особенно подавленное настроение в Камышлове, последние боятся безработицы»².

Госинфосводка Пермского ОО ОГПУ на 15 апреля 1924 г. сообщает: «На общем собрании граждан Валевайского сельсовета 06 апреля 1924 г. по докладу о работе Райисполкома постановлено: “Заслушав доклад РИК-а о его работе до дня районирования, мы, граждане сельсовета, не считаем нужным

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 79. Л. 45.

² Там же. Д. 61. Л. 120.

районирование, т.к. такое приносит больше расходов и неудобств, чем прежде РИК и сельсовет”»¹.

Кооператоры реагировали на необходимость погашения задолженности в связи с реорганизацией и аудитом. Их также волновали вопросы логистики и снабжения. На IV областном пленуме Обкома ВКП (б) (25–27 февраля 1925 г.) в докладе «О кооперации» говорилось: «Районирование тогда было сделано в достаточной степени поспешно, причем это районирование было подогнано под районирование административное. На протяжении всего хозяйственного года от этого несколько поспешного районирования и не совсем удачного, в том смысле, что оно было приурочено к административным границам, мы имели целый ряд неувязок в обслуживании низовой сети, с одной стороны, и, с другой стороны, мы создали целый ряд союзов, которые оказались далеко не жизненными, не справившимися со своей работой»².

Частный сектор, представленный частнопредпринимательским, сельским и диаспорным укладами, наиболее активно реагировал на изменения границ, т.к его деятельность основывалась на сложившихся экономических отношениях, достаточно устойчивых логистических схемах, на системе формальных и неформальных связей с властями.

В сводках Пермского ОО ОГПУ на 1 февраля 1924 г. читаем: «И со стороны вообще граждан идет ропот и стоны на районирование как неудовлетворяющее их положение. Особенно крестьян Чагинской, Кленовской, Бабкинской волостей, бывшего Оханского уезда на прикрепление этих волостей к Сарапульскому округу из-за расстояния в 250 верст, весьма недовольны и льют большой ропот, говоря что “вот не знают, как изъязжаться над крестьянами” или “вот ждем все лучше, а выходит наоборот”»³.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 50.

² Там же. Оп. 3. Д. 79. Л. 137.

³ Там же. Оп. 2. Д. 75. Л. 15.

Госинфорсводка Курганского ОО ОГПУ на 17 августа 1924 г. сообщает: «Крестьяне Мокроусовского района недовольны присоединением их к Курганскому округу и тяготеют к Тюмени, под благовидным предлогом, что в Тюменском округе меньше взимается налога, происходит свободная рубка леса и даже варка домашнего пива, каковой номер не проходит им в нашем округе. И был случай, крестьяне послали в область от Мокроусовского района делегата гр. Бубнова с ходатайством о присоединении Мокроусовского района к Тюмени, где, по словам самих же крестьян, им было отказано, у последних есть намерение послать делегата в Москву»¹.

В сводке о состоянии Тобольского округа на 22 января 1924 г. читаем: «По округу проходит районирование. Старое административное деление территории заменяется новым. Организируются районные исполкомы и сельсоветы. Работа в этом отношении не закончена. Население, в частности крестьянство, причину и задачу районирования в большинстве не уясняет и ждет – что будет дальше. Среди сельского населения явление это истолковывается различно, по своему пониманию. Иностранческое население недовольно слиянием с русскими жителями, говорят, что последние будут эксплуатировать иностранческое крестьянство, защищать интересы только русских и т.д. Резких, каких-либо явлений по существу этого со стороны иностранческого населения не замечено»².

В условиях дефицита информации активно циркулировали различного рода слухи, например: «В связи с районированием, особенно в глухих местностях, циркулируют слухи о том, что якобы Соввласть занимает малую территорию населения, а потому и решили наделять больше маленьких уездов (как районы), а также Соввласть чувствует свою слабость и коммунисты хотят добровольно отступить от власти»³.

¹ ЦДООСО. Оп. 3. Д. 72. Л. 108.

² Там же. Д. 77. Л. 2об.

³ Там же. Д. 75. Л. 16.

Реакция представителей неподконтрольных напрямую государству укладов могла служить индикатором оценки целесообразности и эффективности районирования, направленного, по замыслу организаторов, на оптимизацию аппарата управления, приближение его к населению и максимальную реализацию потенциала территории, путем совмещения административных и хозяйственных ареалов. Материалы сводок ОГПУ свидетельствуют, что наибольшие возражения по поводу нового административного деления поступали со стороны кооперации, которая не могла произвольно подогнать уже сложившиеся каналы снабжения и распределения под новую схему. Разумеется, частного никто не спрашивал, но его мобильность помогала преодолевать административные барьеры, которые порой искусственно создавались на его пути. Формирование нового административно-территориального деления сверху привело к тому, что кооперативная сеть в большей степени была вынуждена ориентироваться на административные реалии; при этом не учитывалось сложившееся экономическое деление, распределение зон влияния хозяйственных органов, транспортный фактор и отрасли специализации отдельных территорий. Частнопредпринимательский уклад был более мобильным, независимым и ориентировались, прежде всего, на сложившиеся (или меняющиеся) экономические связи. Как следствие, кооперативный уклад был более уязвимым и, помимо кадрового, финансового, организационного и технологического голода, мог испытывать трудности в связи с неадекватной экономическим отношениям административно-территориальной нарезкой территорий.

В целом можно констатировать, что непоследовательность и противоречивость политики властей в отношении реформирования АТД, в годы нэпа нашла адекватное отражение в оценочных суждениях представителей различных хозяйственных укладов.

Список литературы

1. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 468 с.
2. *Килин А.П.* Информационные сводки Окружных отделов ОГПУ Уральской области за 1924 г. как источник по истории раннесоветского общества // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 60–65.
3. *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.
4. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.
5. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: [сборник] / [отв. ред. Т.Е. Кузнецова]. М.: Ин-т экономики, 2009. 286 с.
6. *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Новая экономическая политика в Бурят-Монголии: региональная специфика и результаты²

А.М. Plekhanova

New Economic Policy in Buryat-Mongolia: Regional Specificity and Results

Аннотация. Особое геополитическое положение, полиэтничный и поликонфессиональный состав населения и его традиционализм, разнообразие форм хозяйственной деятельности, отсутствие развитой промышленности и транспортной инфраструктуры, крайняя периферийность, иные, чем в центре, инновационные и кадровые ресурсы – факторы, обусловившие специфику развития Бурят-Монгольской национальной автономии в годы НЭПа по масштабам и темпам преобразований в разных отраслях хозяйства, степени и характеру методов государственного регулирования социально-экономических процессов. Главным результатом осуществления НЭПа в республике стало создание экономической базы для проведения беспрецедентной по темпам и масштабам индустриальной модернизации в 1930-е гг.

Ключевые слова: новая экономическая политика, сельское хозяйство, промышленность, торговля, кооперация, налогообложение, Бурят-Монгольская АССР.

Октябрьская революция произошла в стране, отличавшейся разнообразием национальных регионов, прошедших неодинаково

¹ **Плеханова Анна Максимовна**, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Улан-Удэ, e-mail: plehanova.am@mail.ru

Plekhanova Anna Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director for Science, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ulan-Ude, e-mail: plehanova.am@mail.ru

² Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия, № 121031000243-5).

вые стадии исторического развития. Таковой была Бурят-Монголия, которая до революции не являлась самостоятельной территориально-административной единицей, а входила в состав Забайкальской области и Иркутской губернии. Идея автономии бурятского народа, зародившаяся в ходе национального движения начала 1900-х гг. и окончательно оформившаяся в период революционных событий 1917 г., получила свое практическое воплощение в начале 1920-х гг. Однако в связи с продолжавшейся до ноября 1922 г. интервенцией на Дальнем Востоке территория этнической Бурятии входила в состав двух государственных образований: восточные аймаки – в состав Бурят-Монгольской автономной области ДВР, западные – в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР. 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об объединении автономных областей и образовании Бурят-Монгольской АССР. Фактор «национальной окраины», предопределивший в имперский период ее отставание, превратился в «национальный фактор», обусловивший специфику экономических преобразований в 1920-е и индустриальный рывок в 1930-е гг.

Образование и развитие государственности связаны с рядом факторов. Одним из важнейших является экономический, роль которого возрастает, если складывание основ происходит при значительном изменении политики в сфере хозяйствования. Рождение и становление Бурят-Монгольской республики совпало с «переходным экзаменом» страны – НЭПом, что на различных отраслях хозяйства отразилось по-разному.

Сельское хозяйство, которым было занято более 90 % населения, последствия кризиса преодолевало постепенно, поскольку за годы Гражданской войны и иностранной интервенции ему был нанесен существенный урон. Посевная площадь на территории, входящей в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР, сократилась с 79,6 тыс. дес. в 1917 г. до 40,8 тыс. дес. в 1922 г.¹ Пострадало также и животноводство – основная отрасль

¹ Сборник по Бурят-Монгольской автономной области Сибири. Иркутск, 1923. С. 28.

хозяйства бурят. В восточных аймаках, входивших в состав Бурят-Монгольской автономной области ДВР, в 1916 г. насчитывалось 1809,4 тыс. голов скота, в 1922 г. – 773,7¹. Тяжелым бременем легли на сельское население реквизиции и конфискации, производимые как белыми армиями, так и различными красными партизанскими отрядами. Усугубили ситуацию в аграрном секторе сильные засухи в 1921 и 1922 гг., приведшие население некоторых аймаков Бурят-Монголии к голоду. Острый экономический кризис, возникший накануне перехода к НЭПу, в регионе затянулся на гораздо более длительное время, чем в Европейской России.

Переход к продналогу, разрешение аренды земли и найма рабочей силы, рост кооперативных форм сельскохозяйственного производства и сбыта, привнесенные НЭПом, способствовали восстановлению сельского хозяйства. В 1929 г. посевная площадь в Бурятии, достигшая 288,1 тыс. га, превзошла дореволюционный уровень. К 1928 г. по всем видам скота, кроме лошадей, были превышены показатели 1916–1917 гг. Особенно быстро происходил рост численности мелкого скота, обеспечить значительный прирост которого намного легче, чем крупного. Природные условия забайкальских степей весьма благоприятны для разведения овец, и, кроме того, повышенный спрос местной промышленности на продукты овцеводства стимулировал его более быстрое восстановление. К 1928 г. по сравнению с 1916–1917 гг. в составе общего стада уменьшился удельный вес лошадей – с 15,7 до 10,9 %, крупного рогатого скота – с 37,8 до 35,3 %, увеличился удельный вес овец – с 34 до 39,8 %, коз – с 6,4 до 8,5 %. Дореволюционный уровень по обеспеченности 100 душ населения различными видами скота был достигнут в 1927 г. (в 1916–1917 гг. на 100 душ населения приходилось 538 голов скота, в 1927 г. – 540,1, в 1928 г. – 628²).

¹ Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМ АССР. Верхнеудинск, 1927. С. 18; Бурят-Монгольская область ДВР. Чита, 1923. С. 31.

² Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 2905. Л. 26.

Однако сельское хозяйство Бурятии в период НЭПа не стало динамичным, действительно товарным по ряду причин, одной из которых являлся более поздний переход от продразверстки к продналогу. Отрицательно на крестьянских хозяйствах сказалась нерешенность вопросов землеустройства, слабая обеспеченность хозяйств сельскохозяйственным инвентарем, отсутствие развитых агрономической и ветеринарной служб. Негативными факторами стали просчеты в ценовой и налоговой политике, «раздвижение» границ кулачества и сверхналог на него. Несмотря на неоднократные принимаемые директивные решения о снижении цен на промышленные товары, на всем протяжении новой экономической политики сохранялось несоответствие цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Кроме того, в республике резко проявлялось несоответствие шкалы налогообложения с экономикой хозяйств. Если в центральных регионах страны крестьянский двор с 4–5 головами скота являлся зажиточным, то в Бурятии хозяйство, имеющее небольшой посев и 8–10 голов скота, было экономически слабым, но налогом облагалось как зажиточное. Сказывались ошибки и в кредитной политике, в основе которой лежали социально-классовые, а не хозяйственные приоритеты: в 1927 г. почти половина всех долгосрочных кредитов (48,4 %) была предоставлена колхозам¹.

Трудности восстановления сельского хозяйства и осуществления нэповских преобразований были связаны с политикой и идеологией государства. Идея создания «условий» для социалистического сектора была определяющей в политике государственной власти, законодательство носило классовый характер. В любом крепком хозяйстве виделась опасность капитализма. Всякую хозяйственную инициативу местные партийные власти рассматривали как рост «кулацкого» влияния на бедняцко-средняцкую часть деревни и улуса. Пристальное внимание партии за расслоением деревни, ростом товарно-денежных связей, лишение избирательных прав зажиточных крестьян

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 561. Л. 138.

отбивали желание в увеличении прибыльности хозяйства. Последнее использовалось партией как доказательство преимущества коллективной формы ведения хозяйства перед индивидуальной. Однако, несмотря на льготы, поддержку и пропагандистские усилия, никакого перелома в настроениях крестьянства по отношению к коллективным формам хозяйствования не произошло. В 1929 г. в Бурятии насчитывалось 166 коммун, 99 артелей и 46 ТОЗов, которыми было объединено 5 750 хозяйств, что составляло всего 5,5 %¹.

Осуществление нэповских преобразований в промышленном секторе республики также имело свои особенности. В связи с неразвитостью республики в промышленном отношении (в 1923 г. на 16 действующих так называемых «цензовых» предприятиях работали 854 рабочих), процессы трестирования и синдицирования предприятий не получили развития. В отличие от развернувшейся в условиях НЭПа в большинстве регионов денационализации предприятий, в Бурятии только летом 1924 г. была проведена национализация предприятий частных и предпринимательских компаний, среди которых особое место занимали лесопильно-мукомольный завод Забайкальского лесопромышленного и мукомольного товарищества в Верхнеудинске, паровая мукомольная мельница и лесопилка в с. Хонхой, принадлежащие А.А. Вальмусу, лесопильно-мукомольный завод Торгового дома «Клейман и Родовский» в Верхнеудинске, кожевенный и пивоваренный заводы, принадлежащие Торговому дому «Е.Е. и Х.Е. Иохвидовы и М.И. Родовский»². В результате национализации вся цензовая промышленность и большая часть мелких предприятий перешли в руки государства. После снабжения их сырьем и топливом они были пущены в ход. Был достроен, оборудован и возобновил работу Селенгинский сульфатный завод, после капитального ремонта стала действовать Верхнеудинская паровая мельница. Были капитально отремонтированы и переоборудованы Верхнеудинский стеклоде-

¹ ГАРБ. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 2905. Л. 13.

² Там же. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

лательный, Чикойский кожевенный и Киранский солеваренный завод, государственная типография в Верхнеудинске.

Одной из особенностей развития нэповской индустрии были высокие темпы подъема отраслей и предприятий, во-первых, лучше других сохранившихся в годы войны и революции; во-вторых, насыщенных более или менее крупными производствами. Исходя из этого, часть предприятий – Брянский цементный завод, Верхнеудинский завод «Механлит», Березовский кирпичный и чугунолитейный заводы, Онохойский лесозавод – были признаны нерентабельными и их законсервировали¹.

К концу 1928 г. промышленность Бурятии была почти полностью восстановлена. В 1927/28 г. было выпущено валовой продукции на сумму 5 975 тыс. руб., что составляло 230 % от уровня 1923/24 г., стоимость имущества увеличилась на 207 % [1, с. 163]. По сравнению с 1913 г. валовая продукция промышленности республики увеличилась в 1,5 раза. Преимущественные позиции перед другими укладами заняла государственная промышленность, которая в 1928 г. по объему валовой продукции занимала 92,3 % (кооперативная – 7,6 %, частная – 0,07 %)². Но существенной трансформации внутрорегионального экономического пространства в период НЭПа не произошло, отраслевая структура промышленного производства осталась прежней. Как и до революции, преобладающее место в ней занимали кожевенная отрасль (32,4 % от общей стоимости произведенной продукции), лесообрабатывающая (24 %), пищевая (19,3 %), стекольная (17,9 %), в то время как на долю металлообрабатывающей приходилось лишь 0,8 % [2, с. 133]. Доля валовой продукции промышленности республики в экономике РСФСР выражалась в 0,04 %, сельскохозяйственной – 0,45 % [3, с. 70].

В 1920-е гг. в Бурятии практически не велось новое промышленное строительство, производилось в основном восстановление, переоборудование и расширение старых предприятий. В 1923–1928 гг. капиталовложения в промышленность составили

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 567. Л. 2.

² ГАРБ. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 666. Л. 2.

943,7 тыс. руб., из них 72,6 % было выделено на расширение и переоборудование предприятий и 27,4 % – на капитальный ремонт [4, с. 16]. Эти вложения увеличивались с каждым годом, в 1928 г. они выражались суммой 487,3 тыс. руб., т.е. составляли более половины капиталовложений в промышленность за пять лет [5, с. 21]. Тем не менее средств катастрофически не хватало. Руководство республики сетовало на то, что «центр средств на усиление капитала промышленности отпускает в недостаточной степени»¹, что свидетельствовало о возрастающем региональном «индустриальном самосознании».

Нэповские преобразования проявили себя и в торговой сфере в связи с признанием советской властью «неизбежности свободной торговли». Важной формой общественной самодеятельности стал ярмарочный торг. Была возрождена, правда на очень короткое время (с 1924 по 1928 г.), знаменитая в дореволюционное время Верхнеудинская ярмарка. В Хоринском аймаке действовала Анинская ярмарка, в г. Баргузине – Ленско-Баргузинская, в Агинском аймаке – Агинская и др. В условиях бездорожья, удаленности от крупных торговых центров и путей сообщения, низкой плотности населения, недостаточной товарности хозяйства ярмарочная торговля в Бурят-Монгольской АССР имела важное значение. Через ярмарки и базары проходила значительная часть торгового оборота. Оборот наиболее крупной Верхнеудинской ярмарки в 1924 г. составлял 950,4 тыс. руб., в 1925 г. – 1 349,3 тыс. руб.²

Быстрыми темпами развивалась кооперативная торговля, чему способствовало широкое вовлечение населения в систему потребительской кооперации. К концу 1928 г. кооперация в Бурятии охватила 82,6 % хозяйств³. Наибольшая активность частных торговцев была заметна до начала 1925 г., на протяжении 1925–1926 гг. они значительно уступили свои позиции государственному и кооперативному секторам. В этом также проявилась

¹ Бурят-Монгольская правда. 1927. 14 янв.

² Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. Верхнеудинск, 1927. С. 77.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 562. Л. 338.

региональная специфика, поскольку в большинстве районов страны наиболее благоприятным периодом деятельности частного торгового капитала были 1924–1926 гг. Сравнительно незначительной оказалась роль частника на рынке Бурятии и к концу НЭПа. Если удельный вес частной торговли в розничном товарообороте страны в 1925 г. составлял 42,3 %, а в 1928 г. – 20 % [6, с. 164], то в Бурятии соответственно 17,4 и 8,4 %¹. К 1929 г. в Бурятии не осталось ни одного крупного частного магазина, вся торговля оказалась полностью монополизированной государственными торговыми организациями и потребительской кооперацией.

Безусловно, Бурят-Монголия в период реализации новой экономической политики развивалась в контексте общих процессов, происходивших в обществе и государстве. Однако фактический материал показывает, несмотря на наличие единых методов, принципов и организационных форм, что осуществление НЭПа в республике отличалось от общероссийского уровня. Серьезными препятствиями в проведении экономических реформ стали отсутствие развитой железнодорожной сети, удаленность от крупных промышленных центров, зависимость от внереспубликанских структур, нехватка опытных специалистов-хозяйственников. Развитие республики в условиях НЭПа характеризовалось большой спецификой – по масштабам и темпам преобразований в разных отраслях хозяйства, по степени и характеру методов государственного регулирования социально-экономическими процессами.

НЭП сыграл свою историческую роль, его главным итогом стало снижение социальной напряженности, восстановление хозяйства и создание экономической платформы для последующего индустриального рывка. Но чтобы двигаться дальше и динамично развивать экономический потенциал республики, необходимы были новые подходы. Неизбежность отказа от НЭПа и кардинальной смены основ экономической политики в конце 1920-х гг. диктовали не только политико-идеологические

¹ ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 341. Л. 218.

причины. Необходимость форсированного экономического роста была продиктована особой геополитической ролью Бурят-Монгольской АССР. Республика, являясь «воротами» во Внутреннюю Азию, должна была демонстрировать народам Востока (особенно соседней Монголии) успехи социалистического строительства, тем самым вовлекать их в орбиту советского экономического и политического влияния. Большое значение имел и военно-стратегический фактор, поскольку Советской России, оказавшейся в состоянии конфронтации с мировыми державами, необходимо было безотлагательно решать вопрос укрепления восточных районов страны, что было возможно только на основе масштабной экономической модернизации.

Список литературы

1. *Кальмина Л.В.* Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / Л.В. Кальмина, М.Н. Балдано, А.М. Плеханова, Л.И. Бородкин, Т.В. Паликова. Иркутск: Оттиск, 2015. 228 с.

2. *Кальмина Л.В., Плеханова А.М.* Забайкальские экономические опыты 1900-х – 1920-х гг. как начальный этап модернизационных преобразований // *Власть*. 2013. № 3. С. 130–133.

3. *Самойлович П.* Бурят-Монгольская АССР. М.: Власть Советов при Президиуме ВЦИК, 1933. 120 с.

4. *Митупов Б.М.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 144 с

5. *Тармаханов Е.Е.* Создание социально-экономических и политических предпосылок формирования отряда рабочего класса в Бурятии (1917–1928 гг.) // *Рабочий класс Бурятской АССР*. Иркутск, 1985. С. 3–27.

6. *Грик Н.А.* К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики (1921–1933 гг.) // *Хозяйственное освоение Сибири*. Томск. 1994. С. 155–168.

**Уральская область и Тобольский Север:
региональный аспект формирования стратегии
освоения Севера в период НЭПа**

K.I. Zubkov

**The Ural Oblast and the Tobolsk North:
Regional Aspect of Forming the Northern Development
Strategy During the Period of the New Economic Policy**

Аннотация. Статья содержит анализ разработанных специалистами Уральской области планов и проектов по развитию Тобольского Севера, присоединенного к ней в 1923 г., в рамках реализации политики районирования. В период НЭПа, когда целостная государственная стратегия освоения Севера еще только складывалась, существовали несколько ее конкурирующих вариантов (эксплуатационная, колонизационная, «туземная»). Крупные областные объединения закономерно выступали экспериментальными площадками их реализации. Как показывает опыт Уральской области, региональные подходы к освоению Севера в 1920-е гг. были отмечены как достижениями, так и просчетами. Характерные для них дилеммы нашли свое разрешение в 1930-е гг., в рамках иной – мобилизационной – стратегии социально-экономического развития Севера.

Ключевые слова: районирование, стратегия, освоение (НЭП), колонизация, Северный морской путь, Уральская область, Сибирь, Тобольский Север.

Утвердившийся в свое время в советской историографии тезис о том, что уже в первые годы после революции 1917 г. усилия советской власти по исследованию и развитию российского Севера воплощали четко оформившуюся «опреде-

¹ **Зубков Константин Иванович**, кандидат исторических наук, заведующий центром, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Екатеринбург, e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Zubkov Konstantin Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Center, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yekaterinburg, e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

ленную концепцию» вовлечения в хозяйственный оборот его разнообразных ресурсов [1, с. 59], следует считать большим преувеличением. Для первых лет советской власти, скорее, уместно говорить о существовавшем тогда интуитивном осознании ценности громадного, но почти не исследованного природно-ресурсного потенциала северных территорий, который предстояло в будущем соединить с единственно прогрессивным, как тогда считалось, курсом развития – индустриализацией.

Реальное же состояние вопроса об освоении Севера в начале 1920-х гг. ярко иллюстрируют материалы проведенного в Омске в августе 1923 г. межгубернского совещания, посвященного районированию запроектированной Госпланом Обской (Западно-Сибирской) области. На совещании, среди прочего, решался вопрос о судьбе Тобольского Севера, представлявшего собой крупный сегмент северных окраин советской России. Из дискуссий в ходе совещания явствовало, что Север (по крайней мере его азиатская часть), в силу своей неразвитости и невыраженности своего экономического «лица», не может представлять собой самостоятельной единицы районирования. Главный вопрос сводился к тому, к какому базовому административному образованию (область, край) должны быть присоединены тот или иной сегмент Севера для того, чтобы двинуть вперед его развитие. Подобным образом должен был решаться и вопрос об административной подчиненности Тобольского Севера.

В разгоревшемся по этому вопросу споре между Екатеринбургом и Омском (как проектируемым центром Обской области) отчетливо выявились два разных взгляда на методологию районирования. Омск, следуя установкам Госплана на построение крупных областных единиц по принципу однородности хозяйственной специализации, мыслил будущую Обскую область как единый «район сельскохозяйственного назначения», в составе которого предполагалось выделить три широтные хозяйственные зоны: южную – земледельческую; среднюю – «животноводственную» и северную – «лесоводственную и рыболовственную» (т.е. собственно Тобольский Север). Основой

связи этих трех зон должен был служить первоначально не столько общий хозяйственный интерес, сколько транспортная функция водного пути по Иртышу, по которому степные районы могли снабжаться лесом, а продукция области в целом (зерно, продукты животноводства, лес) – найти выход на экспортную магистраль Северного морского пути¹.

Представлявший на совещании Уральскую плановую комиссию Б.В. Дидковский противопоставил предложениям Омского губплана совершенно иной взгляд на лесные ресурсы Севера. Критикуя позицию Омска, он доказывал, что лесное хозяйство – это вполне самостоятельная отрасль, которая, по условиям момента, гораздо больше связана с интересами промышленности и что, с этой точки зрения, Тобольский Север «никакого отношения к южным губерниям Сибири не имеет»². Следуя давней традиции многоотраслевой организации горнозаводского хозяйства, уральское руководство настаивало на собственном видении общей схемы районирования, полагая, что в основу определения территориального состава областей и краев должны быть положены не иллюзии будущего, а текущие – уже стихийно сложившиеся по выходе из хаоса гражданской войны – связи товарообмена, реальные тенденции «хозяйственного тяготения». Исходя из этого, Уральская область должна была складываться по принципу так называемого «смешанного комбината», объединяющего горнозаводское «ядро» региона с его естественной продовольственной и сырьевой базой – аграрными уездами Зауралья и промысловыми районами Тобольского Севера [2, с. 110–111].

Более практичная и менее доктринерская позиция уральцев, безусловно, лучше учитывала обстановку НЭПа с ее приоритетами скорейшего оживления экономики (в первую очередь, мелкотоварного сектора) и повсеместной коммерциализации хозяйственных связей. Именно благодаря торгово-снабженче-

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. Л. 52–52об.

² Там же. Л. 55–56.

ским связям, руководству Урала удалось к моменту проведения Омского совещания расположить в пользу своего проекта органы власти большинства зауральских уездов – от Кургана до Ишима и Тобольска [3, с. 213–214].

Весомым аргументом в пользу присоединения Тобольского Севера к Уральской области служили и крепнущие производственные связи регионов. С начала XX в. быстрое истощение местных запасов топлива для нужд древесноугольной металлургии Урала поставило в повестку дня проблему расширения ее сырьевого ареала в направлении почти нетронутых, богатейших лесных массивов на реках Обского бассейна. Начало этому движению положило строительство в 1916 г. железной дороги Екатеринбург – Тавда, благодаря которой к началу 1920-х гг. возник новый лесопромышленный район с общей производительностью переугливания до 8 тыс. куб. саженей дров в год и более рациональной, чем прежде, схемой утилизации лесных материалов¹. На Омском совещании установившаяся производственная связь Урала с бассейном Тавды была признана бесспорным фактом и аргументом за оставление этого района в составе проектируемой Уральской области «в интересах сохранения лесов для промышленности». В силу давно установившихся связей с Уралом подобная перспектива намечалась и в отношении других частей Тобольского Севера (например, района Березова)².

Таким образом, сильной стороной уральских инициатив в отношении Тобольского Севера стала идея связи между необходимостью экономического и культурного подъема этого пустынного, неосвоенного края и перспективами его широкой индустриализации – прежде всего, путем постепенного втягивания его сырьевых ресурсов в производственную систему уральской промышленности. Возможно, это стало одним из решающих факторов, повлиявших на позицию Госплана (как и Москвы в целом) в вопросе включения Тобольского Севера в состав

¹ Урал: Техничко-экономический сборник. Екатеринбург, 1923. Вып. 6. С. 220.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. Л. 55.

Уральской области. Госплану, безусловно, не могла imponировать своеобразная, противоречащая его методологии трактовка руководителями Урала самих принципов районирования. Поэтому позиция Центра была в меру осторожной. Решением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. об образовании Уральской области Тобольский Север был включен в ее состав на временной основе – «впредь до разрешения общего вопроса о районировании Сибири»¹.

Однако эта победа Урала в территориальном споре с Сибирью не была гарантией успехов на поприще освоения Севера. По вопросу о том, как и с опорой на какую стратегию следует развивать Север, ни у Госплана, ни у региональных властей в начале 1920-х гг. не существовало ясных представлений. На Омском совещании в ходе дискуссий, со ссылками на местный опыт, в качестве возможных вариантов освоения Севера были обозначены три стратегических подхода, которые, как показали дальнейшие события, в период НЭПа в разных комбинациях применялись советской властью.

Первая стратегия, которую условно можно обозначить как «туземную», призывала смотреть на туземцев как «на единственную в северных сибирских условиях производительную силу» (поскольку, как считалось, «русские люди там на Севере не могут выдерживать жестокого климата») и исходила из того, что государство мерами экономической, правовой и культурной помощи должно лишь обеспечивать условия для того, «чтобы жители Севера постепенно вошли во владение территорией этого края», «развились до состояния деятельного человеческого элемента». Первоочередными же задачами в рамках данной политики считались спасение туземцев от физического вымирания, защита их от коммерческой эксплуатации не только частными торговцами, наводнившими с началом НЭПа Север с целью скупки пушнины, рыбы и т.п., но и государственными заготовительными организациями².

¹ Материалы по районированию Урала. М., 1923. Т. 1 [Отд. Отгиск]. С. 1.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. Л. 68об., 69об.

Второй вариант стратегии, обозначенный участниками совещания как «ассимиляционный», предлагал сделать ставку на постепенное втягивание Севера в орбиту экономического влияния более развитых южных частей страны путем развития тесных производственных связей. Такая «ассимиляция» Севера (а, по сути, его промышленная колонизация) была сочтена, однако, очень затратным, рассчитанным на длительную перспективу и в целом нереалистичным сценарием – особенно с учетом слабой, ненадежной и сезонной транспортной связи (по рекам) между южными и северными районами.

Более быструю и крупную отдачу от вложенных средств обещал третий вариант стратегии – «эксплуатационный». В его основе лежал предельно прагматичный принцип: «Если мы не можем скоро ассимилировать Север, то мы должны его использовать». В рамках этой стратегии предполагалось в ускоренном порядке наладить извлечение высоколиквидных ресурсов северных территорий для организации торговли с границей – в частности, по Северному морскому пути. На первое место ставилось использование рыбных богатств Севера, затем – наиболее ценных сортов пушнины, а в дальнейшем – разработка наиболее ценных полезных ископаемых (платины, графита, золота). «При такой комбинации можно было бы думать, что Север постепенно стал бы охватываться торговыми и промышленными предприятиями. <...> И через это связь с Севером народится скорее, чем через инородцев или юг Сибири, не имеющих к тому же никаких материальных возможностей для освоения Сибирского Севера», – подчеркивал на Омском совещании представитель Госплана К.Н. Миротворцев¹.

Как показали итоги развития Тобольского Севера в составе Уральской области в 1920-е гг., уральское руководство имело свои приоритеты в подходе к его освоению. Хотя подъем и реконструкция промыслового хозяйства туземцев считались важными задачами – особенно в части заготовки и экспорта северной пушнины как источника валюты для нужд восстано-

¹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. 69об.–70.

ления региональной экономики [4, с. 4], уральские плановики довольно скептически относились к тому, что одно только северное промысловое хозяйство может стать условием «приобщения этого края к общегосударственному хозяйству». «Пока Тобольский край будет посылать в Россию только продукты рыбных промыслов и охоты, он останется почти пустыней и в нем не возможна никакая культура»¹, – подчеркивалось в подготовленных уральскими экономистами материалах по районированию. Уральской области отчасти удалось упорядочить вопросы заготовок промысловой продукции и переломить тенденцию коммерческого ограбления туземцев за счет диспаритета цен, наладив их снабжение хлебом и самыми необходимыми материалами. Но достигалось это в основном административными мерами. Северное же промысловое хозяйство для своего восстановления требовало крупных финансовых вложений и повышения норм снабжения. Областная дотация (составлявшая треть доходной части бюджета Тобольского округа) не покрывала этих затрат. Как результат, уже в декабре 1924 г. на II Тобольском окружном съезде Советов делегатами в адрес Уралоблисполкома были высказаны прямые упреки и обвинения в том, что область, занятая восстановлением индустрии и сельского хозяйства, «не поняла экономики Тобольского Севера», «воздерживается от затрат на Тобольский округ»².

В декабре 1927 г. I Уральское областное совещание работников нацменьшинств вынуждено было констатировать, что на фоне других округов области Тобольский Север характеризовался самыми низкими, неудовлетворительными темпами восстановления хозяйства до довоенного уровня. Рыбная промышленность ни по валовой продукции, ни по доле в общерульском производстве к концу 1927 г. еще не достигла довоенного уровня. Пушные заготовки на Тобольском Севере составили лишь 71,5 % к довоенному уровню, а их доля в общих заготовках пушнины Уральской области даже снизилась – с 55

¹ Урал: Техничко-экономический сборник... С. 478.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2415. Л. 77, 78, 78об.

до 38 %. К довоенному уровню приблизилось лишь оленеводство, но оно отличалось низким уровнем товарности¹.

При этих весьма скромных итогах руководства промысловым хозяйством Севера руководство области энергично действовало в одном стратегически важном, но наиболее трудном и затратном направлении – колонизационном. Исходя из потребностей уральской металлургии, уже в 1924 г. было разработано что-то вроде программы прокладки небольших железнодорожных веток (Саамский рудник – Лозьвинская пристань, Лозьвинская пристань – верховья Пелыма, Надеждинский завод – верховья Пелыма и др.), широким фронтом выходящих на сплавные реки Обского бассейна и призванных обеспечить надежное снабжение уральских заводов древесным топливом. Попутно на местах лесозаготовок предлагалось организовать образцовое лесопромышленное хозяйство, отправляя одну часть древесины на экспорт по Северному морскому пути, а другую – используя как основу развития местной промышленности (производство целлюлозы, продуктов сухой перегонки древесины)².

Даже с использованием старых транспортных схем, эта северо-восточная ориентация уральского хозяйства дала определенные результаты: сплав древесины для нужд уральских заводов по рекам Обь-Иртышского бассейна к 1925 г. составил 210 тыс. куб. саженей³. Кардинально же разрешить проблему укрепления производственных связей Урала с Тобольским Севером должно было строительство железной дороги Тавда – Тобольск (около 190 км), проект которой был включен не только в разработанный в 1927 г. «Генеральный план хозяйства Урала»⁴, но и в плановые задания первой пятилетки⁵. Дорога должна

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 308. Л. 82–83.

² Там же. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2320. Л. 46об.–47.

³ Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 577. Л. 26–27.

⁴ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927. С. 577.

⁵ Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР (1928/29–1932/33 гг.). М., 1929.

была не только способствовать освоению новых лесных массивов, но и давать выход разнообразной продукции уральского хозяйства на экспортную магистраль Северного морского пути.

Однако этим планам не суждено было сбыться. В 1931 г. уральский подход к районированию вообще и к руководству Тобольским Севером в частности, был жестко раскритикован центром, а уральский «уклон» к сохранению и развитию древесноугольной металлургии был расценен как фактор, отвлекающий руководство Уральской области и от «правильного руководства» промысловым хозяйством Севера, и от решения более насущной «Урало-Кузнецкой проблемы»¹. Эта критика подводила определенную черту под административно-экономическими экспериментами периода НЭПа, основанными на известной хозяйственной самостоятельности регионов, и знаменовала переход к новой – мобилизационной – стратегии освоения Севера.

Список литературы

1. *Славин С.В.* Освоение Севера Советского Союза. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1982. 207 с.

2. *Зубков К.И.* Начальный этап формирования советской политики освоения Севера: Уральская область и Тобольский Север в 1920-е гг. // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации: сб. науч. ст. Екатеринбург: Банк культурной информации; ИИиА УрО РАН, 2005. С. 102–118.

3. *Зубков К.И.* Между Уралом и Сибирью: Тобольский Север в фокусе межрегионального соперничества начала 1920-х гг. // Тобольск научный – 2016: мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Тобольск, 10–11 ноября 2016 г.). Тобольск: Принт-Экспресс, 2016. С. 213–216.

4. *Бобылев Д.* Проблема внешнего рынка в связи с вопросами восстановления промышленности и народного хозяйства Урала // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1923. № 3. С. 3–5.

Ч. III. [Районы]. С. 103.

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 27. Л. 7.

**Экономика Башкирской АССР
в период первых пятилеток²**

A.A. Dumchikov

**Economy of the Bashkir ASSR
During the First Five-Year Plans**

Аннотация. В статье освещается проблема выбора вектора экономического развития Башкирской АССР в период первых пятилеток. Башкирия прошла путь от республики, которая делала акцент на развитие металлургической и станкостроительной промышленности (Уральский вектор), до «Второго Баку» (новый, нефтяной вектор). На основании архивных и опубликованных источников, а также материалов, представленных в местной печати, рассматриваются планы и нереализованные проекты первого «Уральского» периода индустриализации республики, а также процесс перехода экономики на «нефтяные» рельсы.

Ключевые слова: индустриализация, пятилетки, нефтяная промышленность, Второе Баку, металлургическая промышленность, машиностроение, Башкирия, Урал.

Развитие Башкирской Автономной Советской Социалистической республики (БАССР) в 1920–1930-е гг. было неравномерным – менялся ее индустриальный профиль, а вместе с ним и дискурс о регионе. В настоящей статье мы предлагаем взглянуть на дискурс о республике в период первых пятилеток исходя не из территориального расположения региона, а из его экономи-

¹ **Думчиков Александр Александрович**, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Екатеринбург, e-mail: adumcikov@gmail.com.

Dumchikov Alexandr Aleksandrovich, Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ekaterinburg, e-mail: adumcikov@gmail.com.

² Подготовлено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.».

ческого профиля, который в тот период нередко ассоциировался с определенными сферами индустрии.

Башкирская АССР к концу 1920-х гг. представляла из себя преимущественно аграрную республику, главные производства располагались в основном в восточной части региона, где функционировали еще дореволюционные заводы. С началом первой пятилетки в Башкирии началась реконструкция Белорецкого завода – как крупнейшего в республике, а также строительство центральной электростанции недалеко от Уфы и группы предприятий, связанных с деревообработкой, – «Башкомбинат». БАССР на тот момент находилась в подвешенном состоянии, являясь национальной республикой, слабо связанной с крупными дореволюционными уральскими заводами. Вектор развития Башкирии начал определяться в 1930 г., после постановления ЦК ВКП(б) от 15 мая, в котором говорилось о необходимости создания в Советском Союзе второй угольно-металлургической базы – Урало-Кузнецкого комбината (УКК). Участие же Башреспублики в реализации проекта закреплялось Постановлением VIII Всебашкирского съезда советов в феврале 1931 г.¹

Но даже после определения «уральского» вектора развития, индустриализация республики некоторое время отставала от других районов Урала. Наиболее масштабным событием стала закладка 1-го Государственного Моторостроительного завода летом 1931 г.² Попытка разобраться в причинах медленных темпов индустриализации республики была осуществлена на заседании сектора науки Госплана СССР, которое состоялось 11 сентября 1931 г. Участвующий в нем представитель БашГосплана Краснов жаловался на то, что никаких установок и директив о развитии промышленности не поступало, более того, не было установлено никаких связей с другими частями УКК, что делало точную научную проработку плана невозможной. Характеризуя Башкирию в системе УКК и советской экономики

¹ Пятилетний план БАССР. Уфа, 1931. С. 22–23.

² Хозяйство Башкирии (Уфа). 1932. № 5-6. С. 49.

в целом, Краснов сказал следующее: «...при самом разворачивании нашего хозяйства мы наталкиваемся на огромные затруднения. Мы своих богатств Башкирии не знаем. В центре, и особенно на Урале, существует предубеждение против Башкирии, там говорят, что Башкирия – “Белое пятно на карте”»¹. В докладе речь шла также о больших перспективах развития промышленности в республике, в первую очередь, о металлообработке (Белорецк, Баймак, а также будущий гигант, название которого пока не указывалось) и машиностроении (Котлотурбинный завод, положение которого еще окончательно не было определено, завод дирижаблей, судостроительный). Таким образом, можно говорить о перспективном векторе развития Башкирии, назвав его условно «Уральским», т.е. завязанным, прежде всего, на машиностроении и металлургической промышленности, а также плотно связанным экономически с системой УКК.

Закрепляется это положение постановлением Президиума Госплана СССР от 22 октября 1931 г. по докладу Рабочей Группы УКК о плане развития народного хозяйства и социально культурного строительства Башкирской части УКК на 1932–1937 г. В соответствии с постановлением: 1) основные работы по черной металлургии направлялись на масштабную реконструкцию Белорецкого завода и строительство нового Комарово-Зигаинского завода (того самого гиганта, упоминаемого на заседании сектора науки Госплана); 2) предполагалось увеличить добычу цветных металлов на базе существующих предприятий; 3) развернуть помимо строящегося Моторного и Котлотурбинного заводов строительство новых машиностроительных предприятий, таких как Электровозный завод, Автомобильный завод, Завод подвесных дорог и др.²

В республике сразу же началось проектирование двух индустриальных центров – Черниковского, расположенного к северу от Уфы и завязанного преимущественно на машиностроении, и

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 28. Д. 392. Л. 1–2.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 29. Д. 60, Л. 4–5.

Комарово-Зигагинского, связанного с добычей и обработкой полезных ископаемых.

Более подробного рассмотрения заслуживает второй из вышеупомянутых центров, т.к. его история иллюстрирует, с одной стороны, процессы, происходившие в период первых пятилеток, связанные с завышением планов индустриального развития, а с другой – постепенное угасание со стороны республики интереса к «уральскому» вектору развития.

Залежи Зигагинских и Комаровских железорудных месторождений интересовали ученых и заводчиков еще до революции. Они были открыты во второй половине XIX в., и важность этого месторождения отмечал еще Д.И. Менделеев: «Сходство Зигагинских месторождений с Комаровскими, а также их близость указывают на имеющиеся здесь огромные запасы руды» [1, с. 343].

В период первой пятилетки снова возник интерес к Зигагинско-Комаровским месторождениям. На тот момент из всей группы Белорецких заводов сохранилось только три – Белорецкий, Тирлянский и Зигагинский, остальные же находились в руинированном состоянии¹.

28 октября 1930 г. вышло постановление СНК СССР «О развитии промышленности Башкирской АССР», в том числе со следующими пунктами: «1. При разрешении вопросов строительства Урало-Кузнецкого Комбината должны быть детально изучены природные ресурсы Башкирской АССР в целях максимального их использования. 2. Предложить ВСНХ СССР усилить геолого-разведочные работы на территории Башкирской АССР, в первую очередь по Зигагино-Комаровским железорудным месторождениям и медистым песчаникам Стерлитамакского и Белебеевского районов»².

10 февраля 1931 г. газета «Красная Башкирия» опубликовала интервью с председателем Башгосплана Самсоновым. Статья вышла под громким заголовком «Строительство Зигагинско-Комаровского гиганта заложит мощный фундамент индустриа-

¹ За индустриализацию Советского Востока. 1932. № 3. С. 14.

² Красная Башкирия (Уфа). 1930. 7 ноября.

лизации Башкирии». Однако из интервью достаточно сложно понять, что собирались делать с месторождениями. Вероятно, сам Самсонов до конца этого не знал, но выражал полную уверенность в том, что гигант «станет основным звеном комбинированной системы производства Южно-Уральского крыла Урало-Кузнецкого промышленного массива»¹.

Достаточно остро стоял вопрос о месте расположения будущего южно-уральского гиганта. Руководство Белорецка хотело начать строительство нового завода в Зигазах, но его главным конкурентом был Бакал, чьи месторождения были не менее внушающими. В газете «Белорецкий рабочий» выходили многочисленные статьи, убеждавшие читателя в том, что именно в Башкирии должен строиться новый гигант металлургии. Рассматривалось два возможных варианта, связанных с недостатком топлива для завода: 1) размещение завода вне БАССР и доставка туда руды с Комарово-Зигазинских месторождений; 2) размещение завода в республике и доставка топлива из других регионов. «Белорецкий рабочий» резюмировал, что размещение гиганта в БАССР не только выгоднее с экономической точки зрения², но и «поднимет общехозяйственный и культурный уровень Башкирии»³.

Комарово-Зигазинский комбинат все-таки был включен в пятилетний план БАССР VIII Всебашкирским Съездом Советов (13–20 февраля 1931 г.) для разрешения «Урало-Кузнецкой проблемы»⁴, а средства на строительство предприятия были выделены постановлением СНК СССР о черной металлургии от 25 февраля 1931 г.⁵ Роль комбината-гиганта в системе УКК была велика. На второе пятилетие планировалось возведение трех таких заводов на 1,2 млн т чугуна в год: Халиловского на средней Волге, Кузнецкого в Западной Сибири и, собственно,

¹ Красная Башкирия (Уфа). 1931. 10 февр.

² Белорецкий рабочий. 1931. 1 янв.

³ Там же. 28 янв.

⁴ Пятилетний план БАССР. С. 21.

⁵ Белорецкий рабочий. 1931. 14 марта.

Комарово-Зигаинского. Вместе они должны были довести мощность металлургии УКК не менее, чем до 11 млн т в год¹.

Однако Белорецку не суждено было стать одним из крупнейших центров металлургической промышленности. На 1930 г. не были окончательно определены ни сортамент Комарово-Зигаинского завода, ни его месторасположение. На 1931 г. рассматривалось два варианта: строительство непосредственно на месторождениях в Белорецком районе, либо близ Уфы. Он должен был работать в связке с крупнейшими предприятиями СССР, а в треугольнике Бакал-Комарово-Зигаинский-Магнитная стать частью нового центра автомобильной промышленности².

В 1931 г. за заводом была закреплена Мокроусовская площадка близ Уфы. Однако в Белорецком районе планировалось строительство ряда заводов, также работавших за счет месторождений. Планировалось расширение и поселений вокруг новых предприятий. Например, в маленькой Зигазе наметили к 1935 г. возвести Индустриальный педагогический институт, медицинский и кооперативный техникумы. Население соцгородов вокруг заводов Зигаинского района к 1937 г. должно было достигнуть 166 тыс. чел.³

Таким образом, к 1931 г. к северу и югу от Уфы предполагалось создание двух больших промышленных массивов – Черниковского и Мокроусовского. Они должны были определить будущее лицо города. Однако несмотря на продолжающиеся работы над второй площадкой, она так и осталась неосвоенной, а вот Черниковская в последующие годы значительно разрослась, хотя и претерпела изменения. Котлотурбинный, заявленный изначально как очередной «гигант», так и не был построен, и вскоре его место занял автомобильный завод, который постигла та же участь. С 1934 г. на этой площадке начали проектировать крекинг-завод.

¹ СССР строит социализм / Художник Эль Лисицкий. М., 1933. С. 66.

² Урало-кузнецкий комбинат. М., 1931. С. 22, 80, 159.

³ Там же. С. 84–85, 98, 114.

В 1932 г. в экономике Башкирии появилось новое направление – нефтедобыча. История нефти в Урало-Поволжье берет начало в 1929 г., когда открывают месторождение в селе Верхне-чусовские городки. Там, в скважине № 20, заложенной для поисков калийной соли, была обнаружена нефть [2, с. 29–30]. Эту скважину позже будут называть «Бабушка», а нефтерождения Урало-Поволжья – «Второе Баку». Пермские месторождения были не особо велики, но все-таки стимулировали власти на усиленные поиски нефти в Урало-Поволжье. В результате изысканий в 1930 г. было намечено четыре точки бурения близ Ишимбаево, и год спустя началось бурение скважин. Только весной 1932 г. удалось добиться успеха – из одной из Ишимбаевских скважин ударил фонтан нефти, а затем и другой в том же районе [3, с. 74]. Эти события определили новый экономический вектор развития республики.

С пониманием масштабов найденной нефти сменяется и дискурс о экономическом развитии республики. С этого момента ее руководители все чаще говорят о ней не как о части Урала, но как о «Втором Баку». Репутация Башкирии как «нефтяного» региона сохраняется до сих пор.

Список литературы

1. *Менделеев Д.И.* Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершенной С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и др. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2006. 873 с.

2. *Курытников В.Н.* «Мы разбудим спящие недра!» (Из истории открытия нефти в Урало-Поволжье) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. № 3. С. 28–35.

3. *Ибрагимов Т. Ш.* Долгая дорога к большой нефти (к 75-летию открытия башкирской нефти) // Недропользование XXI век. 2007. № 3. С. 72–75.

**Хлебозаготовительная политика государства
в период неонэпа в Западно-Сибирском крае²**

V.B. Laperdin

**State Grain Procurement Policy During NeoNEP
in West Siberian Region**

Аннотация. В статье показаны результаты политики неонэпа на примере хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае. Хлебозаготовительная политика в период неонэпа являлась частью общего курса, взятого государством в отношении деревни. Внешняя либерализация режима, выражавшаяся в определенных послаблениях и замене репрессивных механизмов давления на административные, сопровождалась дальнейшим нажимом на единоличные хозяйства. В это же время для колхозов и совхозов основные принципы заготовительной системы в целом не менялись. В случае необходимости руководство страны допускало как возможность давления на региональные власти (как в кампанию 1934 г.), так и послабления или даже оказание зерновой помощи при условии необходимого наполнения государственного хлебного фонда.

Ключевые слова: аграрная политика государства, деревня, крестьянство, неонэп, сталинизм, хлебозаготовки, Сибирь.

Неонэп по праву считается одним из наиболее противоречивых этапов сталинской политики. Он возник вследствие необходимости преодоления издержек социалистического наступле-

¹ **Лапердин Вячеслав Борисович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: laperdin2011@mail.ru

Laperdin Vyacheslav Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: laperdin2011@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы».

ния во время первой пятилетки. Неонэп занимал достаточно короткий промежуток времени – с 1934 по 1936 гг. Впрочем его предпосылки появились еще раньше. Огромное значение для деревни имела замена контрактационной системы на систему обязательных госпоставок хлеба в начале 1933 г. [1, с. 199–201]. Тогда же начались хлебозакупочные кампании, с целью изъятия хлебных излишков по более высоким, чем заготовительные, ценам [2, с. 142–145]. Однако, они все равно уступали рыночным, что предопределило их низкую эффективность. Государство пыталось это компенсировать за счет направления в деревню дефицитных товаров для лиц, участвовавших в хлебозакупке, но также безрезультатно.

Противоречивость неонэпа, состоявшая в определенной либерализации отношения государства к деревне, при сохранении административно-репрессивного давления, ярко выразилась в хлебозаготовительной политике. Цель данной статьи – показать проявления противоречивости неонэпа на примере хлебозаготовительных кампаний 1934–1936 гг. в Западно-Сибирском крае.

Во время заготовок 1934 г. на территории региона государство проявило весь спектр административно-репрессивных мер, использовавшихся в предыдущие годы. Причиной этого стал чрезвычайный характер кампании. В результате засухи, поразившей юго-западные районы страны, были увеличены размеры планов в других краях и областях путем расширения облагавшихся государственными заготовками посевов. 14 мая 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили дополнительный план посева, в том числе для Западной Сибири [3, с. 109–111]. Задание оказалось перевыполнено, всего в крае засеяли 8095,3 тыс. га. Несмотря на хорошие показатели зернового производства (урожайность 10,6 ц/га, валовый сбор – 86 147 тыс. ц [1, с. 263]), ход заготовительной кампании и выполнение планов оказались сорваны. Отчасти в этом виновата неблагоприятная погода, мешавшая уборочным работам и перевозке хлеба на пункты приема. Однако основной причиной стали непомерные

аппетиты Центра, желавшего заготовить в Западной Сибири в июле – сентябре 1934 г. 70 млн пуд. хлеба. Краевые власти не смогли оправдать завышенные ожидания руководства страны, собрав только 47 183 тыс. пуд. Обеспокоенные недовольством центра, региональные власти приняли решение об окончании заготовок к 1 ноября 1934 г. Одним из способов достижения цели стало увеличение репрессивного нажима на деревню. Всего к означенной дате с начала кампании по связанным с заготовками делам было приговорено судами Западно-Сибирского края 7 962 чел. По ст. 61 УК РСФСР осудили 4 218 чел., наложили штрафы на 606 колхозов и 19 470 единоличных хозяйств¹. В Калачинском районе применялись внесудебные репрессии в форме роспуска и высылки жителей двух колхозов. Оказалось депортировано 460 чел. В городах региона – Барнауле, Минусинске, Омске и Томске начали работу выездные сессии краевого суда, рассматривавшие дела по «контрреволюционному саботажу» хлебозаготовок. Установлены предельно сжатые сроки прохождения подобных дел. От всех судебных инстанций края требовалось вынесение максимально суровых приговоров, в противном случае работников органов юстиции самих ждало наказание.

Желая получить необходимый в условиях засухи хлеб, центральное руководство в середине октября отправило в Западную Сибирь секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича. Путем давления на партийно-хозяйственные кадры он активизировал хлебозаготовки с целью завершить кампанию к концу месяца. Выговоры и угрозы обильно сыпались на представителей районных органов власти. Совместные усилия со стороны высокопоставленного эмиссара и краевой элиты позволили собрать за один месяц рекордные для того времени 72,8 млн пуд., тем самым завершив хлебозаготовительную кампанию в регионе к 1 ноября 1934 г. [1, с. 291].

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 643а. Л. 114–115; Д. 647. Л. 2; Оп. 7. Д. 476. Л. 7.

Засуха на Украине повлияла и на изменение системы хлебозакупок, ранее начинавшихся после окончания заготовительной кампании. С осени 1934 г. они проходили параллельно. И если ранее колхозники сами в «добровольно-принудительном» порядке продавали государству зерно, после его распределения по трудодням, то теперь оно закупалось напрямую у колхозов, из фондов, предназначенных для выдачи по трудодням. Таким методом власти устраняли конкуренцию со стороны свободного рынка. Планы хлебозакупок разверстывались по районам края, приобретая тем самым характер твердых заданий. За их выполнение отвечали местные органы власти, наказывавшиеся в случае срыва кампании.

Государству удалось получить от урожайных регионов, включая Западную Сибирь, необходимый для устранения последствий засухи на юге страны хлеб. Но, пожалуй, самым главным достижением, объясняющим сжатые сроки кампании и давление со стороны Центра на региональные власти, стала отмена ноябрьским пленумом (1934 г.) ЦК ВКП(б) карточной системы по хлебу и ряду других продуктов. Соответствующее духу неонэпа решение удалось принять благодаря административно-репрессивному давлению, ярко проявившемуся в Западно-Сибирском крае. Отвечать за пропагандистскую акцию, подтверждающую авторитет сталинской власти, пришлось простым крестьянам. В ряде неурожайных районов региона по окончании заготовок начались продовольственные затруднения, местами принимающие форму голода [1, с. 297].

Хлебозаготовительная кампания 1935 г. имела ряд отличительных особенностей. Были упразднены политотделы МТС, не только активно вмешивавшиеся не только в хозяйственные дела колхозов, но и проводившие репрессии. Всего по делам, связанным с хлебозаготовками в 1935 г., в крае было осуждено 2 829 чел., большинство из которых (1 540 чел.), составляли единоличники¹.

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 647. Л. 26, 28.

Однако ослабление репрессивной составляющей, вовсе не означало либерализацию в отношении деревни. Власти перешли к более широкому применению административных методов. Поразившая в 1935 г. Западную Сибирь засуха, по своим масштабам не уступающая бедствию 1931 г., которое повлекло за собой массовый голод в деревне, не позволила собрать хороший урожай в регионе. Однако краевое руководство, применяя административные меры, оказывало давление на местные власти, в том числе подвергшихся засухе районов. Зная о неурожае, первый секретарь крайкома Р.И. Эйхе продолжал настаивать на необходимости выполнения полученного из Москвы хлебозаготовительного задания в срок.

Особый нажим при этом оказывался на единоличные хозяйства. Им были значительно увеличены нормы сдачи зерна. В Западной Сибири они на 33 % превосходили объемы, установленные для колхозов не обслуживаемых МТС. Таким образом, хлебозаготовки вынуждали единоличников либо вступать в колхозы, либо уезжать в город. Доколхозная деревня, основой хозяйства которой являлся крестьянский двор, окончательно уходила в прошлое. Несмотря на широкое применение 58 и 61 статей УК РСФСР (к 5 июня 1935 г. по делам, связанным с хлебозаготовками, в крае осудили 1 555 единоличников) и локально проводившиеся в 55 районах региона высылки единоличников с целью их устрашения (депортации подверглось 588 хозяйств в составе 2 615 чел.), выполнить посевной план не удалось. Крестьяне предпочитали бежать из деревни, бросая свои хозяйства. С 1 января по 1 июля 1935 г. численность единоличных дворов в крае сократилась с 253 до 164 тыс. [4, с. 231].

Только к концу сентября 1935 г., когда было выполнено 80,9 % плана, краевое руководство осознало настоящие масштабы засухи. Переложив при этом основную вину на местные власти, якобы не информировавшие краевую парторганизацию о неурожае. На самом деле такие попытки имели место, но на «жалобщиков», просивших помощи, быстро навешивали ярлык

оппортунистов, и публично наказывали по партийной линии. И только после командировки на юг края, где Р.И. Эйхе воочию увидел масштабы бедствия и осознал опасность надвигающегося на деревню голода, было принято решение срочно просить у Москвы помощь. Центр снизил заготовительный план, направив в регион 4 млн пуд. хлеба, и позволил оставить в распоряжении краевого руководства все собранное в ходе хлебозакупок в урожайных районах зерно (порядка 9 млн пуд.) [З, с. 613].

На хлебозаготовительной кампании 1935 г. в наибольшей степени отразился неонэп. Снижение репрессивного нажима компенсировалось сохранившимся административным давлением. Единоличники, принуждаемые к вступлению в колхозы, оставляли свои хозяйства и покидали деревню. Представители местных органов власти боялись заявить о неурожае. Колхозы засушливых районов полностью сдали все собранное зерно, практически ничего не распределив на трудодни. Им оставалось только надеяться на помощь государства. Накопленные в предыдущие годы хлебные фонды и удачный ход заготовок в других регионах страны позволили оказать неурожайной Западной Сибири необходимую поддержку, вернув обратно в деревню в виде продовольственных и семенных ссуд собранное сибирскими крестьянами зерно. Настоящей либерализации отношений с деревней так и не произошло, но государство сумело своевременно отреагировать и избежать нового массового голода.

В 1936 г. в заготовительную систему были внесены некоторые изменения. 27 февраля ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление о сокращении норм поставки колхозами ряда регионов. В Западной Сибири погектарные нормы сдачи снижались для колхозов, обслуживаемых МТС с 2,1 до 1,5 ц/га, для не обслуживаемых – с 2,4 до 2,2 ц/га.¹ Вслед за этим уменьшались плановые задания. Компенсировать недополученное зерно власти предполагали путем дальнейшего расширения обрабатываемой МТС пашни и, соответственно, увеличения натуроплаты. Впрочем, эти неонэповские послабления имели скорее пропаган-

¹ СЗ СССР. 1936. № 13. Ст. 108.

дистский характер. Государство все равно получало от деревни требующийся хлеб, только перераспределив его между источниками поступления.

Вместе с тем сохранялось давление государства на единоличный сектор путем навязывания нереальных посевных и заготовительных планов. Результатом такой политики стало усилившееся бегство единоличников из деревни, их вынужденное вступление в колхозы. Если 1 октября 1935 г. в крае насчитывалось 124,2 тыс. единоличных дворов, то на 1 июля 1936 г. – 69,5 тыс. [1, с. 355] Среди осужденных по делам о хлебозаготовках, как и в предыдущем году, преобладали единоличники – 812 чел., из осужденных к 10 ноября 1936 г. 1 512 чел.¹ Постепенное снижение числа репрессированных в ходе заготовок соответствовало взятому в период неонэпа курсу государства на организационно-хозяйственное укрепление колхозов. При этом использовались административные методы, в то время как ширококомасштабные репрессии мешали проведению данного курса.

Произошло послабление руководства страны в отношении сроков окончания заготовительной кампании. Если ранее Центр торопил регионы с целью восполнить возникавший осенью дефицит хлебопродуктов, то теперь наполненность государственного хлебного фонда была достаточной. Возник вопрос о целесообразности сжатых сроков кампании. Этот вопрос обсуждался на июньском (1936 г.) пленуме ЦК ВКП(б), однако какого-то определенного решения принято не было [1, с. 357]. В отношении Западно-Сибирского края данный вопрос разрешил И.В. Сталин. Когда председатель Комитета заготовок при СНК СССР И.М. Клейнер доложил ему о неудовлетворительном ходе выполнения плана по ряду регионов страны и предложил развернуть в отношении их руководства критику в печати, И.В. Сталин указал на нерациональность подобного давления вследствие отсутствия необходимости быстрого пополнения хлебного фонда [3, с. 831]. После выполнения к 1 ноября

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 813. Л. 100–101.

1936 г. 95,3 % плана по региону, кампания вошла в фазу дозаготовок¹. Без давления со стороны Центра региональное руководство не стремилось «выбивать» из деревни оставшиеся пять процентов путем усиления административно-репрессивного нажима.

Таким образом, хлебозаготовительная политика в период неонэпа являлась частью общего курса, взятого государством в отношении деревни. Внешняя либерализация режима, выражавшаяся в определенных послаблениях и замене репрессивных механизмов давления на административные, сопровождалась дальнейшим нажимом на единоличные хозяйства. Решение об усилении темпов коллективизации определило заготовительную политику в отношении единоличников. В это же время для колхозов и совхозов заготовительная система в целом не менялась. В случае необходимости Центр допускал возможность как давления на регионалов (как в кампанию 1934 г.), так и послабления или даже оказания зерновой помощи при условии необходимого наполнения государственного хлебного фонда.

Список литературы

1. *Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 507 с.

2. *Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозакуп в Западной Сибири: кампании 1933–1934 гг. // *Сибирская деревня: сб. науч. тр.* Новосибирск: Сибпринт, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. С. 107–146.

3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4: Конец 1934 – 1936. 1056 с.

4. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документ.-монографич. издание. Новосибирск, 2011. 608 с.

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 760. Л. 60.

**Влияние послевоенных экономических реформ
на развитие Мордовской АССР и на характер
взаимоотношений республики с союзным центром**

T.I. Shcherbakova

**The Impact of Post-War Economic Reforms
on the Development of Mordovian Autonomous Soviet
Socialist Republic and on the Nature of Relations
of Republic With the Union Center**

Аннотация. Преобразования второй половины XX в. в советской экономике представлены реформой территориального управления Н.С. Хрущева (1957–1964 гг.) и реформой А.Н. Косыгина (1965 г.). В статье обосновываются следующие положения: реформы имели общие причины, которые проявились уже в конце 1940-х гг. Причины реформ носили не только экономический характер, они были вызваны проблемами взаимоотношения центра и регионов, экономическим диктатом союзных министерств, их нежеланием считаться с интересами республик и областей. Материалами Мордовской АССР подтверждается, что, несмотря на неудачу реформ, они способствовали интенсификации экономического и социального развития республики, оптимизации ее отношений с центром.

Ключевые слова: реформы, модели управления, отраслевое управление, территориальное управление, министерства, совнархозы, развитие регионов, Мордовская АССР.

В первые послевоенные годы СССР столкнулся с кризисом командно-административной системы. Одной из причин кризиса стал рост масштабов экономики, механизмы управления которой

¹ **Щербакова Татьяна Ивановна**, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Россия, Саранск, e-mail: tatyana_shcherbakova@bk.ru

Shcherbakova Tatyana Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Ogarev Mordovia State University, Russia, Saransk, e-mail: tatyana_shcherbakova@bk.r

следовало привести в соответствие с растущими производительными силами. Кроме того, в ревизии нуждались взаимоотношения центральных органов управления с республиками и областями, интересы которых находились вне социально-экономических приоритетов государства. Цель статьи раскрыть как попытки преодоления кризиса мобилизационной экономики отражались на характере взаимоотношений с регионами. В качестве примера будут использованы данные по Мордовской АССР (МАССР).

Показателем кризиса экономики стали масштабные административные реорганизации, развернувшиеся с 1946 г. А.И. Крецан в своей работе указывает на существенные колебания общей численности министерств, а также на изменения соотношения между союзными и союзно-республиканскими министерствами. Наиболее существенные изменения приходились на 1947, 1949, 1953, 1954 г. [1, с. 25]. После смерти И.В. Сталина административные реорганизации приобрели масштабный характер. С 1953 по 1957 г. число министерств менялось ежегодно. В.Л. Дрындин следующим образом комментирует процессы, происходящие в системе управления в этот период: «В 1954–1955 гг. были предприняты попытки перестроить финансово-кредитный механизм, систему планирования и т.д. И если судить только по количеству и диапазону принятых решений партии и правительства в первой половине 1950-х гг., то впору говорить о серьезных переменах в механизме управления экономикой. Принятыми постановлениями охватывался весь спектр хозяйственных отношений между предприятиями и министерствами, центральными экономическими органами и органами отраслевого управления, отраслями и союзными республиками, предприятиями, министерствами и органами финансового регулирования» [2, с. 99].

Поиски новых способов управления происходили в условиях борьбы за власть, которая развернулась в 1953–1957 гг. В центре борьбы находились Л.П. Берия, Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев. Каждый из этих деятелей имел свою социальную и политиче-

скую опору. Л. Берия олицетворял собой мощь МВД, Г. Маленков возглавлял Совет Министров, а Н. Хрущев, являясь первым секретарем ЦК КПСС, опирался на первых секретарей обкомов. Объективно, наиболее слабыми выглядели позиции именно Н.С. Хрущева. Первые секретари были лишены реальных рычагов управления региональной экономикой. Не случайно для решения вопросов развития своих областей они обращались в ЦК КПСС, который в свою очередь обращался в Совет Министров. В отношении министерств первые секретари были настроены крайне скептически, обвиняя их в своекорыстной политике и нежелании учитывать интересы населения на местах.

Ярким примером характера взаимоотношений министерств и регионов являлась Мордовская АССР. К середине 1950-х гг. республика значительно отставала от окружающих областей. По данным В.Б. Токарева общий объем промышленной продукции в республике в 1950 г. возрос по сравнению с довоенным 1940 г. всего лишь на 19 %, в то время как этот прирост в Татарии составил 275 %, Чувашии – 123 %, Марийской АССР – 168 % [3, с. 19].

Руководители республики неоднократно обращались в ЦК КПСС с просьбами содействовать ее развитию. Так, на IX областной партийной конференции в марте 1948 г. был поставлен вопрос о необходимости строительства в республике новых машиностроительных предприятий. В 1949–1950 гг. Совет Министров СССР принял решение о начале строительства в МАССР электролампового завода, заводов морских приборов, спецаппаратуры, авторемонтного и двух станкостроительных предприятий.

Профильные министерства, приступив к решению поставленных задач, столкнулись с отсутствием в республике дорог, стройматериалов, квалифицированных кадров и дефицитом энергии, вследствие чего строительство запланированных объектов было перенесено в более перспективные регионы. С 1953 по 1956 г. на строительство в Саранске кабельного завода и завода медпрепаратов, которые планировались как крупнейшие в своих отраслях

и должны были стать флагманами развития республики, было выделено 38 из 112 и 47 из 150 млн руб. соответственно¹. На собрании республиканского партийного актива первый секретарь Мордовского обкома КПСС В.И. Закурдаев высказал серьезное недовольство в адрес центральных органов управления: «Республиканские и союзные министерства выделяют нам незначительные годовые капиталовложения и тем затягивают ввод объектов в эксплуатацию»². Индустриальное развитие республики предполагало сооружение дорог, электростанций, линий электропередач, строительство жилья, детских садов, поликлиник, учебных заведений. Ни одно из министерств не желало брать на себя эти расходы, справедливо утверждая, что они носят не профильный характер. Положение было критическим. Казалось, что развитие республики может обеспечить только чудо.

В январе 1957 г. Н.С. Хрущев предложил перейти к территориальной модели управления. В рамках реформы основными субъектами экономического развития стали совнархозы, которые были созданы в границах существующих административно-территориальных образований – областей, автономных республик и ряда союзных республик. На роль председателей совнархозов были назначены союзные и республиканские министры, которые стали моторами развития вверенных им территорий. Председателем Мордовского совнархоза стал министр городского и сельского строительства РСФСР Е.А. Веселовский. Под его руководством был совершен прорыв в экономическом развитии республики. Усилия совнархоза прежде всего были направлены на создание собственной энергетической базы. Было форсировано строительство в Саранске ТЭЦ-2, сделаны первые шаги в области создания Мордовской энергосистемы, которая, спустя два года, была подключена к единой энергосистеме европейской части СССР. В Саранске были созданы строитель-

¹ Центральный государственный архив республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. П-269. Оп. 6. Д. 494. Л. 76

² Там же.

ные организации, способные вести крупное строительство. Были построены и реконструированы заводы железобетонных конструкций, предприятий по производству стеновых материалов, прокатные базы строймеханизмов, ремонтно-механические и авторемонтные предприятия, асфальтобетонный завод. Темпы роста промышленности в Мордовии за годы семилетки составили 15 %, превысив среднероссийские показатели.

В лице совнархозов руководители областных комитетов получили возможность опереться на мощный промышленный потенциал, управление которым ранее находилось в руках министерств. Совнархозы, управляя хозяйством экономических административных районов, были заинтересованы в решении проблем социального и культурного развития вверенных им территорий. Можно с уверенностью говорить о том, что ни до, ни после региональная промышленность не была направлена так полно на удовлетворение нужд местного населения, как в годы перестройки управления.

Управленческая модель, заложенная в территориальной системе, должна была способствовать трансформации советского общества, децентрализации его управления, смещению приоритетов с общенационального на региональный уровень. При этом централизация управления сохранялась даже на начальном этапе реформы. Направления инвестиций определялись органами управления СССР и РСФСР. Руководители совнархозов были не свободны в выборе. Они не могли планировать, на что потратить средства. Если центр предлагал деньги на развитие электротехнической, химической и радиотехнической промышленности, экономические районы могли выбирать, какие из предложенных отраслей они будут у себя развивать и постараться убедить центр в своей конкурентоспособности. Потратить эти средства на другие цели совнархозы не могли. Ни о какой экономической самостоятельности не было и речи. Во власти совнархозов было ускорить темпы экономического развития, обеспечив привлечение инвестиций и их эффективное использование.

От внимания ЦК КПСС не ускользнул тот факт, что в экономических административных районах существенно укрепились взаимоотношения между совнархозами и областными партийными комитетами, которые консолидированно подходили к определению экономических приоритетов и их лоббированию в союзных инстанциях. Привязка областных комитетов партии к совнархозам обусловила формирование новой политической ситуации на местах что, несомненно, должно было укрепить самостоятельность и экономическую независимость обкомов по отношению к ЦК КПСС.

В итоге процесс реформирования стал развиваться в направлении централизации. Его завершением стало укрупнение экономических районов, оторвавшее совнархозы от административно-территориальных образований. Непрерывное нагромождение управленческой вертикали привело к тому, что система становилась все более затратной и менее эффективной. Ю.А. Веденеев с развитием процессов централизации связывает кризис реформы: «Углубление процессов централизации и механического роста однородных организационных единиц в период с 1961 по 1963 г. позволяет сделать вывод о развитии кризиса административной реформы 1957 г. <...> Территориальная модель хозяйственного управления в ее совнархозовском варианте все в большей степени <...> превращалась из фактора развития экономики в фактор ее торможения. «Цена» бюрократических решений и «потребительская стоимость» конечных результатов становились несоизмеримы» [4, с. 33]. По итогам реформы темпы роста достигли в 1957 г. 10 %, в 1958 г. – 10,3, а в 1959 – 11,4 %. В 1960 г. они упали до 9,5 %, а в 1961 г. – до 9,1 %. В 1962 г. темпы роста увеличились до 9,7 %, но уже в 1963 г. снизились до 8,1, а в 1964 г. – до 7,3 %¹.

Отток столичных кадров из регионов начался с 1961 г., а к 1963 г. большая часть рекрутированных специалистов покинула совнархозы. В 1962 г. в ходе укрупнения Мордовский совнархоз

¹ Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 128.

стал частью Волго-Вятского совнархоза с центром в городе Горьком.

В 1964 г. Н.С. Хрущев был снят со своих постов и отправлен в отставку. Его преемники должны были определиться с форматом системы управления. В своей укрупненной ипостаси совнархозы не имели экономического смысла и были упразднены. Произошел очередной разворот к отраслевой системе управления. Вновь встал вопрос о характере взаимоотношений центра с регионами. Эта задача была решена в рамках реформы 1965 г. Вопреки распространенной точке зрения о рыночных принципах косыгинской реформы она полностью соответствовала принципам централизованной командно-административной экономики. Областные комитеты были вновь отстранены от управления экономикой. В центре развития регионов оказались крупные промышленные предприятия, которые в соответствии с утвержденным Положением получили право на строительство жилья, детских садов, поликлиник, домов отдыха, лагерей детского отдыха и других культурно-бытовых объектов¹. Руководители предприятий, хотя и были встроены в региональную систему управления, не зависели от первых секретарей обкомов партии. Что касается министерств, то в отношениях с регионами они перестали являться субъектами управления, строя свои отношения исключительно с подведомственными им предприятиями.

Хотя реализованный вариант централизованного управления в гораздо большей степени соответствовал интересам областей и республик, чем ее послевоенный вариант, однако экономических рычагов, которые регионы получили в ходе реформы территориального управления, в ходе косыгинской реформы они были лишены.

Таким образом, в послевоенный период советская экономика встала перед необходимостью перейти к новой модели управле-

¹ Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии: постановление Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 731 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1965. № 19-20.

ния, которая должна была обеспечивать как экономический рост страны, так и социальное развитие регионов. Реформа территориального управления стала мощным импульсом для ускорения развития регионов, экономические интересы которых защищали совнархозы. Реформа была свернута из-за приверженности руководства страны механизмам централизованного управления. Именно на этих принципах базировалась модель управления, сформированная в условиях реформы 1965 г., которая поставила развитие регионов в зависимость от промышленных предприятий, находящихся на их территории и лишив возможности местные органы власти принимать участие в обсуждении стратегических вопросов развития.

Список литературы

1. *Крецан А.И.* Деятельность Советов народного хозяйства по управлению промышленностью 1957–1965 гг. (на материалах Сибири): дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 166 с.

2. *Дрындин В.Л.* Попытки проведения хозяйственных реформ 1953–1964 гг. в контексте специфики российской истории. Оренбург, 2002. 464 с.

3. *Токарев В.Б.* Партийное руководство развитием автономных республик Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 237 с.

4. *Веденев Ю.А.* Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М.: Наука, 1990. 251 с.

Эволюция экономической модели развития аграрного сектора во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов (на материалах Западной Сибири)

D.S. Orlov

Evolution of the Economic Model for Development of Agricultural Sector in the Second Half of 1960s – First Half of 1980s (Based on West Siberian Materials)

Аннотация. В статье рассматривается изменение экономической модели развития сельского хозяйства между двумя аграрными кризисами в Западной Сибири (начала 1960-х и начала 1980-х гг.). Обновление модели аграрной экономики в ходе реформ 1964–1966 гг., включавшей в себя элементы экономической децентрализации, позволила сельскому хозяйству макрорегиона восстановиться и развиваться ускоренными темпами в годы восьмой и девятой пятилеток. Усиление командно-бюрократического диктата в совокупности с рядом других негативных факторов обусловило снижение производственных показателей в десятой пятилетке и привело к кризисной ситуации в начале 1980-х гг. Выход из нее был осуществлен с помощью механизмов, определенных в Продовольственной программе 1982 г., повторявших во многом решения мартовского (1965 г.) пленума партии. В одиннадцатой пятилетке темпы прироста валовой продукции аграрного сектора региона повысились, однако были ниже показателей второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, модернизация, аграрный кризис, Продовольственная программа, растениеводство, животноводство.

¹ **Орлов Дмитрий Сергеевич**, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Россия, Бийск, e-mail: orlovd2010@mail.ru

Orlov Dmitry Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State Humanitarian-Pedagogical University, Russia, Biysk, e-mail: orlovd2010@mail.ru

Аграрный сектор страны в 1960–1980-х гг. функционировал в условиях государственной собственности на землю, государственного ценообразования, директивного государственного управления и отсутствия конкуренции. Экономической основой функционирования сельского хозяйства СССР было искусственное поддержание низких цен на горюче-смазочные материалы и электроэнергию, прямые субсидии сельхозпредприятиям, проведение мелиоративных и инфраструктурных реформ за счет государства. Произведенная продукция изымалась экономическим способом у колхозов и совхозов по установленным государством ценам. Так называемая модель «социалистической модернизации», реализуемая в рассматриваемый исторический период в рамках аграрной политики правящей партии, носила догоняющий характер и была альтернативой «капиталистической модернизации». Аграрная политика советского государства рассматриваемого периода в общих чертах учитывала ведущие тенденции в развитии сельхозпроизводства: увеличение роли капитала, повышение роли сельскохозяйственной науки, создание крупнотоварного производства, расширение масштабов химизации, мелиорации и механизации.

Сельскохозяйственный кризис начала 1960-х гг. вынудил политическое руководство страны скорректировать аграрный курс. Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС сделал ставку на расширение самостоятельности сельхозпредприятий и материальное стимулирование труда. В соответствии с решениями пленума был реализован ряд мероприятий по финансовой поддержке сельхозпредприятий. Увеличились капиталовложения в сельское хозяйство. Планы стали доводиться до хозяйств по ограниченному числу важнейших показателей (объем закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы и прибыль). Плановые показатели по реализации сельхозпродукции государству объявлялись неизменными на всю следующую пятилетку, они были ниже фактических размеров закупок предыдущих лет.

Во второй половине 1960-х гг. в Западной Сибири были достигнуты высокие темпы развития аграрного сектора

экономики. Валовое производство сельхозпродукции увеличилось на 20,7 %. Основными факторами роста стали восстановление полеводства после кризиса начала 1960-х гг., а также позитивный экономический эффект решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. Достаточно высокими темпами объемы сельхозпроизводства увеличивались в начале 1970-х гг.

Относительная либерализация аграрной политики была кратковременной. Предложения так называемых «рыночников» по дальнейшему реформированию хозяйственного механизма осудили [1, с. 46]. Материальное стимулирование свелось к постоянному росту заработной платы работников без привязки к результатам труда. Административный диктат над сельхозпредприятиями был восстановлен. Одним из признаков усиления командных методов управления явилась проведенная во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. кампания по ограничению внутрихозяйственного потребления сельхозпродукции в колхозах и совхозах.

Отказ от установления твердых планов произошел на рубеже 1960–1970-х гг. Планы на девятую пятилетку были сверстаны со значительным увеличением объемов государственных закупок растениеводческой и животноводческой продукции. Это уменьшало возможность хозяйств продавать государству свою продукцию по повышенным ценам и осложняло их финансовое положение.

Основным механизмом легитимации отхода государственных органов от принципа неизменяемости производственных планов стали повышенные социалистические обязательства. Попытка соединить плано-директивное управление отраслью с частичной самостоятельностью предприятий аграрного сектора не смогла существенно изменить действующий хозяйственный механизм в сельском хозяйстве. Объективные возможности рациональной экономической политики, ориентированной на повышение эффективности советской экономики путем совершенствования централизованного планового управления, были исчерпаны.

Отказавшись от экономических реформ, правящая партия сделала выбор в пользу организационно-технологической интенсификации. Значительно выросли поставки техники, удобрений и оборудования для предприятий сельского хозяйства, повысилась фондовооруженность и энерговооруженность труда. Фактически завершилась электрификация сельскохозяйственного производства. Механизация сельскохозяйственного производства значительно увеличила производственный потенциал совхозов и колхозов и расширила их технологические возможности, однако носила незаконченный и некомплексный характер. Несовершенство организации технического обслуживания, недостаточное снабжение хозяйств запасными частями становились причиной низкой эффективности применения машин и механизмов в аграрном производстве.

Улучшилась культура земледелия. Были внедрены районированные севообороты. Существенно возросли масштабы химизации полеводства. Но применение средств агрохимии сопровождалось грубыми нарушениями технологии, несоблюдением сроков и норм внесения удобрений. Мелиоративное строительство вышло на запланированные объемы только во второй половине исследуемого периода, причем основные его объемы выполнялись в южных районах Западной Сибири.

Основными трендами эволюции организационно-производственной структуры сельского хозяйства Западной Сибири в исследуемый период оставались «совхозизация» и укрупнение производственных структур. Размеры внутрихозяйственных форм организации труда (бригад, ферм, отделений) увеличивались. Многие сельхозпредприятия переходили от территориальной к отраслевой структуре управления. В них создавались специализированные цеха. Происходило сближение колхозов с совхозами. Уже в первой половине 1970-х гг. оставшиеся сельхозартели фактически превратились в государственные сельхозпредприятия и отличались от совхозов только по формально-правовым признакам. С совхозно-колхозным произ-

водством были тесно интегрированы личные подсобные хозяйства сельских жителей.

В качестве одного из направлений интенсификации аграрного производства рассматривались концентрация, специализация и межхозяйственная кооперация сельского хозяйства. Реализация данных механизмов организации производства осуществлялась административными методами. Достаточно результативной стала специализация и концентрация в птицеводстве и овощеводстве. Межхозяйственная кооперация в Западной Сибири развивалась в основном в скотоводстве. Рост числа межхозяйственных формирований вел к дальнейшему огосударствлению сельского хозяйства. Сельхозпредприятия и их объединения не являлись самостоятельными и демократичными хозяйственными организациями, материально заинтересованными в саморазвитии.

Несмотря на наращивание капитальных вложений в сельское хозяйство, механизацию производственных процессов и рост заработной платы работников сельхозпредприятий, развитие аграрного сектора экономики региона уже в середине 1970-х гг. замедлилось. Валовое производство сельхозпродукции за годы девятой пятилетки увеличилось на 11,6 %, а за годы десятой пятилетки – лишь на 2,6 %. В начале 1980-х гг. объемы сельхозпроизводства в Западной Сибири сократились.

Более высокий уровень прироста объемов производства сельхозпродукции был достигнут в Омской, Томской и Тюменской областях, в которых с целью обеспечения продовольствием населения, занятого в нефтегазовой промышленности, развивалось пригородное овощеводство, а также шло интенсивное строительство птицефабрик и животноводческих комплексов. В то же время в сельском хозяйстве Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей преобладали застойные или даже кризисные явления.

Экономические выгоды, полученные совхозами и колхозами от реализации сельхозпродукции по повышенным после мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС закупочным ценам, сводились

на нет возрастанием себестоимости продукции. Происходило удорожание промышленной продукции, стоимости ремонтных работ, запасных частей, строительных материалов и т.п. Нереальность установленных планов, их оторванность от возможностей сельхозпредприятий, множественность плановых показателей приводили к их невыполнению и подрывали стимулы к развитию. Продолжалась практика отвлечения средств и ресурсов из аграрного сектора Западной Сибири. Увеличение производственных издержек стало основной причиной ухудшения экономического положения сельхозпредприятий, которое особенно ярко проявилось в годы десятой пятилетки, став экономической предпосылкой кризиса начала 1980-х гг.

Во второй половине 1970-х гг. существенное влияние на темпы развития аграрного сектора экономики региона оказали погодно-климатические условия. Годы десятой пятилетки были менее благоприятными для выращивания сельхозкультур, чем восьмой и девятой. Одиннадцатая пятилетка началась с двух недородных лет.

По мере нарастания кризисных явлений в сельском хозяйстве возрастало применение административных механизмов, с помощью которых государство пыталось компенсировать недостаток инвестиций в аграрный сектор экономики и дефицит трудовых ресурсов в совхозах и колхозах. Значительно расширились масштабы шефской помощи промышленных предприятий колхозам и совхозам, что было своего рода косвенным подтверждением слабости сельхозпредприятий, не справлявшихся со своими прямыми производственными задачами в условиях административного управления сельской экономикой. Другим организационно-хозяйственным механизмом, носившим ярко выраженный компенсационный характер, стало создание подсобных предприятий на заводах и фабриках. Более чем двукратный рост численности подсобных хозяйств в Западной Сибири, ускорившийся на рубеже 1970–1980-х гг., привел к экстенсивному расширению количества источников получения сельхозпродукции. Однако данный организационный механизм имел

низкий экономический эффект и отвлекал дефицитные ресурсы из других сфер экономики.

В 1982 г. была принята Продовольственная программа, целью которой являлось преодоление кризисных явлений в сельском хозяйстве и ускорение темпов его развития. В ней предлагались традиционные методы решения поставленных задач: рост капиталовложений, повышение закупочных цен, развитие материально-технической базы. Программа также предусматривала увеличение роли подсобных хозяйств предприятий и организаций, ЛПХ граждан, коллективного садоводства и огородничества в пополнении продовольственных ресурсов регионов. К новациям, предлагаемым Продовольственной программой, можно отнести реорганизацию системы управления агропромышленным комплексом [2, с. 180].

Экономические меры по поддержке аграрного производства, предпринятые в рамках реализации Продовольственной программы, начавшееся внедрение коллективных форм организации труда способствовали некоторой стабилизации ситуации в 1983–1985 гг. В целом за одиннадцатую пятилетку валовое производство сельхозпродукции в Западной Сибири увеличилось на 4,4 %. Однако качественных изменений в аграрном секторе экономики региона не произошло. К середине 1980-х гг. система экономических взаимоотношений государства и сельхозпредприятий нуждалась в перестройке.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. высокие темпы наращивания производства демонстрировали птицеводство, овощеводство и свиноводство, более низкие – зерновое хозяйство и молочное животноводство. В итоге в сельском хозяйстве Западной Сибири произошли позитивные структурные сдвиги. Вырос удельный вес животноводства в валовой продукции аграрного сектора. Расширились посевы кормовых культур и «второстепенных хлебов», сократились площади, занимаемые пшеницей.

Потенциальные возможности аграрной модели, заложенной в первой половине 1960-х гг., оказались, преимущественно,

исчерпанными на рубеже 1970–1980-х гг. Начавшийся в середине 1970-х гг. мировой экономический кризис, затронувший и СССР, привел к замедлению темпов развития советской экономики и сельского хозяйства во второй половине 1970-х гг. и кризису начала 1980-х гг. Выражением кризиса стало снижение эффективности капиталовложений.

Таким образом, обновленная модель аграрной экономики, включавшая в себя элементы экономической децентрализации, позволила сельскому хозяйству Западной Сибири развиваться ускоренными темпами в годы восьмой и девятой пятилеток. Но по мере достижения хозяйственных успехов в руководстве отраслью усилилась доктринальная составляющая. Усиление командно-бюрократического диктата в совокупности с рядом других негативных факторов обусловило снижение производственных показателей в десятой пятилетке и привело к кризисной ситуации в начале 1980-х гг. Выход из нее был осуществлен с помощью механизмов, определенных в Продовольственной программе 1982 г. Большинство предложенных в ней мер повторяли решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. В одиннадцатой пятилетке темпы прироста валовой продукции аграрного сектора региона повысились, однако были ниже показателей второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг.

Список литературы

1. Орлов Д.С., Ильиных В.А, Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с.

2. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. [и др.] Новосибирск, 2012. 408 с.

**Аграрный сектор экономики Сибири
и Дальнего Востока в конце XX – начале XXI века:
вектор трансформации и производственная динамика**

S.N. Andreenkov

**Agricultural Sector of Economy of Siberia
and the Far East in the Late 20th – Early 21st Century:
Vector of Transformation and Dynamics of Production**

Аннотация. В статье проанализирована динамика и факторы развития сельскохозяйственного производства в 1990–2010-е гг. в регионах Сибири и Дальнего Востока, роль в нем хозяйств разных типов, общие тенденции эволюции сельского хозяйства. Осуществление политики форсированного формирования рыночных отношений поставило предприятия агропромышленного комплекса азиатской части страны в тяжелое положение. Сильнее всего от реформ пострадало животноводство. Прогрессивные сдвиги в сельском хозяйстве в начале нового века обуславливались улучшением экономических условий, укреплением позиций крупных сельхозпредприятий, использованием ими передовых технологий, усилением роли государства в регулировании социально-экономических процессов.

Ключевые слова: аграрный сектор экономики, сельское хозяйство, сельскохозяйственные предприятия, аграрные реформы, растениеводство, животноводство, Сибирь, Дальний Восток.

Эпоха в истории отечества, начавшаяся в 1991 г., наполнена множеством драматических процессов. Важнейшим из них являлось форсированное строительство многоукладной рыночной экономики в рамках ельцинских реформ. Крайне тяжело переход

¹ **Андреенков Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Новосибирск, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Andreenkov Sergey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

к новой жизни переживал аграрно-промышленный комплекс (АПК) страны. Конкурентно-рыночную среду, которая должна была способствовать его интенсивному развитию, создавали без учета интересов вновь учрежденных хозяйств. Объемы государственных вложений в развитие материально-технической базы сельхозпроизводства и социальной инфраструктуры села уменьшились. Цены на потребляемую сельским хозяйством продукцию росли быстрее, чем расценки на сельхозпродукты, устанавливаемые торговыми и пищевыми предприятиями. Сельхозтоваропроизводители не могли самостоятельно расширять материальные фонды и улучшать кадровую базу. Сельское хозяйство оказалось в глубоком упадке. Тенденции к стабилизации отрасли стали просматриваться во второй половине 1990-х гг. Для лучшего понимания специфики постсоветских аграрных преобразований важно рассмотреть эти процессы, а также раскрыть особенности развития АПК в начале нового века.

В настоящей статье история развития аграрного сектора экономики в постсоветскую эпоху проанализирована на материалах Сибири и Дальнего Востока. При этом акцент сделан на реконструкции динамики и факторов развития сельскохозяйственного производства, определении роли в нем хозяйств разных типов, выявлении общих тенденций эволюции сельского хозяйства. В качестве источников использованы материалы официальных статистических публикаций¹, работы экономистов.

В 1990-е гг. в наиболее тяжелом положении находилось животноводство, т.к. заниматься им было попросту не выгодно. поголовье скота сокращалось из года в год. В Сибири в 2000 г.

¹ Российская Федерация в 1992 г.: стат. ежегод. М., 1993; Российский статистический ежегодник. 1998. М., 1998; Российский статистический ежегодник. 1999. М., 1999; Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2000; Российский статистический ежегодник. 2003–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 04.02.2021); Регионы России: стат. сб. М., 1999. Т. 2.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. ежегод. 2003–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 04.02.2021); Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1998.

численность крупного рогатого скота (КРС) составляла 51 % от уровня 1990 г., коров – 64, свиней – 58, овец и коз – 22 %. На Дальнем Востоке количество КРС за десятилетие снизилось в 2,6 раза, коров – в 2,1, свиней – в 5,1 раза. Наиболее уязвимыми оказались крупные специализированные овцеводческие хозяйства. Отечественная текстильная промышленность, проигрывая в конкурентной борьбе китайским производителям текстиля, значительно уменьшила выпуск продукции. Спрос на шерсть упал.

В первой половине 1990-х гг. уменьшение численности продуктивных животных в крупных хозяйствах (крупхозах) частично компенсировалось наращиванием их поголовья в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) населения. Во второй половине 1990-х гг. в связи с сокращением объема кормов, выделяемых крупхозами, жители деревни стали снижать численность скота на своих подворьях, что привело к ощутимому снижению объемов производства животноводческой продукции. Во второй половине 1990-х гг. в Сибири мяса было произведено меньше, чем в годы последней советской пятилетки, в 1,8 раза, молока – в 1,5, яиц – в 1,4 раза; на Дальнем Востоке – в 3,4, 2,2, 2,7 раза. При этом в Сибири производство яиц сокращалось до 1995 г. включительно, а затем стало увеличиваться в Новосибирской, Тюменской, Иркутской, Читинской областях и в Красноярском крае.

В растениеводстве кризис проявился в сокращении посевных площадей. В 2000 г. в Сибири пашни засеяли на 29 % меньше, чем в 1991 г., на Дальнем Востоке – на 51 %. Значительно уменьшились посевы кормовых культур. Сокращение зерновой нивы было не столь существенным. Но изменилась ее структура. Высокими темпами убавлялись посевы ржи, ячменя, овса, проса, зернобобовых. Земельные площади, занятые пшеницей, за десятилетие стали меньше в Восточной Сибири (–13 %) и на Дальнем Востоке (–34 %), в Западной Сибири они несколько выросли (+3 %).

Понизились валовые сборы хлебов. Во втором пятилетии 1990-х гг. в Сибири их собирали на 35 %, на Дальнем Востоке – на 56 % меньше, чем во втором пятилетии 1980-х гг. Погодно-климатические условия для выращивания зерновых были неблагоприятные. Хотя причины падения урожайности зерновых не сводились только к капризам погоды: сократились масштабы применения средств агрохимии, нарушились севообороты, вследствие чего плодородие почвы снизилось. Падали качественные характеристики зерна.

Производство картофеля и овощей возрастало в первой половине 1990-х гг. за счет увеличения посевов этих культур в ЛПХ. Во второй половине десятилетия масштабы их возделывания не выросли. Расширились посевы подсолнечника. Потребители из-за падения доходов переходили от дорогих животных жиров к более дешевым растительным.

Удельный вес крупных хозяйств в общем выпуске сельхозпродукции снизился. В Сибири с 1991 по 1999 г. он упал с 70 до 39 %, на Дальнем Востоке – с 72 до 27 %. Тем не менее крупные хозяйства оставались основными поставщиками зерна. В 2000 г. их доля в выращивании зерновых культур достигала 90 %. Показатели по другим видам сельхозпродукции были явно ниже. В Сибирском федеральном округе (СФО) в 2000 г. крупные предприятия произвели 75 % всех яиц, 42 % молока, 36 % мяса, 16 % овощей, 3,5 % картофеля, в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) – соответственно 71, 26, 29, 16, 8,5 %.

Крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ) играли в производстве сельхозпродукции небольшую роль. Базовой специализацией фермеров было производство зерновых культур. В 2000 г. на территории СФО удельный вес КФХ в валовом сборе хлебов составлял 10,2 %, в ДФО – 10,7 %. В Западной Сибири многие фермеры выращивали подсолнечник. Участие КФХ в возделывании других культур и в выпуске животноводческой продукции было минимальным.

Возросшую роль ЛПХ в сельхозпроизводстве характеризует рост их размеров. В конце 1980-х гг. в Сибири в личном пользо-

вании граждан находилось около 1 %, а на Дальнем Востоке – около 2 % сельхозугодий, в конце 1999 г. – 5,5 и 13,3 % соответственно. В ЛПХ горожан и на сельских подворьях производилась большая часть овощеводческой продукции, мяса и молока. Доля ЛПХ в общем производстве сельхозпродукции с 1991 по 1999 г. выросла в Сибири с 30 до 58 %, на Дальнем Востоке – с 28 до 68 %, что свидетельствовало о снижении товарности сельского хозяйства.

Кризис сельскохозяйственного производства негативно отражался на работе предприятий пищевой промышленности. В 1990–1998 гг. в Сибири выпечка хлеба и хлебобулочных изделий уменьшилась в 2,7 раза, выработка растительного масла – в 1,7, мяса – в 4,2 раза; на Дальнем Востоке – в 2,3, 12,0, 9,5 раза соответственно. Возник острый дефицит молочных товаров. Их стали производить из сухого молока преимущественно импортного производства.

Продовольственная независимость страны по продукции животноводства и ряду других товаров оказалась под угрозой. В 1990 г. в России объемы производства мяса и мясных продуктов покрывали объемы их потребления на 88 %, в 1995 г. – на 73, в 2000 г. – на 69 % при норме 85 %, молока и молочной продукции – на 88, 86, 88 % при норме 90 % соответственно [1, с. 67].

В конце 1990-х гг. для отечественных сельхозтоваропроизводителей на рынке продовольствия сложились сравнительно благоприятные условия. Причина – финансовый кризис августа 1998 г., в результате которого резко повысились цены на импортную готовую продукцию и российские товары, содержащие закупленные за рубежом ингредиенты. В новой ситуации выжившие предприятия, использовавшие местное натуральное сырье, начали отвоевывать рынок.

На прилавках магазинов стало больше отечественных мясных продуктов. С 2000 по 2009 г. в СФО их производство увеличилось в 2 раза, в ДФО – в 3 раза. Основной прирост достигался за счет расширения выпуска продукции из свинины, баранины и мяса птицы. Многие животноводческие хозяйства вошли в

состав крупных агрохолдингов. В указанных отраслях начался рост качественных показателей: меньше стал падеж животных, увеличивались их приплод и мясная продуктивность. Расширялось и поголовье. Численность овец, которые при сохранении низкого спроса на шерсть выращивались преимущественно на убой, с 2000 г. по 2015 г. увеличилась в Сибири на 30 %. Развитие птицепрома обусловило повышение объемов производства яиц. В первой половине 2010-х гг. выпуск яиц в Сибири достиг показателей последней советской пятилетки.

Поголовье КРС по-прежнему сокращалось. В Сибири с 2000 г. по 2015 г. оно уменьшилось на 25 %, на Дальнем Востоке – на 41 %. Содержание КРС в отличие от выращивания свиней, овец и птицы требовало больших затрат, которые окупались дольше. Снижалось производство говядины и молочной продукции.

Уменьшались посевные площади зерновых, в том числе пшеницы, кормовых культур, картофеля и овощей. Производство пшеницы, тем не менее, существенно выросло. В Сибири в 2000-е гг. ее валовые сборы были больше, чем в 1990-е гг., на 26 %. Во второй половине 2000-х гг. регион дал больше пшеницы, чем в годы последней советской пятилетки. Рост зернового производства обеспечивался за счет более широкого использования крупными аграрными предприятиями средств агрохимии, высокоэффективных сельхозмашин, качественных семян, а также благодаря соблюдению требований агротехники. Сравнительно более благоприятными оказались погодные условия.

На Дальнем Востоке в начале XXI в. выросли объемы выращивания сои. В первой половине 2000-х гг. площадь под ней расширилась на 51 %, а с 2005 по 2014 г. – еще в 2,2 раза. Для дальневосточных зернопроизводящих хозяйств соя стала основной культурой.

В восточных регионах страны набирало обороты производство технических культур. В Западной Сибири за 2000-е гг. посевная площадь подсолнечника увеличилась на 38 %. В СФО выпуск растительного масла поднялся за десятилетие на 70 %. В число базовых технических культур субрегиона вошел рапс.

Ставка правительства на развитие крупных аграрных компаний давала не только неоспоримый положительный результат, но и имела существенные отрицательные последствия: исчезала многоукладная сельская экономика, в рамках которой наряду с гигантскими предприятиями могли бы существовать небольшие личные подворья, фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы. Разрушение многоукладности серьезно ослабляло локальную экономическую систему, лишая селян альтернативных источников заработка [2, с. 231–232].

После финансового кризиса 2009 г., который негативно отразился на работе сибирских и дальневосточных сельхозпредприятий, Правительство РФ увеличило финансирование АПК. Дополнительные средства получили КФХ. Их удельный вес в валовом сельхозпроизводстве заметно увеличился. В 2014 г. в СФО он составлял 8,9 %, в ДФО – 14,7 %. В 1999 г. в Сибири этот показатель был равен 3,1 %, на Дальнем Востоке – 5,3 %. Фермеры выращивали зерновые, подсолнечник, сою. Выросла доля КФХ в выпуске сельхозпродукции других видов.

На второй план уходило личное подсобное хозяйство. В 1999 г. в Сибири ЛПХ производили 58 % всей сельхозпродукции, в 2014 г. в СФО – 49 %, на Дальнем Востоке и в ДФО – 68 и 51 % соответственно. Хотя хозяйства населения все еще играли существенную роль в производстве сырого молока.

В 2014 г. Правительство РФ ввело продовольственное эмбарго – запрет на ввоз мясомолочных продуктов, рыбы, овощей и фруктов из стран, которые установили для России санкции из-за конфликта на Украине и ряда других событий в мире. Отечественный сельхозтоваропроизводитель получил дополнительные стимулы к деятельности. В 2015 г. производство мяса всех видов достигло рекордных показателей за постсоветский период и продолжало расти. В СФО с 2016 по 2018 г. его выпуск увеличился на 16 %, в ДФО – на 56 %. Рост производства мясной продукции достигался в основном за счет прогресса в свиноводстве и птицеводстве.

Продовольственное эмбарго не остановило сокращение производства молока, хотя снизило темпы его падения. Качественные показатели развития отрасли медленно повышались. В первую очередь росла продуктивность коров в крупных и крупнейших сельскохозяйственных организациях, ведущих производство на современной промышленной основе. Государство оказало им существенную финансовую помощь [3, с. 8, 15–16].

Весомых успехов аграрии добились в растениеводстве. В урожайном 2016 г. Россия впервые в своей истории вышла в мировые лидеры по экспорту пшеницы, опередив США и Канаду, и попала в десятку крупнейших поставщиков сои. Значительные объемы этой культуры давали хозяйства Дальнего Востока. В Сибири валовые сборы хлебов росли крайне медленно, посевные площади зерновых культур продолжали сокращаться.

Таким образом, в ходе радикальных рыночных реформ аграрный сектор экономики Сибири и Дальнего Востока оказался в тяжелом положении. Сильнейший спад переживало животноводство. К концу 1990-х гг. стабилизировалось и пошло в рост производство яиц и технических культур. После финансового кризиса 1998 г. прогрессировало овцеводство, свиноводство и птицеводство, выращивание подсолнечника, сои и рапса. Прогрессивные сдвиги в сельском хозяйстве обуславливались улучшением экономических условий для деятельности, укреплением позиций крупных сельхозпредприятий, использованием ими передовых технологий, усилением роли государства в регулировании социально-экономических процессов, благоприятными погодными условиями.

Список литературы

1. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность: проблема оценки // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 63–78.
2. Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 264 с.
3. Барсукова С.Ю. Молочные реки России // ЭКО. 2016. № 6. С. 5–17.

Содержание

От редколлегии.....5

Аграрная колонизация и хозяйственное освоение регионов

В.П. Зиновьев. Преемственность хозяйственного освоения Сибири XVIII – начало XXI века.....9

В.М. Арсентьев, А.Е. Макушев. Практика реализации акционерного законодательства в промышленном предпринимательстве России в конце XIX – начале XX века (на примере Среднего Поволжья).....17

Н.А. Кистенева. Основные направления деятельности акционерных земельных банков в Пензенской губернии во второй половине XIX века.....27

Р.В. Федосеев. Деятельность крестьянского поземельного банка на территории Среднего Поволжья в условиях аграрной модернизации второй половины XIX – начала XX века.....37

М.И. Роднов. Реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина: за кем успех? (по материалам Южного Урала).....43

Д.Н. Белянин. Основные направления и перспективы изучения Столыпинской аграрной реформы в современной отечественной историографии.....51

К.А. Пожарская. Экологические последствия аграрной колонизации степей Алтайского округа в конце XIX – начале XX века.....59

И.И. Кротт. Вчерашняя окраина как «место модерна»: сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века.....66

Н.А. Потапова. Феномен отходничества в Сибири в 1920-е годы.....74

А.А. Николаев. Сибирское маслоделие – не состоявшийся тренд российской модернизации.....80

**Экономическая политика
и стратегии экономических реформ**

<i>И.В. Побережников.</i> Модернизация в истории Российской империи и СССР: общее и особенное.....	89
<i>В.И. Клисторин.</i> Проблема децентрализации управления: от НЭПа до наших дней	100
<i>А.В. Алексеев.</i> Экономические реформы как индикатор российской пассионарности.....	110
<i>В.С. Пушкарев.</i> Из истории контрабандной торговли в СССР. 1921–1925 годы.....	118
<i>Ю.П. Воронов.</i> НЭП как нарратив.....	127
<i>С.В. Седипкова.</i> Становление государственного планирования в период НЭПа.....	135
<i>М.М. Мусатова.</i> Интеграционные процессы хозяйствующих субъектов в условиях НЭПа и в современных российских реалиях.....	141
<i>А.В. Котов.</i> Пространственное стратегирование в начале 1920-х годов и стратегия пространственного развития России на 2019–2025 годы.: подходы, институты, инструменты. 149	
<i>И.В. Быстрова.</i> Военно-промышленный комплекс СССР: проблемы создания и реформирования.....	157
<i>Е.Т. Артемов.</i> Военно-экономическая политика послесталинского руководства: приоритеты, механизмы реализации, результаты.....	167
<i>А.А. Пасс.</i> От кустарных промыслов к кооперативной промышленности: укрепление производственной базы южноуральских артелей в 1950-е годы.....	175
<i>С.А. Баканов.</i> Место и роль подоходного налога на кооперацию в бюджетной системе СССР в 1950–1980-е годы. 183	

М.А. Симонов. Первые результаты реформы управления промышленностью и строительством по материалам совещания председателей совнархозов в Госплане СССР в декабре 1957 года.....	192
А.А. Попов. Экспорт ради сотрудничества и сотрудничество ради экспорта. Трансформация торговых отношений СССР и стран Восточной Европы в 1960–1980-е годы.....	199
Д.А. Фомин. Накопление и потребление в модернизирующейся экономике.....	207
А.И. Пыжев. Р.В. Гордеев. Смешанный режим собственности на лесные ресурсы в дореволюционной России: уроки прошлого на благо решения современных проблем.....	218
Е.А. Соломенникова. Внедрение Agile-подхода в управление высокотехнологичным бизнесом – продолжение экономических реформ.....	225
Л.И. Лугачева. Эволюция режима «выживания» российского малого и среднего предпринимательства»: тренды бизнес-демографии и архитектура финансирования....	233

***Новая экономическая политика –
границы изучения***

В.В. Кондрашин. НЭп в контексте аграрных реформ в России эпохи индустриальной модернизации.....	241
Д.В. Воронин, И.Н. Лозбенев. О смене парадигм в исследованиях экономики Советской России в ходе НЭПа в период 1920-х – начала 1980-х годов.....	250
В.М. Рышков. Обочины магистральной дороги: сибирский опыт изучения новой экономической политики на территориальных окраинах и в «периферийных» отраслях экономики.....	258
Е.Р. Курапова. Сохраняя историю: архивные материалы РГАЭ по экономической истории НЭПа. Центр и регионы. 1922–1926 годы.....	267

<i>В.А. Ильиных.</i> «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов.....	275
<i>В.А. Саблин.</i> Животноводческие технологии в деревне Европейского Севера России в годы нэпа.....	283
<i>В.П. Шахеров.</i> Конкуренция государственных и частных учреждений кредитно-ссудной сферы Иркутской губернии в период НЭПА.....	291

***Социальные последствия
реформирования экономики***

<i>Н.В. Гонина.</i> Социальные последствия НЭПа: опыт изучения в Восточной Сибири (1990–2020-е годы).....	299
<i>А.С. Ковалев.</i> Государственная социальная политика и стратегии выживания нетрудоспособного населения Сибири в годы нэпа.....	308
<i>С.А. Красильников.</i> Социально-трудовые конфликты в Сибири в 1920-е годы: причины, формы, динамика, значение. .	319
<i>С.В. Шаранов.</i> Влияние Шахтинского процесса 1928 года на производственно-трудовые взаимоотношения в советской промышленности.....	329
<i>Л.И. Бородкин.</i> Динамика уровня жизни городского населения в годы нэпа: новые оценки.....	337
<i>А.В. Задорин.</i> Демографические последствия либеральных экономических реформ в Красноярском крае.....	348
<i>Е.Н. Чернолуцкая.</i> Кризис энергоснабжения на Курилах в условиях постсоветский преобразований системы хозяйствования (1991–2000 годы).....	355
<i>Е.В. Демчик, Г.А. Гряникова.</i> «Перестройка» в торговом обслуживании барнаульцев в контексте реформ конца 1980-х – начала 1990-х годов.....	364

Формирование и реформирование системы управления экономикой

<i>А.П. Килин.</i> Многоукладная экономика как индикатор эффективности районирования на Урале (1923–1924 гг.).....	373
<i>А.М. Плеханова.</i> Новая экономическая политика в Бурят-Монголии: региональная специфика и результаты.....	383
<i>К.И. Зубков.</i> Уральская область и Тобольский Север: региональный аспект формирования стратегии освоения Севера в период НЭПа.....	392
<i>А.А. Думчиков.</i> Экономика Башкирской АССР в период первых пятилеток.....	401
<i>В.Б. Лапердин.</i> Хлебозаготовительная политика государства в период неонэпа в Западно-Сибирском крае.....	408
<i>Т.И. Щербакова.</i> Влияние послевоенных экономических реформ на развитие Мордовской АССР и на характер взаимоотношений республики с союзным центром.....	416
<i>Д.С. Орлов.</i> Эволюция экономической модели развития аграрного сектора во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов (на материалах Западной Сибири).....	424
<i>С.Н. Андреенков.</i> Аграрный сектор экономики Сибири и Дальнего Востока в конце XX – начале XXI века: вектор трансформации и производственная динамика.....	432

Content

From the Editorial Board.....5

Agrarian Colonization and Economic Development of Regions

V.P. Zinovyev. Continuity of Economic Development of Siberia in the 18th – Beginning of the 21st Century.....9

V.M. Arsentiev, A.E. Makushev. Practice of Implementing Shareholder Legislation in Industrial Entrepreneurship in Russia at the end of the 19th – Beginning of 20th Century (on the Example of the Middle Volga Region).....17

N.A. Kisteneva. Main Activities of Joint Stock Land Banks in Penza Province in the Second Half of 19th Century.....27

R.V. Fedoseev. Activities of the Peasant Land Bank in the Territory of the Middle Volga Region in Conditions of Agrarian Modernization of the Second Half of 19th – Early 20th Centuries.....37

M.I. Rodnov. Reforms of S.Yu. Witte and P.A. Stolypin: for Whom is the Success? (Based on Materials from the South Urals).43

D.N. Belyanin. Main Directions and Prospects of Studying Stolypin Agrarian Reform in Modern Russian Historiography.....51

D.N. Belyanin. Ecological Consequences of Agrarian Colonization in Steppes of Altai Ddistrict in the Late 19th – Early 20th Centuries..59

I.I. Krott. Yesterday's Outskirts as a "Place of Modernity": Agricultural Entrepreneurship in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries.....66

N.A. Potapova. The Phenomenon of Otkhodniki in Siberia in the 1920s.....74

A.A. Nikolaev. Siberian Butter Making is Afailed Trend of Russian Modernization.....80

***Economic Policy
and Strategies of Economic Reforms***

<i>I.V. Poberezhnikov. Modernization in the History of the Russian Empire and the USSR: General and Special.....</i>	89
<i>V.I. Klistorin. Decentralizing of Governance: from the Time of NEP to the Present Day.....</i>	100
<i>A.V. Alekseev. Economic Reforms as an Indicator of Russian Passionarity.....</i>	110
<i>V.S. Pushkarev. From the History of Contraband Trade in the USSR. 1921–1925.....</i>	118
<i>Yu.P. Voronov. NEP as Narrative.....</i>	127
<i>S.V. Sedipkova. Formation of State Planning During the NEP Period.....</i>	135
<i>M.M. Musatova. Integration Processes of Economic Entities in the Conditions of the NEP and in Modern Russian Realities.....</i>	141
<i>A.V. Kotov. Spatial Strategizing in the Early 1920s and the Strategy of Spatial Development of Russian Federation for 2019–2025: Approaches, Institutions, Tools.....</i>	149
<i>I.V. Bystrova. Military-Industrial Complex of the USSR: Problems of Creation and Reforming.....</i>	157
<i>E.T. Artemov. Military-Economic Policy of the Post-Stalinist Leadership: Priorities, Implementation Mechanisms, Results.....</i>	167
<i>A.A. Pass. From Handicrafts to Cooperative Industry: Strengthening the Production Base of the South Ural Artels in the 1950s.....</i>	175
<i>S.A. Bakanov. Place and Role of the Income Tax on Cooperation in Budgetary System of USSR in the 1950s–1980s</i>	183
<i>M.A. Simonov. The First Results of the Reform of Industrial and Construction Management on Materials of the Conference of Sovnarkhoz Chairmen in Soviet Gosplan in December 1957.....</i>	192
<i>A.A. Popov. Export for Cooperation and Cooperation for Export. Transformation of Trade Relations Between the USSR and the Countries of Eastern Europe in the 1960s–1980s</i>	199

<i>D.A. Fomin.</i> Accumulation and Consumption in a Modernizing Economy.....	207
<i>A.I. Pyzhev, R.V. Gordeev.</i> Mixed Ownership of Forest Resources in Pre-Revolutionary Russia: Lessons From the Past for the Benefit of Contemporary Problems. .	218
<i>E.A. Solomennikova.</i> Introduction of Agile-Approach in Management of High-Tech Business – Continuation of Economic Reforms.....	225
<i>L.I. Lugacheva.</i> Evolution of the “Survival of Russian Small and Medium-Sized Enterprises” Regime: Business Demography Trends and Financing Architecture.....	233

***The New Economic Policy –
the Facets of Studying***

<i>V.V. Kondrashin.</i> NEP in the Context of Agrarian Reforms in Russia During Industrial Modernization.....	241
<i>D.V. Voronin, I.N. Lozbenev.</i> On the Paradigm Shift in the Research of the NEP Period of the 1920s – Early 1980s.....	250
<i>VM. Rynkov.</i> Roadsides of the Main Road: Siberian Experience of Studying the New Economic Policy on the Territorial Outskirts and in “Peripheral” Sectors of Economy..	258
<i>E.R. Kurapova.</i> Preserving History: Archival Materials of the RGAE on the Economic History of the NEP. Center and Regions. 1922–1969.....	267
<i>V.A. Ilinykh.</i> “Face to village”. Agrarian Policy of the Soviet State in the Mid-1920s.....	275
<i>V.A. Sablin.</i> Livestock Technologies in the Village of the European North of Russia During the NEP Years.....	283
<i>V.P. Shakherov.</i> Competition of Government and Private Institutions of the Credit and Loan Sphere of Irkutsk Province During New Economic Policy.	291

Social Consequences of Economic Reform

<i>N.V. Gonina. Social Consequences of NEP: the Experience of Studying in Eastern Siberia (1990–2020).....</i>	299
<i>A.S. Kovalev. State Social Policy and Strategies for Survival of Disabled Population of Siberia During the NEP....</i>	308
<i>S.A. Krasilnikov. Social and Labor Conflicts in Siberia in the 1920s: Causes, Forms, Dynamics, Meaning.....</i>	319
<i>S.V. Sharapov. Influence of Shakhty Trial of 1928 on Production and Labor Relations in Soviet Industry.....</i>	329
<i>L.I. Borodkin. Dynamics of Urban Population Living Standards in the Years of the NEP: New Estimates.....</i>	337
<i>A.V. Zadorin. Demographic Implications Demographic Implications of Liberal Economic Reforms in the Krasnoyarsk Territory.....</i>	348
<i>E.N. Chernolutskaia. The Crisis of Energy Supply in Kuril Islands in Conditions of Post-Soviet Transformations of Economic System (1990–2000).....</i>	355
<i>E.V. Demchik, G.A. Gryanikova. “Perestroika” of Trade Services for the Barnaul Residents in the Reforms’ Context of the Late 1980s – Early 1990s.....</i>	364

Formation and reform of the economic management system

<i>A.P. Kilin. Mixed Economic System as an Indicator of District Devison Efficiency in the Urals (1923–1924).....</i>	373
<i>A.M. Plekhanova. New Economic Ppolicy in Buryat-Mongolia: Regional Specificity and Results.....</i>	383
<i>K.I. Zubkov. The Ural Oblast and the Tobolsk North: Regional Aspect of Forming the Northern Development Strategy During the Period of the New Economic Policy.....</i>	392

<i>A.A. Dumchikov. Economy of the Bashkir ASSR During the First Five-Year Plans.....</i>	401
<i>V.B. Laperdin. State Grain Procurement Policy During NeoNEP in West Siberian Region.....</i>	408
<i>T.I. Shcherbakova. The Impact of Post-War Economic Reforms on the Development of Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic and on the Nature of Relations of Republic With the Union Center.....</i>	416
<i>D.S. Orlov. Evolution of the Economic Model for Development of Agricultural Sector in the Second Half of 1960s – First Half of 1980s (Based on West Siberian Materials)...</i>	424
<i>S.N. Andreenkov. Agricultural Sector of Economy of Siberia and the Far East in the Late 20th – Early 21st Century: Vector of Transformation and Dynamics of Production.....</i>	432

Научное издание

**Российские экономические реформы
в региональном измерении**

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
посвященной столетию начала НЭПа

Верстка
В.В. Введенский

Макет обложки
А.А. Королева

Подписано в печать 16.08.2021 г.
Формат: 60x84/16. Гарнитура Liberation Serif
Уч.-изд. л. 20,16. Усл. печ. л. 26,27
Тираж 300 экз. Заказ № 816

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1
Телефон: 8 (383) 330-26-98